ISSN 2782-6201 (Print)
E-ISSN 2782-6198
Издается с 2004 года

AlterEconomics

Тематический выпуск
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОТВЕТОВ

23(1)
2026

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Уральского отделения
Российской академии наук

Founder:
Institute of Economics of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

55 ЛЕТ
ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ
УрО РАН

AlterEconomics

23(1)
2026

Тематический выпуск
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОТВЕТОВ
Приглашенный редактор — д. э. н. Е. Б. Ленчук

Special Issue
Strategic Global Challenges: Theory and Practice of Addressing Them
Elena Lenchuk, Guest Editor, Dr. Sci. (Econ.)

AlterEconomics.
T. 23, № 1, 2026

Сайт: https://jet-russia.com
ISSN 2782-6201 (Print)
E-ISSN 2782-6198
Издается с 2004 г., выходит ежеквартально
(до 2022 года «Журнал экономической теории»)

Индекс 41033 (Пресса России)
Запись о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-82147 от 18 октября 2021 г., выдана Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки) с 01.02.2022
5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки) с 25.04.2023
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки) с 25.04.2023
5.2.4. Финансы (экономические науки) с 01.02.2022

Главный редактор:
Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна, д. с. н., к. э. н., Институт экономики РАН, Москва, Россия

Заместитель главного редактора:
Лаврикова Юлия Георгиевна, д. э. н., Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Редакционная коллегия:
Вольчик Вячеслав Витальевич, д. э. н., Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Клейнер Георгий Борисович, член-корр. РАН, д. э. н., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
Козлова Ольга Анатольевна, д. э. н., Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия (научный редактор)
Курц Хайнц Дитер, профессор экономики, Университет Грац, Австрия
Лаженцев Виталий Николаевич, член-корр. РАН, д. геогр. н., советник РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия
Латов Юрий Валерьевич, д. с. н., Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия (научный редактор)
Литвинцева Галина Павловна, д. э. н., Новосибирский государственный технический университет НЭТИ, Новосибирск, Россия (научный редактор)
Маевский Владимир Иванович, академик РАН, д. э. н., Институт экономики РАН, Москва, Россия
Мартыненко Александр Валериевич, канд. физ.-мат. наук, Уральский государственный университет путей сообщения Екатеринбург, Россия (научный редактор)
Мыслякова Юлия Геннадьевна, к. э. н., Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия (научный редактор, выпускающий редактор)
Некипелов Александр Дмитриевич, академик РАН, д. э. н., МГУ, Москва, Россия
Полтерович Виктор Меерович, академик РАН, д. э. н., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
Розмаинский Иван Вадимович, к. э. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия (научный редактор)
Фримен Алан, профессор, директор, Институт по изучению геополитической экономии, Канада
Хануш Хорст, доктор естественных наук, вице-президент, Аугсбургский университет, Германия
Ходжсон Джеффри Мартин, профессор, Университет Лафборо, Великобритания

Учредитель и издатель: ФГБУН «Институт экономики УрО РАН».
Адрес издателя: 620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29. Тел.: (343) 371-45-36. Сайт: www.uiec.ru
Адрес редакции: 620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29.
Тел.: (343) 371-38-15. E-mail: jet@uiec.ru.
Технический редактор Ю. Ю. Мухамедьянова. Редакторы А. А. Кононенко, Н. А. Леготина.
Компьютерная верстка Н. Р. Хамидуловой

Отпечатано с оригинал-макета ООО «Издательский дом «Ажур»
620049, г. Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54
Тел. (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49. E-mail: azhur.ek@mail.ru.
Подписано в печать 24.03.2026. Дата выхода в свет 31.03.2026.
Формат 70×100 1/16. Бумага ВХИ. Печать цифровая. Уч.-изд. л. 19. Тираж 500 экз.

Свободная цена

«AlterEconomics» индексирован в: БД РИНЦ, НЭБ «КиберЛенинка», EBSCO Publishing.
Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0.

© Институт экономики УрО РАН, 2026.

AlterEconomics
Vol. 23 (No. 1) 2026

Website: https://jet-russia.com
ISSN 2782-6201 (Print)
E-ISSN 2782-6198
Published since 2004, issued quarterly
Former "Russian Journal of Economic Theory" (until 2022)
AlterEconomics is indexed in the databases: Russian Science Citation Index, CyberLeninka, EBSCO Publishing.

Editor-in-Chief:
Svetlana G. Kirdina-Chandler, Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics of RAS, Moscow, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief:
Yulia G. Lavrikova, Dr. Sci. (Econ.), Institute of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Editorial Board:
Alan Freeman, Professor, Director of the Geopolitical Economy Research and Education Trust, Canada
Horst Hanusch, Doctor, Vice-President of University of Augsburg, Germany
Geoffrey M. Hodgson, Professor, Loughborough University London, Great Britain
George B. Kleiner, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Central Economics and Mathematics Institute of the RAS, Moscow, Russian Federation
Olga A. Kozlova, Dr. Sci. (Econ.), Institute of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation (Associate Editor)
Heinz D. Kurz, Professor of Department of Economics of University of Gras, Austria
Yuriy V. Latov, Dr. Sci. (Soc.), Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russian Federation (Associate Editor)
Vitaliy N. Lazhentsev, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Geogr.), Advisor of RAS, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russian Federation
Galina P. Litvintseva, Dr. Sci. (Econ.), Novosibirsk State Technical University NETI, Novosibirsk, Russian Federation (Associate Editor)
Vladimir I. Maevsky, Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics of RAS, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Martynenko, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russian Federation (Associate Editor)
Yuliya G. Myslyakova, Cand. Sci. (Econ.), Institute of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation (Associate Editor, Publishing Editor)
Aleksandr D. Nekipelov, Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), MSU, Moscow, Russian Federation
Viktor M. Polterovich, Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Central Economics and Mathematics Institute of the RAS, Moscow, Russian Federation
Ivan V. Rozmainsky, Cand. Sci. (Econ.), Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation (Associate Editor)
Vyacheslav V. Volchik, Dr. Sci. (Econ.), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Founder and Publisher:
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation. Tel.: 8 (343) 371-45-36, website: www.uiec.ru.
The address of the Editorial Office: 29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation.
Tel.: 8 (343) 371-38-15, e-mail: jet@uiec.ru
Technical Editor Yu. Yu. Mukhamedyanova
Proof-Reading A. A. Kononenko, N. A. Legotina
Dekstop Publishing N. R. Khamidulova

Printed by "Azhur Ltd."
54, Vostochnaya St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation. 500 copies.

The authors and the Editor retain copyright, the articles are published under a Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). In case of reprinting, a pass-through copyright of "AlterEconomics" is required.

Copyright (c) Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2026.

Содержание

Предисловие приглашенного редактора

Ленчук Е. Б. Стратегические глобальные вызовы: теория и практика ответов 1

Актуальные подходы к макроэкономической политике

Николаев И. А. Стратегические вызовы для российской экономики в 2026 году 10
Дементьев В. Е. Влияние стоящих перед страной вызовов на организацию стратегического планирования 26
Бирюков В. В. Институциональные альтернативы макроэкономической политики в условиях смены мирохозяйственного порядка 42
Чичилимов С. В. Структурная стагнация как стратегический глобальный вызов мировой экономики в современных условиях 66
Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России в переломный период 2010–2019 годов 85

Глобальные вызовы технологического развития

Акбердина В. В., Барыбина А. З. Отраслевые паттерны цифровой трансформации промышленности ... 96
Бучинская О. Н. Проблемы стратегического развития ИИ: институциональные ловушки и вызовы 122
Лаврикова Ю. Г., Шолох Л. С. Концептуальная модель «высокотехнологичности» промышленности в условиях глобальных вызовов 144
Тен А. Д. Технологический суверенитет как системное свойство и условие устойчивого развития АПК ... 162
Вологова Ю. В. Программы инновационного развития госкомпаний в формировании национальной инновационной системы России 190

Геоэкономические вызовы: глобальный подход

Смородинская Н. В. Геополитическая фрагментация мировой экономики как вызов XXI века 210
Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Новая торговая политика США: последствия для постсоветских государств .. 234

Contents

Guest Editorial

Lenchuk E. B. Strategic Global Challenges: Theory and Practice of Addressing Them 1

Contemporary Approaches to Macroeconomic Policy

Nikolaev I. A. Strategic Challenges Facing the Russian Economy in 2026 10
Dementiev V. E. Strategic Planning in Response to National Challenges 26
Biryukov V. V. Institutional Alternatives of Macroeconomic Policy in the Context of a Change in the World Economic Order 42
Chichilimov S. V. Structural Stagnation as a Strategic Global Challenge to the World Economy 66
Aganbegyan A. G. Socio-Economic Development of Russia at a Turning Point: 2010–2019 85

Global Challenges in Technological Development

Akberdina V. V., Barybina A. Z. Industry Patterns of Digital Transformation 96
Buchinskaia O. N. Problems of Strategic Development of AI Technologies: Institutional Traps and Challenges 122
Lavrikova Yu. G., Sholokh L. S. Structure of the Research Subject Field of High-Tech Industries and Industrial Enterprises 144
Ten A. D. Technological Sovereignty as a Systemic Property and Condition for the Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex 162
Vologova Yu. V. Innovative Development Programs for State-Owned Companies as a Tool for Developing Russia's National Innovation System 190

Geoeconomic Challenges: A Global Approach

Smorodinskaya N. V. Geopolitical Fragmentation of the World Economy as a Challenge of the 21st Century 210
Kheyfets B. A., Chernova V. Yu. New US Trade Policy: Implications for Post-Soviet States 234

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.1

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Стратегические глобальные вызовы: теория и практика ответов[1]

Елена Б. ЛЕНЧУК
Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Ленчук, Е. Б. (2026). Стратегические глобальные вызовы: теория и практика ответов. *AlterEconomics, 23*(1), 1–9. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.1

Strategic Global Challenges: Theory and Practice of Addressing Them

Elena B. LENCHUK
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Lenchuk, E. B. (2026). Strategic Global Challenges: Theory and Practice of Addressing Them. *AlterEconomics, 23*(1), 1–9. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.1

Современный мир стремительно меняется. Глобальные перспективы становятся всё более неоднозначными в геополитической, экологической, социальной, экономической и технологической областях, формируя целый ряд системных вызовов и рисков. Их количество неуклонно растет и требует поиска адекватных ответов для сохранения устойчивого функционирования экономических систем. На глазах повышается градус геополитической напряженности, мир становится остро конфликтным. «Конкурентные отношения превращаются в поле битвы экономических, а затем и классических «горячих» военных конфликтов и войн»[2].

Возрастает геоэкономическая конфронтация, которая ведет к торговым войнам, санкционному давлению, используемым в качестве инструментов политического давления, усилению контроля над экспортом, валютным ограничениям, манипулированию доступом к критически важным цепочкам поставок[3]. Происходит замедление экономического роста, он становится неустойчивым.

Важнейшим для современного мира является технологический вызов. Бурное развитие современных цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления, которые формируют новые возможности обработки данных, способны изменить все сферы жизнедеятельности человека — от здравоохранения, строительства, образования до науки, экономики, государственного управления[4].

---

[1] © Ленчук Е. Б. Текст. 2026.

[2] Залиханов, М. Ч. (ред.). (2019). *Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решении. Анализ. Экспертиза. Рекомендации:* монография. Москва: Изд-во МНЭПУ, 190.

[3] United Nations. (2026). *World Economic Situation and Prospects. Executive summary. 2026*. [Электронный ресурс]. https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2026-01/WESP%202026_Executive%20Summary_English.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

[4] Ленчук, Е. Б. (2025). Роль государства в управлении научно-технологическим развитием: от теории к практике. *Интеллект. Инновации. Инвестиции,* (2), 11–22. https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-11

Уместно напомнить, что в одном из недавно принятых нормативно-правовых документов в США, касающихся как раз разработки новых перспективных технологий, записано: «Страна, которая выиграет гонку в ключевых технологиях, таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления, передовые производства, и использует технологические инновации для поддержания высокотехнологичных рабочих мест и доходов, станет сверхдержавой будущего»[1]. Именно в эти области смещается конкурентная борьба за технологическое лидерство, сулящая огромные прибыли.

Сохраняют свою актуальность экологическая повестка и климатические изменения, что требует от человечества более глубокой глобальной координации и решительных коллективных действий в решении проблем загрязнения атмосферного воздуха, накопления отходов, истощения природных ресурсов, разрушения озонового слоя, сокращения лесного покрова Земли и потери биоразнообразия[2]. Нельзя не отметить, что в условиях роста геополитической напряженности и суверенизации возникают сложности с принятием необходимых многосторонних решений в этой области. Как отмечается в докладе о глобальных рисках в 2026 г., опубликованного ВЭФ, сегодня приоритет всё больше смещается в сторону решения проблем энергетической безопасности[3].

Усиливаются также социальные вызовы, связанные с возникающими демографическими проблемами, ростом неравенства и социальной поляризации в современном обществе и т. п. Как отмечает Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в Предисловии к докладу «The World Economic Situation and Prospects 2026»: «Сочетание экономических, геополитических и технологических факторов меняет глобальный ландшафт, порождая новую экономическую неопределенность и социальную уязвимость. <…> Многие развивающиеся страны продолжают испытывать трудности, и в результате прогресс в достижении целей устойчивого развития остается далеким для большей части мира»[4].

Понимание и осознание этих вызовов, затрагивающих интересы большинства стран мира, требуют от них фундаментальных изменений в способах управления, технологиях и общественном устройстве, выработке и реализации комплексных мер в рамках проводимой экономической политики.

Актуальными эти проблемы являются и для России, которая сталкивается с общемировыми глобальными стратегическими вызовами в условиях растущих санкционных ограничений. Сегодня напряженность в сфере экономического развития нарастает. Несмотря на то, что в период 2022–2024 гг. Россия сумела адаптироваться к внешним шокам и, переключившись на внутренний спрос, продемонстрировала достаточно высокую динамику темпов роста ВВП в 2023–2024 гг. на уровне 3,6 % и 4,1 % соответственно, в 2025 г. появились явные признаки торможения экономического развития страны. По данным Росстата

[1] Endless Frontier Act, S.1260, 117th Cong. (2021). [Электронный ресурс]. https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-117s1260is/pdf/BILLS-117s1260is.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

[2] Залиханов, М. Ч. (ред.). (2019). *Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решении. Анализ. Экспертиза. Рекомендации:* монография. Москва: Изд-во МНЭПУ, 190.

[3] World Economic Forum. (2026). *The Global Risks Report 2026* (21st ed.). [Электронный ресурс]. https://reliefweb.int/report/world/global-risks-report-2026 (дата обращения: 18.02.2026).

[4] United Nations. (2026). *World Economic Situation and Prospects. Executive summary. 2026*. [Электронный ресурс]. https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2026-01/WESP%202026_Executive%20Summary_English.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

и Минэкономразвития, рост ВВП замедлился до 1 %. Ожидается, что такие темпы роста экономики сохранятся и в 2026 г., что обусловливает сокращение и у государства, и у бизнеса ресурсов для проведения структурной модернизации, поддержки проектов научно-технологического развития, решения инфраструктурных проблем и реализации социальных программ, направленных на повышение качества жизни населения, стоящих в повестке стратегических и программных документов страны. В таких условиях обостряется вопрос о поиске и переходе к новой модели развития, обеспечивающей устойчивый рост.

Задуманная научная дискуссия на страницах тематического выпуска журнала направлена не только на определение внешних вызовов и рисков, формируемых целым рядом факторов, прежде всего обострением геополитической и геоэкономической ситуации в мире, но и на выявление возникающих на этом фоне внутренних проблем для стран и поиска путей их разрешения. Авторами затронут довольно широкий круг теоретических и практических вопросов, позволяющих найти достойные ответы на глобальные вызовы и сформировать эффективные меры экономической политики для дальнейшего динамичного развития. Конечно, на первом месте стоит поиск путей динамичного развития для России, которые позволят ей стать более сильной и стабильной.

Первый блок статей посвящен поиску путей формирования эффективной макроэкономической политики в условиях глобальных стратегических вызовов.

Открывает дискуссию статья И. Николаева, в рамках которой автор анализирует и определяет стратегические вызовы для российской экономики в текущем периоде — падение темпов роста и высокий уровень инфляции, а также обосновывает теоретические подходы и механизмы эффективного противостояния таким вызовам. Особого внимания заслуживает позиция автора об исчерпании бюджетного импульса, за счет которого обеспечивался экономический рост в 2022–2025 гг., и который во многом содействовал сохранению инфляции на повышенном уровне. Однако длительное и масштабное стимулирование развития экономики за счет бюджетных средств наталкивается на ограниченность финансовых ресурсов, в результате которого для пополнения бюджета приходится повышать налоги. Автор делает вывод, что кейнсианские методы экономической политики, реализуемые через бюджетный импульс, исчерпали себя. Более эффективным становится переход к методам монетаризма и экономики предложения, которые требуют принципиально иных методов, таких как смягчение денежно-кредитной политики, снижение налоговой нагрузки, дерегулирование предпринимательской деятельности, стимулирование инноваций. Вместе с тем, соглашаясь с теоретической обоснованностью такого пути, нельзя не отметить, что на практике реализация таких мер в условиях необходимости постоянной бюджетной поддержки оборонно-промышленного комплекса остается довольно проблематичной.

Ускорение экономической динамики на базе формирования новой конкурентоспособной модели развития предполагает скорейшее проведение структурных и технологических преобразований в экономике, активизации научно-технологического и инновационного фактора развития в целях создания собственных линий разработки продукции, мобилизации ресурсов на этом направлении. Масштаб задачи, безусловно, требует новых подходов и методов в государственном управлении, усиления программных проектных подходов, использования инструментов

стратегического планирования в достижении поставленных национальных целей, включения в этот процесс бизнеса и гражданского общества[1].

Этим проблемам посвящена статья В. Дементьева, который сконцентрировал внимание на раскрытии роли индикативного планирования в этом процессе. Автор как бы отходит от традиционного понимания индикативного планирования как метода регулирования, при котором государство устанавливает целевые показатели (индикаторы) развития экономики на федеральном отраслевом и региональном уровнях и формирует условия и инструменты для их достижения. Он рассматривает его в качестве механизма координации интересов и деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой для достижения общественного консенсуса в определении общего вектора экономического развития страны, как инструмент согласования противоречивых интересов экономических субъектов, подчеркивая при этом важность коллаборативного подхода в условиях высокой турбулентности экономической среды, осуществления структурных сдвигов в экономике и перестройки производственной кооперации. Важность и обоснованность такого подхода основывается на историческом опыте таких стран, как Франция, Япония и Китай.

Проблему выбора эффективной модели макроэкономической политики продолжает статья В. Бирюкова, базирующаяся на анализе институциональной эволюции финансово-денежной макроэкономической политики от кейнсианской до неолиберальной модели. Ключевым элементом последней стало признание независимости центральных банков от деятельности правительств. В результате такой трансформации центральные банки превратились в важнейших акторов формирования внутренней и внешней политики, при этом денежно-кредитная политика стала доминировать над финансовой. Главной задачей была провозглашена борьба с инфляцией и выход на установленные «целевые показатели», что обострило проблемы финансовой устойчивости национальных экономик и обеспечения их экономического роста.

В рамках проводимого анализа автор попытался развенчать миф о «нейтральности» политики таргетирования, доказывая, что центральный банк не должен устанавливать собственные цели, а ответственность за денежно-кредитную политику должна стать прерогативой правительства. Следуя установленным догмам о таргетировании инфляции, российская экономика попала в институциональную ловушку разделения механизмов денежно-кредитной и финансовой политик, когда Центральный банк выступает в качестве основного макрорегулятора, а траектория развития российской экономики формируется на базе корректировки процентной ставки. Автор призывает к пересмотру институциональной модели финансовой и денежно-кредитной макроэкономической политики на основе подчинения деятельности Центрального банка Правительству РФ, в целях ее настройки на поддержание долговременной инвестиционной и инновационной активности и обеспечение устойчивого экономического роста.

В статье С. Чичилимова в качестве нового глобального вызова, стоящего перед мировой экономикой, выделяется феномен ее структурной стагнации, ведущий к замедлению темпов роста производительности труда и общего спада динамики ВВП. Охлаждение мировой экономики автор связывает с исчерпанием мо-

[1] Ленчук, Е. Б. (2023). Стратегическое планирование: новые вызовы в контексте внешних ограничений. *Журнал Новой экономической ассоциации,* (4(61)), 224–230. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_4_224-230

дели экономического роста, которое происходит под воздействием трех факторов: ростом геополитического напряжения, обострением геоэкономического противостояния и смены доминирующего фактора хозяйственного роста. Именно эти факторы повлияли на структурную стагнацию в 1930–1940 гг., а также 1970–1980 гг. В начале XXI в. мировая экономика вновь оказалась на грани новой глобальной структурной стагнации, выход из которой автор связывает с формированием обновленной модели развития, устойчивость которой будет определяться не столько инновациями, сколько уровнем развития человеческого капитала и способностью встраиваться в новые сети глобальной хозяйственной интеграции.

Следует отметить, что глобальные стратегические вызовы формируют не только риски, но иногда открывают окна для дальнейшего развития, и в зависимости от проводимой экономической политики развитие страны может ускориться или замедлится. Важно суметь воспользоваться предоставляемыми возможностями. Однако, как показывает опыт, это удается далеко не всегда. Это подтверждает статья академика РАН А. Аганбегяна. Подробно анализируя переломный период социально-экономического развития в 2010–2019 гг., который наступил во времена подъема после кризиса 2009 г., автор показывает, что, вопреки ожидаемому подъему, экономика страны начала стагнировать, а затем перешла в состояние рецессии. Основные макроэкономические показатели страны демонстрировали резкое падение, несмотря на сохранявшиеся благоприятные условия для развития. В качестве основной причины автор называет значительное сокращение инвестиций в основной капитал со стороны государства, которые за период 2012–2015 гг. сократились на 11 % вместо запланированного в рамках Указа Президента РФ роста на 40 %. Сложившаяся ситуация во многом предопределялась внешними факторами — введением санкций из-за присоединения Крыма в 2014 г. и отключением отечественных предприятий от мирового финансового рынка, которые привели к массовому оттоку капитала. Также на инвестиционной активности сказалась неблагоприятная конъюнктура цен на нефть и газ, которая привела к сокращению доходов от экспорта и, соответственно, доходов бюджета. В конечном счете, это не только повлияло на экономическую динамику, но и сказалось на резком снижении качества жизни населения, усилении демографического кризиса.

Второй блок статей затрагивает проблемы стратегических глобальных вызовов в технологической сфере, связанных с перспективами разработки и освоения ключевых технологий четвертой промышленной революции, происходящей фрагментацией цепочек создания стоимости, возросшей необходимостью укрепления технологической независимости в условиях деглобализации.

Статья В. Акбердиной и А. Барыбиной показывает, что поиск ответов на вызовы в технологической сфере должен происходить не только на уровне экономики в целом, но и на уровне различных отраслей, для которых ключевым вопросом становится цифровая трансформация. Авторы показывают, что сегодня недостаточно просто сформировать общие принципы цифровой трансформации для оценки цифровой зрелости. При разработке отраслевых стратегий цифровой трансформации необходимо использовать дифференцированные подходы, поскольку отрасли промышленности различаются по целому ряду факторов: уровню технологичности и автоматизации производственных процессов, цифровому обмену данными, уровню интеграции цифровых технологий в бизнес-модели, финансовыми возможностями, компетентностью кадрового состава и т. п. В этой связи авторы

поставили перед собой задачу сформировать общий контур элементов отраслевых моделей цифровой трансформации промышленности с учетом стратегических, технологических и организационных аспектов. На базе предложенной авторской методики и системы показателей был проведен анализ цифровой трансформации в таких отраслях, как фармацевтика, микроэлектроника и авиакосмическая промышленность, который подтвердил, что цифровая трансформация в них характеризуется разными фокусами и приоритетами, которые определяются именно спецификой отрасли. Безусловно, предложенная методология позволяет раскрыть сущность и особенности отраслевых моделей цифровой трансформации, что позволяет более глубоко понять и оценить процессы, происходящие в этой сфере.

Конкурентная борьба в сфере разработки и использования цифровых технологий сегодня в значительной мере сконцентрировалась на технологиях искусственного интеллекта (ИИ), которые всё глубже проникают во все сферы экономики. Объем глобального рынка искусственного интеллекта растет огромными темпами и сулит огромные дивиденды тем, кто сумеет укрепиться на нем. Если в 2024 г. он оценивался в 613 млрд долл., то по прогнозным оценкам к 2034 г. увеличится до 4,1 трлн долл. Однако перспективы России в освоении этих рынков пока довольно скромные. Согласно отчету Института экономики ИИ Microsoft, за 2025 г. Россия заняла 119-ю позицию в мировом рейтинге распространения ИИ, находясь на уровне не самых передовых африканских стран. Нас обогнала и Республика Беларусь, и Венесуэла[1].

В этой связи несомненный интерес представляет статья О. Бучинской, в рамках которой автор пытается на основе анализа существующих практик развития технологий ИИ и реализуемых стратегий в данной области в странах — технологических лидерах (США, ЕС и КНР) вскрыть основные препятствия, барьеры и институциональные «ловушки» для развития ИИ в России, выступающей в роли отстающих. На базе обобщения накопленного опыта в развитии ИИ ведущих технологических лидеров автор выдвигает целый ряд предложений по совершенствованию подходов развития ИИ в стране и корректировке реализуемой стратегии в данной области. Для преодоления отставания в сфере развития ИИ автор предлагает сосредоточить внимание на разработке собственных технологий следующего поколения, расширении доступа к ИИ-технологиям как на региональном уровне, так и среди малых и средних компаний, формировании четких механизмов правового регулирования ИИ, подготовке кадров в этой области.

В статье Ю. Лавриковой и Л. Шолох подчеркивается важность выстраивания концептуальной модели развития высокотехнологичной сферы и определения предметного поля исследования высокотехнологичных секторов, отраслей и предприятий, которые помогут дать объективные оценки их состояния и сформировать общий вектор технологического развития, обеспечивающий повышение конкурентоспособности экономики страны в условиях внешних ограничений. Авторы сосредоточили внимание на определении базовых понятий, выстроив их иерархию по цепочке «высокие технологии — высокотехнологичное производство — высокотехнологичная продукция — высокотехнологичное предприятие — высокотехнологичная отрасль — высокотехнологичный комплекс — высокотехнологичный

[1] Microsoft. (2026, January). *Global AI Adoption in 2025 A Widening Digital Divide*. [Электронный ресурс]. https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2026/01/Microsoft-AI-Diffusion-Report-2025-H2.pdf (дата обращения: 24.02.2026).

сектор», характеризуя каждый элемент предметного поля. Безусловно, высказанная позиция может вызывать дискуссии, поскольку сегодня существует довольно много определений каждого из предлагаемых понятий этого предметного поля. Тем не менее, стремление авторов сфокусировать внимание на базовых понятиях в технологической сфере для выстраивания четкого стратегического вектора развития в этом направлении несомненно заслуживает поддержки, поскольку именно высокие технологии и высокотехнологичные сектора экономики сегодня способны выступить драйверами экономического роста.

Преодоление глубинной зависимости в сфере критически важных технологий сегодня связано не только с развитием высокотехнологичных отраслей, но и с традиционными отраслями, такими, например, как аграрно-промышленный сектор, устойчивое функционирование которого напрямую связано с обеспечением продовольственной безопасности в стране. Этим проблемам посвящена статья А. Тена. Автор подчеркивает, что в условиях сложившейся геополитической обстановки продовольственная безопасность требует не просто импортозамещения отдельных видов технологий, а полного контроля над всеми стадиями их производства. Речь идет о технологическом суверенитете в аграрно-промышленном комплексе. При этом подчеркивается и раскрывается особая отраслевая специфика и системные свойства технологического суверенитета в сфере АПК. В своем понимании этой категории автор акцентирует внимание на ее системном свойстве и процессуальной характеристике развивающейся системы, что смещает контур государственной политики в сфере обеспечения технологического суверенитета в АПК в область практических инвестиционных решений для укрепления научно-технологического потенциала, развития исследований в области аграрной науки, биотехнологий, технологической инфраструктуры АПК, подготовки кадров и т. п., а также на формирование целостных технологических платформ, охватывающих весь цикл создания агропромышленной продукции от фундаментальных исследований до ее широкомасштабного производства.

Способность разрабатывать технологии собственными силами и активно внедрять их в производство превращается в современном мире в ключевой фактор безопасности и конкурентоспособности в мире. Однако такая способность во многом определяется наличием эффективно действующих национальных инновационных систем, обеспечивающих работу государства, науки и бизнеса в едином контуре. Для России преодоление разрывов между наукой и бизнесом остается ключевой проблемой. Несмотря на то, что после 2022 г. на государственном уровне был провозглашен курс на обеспечение технологического суверенитета и выстраивание производственных цепочек полного инновационного цикла, российское инновационное производство раскручивается крайне медленно. Бизнес по-прежнему предпочитает закупать готовые технологии за рубежом, а не инвестировать в собственные инновации. Проблема активизации инвестиционно-инновационной деятельности бизнеса продолжает оставаться достаточно острой.

Одним из направлений привлечения частного бизнеса к инвестиционной и инновационной деятельности служит активизация деятельности госкомпаний в этом процессе, реализующих уже не одно десятилетие программы инновационного развития (ПИР). Этой теме посвящена заключительная в данном блоке статья Ю. Вологовой. Представленное исследование раскрывает эволюцию развития данного инструмента от задач активизации инновационной деятельности

самих госкомпаний до их включения в реализацию национальных стратегических целей — обеспечение технологического суверенитета и технологического лидерства. При этом выявляются возможности повышения эффективности работы данного инструмента в контексте новых задач технологического развития. Речь идет о расширении проектного подхода в реализации полного инновационного цикла от стадии НИОКР до выхода на рынок с готовой продукцией, установлении тесного взаимодействия госкомпаний с сектором академической науки и высшего образования для совместных научных разработок, расширении взаимодействия с зарубежными партнерами из дружественных стран. Именно компании с госучастием, реализующие ПИР, сегодня становятся главными субъектами разработки сквозных и критических технологий, закрепленных в нормативно-правовых документах, в рамках реализуемой государственной научно-технологической и инновационной политики.

Третий блок статей посвящен рассмотрению ситуации в развитии процессов деглобализации и геополитической конфронтации, которая всё отчетливее проявляет себя в мировой экономике, а также последствиям тарифной войны, развернутой администрацией США.

Статья Н. Смородинской концентрирует внимание на раскрытии содержания феномена геополитической фрагментации мира, его специфических черт и последствий для экономического развития. Эти процессы особенно ярко стали проявляться в последние пять лет, когда под воздействием обостряющейся геополитической обстановки в мире экономическая открытость превратилась в фактор нестабильности и сменилась курсом на обеспечение самодостаточности национальных экономик. Вопреки логике формирования и развития экономических связей, перетока капиталов, использования преимуществ разделения труда, фактор безопасности стал доминировать над стремлением к эффективности и экономическому росту. Реализуемые странами экономические стратегии всё в большей степени стали ориентироваться на укрепление безопасности и технологической независимости.

Наиболее ярко поляризация мировой экономики произошла в связи с формированием двух крупных производственно-торговых блоков — вокруг США и Китая. Для большинства стран возникла серьезная дилемма геополитического выбора между этими технологическими гигантами. Вместе с тем автор указывает на серьезные издержки, которые влечет за собой геополитическая фрагментация. Прежде всего, она ведет к разрыву глобальных цепочек поставок, потерям в создании добавленной стоимости, замедлению производственной деятельности, сокращению экспорта. При этом большие издержки несут развивающиеся экономики, которые не обладают достаточными ресурсами и возможностями самостоятельно разрабатывать технологии.

Нельзя не отметить, что одной из причин разворачивающего процесса геополитической фрагментации является обострение борьбы за технологическое лидерство между США и Китаем, который за последнее время сумел сделать огромный рывок в технологическом развитии и приблизиться по уровню сложности выпускаемой экспортной продукции к Западу.

Вместе с тем автор высказывает осторожный оптимизм в том, что процессы геополитической фрагментации со временем вернут мир к большей открытости и новому подъему экономической интеграции. Этому содействуют рост сложности современного производства, интересы глобального бизнеса, распространение циф-

ровых технологий и т. п., которые объективно требуют перехода к открытым моделям странового взаимодействия. И с этим выводом автора нельзя не согласиться.

Говоря о геоэкономических вызовах, трудно обойти стороной проблему усиления торговых войн. Сегодня предметом широких дискуссий стала тарифная война, проводимая американским президентом Д. Трампом, ее последствия для отдельных стран, регионов и мировой экономики в целом. Этой проблеме посвящена статья Б. Хейфеца и В. Черновой. Раскрывая основные цели и содержание протекционистской политики Д. Трампа, которая направлена на то, чтобы «сделать страну снова великой» путем переформатирования торгового баланса в пользу США и создания условий для получения экономических выгод за счет установления таможенных пошлин для каждой отдельной страны – торгового партнера, авторы показывают ее последствия: разрушение сложившейся архитектуры и правил торговли, рост неопределенности, ускорение процессов регионализации и замедление темпов роста мировой экономики.

Вместе с тем ракурс исследования, который пока не получил широкого обсуждения в научной литературе, авторами смещен в сторону постсоветских государств. Несмотря на то, что такая торговая война пока мало сказалась на состоянии экономик постсоветских государств, поскольку их доли во внешнеторговом обороте с США невелики, авторы обращают внимание на косвенные последствия такой борьбы в текущем периоде и на возможные последствия в долгосрочной перспективе, которые имеют не только экономическое, но и политическое значение. Путем перестраивания торговых потоков и расширения глобальных связей США имеют возможность предоставлять постсоветским странам более выгодные условия для импорта товаров, стимулировать развитие их экономик в заданном направлении, содействуя при этом ослаблению влияния России и Китая на эти страны. В частности, для России это формирует новые вызовы, касающиеся в первую очередь ослабления экономической целостности региона постсоветских стран.

Безусловно, представленные статьи не исчерпывают всего разнообразия глобальных стратегических вызовов, стоящих перед современным обществом и тем более ответов на них, которые характеризуются широким разнообразием и для каждой страны имеют свои особенности. Вместе с тем, обобщая представленные результаты исследований, можно с уверенностью сказать, что все эти вызовы создают для стран не только риски и ограничения для развития, но и определенные шансы на позитивное созидание и развитие. Успех дела во многом будет определяться глубиной понимания текущих процессов и стоящих проблем, а также качеством принимаемых решений в рамках государственной экономической политики. В этом контексте предложенные авторами теоретические выводы и практические рекомендации по формированию экономической политики, несомненно, содействуют поиску достойных ответов на современные глобальные вызовы и, что не менее важно, определяют дальнейший вектор исследований в этом направлении.

С наилучшими пожеланиями,
доктор экономических наук
Е. В. Ленчук

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.2
УДК 338.242.4
JEL E12, E13, E63, E65, H21

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Стратегические вызовы для российской экономики в 2026 году[1]

Игорь А. НИКОЛАЕВ ✉ iD
Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Николаев, И. А. (2026). Стратегические вызовы для российской экономики в 2026 году. *AlterEconomics, 23*(1), 10–25. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.2

Аннотация. В статье обосновывается, какие стратегические вызовы стоят перед российской экономикой в 2026 году. К вызовам стратегического характера отнесены: замедление (падение) темпов роста ВВП и повышенная инфляция. Такой вывод сделан как на основании формального подхода, исходя из понятия того, что может быть отнесено к стратегическим вызовам, так и на основании содержательного анализа по существу, в том числе и на основе имеющихся статистических данных. Выявлены причины и ухудшения динамики роста ВВП, и повышенной инфляции. Так, среди причин резкого снижения темпов роста ВВП названы: жесткая денежно-кредитная политика, повышение налоговой нагрузки в экономике и другие. Также большое внимание уделено еще одному серьезному вызову для российской экономики — повышенной инфляции. Среди причин роста цен названы: масштабное бюджетное стимулирование экономики (бюджетный импульс), повышение налогов, ускоренная индексация цен (тарифов) на товары (услуги) компаний инфраструктурного сектора и так далее. Обоснованы теоретические подходы и практические механизмы эффективного противостояния стратегическим вызовам. Показано, что кейнсианские подходы в экономической политике по противодействию замедлению (спаду) в экономике на нынешнем этапе ее развития во многом себя исчерпали. Актуальными становятся инструментарии, теоретической основой которых являются монетаризм и экономика предложения. В этой связи необходимо как минимум затормозить рост госрасходов, перейти к снижению налогов, не сворачивать, а активизировать дерегулирование и прочее. Признается, что реализовать подобные меры в нынешней геополитической ситуации, в условиях продолжающегося санкционного давления на российскую экономику, будет очень трудно. Тем не менее на непопулярные меры придется идти в целях предотвращения затягивания и углубления кризисных явлений в российской экономике.

Ключевые слова: стратегические вызовы, замедление ВВП, падение ВВП, повышенная инфляция, налоговая нагрузка, прогноз, бюджетный импульс, кейнсианство, монетаризм, экономика предложения

Благодарность: Институту экономики Российской академии наук за возможность проведения исследования по актуальной экономической тематике, в том числе касающейся вызовов для российской экономики.

[1] © Николаев И. А. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Strategic Challenges Facing the Russian Economy in 2026

Igor A. NIKOLAEV
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Nikolaev, I. A. (2026). Strategic Challenges Facing the Russian Economy in 2026. *AlterEconomics, 23*(1), 10–25. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.2

Abstract. This article examines the strategic challenges facing the Russian economy in 2026, including a slowdown in GDP growth and persistently high inflation. The analysis is based both on a formal definition of strategic challenges and on substantive evidence from available statistical data. The study identifies the main causes of declining GDP growth, such as tight monetary policy, an increased tax burden, and other factors. Elevated inflation is also analyzed, with contributing factors including large-scale fiscal stimulus, tax increases, and accelerated price adjustments for goods and services provided by infrastructure companies. The article evaluates theoretical approaches and practical mechanisms for addressing these challenges. It shows that Keynesian policies aimed at countering economic slowdown have largely exhausted their potential at the current stage. In contrast, tools rooted in monetarism and supply-side economics are increasingly relevant. Recommended measures include slowing the growth of government spending, implementing targeted tax cuts, and intensifying rather than curtailing deregulation. Although implementing these measures will be difficult under current geopolitical conditions and sanctions, they are necessary to prevent the economic slowdown from worsening and persisting.

Keywords: strategic challenges, GDP slowdown, GDP fall, elevated inflation, tax burden, forecast, fiscal stimulus, Keynesianism, monetarism, supply-side economics

Acknowledgments: The author thanks the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences for the opportunity to conduct research on pressing economic issues, including those related to the challenges facing the Russian economy.

1. Введение

Вопрос о том, какими могут быть стратегические вызовы для российской экономики в 2026 г., казалось бы, достаточно простой и ответ на него вполне очевиден. Однако если системно взглянуть на него, всё оказывается не так просто. В этом случае придется очень тщательно подойти к определению соответствующей ключевой терминологии.

Прежде всего необходимо уточнить, не содержит ли основной прогнозный правительственный документ — Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 гг.[1] — описание вызовов для российской экономики. В данном документе есть указание на риски прогноза, о вызовах не упоминается. Внутренние риски связываются, прежде всего, с более длительным периодом сохранения жестких денежно-кредитных условий. Это может негативно сказаться на экономической активности, что в свою очередь сформирует бюджетные риски. Внешние риски связываются с возможным замедлением темпов роста мировой экономики.

Примечательно, что и внутренние, и внешние риски, их реализация заложены только в консервативном варианте прогноза. Получается, что базовый, он же основной вариант прогноза не предусматривает никаких рисков. В реаль-

[1] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

ной экономике такое вряд ли возможно. Однако предметом данного исследования являются не риски, а вызовы для российской экономики, на чем необходимо и сосредоточить внимание. Кроме того, риски — это все-таки не вызовы. Вызовы, в случае их реализации, не обязательно могут иметь негативные последствия, что нельзя сказать о рисках.

Ни в правительственном прогнозе, ни в других документах высокого уровня тема вызовов не представлена. Это актуализирует работу по выявлению вызовов, по определению механизмов противодействия соответствующим негативным последствиям.

2. Вызовы в экономике

Самый главный вопрос, безусловно, состоит в том, что считать вызовами и как на них отвечать. Сегодня, например, одним из глобальных вызовов является искусственный интеллект (ИИ). И это относится далеко не только к экономике. Для начала как раз и предлагается обратиться к ИИ, как он определяет, что можно считать экономическими вызовами.

Определение от ИИ, сформулированное с помощью Alice AI по запросу «дай определение экономических вызовов как совокупности факторов», следующее: в экономике *вызовы — это совокупность внешних и внутренних факторов, которые сами по себе не представляют прямой угрозы экономике, но при определённых условиях могут спровоцировать возникновение таких угроз, дестабилизировать экономическое развитие или ограничить возможности роста*[1].

Важное пояснение состоит в том, что вызов, в отличие от угрозы, — это, скорее, предупреждение о том, что могут возникнуть серьезные проблемы, которые, если их не решать, могут привести к реальному ущербу.

Интересно и то, что ИИ относит к основным характеристикам экономических вызовов. Во-первых, вызов как таковой — это еще не ущерб, но он может к нему привести. Во-вторых, вызовов, как правило, бывает несколько, например, демографические изменения, технологические сдвиги, санкции. Наконец, отличительным признаком вызовов является то, что они побуждают к разработке стратегий, мерам противодействия и адаптации[2].

Можно согласиться с предложенным перечнем основных характеристик экономических вызовов. Однако особое внимание следует обратить на именно потенциальный характер вызовов. Это важно, потому что вызов — это своего рода предупреждение, которое совсем не обязательно может в конечном итоге реализоваться во что-то негативное. Более того, вызов в случае эффективной реакции на него может иметь и абсолютно положительные последствия. Так, тот же ИИ может иметь как негативные, так и позитивные последствия. Точно также вызов — технологическая трансформация — в целом (сегодня к ней по праву относится и ИИ) может закончиться как со знаком «плюс», так и со знаком «минус».

С учетом данного обстоятельства вызов в экономике можно определить, как *ситуацию, требующую реакции на нее, чтобы предотвратить негативное развитие событий и получить, при возможности, определенные выгоды и преимущества*.

---

[1] Алиса AI. Определение вызова в экономике от ИИ. [Электронный ресурс]. https://alice.yandex.ru/chat/019cb475-68d6-4000-b0e5-452142d8c5a3/ (дата обращения: 03.03.2026).

[2] Там же.

Тем не менее далеко не всегда вызовы в экономике — это нечто нейтральное с равными шансами на положительные и отрицательные результаты. К примеру, старение населения — это явный вызов для успешного социально-экономического развития страны. Причем шансов на то, что этот процесс будет иметь, скорее, негативные последствия, гораздо больше по сравнению с возможными положительными результатами. Старение населения — это большая нагрузка на работающее население. Значит, увеличиваются перспективы повышения пенсионного возраста, роста социальных страховых платежей, увеличения налоговой нагрузки в целом. Старение населения — это повышение нагрузки не только на пенсионную систему, но и на систему социального обеспечения в целом, а также на систему здравоохранения. Можно минимизировать негативное влияние вызова старение населения, но вряд ли возможно избежать отрицательных последствий вообще.

Или, например, взять такой вызов, как изменение климата, и посмотреть на то, какими могут быть в этом случае экономические последствия. Начнем с положительного влияния реализации данного вызова. Изменение климата сегодня — это его потепление. Для каких-то регионов нашей страны, приполярных или даже еще севернее, такое потепление может привести к тому, что некоторые южные сельхозкультуры можно будет культивировать и там. Эти регионы станут более подходящими для ведения на их территории экономической деятельности в целом. Напротив, для регионов за Полярным кругом, где еще недавно была вечная мерзлота, ее фактическая ликвидация будет означать высокую вероятность перехода транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктуры в аварийное состояние, потому что строилась она в свое время как раз с учетом вечной мерзлоты. В результате такие регионы вынуждены будут изыскивать колоссальные финансовые ресурсы хотя бы на поддержание инфраструктуры в безаварийном состоянии.

Изменение климата сегодня — это и резко возросшее количество природных бедствий и катастроф. Естественно, что ликвидация последствий от них требует огромных ресурсов, что, в конечном итоге, тоже не есть благо для экономики.

Таким образом, вызовы для экономического развития страны — это нередко задачи по минимизации именно негативных последствий.

Теперь к вопросу о том, какие вызовы могут считаться стратегическими для экономики России, т. е. основными, главными. Это те вызовы, которые отличаются в сравнении с другими своей значимостью, тем, что могут повлиять на стратегию развития страны.

Предлагается простой логический подход, чтобы определиться со стратегическими вызовами для экономики России, существующими в настоящее время. Если такие вызовы действительно стратегические (основные, главные), то именно они могут влиять на самые важные (основные, главные) макроэкономические показатели. Сегодня к таким показателям можно отнести ВВП (его динамику) и инфляцию (темп роста цен). Основанием для этого является следующее. В Бюджетном кодексе Российской Федерации статус «исходных» макроэкономических показателей для составления проекта федерального бюджета раньше был прямо закреплен за показателями ВВП (его динамики) и инфляции (с 2007 г. соответствующая 183 статья утратила силу). С учетом того, что закон о федеральном бюджете — это главный финансово-экономический закон страны, были все основания относить ВВП и инфляцию к основным макроэкономическим показателям. В настоящее время такого прямого указания именно в Бюджетном кодексе Российской Федерации на данные

показатели нет, но по факту их основной статус таковым и остался. Ежегодно в ст. 1 федеральных законов об очередном бюджете утверждаются основные характеристики именно исходя из прогнозируемого объема ВВП и уровня инфляции. Следовательно, вызовы, которые могут серьезно повлиять на ВВП и инфляцию, и будут стратегическими для российской экономики. Сегодня к таким вызовам относятся замедление темпов роста экономики и сохранение повышенной инфляции.

Стратегический характер данных вызовов становится ещё более явным на фоне других вызовов, неранжированный перечень которых мог бы выглядеть следующим образом:

— сокращение численности населения;

— замедление темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения;

— дефицит рабочей силы;

— высокая степень износа жилищно-коммунальной инфраструктуры;

— снижение потребительской активности населения;

— снижение темпов роста (с переходом к отрицательной динамике) инвестиций в основной капитал;

— увеличение долговой нагрузки как населения, так и государства;

— рост налоговой нагрузки;

— сохранение санкционного давления на российскую экономику;

— турбулентность на мировых финансовых и товарных рынках;

— старение населения и др.

Перечисленные вызовы, безусловно, создают ситуации, на которые необходимо реагировать в целях предотвращения (минимизации) негативных последствий. В противном случае каждый из вызовов может стать предвестником серьезных проблем для российской экономики. Тем не менее к стратегическим эти вызовы не относятся. Стратегические вызовы для экономики России сегодня — это замедление экономики (снижение темпов роста ВВП) и повышенная инфляция.

Однако делать вывод, что снижение темпов роста ВВП и повышенная инфляция являются стратегическими вызовами для российской экономики только на основание того, что это отражается в основных макроэкономических макропоказателях, было бы неправильно. Признавая, что это в какой-то мере формальный подход, требуется дополнить его соответствующей аналитической оценкой по существу.

Если вызов «замедление экономики» останется без необходимой реакции, то вполне очевидны последствия, с которыми придется столкнуться. Замедление темпов роста экономики, не говоря уже об их переходе в отрицательную плоскость, — это, прежде всего, снижение уровня жизни людей. Такое серьезное последствие теоретически не является обязательным, и вероятной является ситуация, когда падение экономики не обязательно сопровождается снижением уровня жизни людей (если, к примеру, задействовать резервы, увеличить долговую нагрузку и пр.) Однако это, скорее, исключение. Наиболее вероятной является ситуация, когда замедление (падение) экономики всё-таки приводит к снижению уровня жизни людей.

Замедление (падение) темпов роста экономики — это и замедление (падение) темпов роста инвестиций в основном капитал. В этом случае уже можно достаточно уверенно утверждать, что трудности в экономике принимают устойчивый характер, потому что инвестиции в основной капитал — это основа будущего эко-

номического роста. Будет негативная динамика по инвестициям в основной капитал — не будет экономического роста в перспективе (Николаев и др., 2019).

Замедление (падение) темпов роста ВВП есть снижение доходов субъектов экономики. Снижение доходов означает уменьшение налогооблагаемой базы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Уменьшение доходов бюджетов приводит к урезанию расходов, причем риск сокращения существует и для расходов социального характера. Эти и другие негативные последствия замедления (падения) темпов роста ВВП подтверждают стратегический характер данного вызова.

Не менее серьезные последствия для экономики несет и повышенная инфляция. Прежде всего она отражается на уровне жизни людей, реальные доходы которых сокращаются тем больше, чем выше инфляция. Рост цен приводит к снижению потребительской активности населения. Падение потребительского спроса, в свою очередь, самым негативным образом сказывается на темпах роста экономики с соответствующими последствиями, о которых было сказано выше.

Повышенная инфляция вносит весомый вклад в формирование такого неблагоприятного для экономического развития фактора, как неопределенность экономической ситуации (Найт, 2003). Когда ясно, что цены растут выше целевых ориентиров, причем это уже становится тенденцией, тогда не очень понятно, на какие уровни цен ориентироваться, что закладывать в бизнес-планы, какие инвестиции (приобретения) планировать и т. д. В результате, как было отмечено выше, неопределенность экономической ситуации возрастает, темпы экономического роста оказываются под давлением и из-за этого фактора.

Стратегический характер такого вызова, как повышенная инфляция, для государства предопределяется также не только возможными экономическими последствиями в случае неэффективной реакции на него, но и вероятными социально-политическими последствиями. Инфляция — экономический феномен, люди чрезвычайно чувствительны к нему по вполне понятным причинам, но их электоральное поведение в немалой степени зависит от того, что происходит с ценами. В том числе поэтому повышенную инфляцию действительно необходимо отнести к вызовам стратегического характера.

Если с формальной и с содержательной стороны вопрос о стратегическом характере вызовов в виде замедления (падения) темпов роста ВВП и повышенной инфляции не возникает, важно проанализировать, насколько эти вызовы актуальны для текущей повестки экономического развития России.

3. Замедление (падение) темпов роста ВВП

По итогам 2025 г. рост ВВП составил около 1 %. Окончательной оценки со стороны Росстата пока нет, но существует вероятность, что итоговый показатель окажется даже меньше 1 %. Если сравнивать с показателем роста ВВП по итогам 2024 г. (4,3 %[1]), то необходимо признать, что в 2025 г. динамика ВВП резко замедлилась, показатель роста ВВП снизился более чем в 4 раза.

Снижение роста ВВП в 2025 г. произошло не только в сравнении с 2024 г., но и по отношению к прогнозным показателям. Это важный момент, потому что одно дело, если замедление экономической динамики было ожидаемым, другое дело, если такое падение темпов роста ВВП никак не прогнозировалось. Прогноз

[1] Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году). [Электронный ресурс]. https://www.fedstat.ru/indicator/57370 (дата обращения: 15.12.2025).

социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг. предусматривал, что в 2025 г. ВВП вырастет на 2,5 %[1]. Таким образом, на правительственном уровне ожидалось, что в 2025 г. темпы роста экономики замедлятся, но все-таки не прогнозировалось, что они снизятся так значительно. Упомянутый прогноз, с которым экономика России вступала в 2025 г., весной и осенью корректировался, и его сентябрьская версия уже исходила из того, что показатель составит 1 %[2]. Банк России также ожидал снижения темпов роста ВВП в 2025 г. до 1–2 %, однако и этот прогноз оказался завышенным[3].

Международный валютный фонд в октябре 2025 г. подготовил свой финальный прогноз, как вырастет экономика России в 2025 г., — на 0,6 %[4]. И это, по-видимому, самый пессимистичный прогноз, особенно если сравнивать этот показатель с прогнозом МВФ по росту мировой экономики в целом — на 3,0 %. Впрочем, если сравнивать с оценкой по развивающимся странам в целом (на 4,2 %), оценка по России выглядит совсем уже невысокой. К сведению: прогнозная оценка МВФ по Индии — плюс 6,4 %, по Китаю — плюс 4,2 %. Для сравнения: рост ВВП развитых стран, по прогнозу МВФ, должен составить 1,6 %[5].

Таким образом, замедление темпов роста экономики России стало в 2025 г. явным. Однако для характеристики данного явления в качестве стратегического вызова недостаточно только констатации, что темпы роста экономики упали, потому что теоретически возможно, что это падение экономики «в моменте», и уже по итогам 2026 г. темпы роста ВВП увеличатся. Стратегический вызов — это устойчивая тенденция. Если падение темпов роста ВВП может характеризоваться таким образом, значит, действительно можно говорить о стратегическом вызове.

Анализ устойчивости негативной динамики ВВП должен быть дополнен, во-первых, аналитической оценкой изменения макроэкономических показателей в последние месяцы 2025 г.; во-вторых, важно оценить прогнозные показатели на 2026 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что уже в ноябре 2025 г. выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности, по данным Росстата, ушел в минус на 0,5 % по сравнению с ноябрем 2024 г.[6] Важно принимать во внимание следующее: с 1 декабря 2025 г., по данным Росстата, был резко увеличен

---

[1] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/b028b88a60e6ddf67e9fe9c07c4951f0/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2025-2027.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[2] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[3] Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания совета директоров по ключевой ставке 25 июля 2025 года. [Электронный ресурс]. https://www.cbr.ru/content/document/file/179983/comment_06082025.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[4] Международный валютный фонд. (2025). *Перспективы развития мировой экономики. Мировая экономика меняется, перспективы остаются неблагоприятными.* [Электронный ресурс]. https://www.imf.org/ru/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025 (дата обращения: 15.12.2025).

[5] Там же.

[6] Федеральная служба государственной статистики. (2025, январь-ноябрь). *Социально-экономическое положение России,* (11). [Электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2025.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

размер утилизационного сбора на легковые автомобили, что простимулировало активные покупки в ноябре. Однако уже в декабре 2025 г. ситуация в этом плане резко изменилась, и это не могло не отразиться негативно на показателе оборота розничной торговли. Но не только хороший показатель по обороту розничной торговли в ноябре 2025 г. не смог вывести в положительную плоскость общий Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности. Сельское хозяйство, продукция которого в ноябре 2025 г. выросла на 20,1 %[1] в годовом выражении, также не повлияло принципиально на показатель по базовым видам экономической деятельности в целом.

С учетом того, что явно положительный итог ноября 2025 г. для розничной торговли объясняется разовыми факторами, а показатель по сельскому хозяйству объясняется сезонностью соответствующего производства (2025 г. оказался для растениеводства гораздо более благоприятным по сравнению с 2024 г.), становится понятным, почему результаты конца 2025 г. оказались далеки от ожидаемых. Следует признать: экономика России в последние два месяца 2025 г. фактически ушла в минус.

В 2026 г., по Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 и на плановый период 2027 и 2028 гг., ВВП страны должен вырасти на 1,3 % (по базовому варианту) или на 0,8 % (по консервативному варианту)[2]. Это темпы роста, которые говорят о том, что даже официальные прогнозные оценки исходят из стагнационных темпов роста экономики в 2026 г.

Однако ситуация с большой долей вероятности будет складываться даже хуже, чем прогнозируется. Существует несколько факторов в пользу более негативных итогов 2026 г. Во-первых, даже официальный прогноз исходит из того, что инвестиции в основной капитал будут снижаться (на 0,5 % — базовый вариант)[3], что означает сжатие инвестиционного спроса. Во-вторых, потребительский спрос, учитывая отмеченные выше особенности ноября–декабря 2025 г., тоже не обещает быть большим. В-третьих, с 2026 г. из-за повышения базовой ставки НДС с 20 % до 22 %, введения НДС для значительной части малого бизнеса и других налоговых нововведений существенным образом выросла налоговая нагрузка на бизнес.

Существуют и другие факторы, неблагоприятно влияющие на экономический рост. Однако и названных выше достаточно, чтобы утверждать: при падении инвестиций в основной капитал, снижении потребительской активности населения и повышении налоговой нагрузки наиболее вероятный сценарий состоит не в переходе в 2026 г. к более высоким темпам экономического роста (пусть и до скромных 1,3 %), а в еще большем замедлении экономической динамики.

Таким образом, замедление (падение) темпов роста ВВП является стратегическим вызовом для российской экономики еще и потому, что такая динамика уже фиксируется не только в настоящее время, но она также является наиболее вероятной в обозримой перспективе.

---

[1] Федеральная служба государственной статистики. (2025, январь-ноябрь). *Социально-экономическое положение России,* (11). [Электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2025.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[2] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[3] Там же.

4. Повышенная инфляция

Ускоренный рост цен, в отличие от замедления (падения) темпов роста ВВП, не является очевидным стратегическим вызовом для российской экономики. Объясняется это прежде всего динамикой показателей инфляции во второй половине 2025 г. Именно в этот период произошло явное замедление темпов роста цен. Если в первые месяцы 2025 г. инфляция в годовом выражении доходила до 9–10 %, то к концу года этот показатель опустился до примерно 6 %.

Однако важно то, что даже этот показатель оказался явно выше прогнозного показателя по инфляции, с которым экономика России вступала в 2026 г. — 4,5 %[1]. Следует особо отметить, что сравнение идет именно по отношению к официальному прогнозу показателю, исходя из которого принимался федеральный бюджет на 2025 г. Это важно, т. к. вопрос о том, является ли показатель инфляции повышенным или нет, зачастую решается сравнением с целью Банка России (4 %) и утверждением, что обоснованность этой цели представляется недостаточно убедительной.

Однако прогнозный показатель на ближайшую перспективу и целевой показатель Банка России — это два совершенно разных ориентира. Официальный прогнозный показатель — это то, что реально надеется достигнуть правительство уже в ближайшем году. Целевой показатель Банка России — это ориентир, какой инфляция должна быть, по мнению денежно-кредитных властей, в принципе для эффективного функционирования экономической системы. Когда может быть достигнут целевой показатель — не уточняется, т. е. вполне допускается, что официальный правительственный прогноз по инфляции и цель Банка России могут серьезным образом отличаться. Поэтому оценка фактической инфляции на предмет того, является она повышенной или нет, должна проводиться путем сравнения с правительственным прогнозным показателем, причем именно сравнения с первоначальным прогнозным показателем, с которым экономика вступала в очередной год, исходя из которого принимался федеральный бюджет на этот год. Если провести такое сравнение по итогам 2025 г. (фактические около 6 % инфляции по сравнению с прогнозными 4,5 %), то даже в этом случае показатель роста цен и тарифов в России представляется повышенным. Следовательно, появляются основания, чтобы и этот вызов — повышенную инфляцию — считать стратегическим вызовом для российской экономики.

Теперь требуется оценить перспективы сохранения (усиления) проблемы повышенной инфляции в 2026 г. и дальнейшую перспективу. Если ситуация будет развиваться по негативному сценарию, то вопрос о стратегическом характере вызова в виде повышенной инфляции будет снят.

Анализ возможных проинфляционных факторов 2026 г. говорит о том, что они способны оказать серьезное повышательное влияние на цены. Прежде всего, инфляция 2026 г. вырастет из-за налоговых нововведений, которые серьезным образом увеличивают налоговую нагрузку. Ключевое решение налогового характера — это увеличение с 1 января 2026 г. основной ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с 20 % до 22 %. НДС, который «сидит» в стоимости товара или услуги, практически автоматически приводит к росту цен. Льготная ставка

[1] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

(10 %) для социально-значимых товаров была сохранена, однако это не смогло сильно повлиять на проинфляционный эффект повышения основной ставки.

Ученые не перестают обращать внимание властей на то, что повышение налогов ускоряет инфляцию. Так, Т. Коуэн отмечал, что «многие налоги в итоге перекладываются на чужие плечи» (Коуэн, 2015).

Однако если вклад повышения ставки до 22 % в инфляцию признавался и министром финансов Российской Федерации А. Силуановым[1], и Банком России[2] еще осенью 2025 г., то аналогичное влияние другой меры, которая также была реализована с 1 января 2026 г., соответствующим образом не оценивалось. Речь идет о снижении для значительной части малого бизнеса (тех, кто использовал упрощенную и патентную системы налогообложения — УСН и ПСН) порога годовой выручки для уплаты НДС. Такой порог в 2026 г. составляет 20 млн руб., в 2027 г. он будет на уровне 15 млн руб., в 2028 г. — 10 млн руб. Учтем к тому же инфляцию и пролонгированный характер данной меры, которая вносит свой весомый вклад в повышенную инфляцию 2026 г. Выросли в 2026 г. и акцизы на алкоголь, табак, топливо и автомобили.

Что касается автомобилей, то на них следует остановиться более подробно. С 1 декабря 2025 г. значительно вырос размер утилизационного сбора (на легковые автомобили с мощностью двигателя свыше 160 л.с.), а с 1 января 2026 г. этот сбор увеличился еще на 10–20 % в зависимости от модификации того или иного авто. Учитывая значительную долю, которую занимает продажа легковых автомобилей в объеме розничной торговли, можно с уверенностью утверждать, что подобное повышение утильсбора уже внесло существенный вклад в поддержание инфляции на повышенном уровне.

Названными выше мерами повышение налоговой (точнее фискальной) нагрузки не ограничивается. Так, с 1 сентября 2026 г. начнет действовать еще одна показательная мера — технологический сбор. Этот сбор будет взиматься с импортируемой продукции по тем товарным позициям, по которым доля отечественных товаропроизводителей не очень большая. Средства, полученные от взимания технологического сбора, целевым образом пойдут на развитие отечественной радио- и микроэлектроники. Существует много вопросов о необходимости и своевременности взимания технологического сбора. Однако в рамках нашего анализа важно то, что это еще одна мера, усиливающая фискальную нагрузку в экономике и вносящая, таким образом, свой вклад в повышение инфляции.

Повышение налогов и сборов — весомый проинфляционный фактор, но далеко не единственный и уж точно не базовый. Базовым фактором сохранения инфляции на повышенном уровне является бюджетный импульс, т. е. масштабное денежное стимулирования экономики за счет средств федерального бюджета (Николаев, 2024). По итогам 2025 г. расходы федерального бюджета составили

[1] Минфин России. (2025, 06 октября). *Министр финансов РФ Антон Силуанов представил на парламентских слушаниях в Совете Федерации проект федерального бюджета на 2026–2028 гг.* [Электронный ресурс]. https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39963-ministr_finansov_rf_anton_siluanov_predstavil_na_parlamentskikh_slushaniyakh_v_sovete_federatsii_proekt_federalnogo_byudzheta_na_2026-2028_gg (дата обращения: 15.12.2025).

[2] Центральный банк Российской Федерации. (2025, октябрь). *О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования,* (7). [Электронный ресурс]. https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59325/bulletin_25-07.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

не менее 42,3 трлн руб., в то время как по итогам 2023 г. этот показатель равнялся 32,4 трлн руб.[1], т. е. рост расходов составил не менее 9,9 трлн руб., или 30,6 % всего лишь за два года. Это колоссальный рост даже с учетом того, что речь идет о приращении расходов в номинальном выражении.

Если помнить, что и до этого, фактически с начала пандемии COVID-19 в 2020 г., расходы федерального бюджета прирастали значительно, становится ясно, что планка расходов федерального бюджета сегодня находится на очень высоком уровне. В 2026 г. расходы федерального бюджета превысят 44 трлн руб.[2] Требуется принять во внимание, учитывая практику прошлых лет, что по итогам года фактические расходы могут оказаться существенно выше. Значит, высокий уровень бюджетных расходов продолжает формировать прочную монетарную основу для инфляции на повышенном уровне.

В 2026 г. сохраняется и немонетарная основа растущей инфляции — ускоренная индексация регулируемых тарифов. Цены (тарифы) на товары и услуги хозяйствующих субъектов, осуществляющие регулируемые виды деятельности в инфраструктурном секторе, будут индексироваться в ускоренном порядке. Важнейшее значение в этом плане имеет индексация совокупного платежа граждан за коммунальные услуги. Данный платеж, как предусмотрено Прогнозом социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 гг., вырастет с 1 октября 2026 г. на 9,9 %, в 2027 г. — на 8,7 % (с 1 июля) и в 2028 г. — на 7,1 % (с 1 июля)[3]. Это при том, что прогнозируемая инфляция будет составлять 4 % ежегодно. Что касается 2027 и 2028 гг., то существует с учетом практики прошлых лет большая вероятность, что индексировать тарифы ЖКХ будут на бóльшую величину по сравнению с первоначальным прогнозом.

Касательно увеличения совокупного платежа граждан за коммунальные услуги, необходимо помнить, что из-за повышения основной ставки НДС с 20 % до 22 % индексация тарифов ЖКХ уже состоялась с 1 января 2026 г. в пределах 1–2 процентных пунктов. Данный факт выпал осенью 2025 г. из поля зрения тех, кто интересуется проблемой роста тарифов ЖКХ. Однако в 2026 г., когда это стало реальностью, проинфляционный эффект тарифов ЖКХ стал еще более явным.

Еще один немонетарный фактор инфляция — инфляционные ожидания граждан. Они оставались и остаются на высоком уровне. По результатам опросов, которые проводятся по заказу Банка России, ожидаемая инфляция во второй половине 2025 г. сохранялась на уровне 13–14 %[4], значительно превышая статистически фиксируемую инфляцию в годовом выражении. Показательно, что инфляционные ожидания граждан, несмотря на явное снижение уровня фиксируемой инфляции

[1] Минфин России. (2026). *Краткая информация об исполнении федерального бюджета*. [Электронный ресурс].https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=80042-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd._rub._nakopleno_s_nachala_goda (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». [Электронный ресурс]. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511280088 (дата обращения: 15.12.2025).

[3] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[4] Центральный банк Российской Федерации. (2025, 24 декабря). *Инфляционные ожидания повысились*. [Электронный ресурс]. https://www.cbr.ru/press/event/?id=28217 (дата обращения: 29.12.2025).

во второй половине 2025 г., оставались высокими. Это означает, что люди оценивали и оценивают будущую инфляцию как повышенную. В таком случае это оказывает серьезное стимулирующее воздействие на рост цен. Современная экономика — это экономика настроений, поведенческая экономика. Если люди ждут высокую инфляцию, то таковой она с большой долей вероятности и будет.

Перечисленные выше и иные факторы, стимулирующие ускоренный рост цен в 2026 г., дают основания утверждать, что повышенная инфляция действительно является стратегическим вызовом для российской экономики.

5. Как реагировать на стратегические вызовы: теория и практика

Когда происходит явное замедление экономического роста, формируются риски ухода экономики в кризис, остро встает вопрос, где взять необходимые инвестиции. Причем очевидно, что деньги одномоментно не исчезают из экономики, такое невозможно, но их действительно «почему-то» становится резко не хватать.

Принципиально может быть два источника финансовых ресурсов, необходимых не только для подержания экономики, но и ее развития: государство и частный бизнес. В условиях, когда частные инвестиции замирают, потому что предприниматели не без основания считают, что инвестировать в условиях ухудшения экономической ситуации рискованно, именно государство, как показывает теория и практика, может взять на себя ответственность за обеспечение экономики необходимым объемом финансовых ресурсов. Масштабное денежное стимулирование экономики за счет бюджетных средств — испытанное средство поддержания предпринимательской активности в тяжелые для экономики периоды.

Теоретическая основа такой политики — кейнсианство, родоначальником соответствующей теории является Д.М. Кейнс (Кейнс, 2024). Важны и неокейнсианские теории, свой вклад в их разработку внесли: Р. Харрод (Харрод, 1964, 2007), Э. Хансен (Хансен, 1952, 2007), К. Кларк (Clark, 1965), Х. МакКрэкен (McCracken, 1961) и др.

Проблема в том, что такое стимулирование не может быть постоянно действующим механизмом, т. е. именно масштабное денежное стимулирование экономики за счет бюджетных средств. Временность данного антикризисного по сути механизма объясняется ограниченностью денежных ресурсов для проведения подобной политики. Когда денег начинает не хватать для ее продолжения, государство зачастую идет по самому простому и быстрому пути — повышает налоги. Повышение налоговой нагрузки самым негативным образом сказывается на экономическом росте.

Однако снижение темпов экономического роста становится следствием не только повышения налоговой нагрузки. Важнейшее значение имеет следующая причинно-следственная связь. Кейнсианские методы экономической политики, реализуемые прежде всего через бюджетный импульс, приводят к ускоренному росту цен. На примере России это подтверждается очень убедительно. Банк России, пытаясь противостоять росту инфляции, начинает повышать ключевую ставку. В результате к декабрю 2024 г. ключевая ставка была повышена до 21 % (при инфляции по итогам 2024 г. в 9,5 %)[1]. Столь высокий уровень ключевой ставки ожидаемо негативно сказался на деловой активности, потому что кредитные ресурсы стали для бизнеса очень дорогими. В итоге темпы экономического роста по ВВП резко снизились: с 4,3 % в 2024 г. до примерно 1 % по итогам 2025 г.

[1] Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2025 гг. [Электронный ресурс]. https://www.fedstat.ru/indicator/31074 (дата обращения: 15.12.2025).

То, что кейнсианские меры по противодействию кризису привели и к повышению налоговой нагрузки, и к высокому уровню ключевой ставки Банка России, а это в конечном счете привело к явному замедлению экономической динамики, не означает, что такие меры являются ошибочными, неверными или неэффективными. Это также доказывается новейшей экономической историей России. Именно благодаря кейнсианству, масштабному бюджетному стимулированию потребительского и инвестиционного спроса в России в 2023–2024 г. был обеспечен даже заметный экономический рост на фоне мощнейшего санкционного давления на российскую экономику. В 2023 г. ВВП России вырос, по данным Росстата, на 4,1 %, а в 2024 г. — на 4,3 %[1]. Результативность кейнсианства может быть обеспечена только в относительно кратком временном периоде. Причина такой ограниченности проста и очевидна, поскольку она предопределяется ограниченностью необходимых финансовых ресурсов.

Однако у кейнсианства есть и важное преимущество: оно позволяет очень быстро и эффективно отреагировать на ухудшающиеся экономические условия, потому что государство с его бюджетными возможностями способно быстро и масштабно профинансировать в сложный для экономики период потребности потребительского и инвестиционного спроса.

Эффективное кейнсианство предполагает, что по мере исчерпания его потенциала на смену бюджетному стимулированию экономики должен прийти другой подход. Ответ на вопрос о том, каким он может быть, следует из признания следующего факта: деньги в экономику, по большому счету, могут прийти и от бизнеса. По мере исчерпания бюджетных возможностей государства встает вопрос о финансовых ресурсах бизнеса. Здесь возможная развилка состоит в следующем: можно или попытаться изъять с помощью налогов деньги в бюджет и, по сути, продолжить политику бюджетного импульса, или оставить больше средств бизнесу, побуждая его инвестировать в экономику.

Альтернатива в виде снижения налогов и стимулирования бизнеса вкладываться в экономику представляется более рискованной, но при более внимательном рассмотрении практически безальтернативной. Продолжение политики повышения налогов чревато всё большим торможением экономики, переходом ее в глубокий экономический кризис.

Теоретической основой политики снижения налогов является теория экономики предложения (Canto et al., 1986). Экономика, согласно этой теории, должна расти за счет того, что бизнес начинает производить (предлагать) всё больше и больше товаров и услуг, начинает он производить больше товаров и услуг, инвестировать в производство потому, что есть финансовые возможности для этого, в т. ч. из-за снижения налогов. Всё по «кривой Лаффера» (Laffer, 1981): если налогообложение становится чрезмерным, то объем собираемых государством налогов сокращается, если щадящее налогообложение — государство не теряет в объеме собираемых налогов, а у бизнеса остаются средства для инвестиций. Развитие экономики предложения, безусловно, связано не только со снижением налогов, но все-таки именно это является ключевой мерой.

Альтернативой кейнсианству является не только теория экономики предложения, но и монетаризм. Словарь Collins определяет эту теорию, отмечая необходи-

[1] Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году). [Электронный ресурс]. https://www.fedstat.ru/indicator/57370 (дата обращения: 15.12.2025).

мость «сбалансированного» соотношения между количеством денег, доступных для финансирования покупок товаров и услуг, с одной стороны, и способностью экономики производить эти товары и услуги — с другой[1]. Вспомнить об этой теории и о тех, с кем она ассоциируется (М. Фридман и другие представители чикагской школы), заставляет проблема повышенной инфляции в российской экономике.

Бюджетный импульс — это и чрезмерное предложение денег. Можно, разумеется, спорить с характеристикой чрезмерности, но факт есть факт: темпы приращения денег в экономике в 2020–2025 гг. благодаря выросшим расходам федерального бюджета значительно опережали темпы роста ВВП. Это, согласно теории монетаризма, и явилось причиной повышенной инфляции. Если это так, то рост расходов должен быть как минимум более сдержанным.

«Великое противостояние» кейнсианства и монетаризма началось еще в 1970-е гг., когда проявилась ограниченная эффективность практических мер, базирующихся на теории Д.М. Кейнса. Тогда, уже в 1980-е гг., победу одержали сторонники М. Фридмана. Так и продолжается это противостояние с переменным успехом то одной, то другой теории.

6. Выводы

Стратегические вызовы для российской экономики в виде замедления (падения) темпов роста ВВП и повышенной инфляции требуют на современном этапе решения соответствующих проблем через уход от кейнсианства и переход к методам монетаризма и экономики предложения. Это означает, что рост расходов федерального бюджета уже не может осуществляться такими темпами, как это было в 2020–2026 гг. Кроме того, требуется не повышать, а снижать налоговую нагрузку.

Необходимо реализовать еще целый комплекс мер, чтобы эффективно отреагировать на сегодняшние стратегические вызовы для российской экономики: ослабить денежно-кредитную политику, продолжить осуществлять дерегулирование предпринимательской деятельности, снизить темпы индексации цен (тарифов) на продукцию (услуги) компаний инфраструктурного сектора, развивать конкуренцию, стимулировать инновации, предпринять меры по смягчению проблемы дефицита кадров и др.

Быстро перейти к более высоким темпам экономического роста и одновременно ощутимо снизить инфляцию российской экономике в нынешней ситуации вряд ли получится. Без экономического кризиса прожить 2026 г. уже будет, по-видимому, невозможно. Однако столь категоричный и не самый оптимистичный вывод не отрицает те меры, которые необходимо предпринять в целях эффективного реагирования на стоящие сегодня перед российской экономикой стратегические вызовы. «Эффективное реагирование» в нынешней ситуации будет означать уже хотя бы минимизацию возможных издержек и сокращение продолжительности кризисного периода.

Список источников

Кейнс, Д. (2024). *Общая теория занятости, процента и денег.* Москва: АСТ, 544.

Климанов, В. В., Тимушев, Е. Н. (2025). Приоритетные расходы федерального бюджета. *Финансы,* (10), 24–31. EDN SWYYTE.

[1] Пасс, К., Лоуз, Б., Дэвис, Л. (1998). *Словарь по экономике*. Пер. с англ. под ред. П. А. Ватника. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 752.

Коуэн, Т. (2015). *Среднего более не дано. Как выйти из эпохи Великой стагнации.* Москва: Издательство Института Гайдара, 320.

Лев, М. Ю. (2024). Ценовые тренды в прогнозе социально-экономического развития и их оценка в федеральном бюджете в аспекте экономической. *Экономическая безопасность, 7*(10), 2465–2484. EDN GFSRHR. https://doi.org/10.18334/ecsec.7.10.121926

Муратова, Е. В., Шмелев, И. В. (2025). Социально-экономический прогноз как предмет административно-правового спора. *Образование и право,* (11), 327–329. EDN CFCFNX. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2025-11-327-329

Найт, Ф. Х. (2003). *Риск, неопределенность и прибыль.* Москва: Дело, 360.

Николаев, И. А. (2024). *Возможности и ограничения бюджетного импульса в экономической политике России в условиях санкций:* Научный доклад. Москва: Институт экономики РАН, 53.

Николаев, И. А., Марченко, Т. Е., Точилкина, О. С. (2019). Инвестиции как источник экономического роста. *Общество и экономика,* (5), 5–27. https://doi.org/10.31857/S020736760004940-3

Хансен, Э. (2007). *Экономические циклы и национальный доход.* Москва: Директ-Медиа, 644.

Харрод, Р. (2007). *К теории экономической динамики.* Москва: Директ-Медиа, 175.

Canto, V. A., Joines, D. H., & Webb, R. I. (1986). The revenue effects of the Kennedy and Reagan tax cuts: Some time series estimates. *Journal of Business and Economic Statistics, 4*(3), 281–288. https://doi.org/10.1080/07350015.1986.10509525

Clark, C. (1965). The fundamental problems of economic growth. *Weltwirtschaftliches Archiv,* 1–9.

Hansen, A. H. (1939). Economic Progress and Declining Population Growth. *The American Economic Review, 29*(1), 1–15.

Hansen, A. H. (1952). Toward a Dynamic Theory of the Cycle. *The American Economic Review, 42*(2), 74–83.

Harrod, R. F. (1964). Retrospect on Keynes [1963]. In R. Lekachman (Ed.), *Keynes's General Theory* (pp. 139–152). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-81807-5_7

Laffer, A. B. (1981). Government Exaction and Revenue Defficiencies. *Cato Journal, 1*(1), 1–21.

Malakhov, V. A., & Nesytykh, K. V. (2022). Russia's Long-Term Macroeconomic Losses and Benefits from the Low-Carbon Development of the World and Domestic Energy Industry. *Studies on Russian Economic Development, 33* (4), 392–401. https://doi.org/10.1134/s1075700722040050

McCracken, H. L. (1961). *Keynesian Economics in the Stream of Economic Thought.* Baton Rouge: Louisiana State University Press, 201.

References

Canto, V. A., Joines, D. H., & Webb, R. I. (1986). The revenue effects of the Kennedy and Reagan tax cuts: Some time series estimates. *Journal of Business and Economic Statistics, 4*(3), 281–288. https://doi.org/10.1080/07350015.1986.10509525

Clark, C. (1965). The fundamental problems of economic growth. *Weltwirtschaftliches Archiv,* 1–9.

Cowen, T. (2015). *Srednego boleye ne dano. Kak vyyti iz epokhi Velikoy stagnatsii [Average is over: Powering America beyond the age of the Great Stagnation]*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 320. (In Russ.)

Hansen, A. (2007). *Ekonomicheskiye tsikly i natsional'nyy dokhod [Business cycles and national income]*. Moscow: Direct-Media Publ., 644. (In Russ.)

Hansen, A. H. (1939). Economic Progress and Declining Population Growth. *The American Economic Review, 29*(1), 1–15.

Hansen, A. H. (1952). Toward a Dynamic Theory of the Cycle. *The American Economic Review, 42*(2), 74–83.

Harrod, R. F. (1964). Retrospect on Keynes [1963]. In R. Lekachman (Ed.), *Keynes's General Theory* (pp. 139–152). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-81807-5_7

Harrod, R. F. (2007). *K teorii ekonomicheskoy dinamiki [Toward a Dynamic Economics]*. Moscow: Direct-Media Publ., 175. (In Russ.)

Keynes, J. M. (2024). *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [The General Theory of Employment, Interest and Money]*. Moscow: AST Publ., 544. (In Russ.)

Klimanov, V. V., & Timushev, E. N. (2025). Priority expenditures of the Federal Budget. *Finansy [Finance],* (10), 24–31. EDN SWYYTE. (In Russ.)

Knight, F. H. (2003). *Risk, neopredelennost' i pribyl' [Risk, Uncertainty and Profit]*. Moscow: Delo Publ., 360. (In Russ.)

Laffer, A. (1981). Government Exaction and Revenue Defficiencies. *Cato Journal, 1* (1), 1–21.

Lev, M. Yu. (2024). Price trends in the forecast of socio-economic development and their assessment in the federal budget in terms of economic security. *Ekonomicheskaya bezopasnost' [Economic Security], 7*(10), 2465 –2484. EDN GFSRHR. https://doi.org/10.18334/ecsec.7.10.121926 (In Russ.)

Malakhov, V. A., & Nesytykh, K. V. (2022). Russia's Long-Term Macroeconomic Losses and Benefits from the Low-Carbon Development of the World and Domestic Energy Industry. *Studies on Russian Economic Development, 33* (4), 392–401. https://doi.org/10.1134/s1075700722040050

McCracken, H. L. (1961). *Keynesian Economics in the Stream of Economic Thought.* Louisiana State University Press.

Muratova, E. V., & Shmelev, I. V. (2025). Socio-economic forecast as a subject of administrative legal dispute. *Obrazovaniye i pravo [Education and Law],* (11), 327–329. EDN CFCFNX. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2025-11-327-329 (In Russ.)

Nikolaev, I. A. (2024). *Vozmozhnosti i ogranicheniya byudzhetnogo impul'sa v ekonomicheskoy politike Rossii v usloviyakh sanktsiy [Possibilities and Limitations of Budget Impulse in Russia's Economic Policy under Sanctions]*. Moscow: Institute of Economics, RAS, 53. (In Russ.)

Nikolaev, I. A., Marchenko, T. E., & Tochilkina, O. S. (2019). Investment as a source of economic growth. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economy],* (5), 5–27. https://doi.org/10.31857/S020736760004940-3 (In Russ.)

Информация об авторе

Николаев Игорь Алексеевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0009-0004-1403-1593 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; e-mail: Nikolaev1806@mail.ru).

About the author

Igor A. Nikolaev — Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Center for Innovative Economics and Industrial Policy, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0009-0004-1403-1593 (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: Nikolaev1806@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 19.12.2025.
Прошла рецензирование: 26.12.2025.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 19 Dec 2025.
Reviewed: 26 Dec 2025.
Accepted: 10 Feb 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.3
УДК 338.2
JEL O21

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Влияние стоящих перед страной вызовов на организацию стратегического планирования[1]

Виктор Е. ДЕМЕНТЬЕВ ✉
Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Дементьев, В. Е. (2026). Влияние стоящих перед страной вызовов на организацию стратегического планирования. *AlterEconomics, 23*(1), 26–41.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.3

Аннотация. В статье выделены два принципиальных подхода к индикативному планированию, которые отличаются как составом его участников, так и характером координации экономических агентов. Цель статьи — обосновать, что выбор варианта индикативного планирования, а с ним и подхода к формированию стратегии экономического развития должен соответствовать стоящим перед страной вызовам. Методологически статья основывается на анализе исторического опыта, на учете связи между институциональным и технологическим развитием. Эволюция индикативного планирования в таких странах, как Франция, Германия, Япония, Китай, показывает, что потребность в решении амбициозных задач ведет к расширению состава участников стратегического планирования. Для России в сложившейся ситуации стратегическое планирование предстает процессом вовлечения заинтересованных лиц в совместные поиски пути социально-экономического развития в условиях современной технологической революции, изменившейся внешнеэкономической обстановки. Принципиальной задачей планирования становятся активизация и координация действий по формированию новых сетей добавленной стоимости. Решению этого вопроса больше отвечает интерактивный вариант индикативного планирования. Хотя предполагается добровольное участие хозяйствующих субъектов в процедурах планирования, это не исключает ведущей роли в них государственных органов. Они организуют разработку исходных прогнозов, охватывающих и потенциальные конкурентные преимущества национальной экономики, и возможные ограничения для их реализации. При этом сами индикативные планы могут во многом состоять из проектов формирования новых сетей добавленной стоимости. Участники реализации таких проектов должны вовлекаться в формирование региональных и федеральных стратегий развития. Важно не повторять собственных ошибок, когда стратегический потенциал финансово-промышленных групп, продемонстрированный «экономическим чудом» Германии и «экономическим чудом» Японии, в нашей стране не был реализован.

Ключевые слова: стратегическое планирование, индикативное планирование, технологическая революция, координация

[1] © Дементьев В. Е. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Strategic Planning in Response to National Challenges

Victor E. DEMENTIEV ✉
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Dementiev, V. E. (2026). Strategic Planning in Response to National Challenges. *AlterEconomics, 23*(1), 26–41. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.3

Abstract. The article examines two fundamental approaches to indicative planning, which differ in both participant composition and the coordination of economic agents. It argues that the choice of a planning approach, and the resulting economic development strategy, must align with the challenges facing the country. Methodologically, the analysis draws on historical experience, emphasizing the interaction between institutional and technological development. The evolution of indicative planning in countries such as France, Germany, Japan, and China shows that addressing ambitious goals often requires expanding the range of strategic planning participants. In the current Russian context, strategic planning involves engaging stakeholders in a collaborative search for pathways to socio-economic development amid the technological revolution and shifting global economic conditions. A key task is the activation and coordination of efforts to establish new value-added networks, for which the interactive model of indicative planning is particularly appropriate. Indicative plans may largely consist of projects aimed at developing these networks, with participants contributing to both regional and federal development strategies. It is crucial to avoid repeating past mistakes, when the strategic potential of financial and industrial groups, evident in the economic miracles of Germany and Japan, was not fully realized in Russia.

Keywords: strategic planning, indicative planning, technological revolution, coordination

1. Введение

За время действия принятого в 2014 г. Федерального закона ФЗ-172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» было утверждено значительное количество документов стратегического планирования, разработаны различные методики и регламенты формирования документов стратегического планирования. Однако то, что пока не удалось сформировать эффективно действующую систему стратегического планирования, существенно ограничивает способность государства достигать национальных целей развития (Ленчук и др., 2020). Поиски возможностей формирования такой системы ведутся не на пути возврата к директивному планированию, но в рамках индикативного планирования.

Суть этого планирования передает трактовка его как механизма координации интересов и деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой, который сочетает ее государственное регулирование с рыночным саморегулированием и основывается на разработке системы показателей (индикаторов) социально-экономического развития (Дудкин, Петров, 1998а; Попова, 2008). Близкое этому определение индикативного планирования приводится в работе (Шимов, 1999), где система индикаторов представлена как охватывающая определение общенациональных приоритетов, целеполагание, прогнозирование, бюджетирование, программирование, контрактацию и другие процедуры согласования решений на микро- и макроуровне.

Часто говорится о нескольких формах (типах) индикативного планирования[1]; (Дудкин, Петров, 1998а; Попова, 2008; Устюжанина, Евсюков, 2015). Так, в работах[2] (Попова, 2008) выделены следующие четыре типа:

— первый тип — в рамках преобладающего государственного сектора сохраняется централизованное планирование, но предприятия имеют значительную хозяйственную самостоятельность. Меры стимулирования охватывают и государственный сектор, и частный бизнес для достижения экономикой запланированных значений параметров;

— второй тип придает ключевое значение информационно-ориентирующей функции планирования, которая подталкивает частные предприятия к решению сформулированных государством задач;

— третий тип соединяет два подхода: обязательные задания для госсектора и формирование желательных параметров для частного сектора;

— четвертый тип индикативного планирования предполагает, что оно может являться не только механизмом информационного обеспечения, но и механизмом координации действий и интересов государства и других субъектов экономики.

Принципиальное значение имеет разграничение подходов к индикативному планированию, исходящее из круга его участников (субъектов планирования) и характера их действий. В дальнейшем речь пойдет о двух подходах, отличающихся степенью вовлечения хозяйственных субъектов в формирование индикативного плана.

Когда к участникам процесса планирования относят только органы публичной власти, координирующая роль плана / стратегии по отношению к другим социально-экономическим агентам реализуется только после завершения этого процесса. Для таких агентов основной оказывается информационно-ориентирующая функция планирования, которая может дополняться их стимулированием к выполнению задач, сформулированных государством.

Другой подход к индикативному планированию может быть назван интерактивным с учетом деятельного участия в нем не только органов публичной власти, но и бизнеса, других заинтересованных лиц. В ходе взаимодействия всех субъектов планирования происходит сближение их взглядов на проблемы и перспективы социально-экономического развития. Координация планируемых действий оказывается встроенной в этот процесс и охватывает не только отношения государство-бизнес, но и отношения государство-общество, бизнес-бизнес, общество-бизнес.

О таком понимании индикативного планирования как итеративного согласования будущих действий государственных плановых органов и хозяйствующих субъектов писал еще Дж. Мид (Meade, 1970). По своему содержанию этот процесс схож с консультированием (Попова, 2008). В нем на равных правах участвуют представители различных «групповых интересов»: госслужащих, предпринимателей, профсоюзов, союзов потребителей и др. (Шимов, 1999). Как указывает В.М. Полтерович, индикативное планирование представляет собой не столько инструмент разработки планов, сколько средство достижения общественного консенсуса в определении вектора экономического развития на достаточно длительную перспективу (Полтерович, 2008). По сути, это инструмент согласования противоре-

[1] Кузык, Б. Н., Кушлин, В. И., Яковец, Ю. В. (2011). *Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование*. Москва: Экономика, 604.

[2] Там же.

чивых интересов экономических субъектов. На макроуровне такими субъектами являются государство, бизнес, социум (Полтерович, 2008; Лебедев, 2016).

Итеративность может присутствовать и при директивном планировании. Для участвующих в нем хозяйствующих субъектов принципиальное значение имеет то, что итоговую оценку их деятельности выставляют директивные органы. Иная ситуация, влияющая на достоверность циркулирующей в ходе итераций информации, наблюдается при индикативном планировании, где итоговую оценку дает рынок.

В статье 9 Федерального закона ФЗ-172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1] перечислены участники стратегического планирования. В списке таких участников отсутствуют и хозяйствующие субъекты, и общественные организации. В статье 13 этого закона предусмотрено лишь общественное обсуждение проектов документов стратегического планирования. Правила такого обсуждения утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2016 г. № 1559[2] и не предусматривают обсуждения позиций разработчика документов по поступившим предложениям. Можно заключить, что формирование системы индикативного планирования в России было изначально нацелено на выполнение им главным образом информационно-ориентирующей функции по отношению к хозяйствующим субъектам.

Однако характер существующих вызовов для экономического развития России вынуждает усомниться в том, что за счет выполнения такой функции будет обеспечен эффективный ответ на эти вызовы. К ним в настоящее время относится не только резкое ухудшение условий внешнеэкономической деятельности, но и обострение технологического соперничества стран, риски, сопряженные с дальнейшим развитием искусственного интеллекта. Как показывает зарубежный опыт, согласованность действий государства и бизнеса имеет особенно большое значение, когда экономике приходится решать новые нестандартные задачи.

2. Условия ориентирующей и интерактивной координации действий

Потенциал совместной (коллаборативной) координации действий, совместного управления привлекает всё большее внимание ученых в экономических исследованиях (Ansell & Gash, 2008; Emerson & Nabatchi, 2015; Ran & Qi, 2018), включая анализ процессов планирования (Clark, 2021). В большинстве публикаций речь идет о планировании на региональном и местном уровнях. Однако коллаборативный подход важен при выработке и общегосударственных стратегических решений (Макаров, 2010; Полтерович, 2015; 2017; 2021; Дементьев, 2023).

В работе (Ansell & Gash, 2008) совместное управление трактуется как механизм управления, при котором одно или несколько государственных учреждений напрямую вовлекают негосударственные заинтересованные стороны в коллективный

[1] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2016 г. № 1559 «Об утверждении Правил общественного обсуждения проектов документов стратегического планирования по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации, с использованием федеральной информационной системы стратегического планирования». [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/71580846/ (дата обращения: 10.12.2025).

процесс принятия решений, ориентированный на консенсус и совещательный характер и направленный на разработку или реализацию государственной политики, управление государственными программами или активами (Polterovich, 2020).

Совместное управление основывается на диалоге между заинтересованными сторонами, предполагает вовлечение в принятие решений представителей всех групп интересов, всех социальных кластеров (Макаров, 2010). «Консультативные методы, такие как опросы заинтересованных сторон или фокус-группы, хотя и служат, возможно, очень полезными инструментами управления, не являются совместными в том смысле, который подразумевается здесь, поскольку они не допускают двустороннего обмена информацией или многостороннего обсуждения» (Ansell & Gash, 2008, p. 546).

Такое обсуждение фактически является процессом совместного обучения. Государственным служащим, стремящимся стимулировать инновации посредством стратегического планирования, может не хватать не только дальновидного мышления и прорывных идей, но и достаточных знаний о текущих проблемах, рисках и преимуществах альтернативных решений, о том, как можно обойти или преодолеть препятствия на пути инноваций (Crosby et al., 2017; Полтерович, 2021).

Большое значение имеют стимулы для участия в совместном управлении. Они зависят от ожиданий заинтересованных сторон относительно того, к чему приведет коллаборативная координация действий. Стимулы к такой координации возрастают по мере того, как заинтересованные стороны видят прямую взаимосвязь между своим участием в ней и получаемыми результатами, ощущают зависимость результатов от своей активности. Существенную роль может играть и чувство сопричастности к вырабатываемым решениям, которое ослабевает, если участие приобретает консультативный или вообще церемониальный характер. Процедурная справедливость — один из критериев того, что является полезным для общества (Crosby et al., 2017).

Особого внимания заслуживает анализ стимулов для государственных учреждений поддерживать совместное управление, а не ограничиваться односторонними действиями. Стимулом может быть понимание недостаточной эффективности таких действий, когда важной информацией для ответа на существующие вызовы обладают другие заинтересованные лица, когда дефицит координации чреват критическими потерями, падением доверия к органам власти. Для всех заинтересованных лиц, включая государственные учреждения, стимулом к коллаборативной координации является понимание того, что достижение собственных целей зависит от сотрудничества с другими заинтересованными сторонами. Эта зависимость возрастает в условиях высокой турбулентности экономической среды, в периоды структурных сдвигов в экономике, ее институциональной перестройки.

Вместе с тем в такие периоды проявляется специфика интересов различных экономических субъектов, заслоняющая их взаимную зависимость. Большое значение в эти периоды приобретает стимулирующее лидерство, побуждающее заинтересованные стороны к поиску взаимоприемлемых решений в духе сотрудничества (Reilly, 2001; Ansell & Gash, 2008), к осмыслению того, чего они могут достичь коллективно в результате компромисса интересов. Приверженность принципу сотрудничества требует от участников готовности придерживаться выработанной стратегии действий, даже если у заинтересованных сторон есть особые мнения по поводу этой стратегии.

Хотя индикативное планирование предполагает добровольное участие хозяйствующих субъектов в таких процедурах, это не исключает ведущей роли в них государственных органов. Они организуют разработку исходных прогнозов, охватывающих и потенциальные конкурентные преимущества национальной экономики, и возможные ограничения для их реализации. В таком случае интерактивная координация предстает в форме коллаборативной иерархии — механизма сотрудничества, сочетающего иерархические и одноранговые (пиринговые) взаимодействия. В коллаборативной иерархии множество участников, информационно «подчиненных» одному координатору, образуют пиринговую сеть, вырабатывающую консенсусные решения. В.М. Полтерович обращает внимание на то, что «по сравнению с пиринговыми механизмами иерархия обеспечивает более дифференцированное, а значит, более полное использование возможностей агентов, их квалификации. Специализация позволяет агенту ограничиться небольшой долей информации, необходимой для реализации его роли в иерархии, что приводит к ускорению принятия решений при одновременном повышении их качества (Полтерович, 2021, с. 37).

К важным качествам коллаборативной иерархии следует отнести и ее возможности по преодолению инерции пиринговых отношений за счет инициативности центрального координатора. Однако у такой его возможности есть и оборотная сторона. «Неравноправие позиций создает опасность формирования элиты, действующей в эгоистических интересах, стремящейся к извлечению ренты… Имеется, однако, ряд факторов, способствующих устойчивости коллаборативных иерархий. Высокий уровень гражданской культуры, взаимное доверие, толерантность, альтруизм участников резко снижают вероятность рентоориентированного поведения» (Полтерович, 2021, с. 39).

Условия использования ориентирующей и интерактивной координации действий были обрисованы в общем виде в статье В. Дудкина и Ю. Петрова (1998б), в которой, наряду с обстоятельным анализом существующих подходов к индикативному планированию, предложен проект Федерального закона «Об индикативном планировании социально-экономического развития Российской Федерации». Как пишут сами авторы, специфика этого проекта состоит в том, что в нем пытаются реализовать концептуальный подход к индикативному планированию как механизму координации интересов и действий государственных и негосударственных субъектов управления экономикой.

Что касается ставки на ориентирующую функцию индикативного планирования, то она предстает подходящей для относительно сбалансированного развития экономики. Координация в таком случае осуществляется с помощью косвенных экономических инструментов, увязываемых на основе прогноза социально-экономического развития. Функция индикативного планирования в этой его форме — улучшение экономической конъюнктуры путем комплексного использования бюджетно-налоговых, денежно-кредитных и иных макрорегуляторов. Когда на повестке дня модернизация экономики, структурные сдвиги в ней, тогда требуется тщательное согласование действий и интересов предприятий и государства, внутрифирменных планов и макропланов (Дудкин, Петров, 1998б). На характер системы индикативного планирования оказывают влияние внешнеэкономические условия деятельности, амбициозность экономических целей страны, готовность ее отвечать на вызовы в сфере технологического развития.

3. Эволюция индикативного планирования: зарубежный опыт

Зарубежному опыту в сфере индикативного планирования посвящены многочисленные отечественные публикации. Особо следует отметить внимание к опыту Франции в этой сфере, чему способствовала публикация в СССР в 1971 г. книги П. Массе «Критерии и методы оптимального определения капиталовложений» (Массе, 1971). Как указывает автор: «Во французском понимании план имеет скорее рекомендательный, чем обязательный характер. Он представляет собой совокупность согласованных перспектив, осуществление которых, само собой разумеется, отвечает интересам всех участников, так как производство каждого из них образует рынок для всех остальных» (Массе, 1971, с. 385). Такая согласованность подкреплялась контрактами между государством и предприятиями, государственными заказами.

Обоюдная заинтересованность в совместных действиях сохранялась в период послевоенного восстановления и при выращивании в экономике «национальных чемпионов», способных конкурировать не только на французском рынке, в период нефтяных кризисов 1970-х гг. По мере укрепления позиций французского бизнеса его готовность ориентироваться на правительственные рекомендации стала ослабевать.

Не только во Франции, но и в других странах снижение роли индикативного планирования было связано с завершением формирования развитой рыночной экономики и с достижением стадии технологического развития с преобладанием улучшающих инновации, которые не сопряжены с высокой неопределенностью и для которых достаточно рыночных сигналов прямой и обратной связи между хозяйствующими субъектами. В таких условиях на первый план выходит макроэкономическое регулирование, стремящееся уменьшить отклонения от сложившегося тренда развития.

В Европейском союзе в таком регулировании активную роль стала выполнять Европейская комиссия, обладающая правом законодательной инициативы в широком спектре областей политики. Однако уже в 1990-е гг. начали предъявляться претензии к этой комиссии с позиций неоднозначного влияния принимаемых ее норм на конкурентоспособность европейской экономики (Pelkmans & Renda, 2014). В настоящее время в сфере критики ключевые области, в которых правила ЕС влияют на инновации: искусственный интеллект, защита данных и конфиденциальность, цифровые рынки, промышленное регулирование.

Растущие опасения вызывает перспектива технологического отставания от США и Китая. Анализ действий Еврокомиссии приводит к призывам о разработке политики ЕС, основанной на консультациях с заинтересованным сторонами, на стратегическом прогнозировании. Некоторое расширение участия заинтересованных сторон при подготовке законодательных предложений, сокращение бюрократизма произошло еще в период работы Европейской комиссии, сформированной после европейских выборов 22–25 мая 2014 г. Для повышения качества деятельности Европейской комиссии было подготовлено «Руководство по улучшению регулирования» (Better Regulation Guidelines)[1]. В Инструкции по этому Руководству (Better regulation' toolbox)[2] (объемом 614 стр.) раздел о консультациях с заинтересован-

[1] European Commission. (2021, November 03). *Better Regulation Guidelines*. [Электронный ресурс]. https://commission.europa.eu/system/files/2021-11/swd2021_305_en.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

[2] European Commission. (2023, July 20). *Better regulation' toolbox*. [Электронный ресурс]. https://commission.europa.eu/law/law-making-process/better-regulation/better-regulation-guidelines-and-toolbox_en (дата обращения: 05.12.2025).

ными лицами занимает 56 стр. Среди основных категорий заинтересованных лиц фигурируют как рядовые граждане, так и профессиональные консультанты, академические институты, национальные государственные органы и неправительственные организации. В качестве отдельных категорий заинтересованных лиц выделены представители бизнеса, профессиональные организации, включая профсоюзы. Методы консультаций с заинтересованными лицами включают как анкетирование, так и прямое взаимодействие посредством собраний, конференций, слушаний или других мероприятий.

Усиливается стратегическая составляющая в деятельности Европейской комиссии. В 2020 г. объявлено о создании общей для ЕС сети форсайта для объединения аналитических данных и экспертных знаний в области форсайта всех государств-членов. В Отчете о стратегическом прогнозировании на 2025 г. «Resilience 2.0»[1] анализируются основные проблемы ЕС, связанные с устойчивостью, такие как стремление к стратегической автономии и конкурентоспособности, поиск баланса в отношении технологий на период до 2040 г. В прогнозе заявлены претензии ЕС на мировое лидерство в разработке этичных и безопасных инноваций в области искусственного интеллекта. Учитывая «Руководство по улучшению регулирования», можно говорить о тенденции перехода ЕС к интерактивному индикативному планированию с началом активной фазы очередной технологической революции.

В период японского «экономического чуда» система индикативного планирования в стране фактически носила интерактивный характер (Дементьев, 2024). С выходом японских корпораций на лидирующие позиции в микроэлектронной технологической революции, с превращением этих корпораций в транснациональные и под давлением США индикативное планирование в Японии стало сворачиваться. Это сыграло свою роль в вызревании в Японии пузыря на рынке спекулятивных активов, который лопнул в 1991 г.

Однако то, как разрабатывалась и реализуется в стране в настоящее время концепция «Общество 5.0», позволяет говорить о фактическом возврате к интерактивному индикативному планированию. Инициатором разработки этой концепции и использования ее как основы для долгосрочного планирования выступила Японская федерация бизнеса (Keidanren)[2]. Еще в начале XXI в. Keidanren поставила задачу превращения Японии в страну, которая будет привлекательна для всего мира не столько корпорациями, сколько условиями жизни людей[3]. Япония претендует на мировое лидерство в формировании Общества 5.0, опираясь на сотрудничество правительства и бизнеса при определении контуров этого общества, путей технологического и социально-экономического развития страны.

Китайская Народная Республика в 1980-е гг. начала переходить от директивного к индикативному планированию, которое на общегосударственном уровне выполняло в основном ориентирующую функцию в координации экономических

[1] European Commission. (2025, September 09). *Resilience 2.0: Empowering the EU to thrive amid turbulence and uncertainty*. [Электронный ресурс]. https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/strategic-foresight/2025-strategic-foresight-report_en (дата обращения: 05.12.2025).

[2] Как указывается в Keidanren Annual Report 2023: «Мы предложили создать новую форму капитализма … путем реализации общества 5.0».

[3] Nippon Keidanren. (2003). *Japan 2025. Envisioning A Vibrant, Attractive Nation in the Twenty-First Century*. [Электронный ресурс]. https://www.keidanren.or.jp/english/policy/vision2025.pdf (дата обращения: 07.12.2025).

субъектов. Значительную роль в этом переходе сыграло вступлении страны во Всемирную торговую организацию. Централизованно формируемые приоритеты в сфере производства стали подкрепляться массированным кредитованием реализующих их предприятий, прежде всего с государственным участием. Такой вариант действий отвечал решению задач догоняющего развития, привлечению иностранного бизнеса для модернизации китайской экономики.

На современном этапе развития характер стратегического планирования Китая претерпевает перемены, связанные с активизацией инновационных факторов роста, с переориентацией его на внутренний спрос. Поставлена задача перехватить стратегическую инициативу в условиях жесткой международной конкуренции и добиться значительных прорывов в решении стратегических задач, имеющих первостепенное значение для модернизации Китая[1]. В таких условиях уже нельзя ориентироваться только на прошлые тенденции, большое значение приобретает актуальная информация, которой располагают экономические агенты. Наметилось смещение индикативного планирования в направлении его интерактивного варианта. Показательны разъяснения рекомендаций Центрального комитета Коммунистической партии Китая по составлению 15-го пятилетнего плана экономического и социального развития страны, которые представил генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин[2]. Из этих разъяснений следует, что в ходе подготовки проекта документа были запрошены мнения центральных комитетов других политических партий, руководителей Всекитайской федерации промышленности и торговли и видных деятелей, не состоящих в партиях.

4. Эволюция российской системы стратегического планирования

Как уже отмечалось, российская система стратегического планирования изначально тяготела к информационно-ориентирующему типу индикативного планирования, хотя для начала 1990-х гг. можно говорить о своего рода реинкарнации директивного планирования. Такова, по сути, была Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г.

Нормативный сдвиг в направлении индикативного планирования произошел в 1995 г., когда был принят Федеральный закон № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»[3]. В том же году был принят Федеральный закон № 190-ФЗ «О финансово-промышленных группах»[4]. В соответствии с Законом, решение о государственной регистрации финансово-промышленной группы принималось на основе экс-

[1] Xinhua. (2025, October 28). Recommendations of the Central Committee of the Communist Party of *China for Formulating the 15th Five-Year Plan for National Economic and Social Development. Global Times*. [Электронный ресурс]. https://www.globaltimes.cn/page/202510/1346771.shtml?id=ii (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Xinhua. (2025, October 28). Explanation of the Recommendations of the Central Committee of the Communist Party of China for Formulating the 15th Five-Year Plan for National Economic and Social Development. *Global Times*. [Электронный ресурс]. https://www.globaltimes.cn/page/202510/1346772.shtml (дата обращения: 10.12.2025).

[3] Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 20.07.1995 № 115-ФЗ. [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7264/ (дата обращения: 10.12.2025).

[4] Федеральный закон «О финансово-промышленных группах» от 30.11.1995 № 190-ФЗ. [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8476/ (дата обращения: 10.12.2025).

пертизы представленных документов полномочным государственным органом. Получить официальный статус и претендовать на государственную поддержку можно было только при нацеленности группы на реализацию инвестиционных и иных проектов и программ, направленных на повышение конкурентоспособности и расширение рынков сбыта товаров и услуг, повышение эффективности производства, создание новых рабочих мест. Одновременно устанавливались обязательства и Правительства РФ. Как указывалось в Законе (ст. 15, п. 3): «Правительство Российской Федерации разрабатывает порядок предоставления мер поддержки финансово-промышленных групп в соответствии с приоритетами в промышленной и социальной политике, заявляемыми им ежегодно одновременно с представлением проекта федерального бюджета на соответствующий год, и отчитывается о результатах их применения при отчете об исполнении федерального бюджета». Фактически Федеральный закон №190-ФЗ «О финансово-промышленных группах» закладывал определенную основу для интерактивного индикативного планирования в нашей стране. Однако такое планирование предполагает, что и государство, и бизнес готовы координировать свои действия и придерживаться принятых обязательств. Бизнес свою готовность продемонстрировал. Необходимость государственной поддержки для обновления кооперационных связей, выживания в условиях конверсии особенно остро ощущалась предприятиями оборонно-промышленного комплекса. «Лига содействия оборонным предприятиям» и ее президент А.Н. Шулунов активно выступали за принятие такого закона.

Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 443[1] Правительству Российской Федерации было предписано:

а) предусматривать в проектах федеральных бюджетов начиная с 1997 г. средства на финансирование государственной поддержки финансово-промышленных групп в соответствии с ежегодно заявляемыми приоритетами в промышленной и социальной политике;

б) оказывать поддержку финансово-промышленным группам, участвующим в реализации федеральных целевых программ, в пределах расходов, предусмотренных в федеральном бюджете на 1996 г.

Однако в том же году Указом Президента РФ от 28 декабря 1996 г. № 1781 действие этих подпунктов «а» и «б» было приостановлено, а в соответствии с Указом Президента РФ от 24.08.98 № 986 они вообще утратили силу. С принятием Федерального закона от 22 июня 2007 г. перестал действовать и сам закон «О финансово-промышленных группах». Стратегический потенциал такого рода бизнес-групп, продемонстрированный «экономическим чудом» Германии и «экономическим чудом» Японии, в нашей стране не был реализован.

Проблема координации экономической деятельности обостряется, когда на повестке дня форсированная перестройка производственной кооперации. Такая потребность возникает не только в связи с послевоенным восстановлением экономики, но и при разрыве сложившихся внешнеэкономических связей. В современных условиях к выстраиванию новых кооперационных отношений побуждает очередная технологическая революция. Проблема формирования и координации сетей добавленной стоимости (СДС) актуальна для России и с позиций

[1] Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 443 «О мерах по стимулированию создания и деятельности финансово-промышленных групп». [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/10164543/ (дата обращения: 10.12.2025).

обеспечения технологического суверенитета. Как обосновывает В.М. Полтерович, большую роль в решении этой проблемы могут сыграть консорциумы, осуществляющие разработку и реализацию проектов создания и / или внедрения новых технологий, предназначенных для использования в своей сети, в том числе предприятиями из разных отраслей народного хозяйства. «По существу, индикативные планы должны в значительной мере состоять из проектов формирования СДС, согласованных между собой и ежегодно уточняемых в соответствии с методологией скользящего планирования» (Полтерович, 2024, с. 252). По мнению В.М. Полтеровича, к рассматриваемому типу консорциумов близки создаваемые по Указу Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[1] научно-образовательные центры мирового уровня (НОЦ). Однако Совет НОЦ, созданный для координации и оценки их деятельности, — это всё же не Генеральное агентство развития, нацеленное на формирование и реализацию долгосрочной экономической политики в разных ее составляющих. Такое агентство — необходимый организатор разработки стратегии социально-экономического развития страны на основе итеративного процесса взаимодействия с другими государственными органами, с разными группами интересов (бизнес, профсоюзы, наука и др.).

С античных времен известно, когда не знаешь, куда плыть, никакой ветер не будет попутным. Определенную направленность развитию России придает Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2]. Кроме того, имеется целый ряд других стратегических документов по пространственному и по научно-технологическому развитию страны, по национальной и по экономической безопасности. Однако до сих пор не появилась Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, что предусмотрено Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[3]. Такой совместно вырабатываемый документ необходим и для дальнейшей консолидации страны, и для снижения неопределенности будущего. Инструментом снижения неопределенности при конструировании будущего России выступает стратегическое планирование, рассматриваемое как процесс определения долгосрочных целей социально-экономического развития и инструментов их достижения. Их совокупность должна формировать стержень социально-экономической политики государства, которое определяет вектор развития страны (Ленчук, Филатов, 2023, с. 10; Ленчук, 2023).

При том, что Федеральный закон № 172-ФЗ соответствует, главным образом, информационно-ориентирующей роли системы индикативного планирования, в утвержденных в 2015 г. Правительством РФ правилах разработки отраслевых до-

[1] Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/71937200/ (дата обращения: 12.12.2025).

[2] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 12.12.2025).

[3] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 12.12.2025).

кументов стратегического планирования[1] виден шаг в направлении более активной координации действий, к согласованию интересов заинтересованных лиц.

Так, было предусмотрено, что к разработке отраслевых документов при необходимости привлекаются объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации. Сам процесс разработки имеет итеративный характер. Уже на первом этапе участники разработки получают запрос о предоставлении сведений, необходимых для разработки отраслевого документа, а также возможность поделиться своими взглядами на проблемные вопросы и способы их решения. На втором этапе разработчик отраслевого документа на основании полученной информации осуществляет разработку проекта документа, обеспечивает его согласование с участниками разработки для последующего проведения общественного обсуждения.

Устроить поступательное развитие страны призваны новые национальные проекты до 2030 г. Разработка таких проектов регламентирована постановлением Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 21.02.2025) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»[2]. Это постановление предусматривает, что «общественно-экспертный совет формирует заключение (заключения) на паспорт национального проекта и входящих в его состав федеральных проектов, а также заключение на паспорт федерального проекта, входящего в состав национального проекта, в случае утверждения указанного паспорта после начала реализации национального проекта».

Если по правилам разработки отраслевых документов стратегического планирования 2015 г. целевые группы вносят вклад в формирование исходного проекта документа, то, в соответствии с постановлением о проектной деятельности, общественно-экспертный совет имеет дело уже с подготовленным проектом. Это значит, что для обоснования эффективности, достаточности и необходимости предлагаемых мероприятий (результатов) национальных и федеральных проектов, направляемых на согласование в федеральные органы исполнительной власти, нет необходимости обращаться к целевым группам (группы лиц, органов и организаций, в интересах которых реализуется проект). Однако их участие могло бы сыграть существенную роль в повышение согласованности федеральных проектов, входящих в национальный проект.

5. Заключение

Многообразие существующих стратегических документов не снимает с повестки дня переход к интерактивному индикативному планированию в нашей стране. Присущий такому планированию коллаборативизм благоприятствует не только выявлению имеющихся проблем, но и их решению, помогает сближению позиций заинтересованных сторон, повышению доверия к принимаемым решениям.

[1] Правила разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации. Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2015 г. № 1162. [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/71234606/ (дата обращения: 12.12.2025).

[2] Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/72093040/ (дата обращения: 12.12.2025).

Расширение реального круга участников планирования дает шанс по-новому подойти к застаревшим конфликтам интересов. Совместное управление позволяет надеяться на взаимообогащение и обобщение опыта, идей и компетенций множества заинтересованных сторон (Crosby et al., 2017). Интерактивное формирование политики в настоящее время — это практика, в рамках которой люди формируют новую идентичность (Hajer & Wagenaar, 2003). Широко распространенное понимание того, как может выглядеть желаемое будущее, — это фактор и мотиваций, и доверия.

Успехов в развитии добивается тот, кто в трудные времена способен создавать заделы на будущее. В сложившихся условиях интерактивное индикативное планирование должно помочь формированию таких заделов.

Список источников

Дементьев, В. Е. (2023). Коммуникативная концепция общественного договора и формирование курса развития экономики. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 16* (4), 57–70. https://doi.org/10.15838/esc.2023.4.88.3

Дементьев, В. Е. (2024). Сотрудничество государства и бизнеса при прогнозировании и планировании структурных сдвигов в экономике. *Проблемы прогнозирования,* (3(204)), 18–29. https://doi.org/10.47711/0868-6351-204-18-29

Дудкин, В., Петров, Ю. (1998а). Индикативное планирование — механизм координации деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой. *Российский экономический журнал,* (6), 38–58.

Дудкин, В., Петров, Ю. (1998б). Индикативное планирование — механизм координации деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой. *Российский экономический журнал,* (7–8), 43–71.

Лебедев, А. Н. (2016). Индикативное планирование в контексте взаимодействия субъектов рынка туристских услуг. *Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы, 9* (2), 56–62. EDN XEGEWZ.

Ленчук, Е. Б. (2023). Стратегическое планирование: новые вызовы в контексте внешних ограничений. *Журнал Новой экономической ассоциации,* (4(61)), 224–230. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_4_224-230

Ленчук, Е. Б., Войтоловский, Ф. Г., Кувалин, Д. Б. (2020). Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы. *Проблемы прогнозирования,* (6), 46–55. https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-46-55

Ленчук, Е. Б., Филатов, В. И. (2023). Стратегическое планирование как инструмент снижения неопределенности в условиях глобальной экономической трансформации. *Вестник Института экономики Российской академии наук,* (4), 7–24. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_4_7_24

Макаров, В. Л. (2010). *Социальный кластеризм. Российский вызов.* Москва: Бизнес Атлас, 272.

Массе, П. (1971). *Критерии и методы оптимального определения капиталовложений.* Москва: Статистика, 503.

Полтерович, В. (2008). Стратегии модернизации, институты и коалиции. *Вопросы экономики,* (4), 4–24. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-4-24

Полтерович, В. М. (2015). От социального либерализма — к философии сотрудничества. *Общественные науки и современность,* (4), 41–64.

Полтерович, В. М. (2017). Толерантность, сотрудничество и экономический рост. *Вопросы экономики,* (11), 33–49. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-33-49

Полтерович, В. М. (2021). Коллаборативные иерархии. *Вопросы экономики,* (7), 31–48. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-7-31-48

Полтерович, В. М. (2024). Формирование отечественных сетей добавленной стоимости. *Журнал Новой экономической ассоциации,* (3(64)), 251–257. EDN: HSISBA. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_251-257

Попова, Е. В. (2008). Индикативное планирование как основной метод формирования долгосрочной социально-экономической стратегии России. *Инновации,* (9), 15–27.

Устюжанина, Е. В., Евсюков, С. Г. (2015). Индикативное планирование: определение понятия и российская практика. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, 82* (4), 104–113. https://doi.org/10.21686/2413-2829-2015-4-104-113

Шимов, В. Н. (1999). Индикативное планирование: опыт развитых стран и задачи переходного периода. *Белорусский экономический журнал,* (1), 4–14.

Ansell, C., & Gash, A. (2008). Collaborative governance in theory and practice. *Journal of Public Administration Research and Theory, 18* (4), 543–571. https://doi.org/10.1093/JOPART/MUM032

Clark, J. K. (2021). Public Values and Public Participation: A Case of Collaborative Governance of a Planning Process. *The American Review of Public Administration, 51* (3), 199–212. https://doi.org/10.1177/0275074020956397

Crosby, B. C., Hart, P., & Torfing, J. (2017). Public value creation through collaborative innovation. *Public Management Review, 19* (5), 655–669. https://doi.org/10.1080/14719037.2016.1192165

Emerson, K., & Nabatchi, T. (2015). *Collaborative governance regimes*. Georgetown University Press, 280.

Hajer, M. A., & Wagenaar, H. (2003). Introduction. In M. A. Hajer, H. Wagenaar (Eds.), *Deliberative Policy Analysis Understanding Governance in the Network Society.* New York: Cambridge University Press, 307.

Meade, J. E. (1970). *The Theory of Indicative Planning.* Manchester: University of Manchester Press, 78.

Pelkmans, J., & Renda, A. (2014). Does EU regulation hinder or stimulate innovation? *CEPS Special Report,* (96). [Электронный ресурс]. www.ceps.eu (дата обращения: 11.12.2025).

Polterovich, V. (2020). Crisis of Institutions of Political Competition. Internet and Collaborative Democracy. *MPRA Paper,* (104363). [Электронный ресурс]. https://mpra.ub.uni-muenchen.de/104363/ (дата обращения: 11.12.2025).

Ran, B., & Qi, H. (2018). Contingencies of power sharing in collaborative governance. *The American Review of Public Administration, 48* (8), 836–851. https://doi.org/10.1177/0275074017745355

Reilly, T. (2001). Collaboration in action: An uncertain process. *Administration in Social Work, 25* (1), 53–73.

References

Ansell, C., & Gash, A. (2008). Collaborative governance in theory and practice. *Journal of Public Administration Research and Theory, 18* (4), 543–571. https://doi.org/10.1093/JOPART/MUM032

Clark, J. K. (2021). Public Values and Public Participation: A Case of Collaborative Governance of a Planning Process. *The American Review of Public Administration, 51* (3), 199–212. https://doi.org/10.1177/0275074020956397

Crosby, B. C., Hart, P., & Torfing, J. (2017). Public value creation through collaborative innovation. *Public Management Review, 19* (5), 655–669. https://doi.org/10.1080/14719037.2016.1192165

Dementiev, V. E. (2023). Communicative concept of the social contract and formation of the course of economic development. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 16* (4), 57–70. https://doi.org/10.15838/esc.2023.4.88.3 (In Russ.)

Dementiev, V. E. (2024). Cooperation Between the State and Business in Forecasting and Planning Structural Changes in the Economy. *Studies on Russian Economic Development, 35* (3), 328–336. https://doi.org/10.1134/S1075700724030043

Dudkin, V., & Petrov, Yu. (1998a). Indicative planning is a mechanism for coordinating the activities of state and non-state economic management entities. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal],* (6), 38–58. (In Russ.)

Dudkin, V., & Petrov, Yu. (1998b). Indicative planning is a mechanism for coordinating the activities of state and non-state economic management entities. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal],* (7-8), 43–71. (In Russ.)

Emerson, K., & Nabatchi, T. (2015). *Collaborative governance regimes*. Georgetown University Press.

Hajer, M. A., & Wagenaar, H. (2003). Introduction. In M. A. Hajer, H. Wagenaar (Eds.), *Deliberative Policy Analysis Understanding Governance in the Network Society.* New York: Cambridge University Press.

Lebedev, A. N. (2016). Indicative planning in the context of interaction of subjects of the market of tourist services. *Industriya turizma: vozmozhnosti, prioritety, problemy i perspektivy [Tourism industry: Opportunities, priorities, problems and prospects], 9* (2), 56–62. EDN XEGEWZ. (In Russ.)

Lenchuk, E. B. (2023). Strategic planning: New challenges in the context of external constraints. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association],* (4(61)), 224–230. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_4_224-230 (In Russ.)

Lenchuk, E. B., & Filatov, V. I. (2023). Strategic planning as a tool for reducing uncertainty in conditions of global economic transformation. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences],* (4), 7–24. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_4_7_24 (In Russ.)

Lenchuk, E. B., Voitolovskii, F. G., & Kuvalin, D. B (2020). Strategic Planning in Public Administration: Experience, Opportunities and Prospects. *Studies on Russian Economic Development, 31* (6), 621–628. https://doi.org/10.1134/S1075700720060106

Makarov, V. L. (2010). *Sotsial'nyy klasterizm. Rossiyskiy vyzov [Social clusterism. The Russian Challenge].* Moscow: Biznes Atlas Publ., 272. (In Russ.)

Massé, P. (1971). *Kriterii i metody optimal'nogo opredeleniya kapitalovlozheniy [Criteria and methods for optimal determination of investment].* Moscow: Statistika Publ., 503. (In Russ.)

Meade, J. E. (1970). *The Theory of Indicative Planning.* University of Manchester Press.

Pelkmans, J., & Renda, A. (2014). Does EU regulation hinder or stimulate innovation? *CEPS Special Report,* (96). www.ceps.eu (Date of access: 11.12.2025).

Polterovich, V. (2008). Strategies of modernization, institutions and coalitions. *Voprosy Ekonomiki,* (4), 4–24. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-4-24 (In Russ.)

Polterovich, V. (2015). From social liberalism towards the philosophy of collaboration. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and contemporary world],* (4), 41–64. (In Russ.)

Polterovich, V. (2017). Tolerance, collaboration, and economic growth. *Voprosy Ekonomiki,* (11), 33–49. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-33-49 (In Russ.)

Polterovich, V. (2020). Crisis of Institutions of Political Competition. Internet and Collaborative Democracy. *MPRA Paper,* (104363). https://mpra.ub.uni-muenchen.de/104363/ (Date of access: 11.12.2025).

Polterovich, V. M. (2021). Collaborative hierarchies. *Voprosy Ekonomiki,* (7), 31–48. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-7-31-48 (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2024). The formation of domestic value-added networks. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association],* (3(64)), 251–257. EDN: HSISBA. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_251-257 (In Russ.)

Popova, E. V. (2008). Indicative planning as the principal method of forming long-term socio-economic strategy of Russia. *Innovatsii [Innovations],* (9), 15–27. (In Russ.)

Ran, B., & Qi, H. (2018). Contingencies of power sharing in collaborative governance. *The American Review of Public Administration, 48* (8), 836–851. https://doi.org/10.1177/0275074017745355

Reilly, T. (2001). Collaboration in action: An uncertain process. *Administration in Social Work, 25* (1), 53–73.

Shimov, V. N. (1999). Indicative planning: the experience of developed countries and the challenges of the transition period. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal [Belarusian Economic Journal],* (1), 4–14. (In Russ.)

Ustyuzhanina, E. V., & Evsyukov, S. G. (2015). Indicative planning: definition and Russian practice. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 82* (4), 104–113. https://doi.org/10.21686/2413-2829-2015-4-104-113 (In Russ.)

Информация об авторе

Дементьев Виктор Евгеньевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН; https://orcid.org/0000-0001-5612-3999 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 47; e-mail: vedementev@rambler.ru).

About the author

Victor E. Dementiev — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Associate, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS); https://orcid.org/0000-0001-5612-3999 (47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: vedementev@rambler.ru).

Дата поступления рукописи: 26.12.2025.
Прошла рецензирование: 12.01.2026.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 26 Dec 2025.
Reviewed: 12 Jan 2026.
Accepted: 10 Feb 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.4
УДК 330.1
JEL B22, B25, E02, E12, E31, E42, E52, E58, E63, O43

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Институциональные альтернативы макроэкономической политики в условиях смены мирохозяйственного порядка[1]

Виталий В. БИРЮКОВ
Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Для цитирования: Бирюков, В. В. (2026). Институциональные альтернативы макроэкономической политики в условиях смены мирохозяйственного порядка. *AlterEconomics, 23*(1), 42-65. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.4

Аннотация. В условиях смены мирохозяйственного порядка одной из центральных тем дискуссий становится проблема выбора эффективной модели макроэкономической политики. В статье рассмотрены альтернативные направления поиска данной модели: мейнстримное направление, опирающееся на институционально нейтральный подход, и неортодоксальное направление, базирующееся на использовании ценностно-институционального подхода и идей Джона Кейнса. Автором показаны особенности институциональной эволюции макроэкономической политики, которые связаны с использованием кейнсианской модели финансово-денежной координации в странах с развитой экономикой в «золотой период» капитализма и с глобальным переходом к неолиберальной макроэкономической политике. Данный переход базировался на теоретически и эмпирически недоказанном мифе о том, что именно институционально независимый от правительства центральный банк может проводить эффективную политику таргетирования инфляции. Фактически в условиях глобализации экономики этот миф легитимировал зависимость центральных банков от интересов владельцев крупного капитала и утрату суверенитета экономик развивающихся и развитых стран. При этом институциональная структура макроэкономической политики порождает доминирование денежно-кредитной политики над финансовой и превращает центральный банк, по сути, в основной макрорегулятор национальной экономики, институциональный статус которого не позволяет удовлетворительно координировать финансово-денежные процессы. В результате наблюдается нарастание институционально-структурных диспропорций и ухудшение позиций развитых стран в глобальной экономике, утрата легитимности глобального проекта и мандата независимости центральных банков. В работе аргументируется необходимость смены используемой в нашей стране институционально архаичной модели макроэкономической политики, которая привела к появлению макроинституциональной ловушки, порождающей режим высокой инфляции и низкого неустойчивого экономического роста. Автором подчеркивается важность создания в русле посткейнсианских идей суверенной модели, которая позволяет регулировать совокупный спрос и предложение и инфляционные процессы, ориентируясь на поддержание долговременной инвестиционной и инновационной активности с учётом новых вызовов.

Ключевые слова: модели макроэкономической политики, финансово-денежная политика, центральный банк, принцип независимости, инфляция, таргетирование

[1] © Бирюков В. В. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Institutional Alternatives of Macroeconomic Policy in the Context of a Change in the World Economic Order

Vitaly V. BIRYUKOV ✉
Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

For citation: Biryukov, V. V. (2026). Institutional Alternatives of Macroeconomic Policy in the Context of a Change in the World Economic Order. *AlterEconomics, 23*(1), 42–65.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.4

Abstract. In the context of a changing world economic order, one central topic of discussion is the problem of choosing an effective model of macroeconomic policy. This article examines alternative directions for this model: the mainstream direction, based on an institutionally neutral approach, and the unorthodox direction, based on the value-institutional approach and the ideas of J. Keynes. The study explores the features of the institutional evolution of macroeconomic policy, including the use of the Keynesian model of financial and monetary coordination in developed economies during the "golden period" of capitalism and the subsequent global transition to neoliberal macroeconomic policy. This transition was based on the theoretically and empirically unproven myth that a central bank institutionally independent from the government can pursue an effective inflation targeting policy. In the context of economic globalization, this myth legitimized the dependence of central banks on the interests of large capital owners and the loss of sovereignty in developing and developed economies.The institutional structure of macroeconomic policy gives rise to the dominance of monetary and credit policy over financial policy. It turns the central bank into the main macro-regulator of the national economy, whose institutional status does not allow for satisfactory coordination of financial and monetary processes. As a result, institutional and structural imbalances increase, the positions of developed countries in the global economy deteriorate, there is a loss of legitimacy of the global project, and the mandate for the independence of the central bank erodes. The study argues for the need to change the institutionally archaic model of macroeconomic policy used in Russia, which has led to a macro-institutional trap that generates a regime of high inflation and low, unstable economic growth. The author advocates for a sovereign Post-Keynesian model that regulates aggregate supply, demand, and inflation to sustain long-term investment and innovation in the face of new challenges.

Keywords: macroeconomic policy models, financial and monetary policy, central bank, principle of independence, inflation, targeting

1. Введение

Происходящие тектонические перемены в глобальной экономике, сопровождающиеся её фрагментацией и качественно новыми вызовами, актуализируют необходимость разработки адекватных усложняющейся реальности познавательных подходов к изучению макроэкономической политики. При этом важным становится учёт того обстоятельства, что мейнстримные интерпретации макроэкономики создаются на базе институционально нейтральной исследовательской стратегии, а основной альтернативой мейнстриму выступают макроэкономические описания, выполненные неортодоксальными экономистами в рамках ценностно-институциональной стратегии с учётом идей Дж. Кейнса (Бирюков, 2023).

В настоящее время в отечественных исследованиях акцентируется внимание на фундаментальных изъянах неоклассической версии макроэкономики и важности разработки теории, учитывающей противоречивое влияние структурных и технологических факторов на развитие экономики (Маевский, 2024; Андрюшин, 2025; Глазьев, Сухарев, 2025; Сухарев, 2025). Вместе с тем в стороне остаются вопросы, которые касаются институциональных особенностей проведения

макроэкономической политики в условиях неолиберальной глобализации экономики в связи с созданием институционально независимых центральных банков, активно обсуждающиеся в зарубежных странах (Bibow, 2010; Kern & Seddon, 2024; Qanas & Sawyer, 2024; Quaglia & Verdun, 2025).

Глобальные изменения в современной экономике тесно связаны с использованием неолиберальной модели макроэкономической политики, которая сменила кейнсианскую модель и ключевым элементом которой является предоставление независимости центральным банкам от правительств. В ходе произошедших институциональных трансформаций центральные банки превратились в важнейших акторов, определяющих проведение внутренней и внешней экономической политики. Сложившееся при этом доминирование денежно-кредитной политики над финансовой политикой вызвало отсутствие необходимой их координации; в результате стали нарастать проблемы, связанные с поддержанием финансовой устойчивости и экономического роста. Длительный период низких процентных ставок в развитых странах после мирового финансового кризиса, повышение роли небанковских финансовых институтов, стремительный рост цифровых финансовых технологий и финансовых пузырей создали новые каналы передачи шоков и усилили потребность переосмысления традиционных методов проведения макроэкономической политики.

Сегодня представители международных экономических институтов вынуждены констатировать, что помимо непосредственных трудностей, связанных с большей подверженностью глобальной экономики потрясениям в связи с её фрагментацией и неопределенностью краткосрочных изменений, наиболее серьезными проблемами для проведения независимыми центральными банками денежно-кредитной политики становятся более глубокие и долгосрочные вопросы, такие как низкий темп роста производительности труда и высокий государственный долг. Постоянный низкий темп роста производительности труда сдерживает долгосрочный экономический рост, что в свою очередь повышает риск инфляционного давления. Кроме того, в развитых странах, инициировавших переход к неолиберально-институциональной модели устройства глобальной экономики, наблюдается осознание того, что потенциал данной модели исчерпан, поскольку происходит неуклонное ухудшение их позиций в мировой экономике. В результате звучат заявления о провале политики глобализации для США и Запада, которая способствовала экспорту рабочих мест и обусловливала необходимость реиндустриализации экономики на основе поворота к проведению национально ориентированной макроэкономической политике.

Сложившийся институционально-структурный кризис мирового экономического порядка приводит ко всё большему признанию несоответствия мейнстримной модели макроэкономической политики усложняющейся реальности и формированию современной волны исследований, которые направлены на пересмотр стандартной модели финансово-денежной политики, основанной на постулате институциональной независимости центральных банков от правительств. Сегодня этот постулат значительно поколеблен переменами в макроэкономической политике США, направленными на переход к суверенной модели развития национальной экономики с помощью подчинения правительству Федеральной резервной системы (ФРС).

Цель статьи — переосмысление утвердившихся подходов к изучению институциональной структуры макроэкономической политики на основе пересмотра

устаревших представлений о природе институциональных механизмов взаимодействия правительства и центрального банка.

Статья структурирована следующим образом. Во втором разделе рассмотрены особенности институциональной эволюции макроэкономической политики, связанные с использованием кейнсианской модели финансово-денежной координации в странах с развитой экономикой в «золотой период» капитализма, а также с глобальным переходом к неолиберально-институциональной модели макроэкономической политики. В третьем разделе описывается неолиберально-институциональная модель макроэкономической политики, аргументируется её теоретическая и эмпирическая несостоятельность. В четвертом разделе представлена институциональная логика построения посткейнсианской макроэкономической теории. В пятом разделе показано появление институциональной ловушки в российской экономике в результате проведения неолиберальной макроэкономической политики и важность формирования суверенной модели в русле посткейнсианских идей. В шестом разделе излагаются выводы, отражающие основные результаты исследования.

2. Особенности институциональной эволюции макроэкономической политики

2.1. Кейнсианская макроэкономическая модель, основанная на финансово-денежной координации в странах с развитой экономикой

Сторонникам мейнстрима свойственна историческая амнезия, связанная со стиранием из памяти «неудобного» исторического опыта успешной реализации кейнсианской модели макроэкономической политики. Сегодня в мейнстримных исследованиях макроэкономической политики внимание сфокусировано на вопросах финансово-денежной координации в рамках краткосрочного периода и недооцениваются возможности позитивного влияния долгосрочной финансово-денежной координации для направления ресурсов в наиболее продуктивные области экономики (с соответствующими эффектами мультипликатора) и стимулирования спроса. Вместе с тем выполненные исторические исследования, опирающиеся на базу данных Международного валютного фонда (МВФ), свидетельствуют о том, что на протяжении продолжительного периода XX в. (1930–1970 гг.) в развитых странах использовались различные версии кейнсианской модели макроэкономической политики с денежным финансированием дефицита государственного бюджета, способствующие формированию успешных долгосрочных механизмов экономического роста (La Porta et al., 2002; Ryan-Collins & Van Lerven, 2018). Такая модель позволила правительствам восстановить экономику после Великой депрессии, финансировать Вторую мировую войну и бюджетную экспансию, промышленную политику и инновации в послевоенный период, несмотря на первоначально высокий уровень государственного долга относительно валового внутреннего продукта (ВВП). Различные формы денежного финансирования использовались не только во время экономических спадов, но и для реализации долгосрочных государственных программ и проведения кейнсианской политики полной занятости.

В XX в., особенно в период 1930–1970-х гг., в развитых странах координация финансово-денежной политики предполагала обязанность центральных и коммерческих банков (неявно или открыто) покупать государственный долг для поддержки целей макроэкономической политики (включая экономический рост и устойчивость долга). Это влияло на спрос и доходность государственного долга, а также

уменьшало расходы на обслуживание государственного долга (Ryan-Collins & Van Lerven, 2018). Следует отметить, что до 1990-х гг. более половины крупных коммерческих банков фактически принадлежали государству, что способствовало согласованию их денежно-кредитной политики с экономической политикой правительства (La Porta et al., 2002).

Эмпирические исследования структуры собственности государственного долга по 13 странам с развитой экономикой с 1900 по 2011 гг. показывают, что в течение 30-летнего периода после Второй мировой войны до конца 1970-х гг. от 40 % до 50 % государственного долга прямо или косвенно финансировалось центральными банками и внутренними финансовыми учреждениями (а не внутренним рынком или инвесторами-нерезидентами). В период перед Второй мировой войной, за исключением Первой мировой войны, денежное финансирование было ближе к 20 %, увеличившись до 30 % в 1930-х гг. С 1980-х гг. доля внутреннего денежного финансирования снижалась, вернувшись примерно к 20 % ко времени финансового кризиса 2007–2008 гг. Что касается неденежного финансирования, внутренние рынки поглотили от 50 % до 60 % государственного долга в период с 1920 по 1995 гг., после чего наблюдается значительное сокращение до 30 % к 2011 г., что также совпало с ростом финансирования нерезидентов (Abbas et al., 2014; Ryan-Collins & Van Lerven, 2018).

Период самого высокого уровня внутреннего денежного финансирования (1940–1980 гг.) совпал с самым продолжительным периодом устойчиво низкого уровня государственного долга по отношению к ВВП в XX в. и самыми высокими темпами роста ВВП (рис. 1). В большинстве стран с развитой экономикой в этот

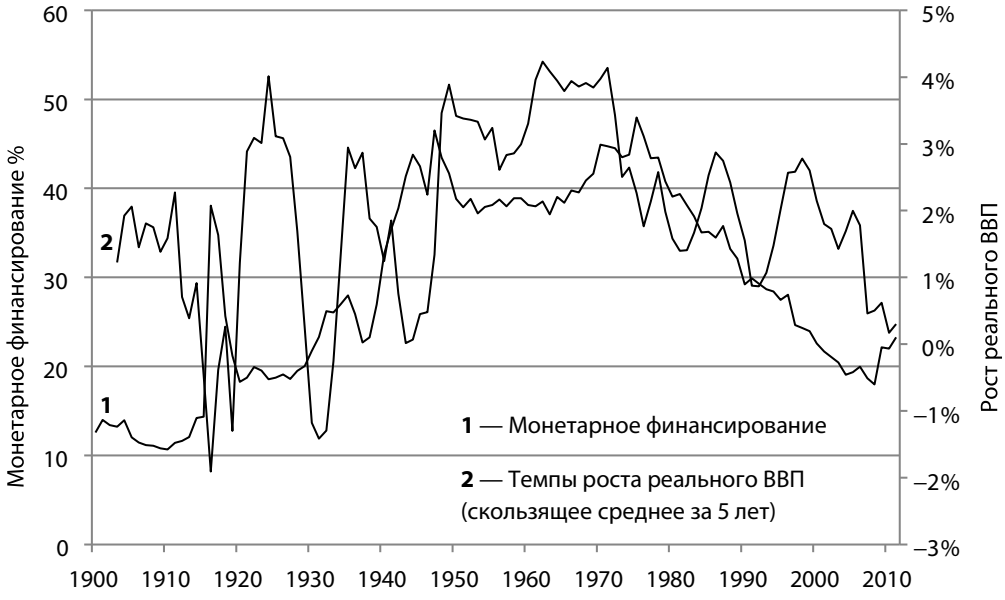

Рис. 1. *Денежное финансирование (авуары государственного долга отечественных коммерческих банков и центральных банков) и рост реального ВВП в странах с развитой экономикой, 1900–2011 гг. (источник: (Ryan-Collins & Van Lerven, 2018))*

Fig. 1. *Monetary Financing (Holdings of Government Debt by Domestic Commercial Banks and Central Banks) and Real GDP Growth in Advanced Economies, 1900–2011*

период правительства следовали кейнсианской политике управления спросом, которая была нацелена на достижение полной занятости и сопровождалась проведением промышленной политики и контролем за движением капитала, ограничивающим долю нерезидентских активов государственного долга. В этот «золотой период» капитализма также наблюдались высокий уровень капиталовложений и управляемая инфляция вплоть до начала 1970-х гг. (Epstein & Schor, 1991).

Историки-экономики и политологи, изучавшие период успешного экономического роста развитых стран в XX в., уделяли меньше внимания денежно-кредитной политике, чем финансовой политике, описывая этот период как период кейнсианского «финансового доминирования», который обеспечивался режимом фиксированного обменного курса и регулированием потоков капитала, а также высоким уровнем государственных расходов и инвестиций, стимулирующих совокупный спрос (Eichengreen, 1998; Cobham, 2012, p. 730). Такая финансовая политика стала возможной благодаря адаптации центральных банков к политике управления государственным долгом. Центральные банки, подчинявшиеся министерствам финансов, преследовали широкий спектр целей, помимо ценовой и финансовой стабильности. Они включали поддержание исторически низких процентных ставок по государственному и банковскому долгу, а также поддержание паритета обменных курсов (Epstein, 2006; Cobham, 2012, p. 730). Без согласования с центральным банком денежно-кредитной политики такая финансовая политика не могла быть реализована, учитывая очень высокое соотношение долга к ВВП, с которым столкнулось большинство стран в период после Второй мировой войны.

Финансирование правительства центральными банками колебалось в пределах 5 % до периода Второй мировой войны, после чего оно быстро выросло почти до 30 %. Последовавшее за этим сокращение активов центральных банков было постепенным: центральные банки продолжали удерживать около одной пятой государственного долга до конца 1960-х гг., и только с начала 1980-х гг. этот показатель стал ниже 10 %. Падение долговых активов центральных банков в 1980-х и 1990-х гг. было вызвано переходом к независимости центральных банков и запретом на денежное финансирование (Abbas et al., 2014, p. 27; Ryan-Collins & Van Lerven, 2018). Финансирование государственного долга коммерческими банками в период с 1930 по 1965 гг. составляло в среднем около 20 % от общего государственного долга, но затем выросло до 30 % в период 1970–1980-х гг. Это компенсировало падение финансирования центральных банков, сохраняя общее внутреннее денежное финансирование на уровне около 40 % от общего объема. В 1970-е гг. произошел переход от кейнсианской политики управления спросом к монетаризму перед лицом быстро растущей инфляции. Быстрый рост процентных ставок, сопровождающий этот сдвиг, сделал государственный долг более привлекательным активом для коммерческих банков. Но их доля снова снизилась в 1990-х и 2000-х гг. накануне финансового кризиса, поскольку требования к ликвидности и капиталу были либерализованы, а процентные ставки упали (Ryan-Collins & Van Lerven, 2018).

Выполненные исследования свидетельствуют об отсутствии устойчивого влияния денежного финансирования на инфляцию (рис. 2). Не существует убедительных свидетельств какой-либо устойчивой связи между уровнем инфляции и долей государственного долга в центральных банках, за исключением двух периодов мировых войн. В то же время шоки цен на нефть и продовольствие явно

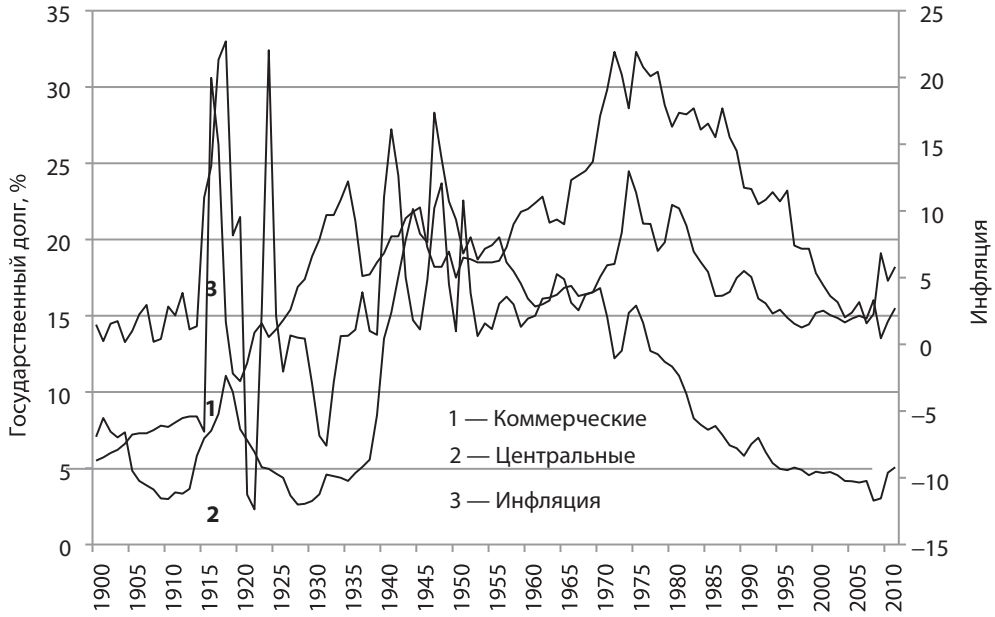

Рис. 2. *Авуары государственного долга центральных банков и коммерческих банков и уровень инфляции в среднем по 13 странам с развитой экономикой, 1900–2011 гг. (источник: (Ryan-Collins & Van Lerven, 2018))*

Fig. 2. *Government Debt Holdings of Central Banks and Commercial Banks and Inflation Rates on Average for 13 Advanced Economies, 1900–2011*

оказали существенное влияние на инфляцию в 1970–1980-х гг.: с 1960-х гг., когда доля государственного долга, принадлежащая центральным банкам, уменьшилась, темпы инфляции начали расти, тогда как с точки зрения мейнстрима можно было ожидать обратного. Как подчеркивают А. С. Аббасс и его коллеги, исторические исследования подтверждают эффективность финансово-денежной политики и механизма сокращения государственного долга после Второй мировой войны. Однако возможности повторения этой модели макроэкономической политики представляются ограниченными, если не будет существенно свернута финансовая либерализация и глобализация или не будет отменен нынешний согласованный на глобальном уровне режим денежно-кредитной политики, основанный на ценовой стабильности (Abbas et al., 2014).

Таким образом, динамика средних показателей денежного финансирования по развитым странам в экономически успешный период не соответствует нарративам мейнстримной макроэкономической политики. На протяжении продолжительного периода XX в. большие объемы государственного долга финансировались денежными учреждениями, но нет достоверных свидетельств того, что это привело либо к нерациональному распределению капитала и, следовательно, к низкому экономическому росту, либо к опасно высокому уровню инфляции. В то же время наблюдались значительные различия между странами в использовании форм координации бюджетно-денежной политики, с помощью которых поддерживались цели макроэкономической политики (Ryan-Collins & Van Lerven, 2018).

2.2. Глобальный переход к неолиберально-институциональной модели макроэкономической политики

Отказ от кейнсианской денежно-кредитной политики и переход к политике таргетирования инфляции, проводимой независимыми центральными банками, являлся особым направлением неолиберально-институциональный трансформации мирового хозяйства, ключевую роль в которой играли Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и другие международные организации. Кроме того, создание региональных экономических союзов также происходило на основе перехода к независимым центральным банкам. Так, например, был образован Европейский Союз (ЕС). В посткоммунистических странах центральные банки становились частью транснационального сообщества центральных банков и, таким образом, активными участниками проведения рыночных реформ (Johnson, 2016). Неолиберальная трансформация институциональной структуры макроэкономической политики и роли центральных банков сопровождалась дифференциацией условий предоставления кредитов, а также оказанием помощи в подготовке кадров, создании нормативно-правовой базы и применении «лучших практик» таргетирования инфляции. При этом игнорировались социально-экономические последствия, возникающие в результате навязывания идей «вашингтонского консенсуса» и утраты экономического суверенитета развитыми и развивающимися странами (Reinsberg et al., 2021).

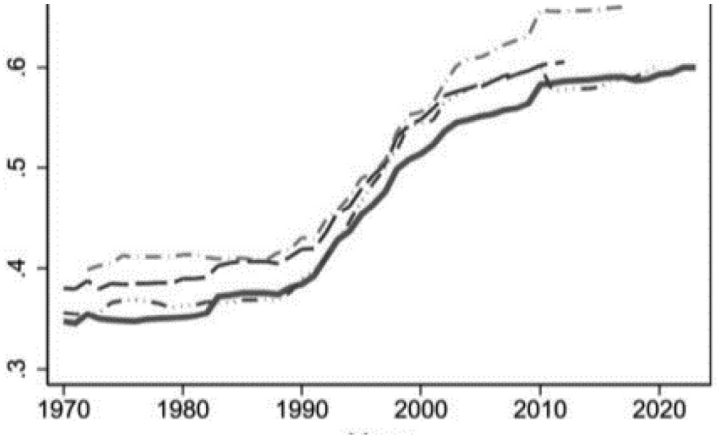
Рамочная структура неолиберальной модели была институционально закреплена посредством конституционных и операционных изменений, касающихся особой роли центральных банков по отношению к правительствам с 1990-х гг. (Jácome et al., 2012). Так, в Европе Маастрихтский договор, подписанный в 1992 г., установил детали формирования независимого Европейского центрального банка (ЕЦБ) и запретил прямое финансирование государственных расходов центральным банком любой страны. Сюда входят любые кредитные линии, а также прямая покупка у эмитентов любых государственных долговых инструментов (например, государственных облигаций или казначейских облигаций).

Мейнстримный миф о необходимости независимости центральных банков от правительств способствовал легитимации неолиберально-институциональный модели макроэкономической политики и зависимости центральных банков от интересов транснациональной финансовой олигархии (Wray, 2007; Epstein, 2019; Palley, 2019; Marshall & Rochon, 2023). В результате изменения институционального статуса центральных банков возникла качественно новая глобальная финансовая система, иерархическая архитектура которой отражает своеобразие центро-периферийного устройства мировой экономики. На её вершине находится Федеральная резервная система, на среднем уровне — центральные банки развитых стран, центральные банки других стран — на нижнем уровне (и являются наиболее зависимыми).

До неолиберально-институциональный трансформации мировой экономики только три центральных банка в мире считались независимыми от своих правительств: Федеральная резервная система США, Немецкий Бундесбанк и Швейцарский национальный банк (Lastra, 1996). В ходе данной трансформации, как свидетельствуют наиболее полные эмпирические исследования, выполненные по разной группе стран А.С. Гарригой, Д. Ромелли, С. Бодеа и Р. Хиксом, происходил неуклонный рост независимых центральных банков (Garriga, 2016; Bodea & Hicks,

2018; Romelli, 2022; Garriga, 2025). Мировой показатель независимости центральных банков увеличился примерно с 0,35 в 1970 г. до 0,5 в 2000 г. (по четырем измерениям: кадровая независимость, независимость при проведении политики, ориентация на стабильность цен и ограничения на кредитование); а с 2010 г. он повысился до 0,6 (рис. 3). Вместе с тем рост среднемирового показателя происходил в результате противоречивых изменений параметров институционального статуса национальных центральных банков, связанных с особенностями поиска разными странами путей адаптации к реалиям макроэкономической политики за счёт улучшения координации финансовой и денежно-кредитной политики. Так, в последние двадцать пять лет почти у четверти центральных банков индекс независимости снизился; у многих центральных банков, увеличивших общий индекс, произошло уменьшение индекса хотя бы в одном измерении. В результате неолиберальная глобализация привела к появлению сложного институционального ландшафта с разными характеристиками статуса центральных банков и особенности их взаимодействия с правительствами (Garriga, 2025).

Низкая инфляция в развитых странах вплоть до 2008 г. рассматривалась достаточной для обеспечения экономической стабильности и не вызывала беспокойства у центральных банков (Dow, 2017). Экономические события после глобального финансового кризиса 2007–2008 гг. поставили под сомнение сложившуюся версию макроэкономического консенсуса. Несмотря на снижение процентной ставки до нуля и реализации программы количественного смягчения (QE), рост производства ВВП стал значительно ниже докризисного периода, а центральные банки неоднократно недооценивали свои целевые показатели инфляции. В то же время государственный и частный долг по отношению к ВВП значительно повысился, поскольку макроэкономическая политика не смогла стимулировать инвестиции и экономический рост частного сектора. Очевидный провал стандартного транс-

_____ A. C. Garriga (2025) __ __ __ A. C. Garriga (2016)
_._ . _ D. Romelli (2022) _ ... _ ... _ Bodea & Hicks (2018)

Рис. 3. *Динамика индекса независимости центральных банков, рассчитанного по разной группе данных, 1970–2023 гг. (источник: (Garriga, 2025))*
Fig. 3. *Dynamics of the Index of Independence of Central Banks, Calculated from Different Groups of Data, 1970–2023*

миссионного механизма денежно-кредитной политики, согласно которому снижение процентных ставок должно способствовать росту инфляции и номинального спроса в реальной экономике, привел к тому, что были заданы фундаментальные вопросы, касающиеся необходимости изменения институциональной структуры макроэкономической политики и перехода к принципиально новым способам координации бюджетной и денежно-кредитной политики (Borio et al., 2018).

Происходящие в последние годы в условиях фрагментации мировой экономики институционально-структурные трансформации усиливают угрозы сползания национальных экономик в режим высокой инфляции, в рамках которого традиционная макроэкономическая политика, основанная на независимости центральных банков, особенно становится проблематичной. В связи с этим формируется новая волна критического переосмысления значимости денежно-кредитной политики независимых центральных банков, опирающейся на таргетирование инфляции; подвергаются сомнению задачи и полномочия центральных банков, их независимость и легитимность деятельности. Результаты выборов в США, повышение роли политических партий в Европе, ориентированных на проведение суверенной экономической политики, а также геоэкономические трансформации, способствующие созданию развивающимися странами суверенной модели экономики, порождают серьезные проблемы для сохранения статуса независимости центральных банков уже в ближайшем будущем (Quaglia & Verdun, 2025).

3. Неолиберально-институциональная модель макроэкономической политики: теоретическая и эмпирическая несостоятельность

Глобальный переход к неолиберально-институциональной структуре макроэкономической политики сформировался в рамках нового макроконсенсуса, включающего три ключевых базовых правила институционального регулирования экономики: 1) центральный банк должен быть оперативно и институционально независимым от правительства; 2) его основной задачей является фокусирование внимания на стабильности потребительских цен; он должен публично взять на себя обязательство достичь «целевого показателя инфляции», обычно около (исторически низкого) уровня в 1–3 %; 3) для достижения этой цели центральный банк не должен быть каким-либо образом обязан кредитовать правительство; косвенные методы денежно-кредитной политики (в частности, корректировка процентных ставок), в отличие от более прямых методов финансирования бюджетного дефицита, кредитного контроля или регулирования, являются наиболее подходящими (Bernanke & Mishkin, 1997; Epstein, 2006; Arestis & Sawyer, 2008).

Концептуальная основа неолиберальной макроэкономической политики берет свое начало в неоклассических моделях равновесия с моделями репрезентативных агентов и рациональными ожиданиями, где равновесие достигается при «естественной ставке» процента, когда желаемые сбережения соответствуют спросу на инвестиции (Lucas, 1972; Kydland & Prescott, 1977). Номинальная жесткость и трения на рынке труда ограничивают достижение краткосрочного равновесия. Ключевая роль центрального банка заключается в том, чтобы направить экономику в сторону естественной процентной ставки посредством корректировки политической процентной ставки. Таргетирование инфляции предполагает, что центральный банк автоматически гарантирует самый низкий разрыв выпуска или тот же уровень экономической активности, который преобладал бы в отсутствие

номинальной жесткости (Blanchard & Galí, 2007). Способность учетной ставки достичь этого зависит от предположения, что хорошо функционирующие финансовые рынки передают денежно-кредитный стимул по всей экономике.

В соответствии с неолиберальным взглядом финансовая политика должна осуществляться так, чтобы не искажать естественную процентную ставку. Финансирование дефицита государственного бюджета финансовыми институтами, а не вкладчиками сбережений, является инфляционным и приводит к «вытеснению» частного сектора, повышая норму сбережений и подавляя эффективное распределение капитала. Финансовая политика рассматривается главным образом как антициклический инструмент управления краткосрочными бизнес-циклами (Sargent & Wallace, 1972; Fischer et al., 2002). Проблема «временной несогласованности» возникает потому, что для получения голосов на выборах правительства будут склонны финансировать бюджетный дефицит по ставкам ниже рыночных посредством денежного финансирования, создавая краткосрочную инфляцию и самореализующиеся инфляционные ожидания (Kydland & Prescott, 1977; Cukierman, 2006). Взгляд неолиберально-институционального консенсуса на разделение финансовой и денежно-кредитной политики и денежное финансирование подвергался как теоретической, так и эмпирической критике.

Разработка неолиберальной конструкции макроэкономической политики происходила в рамках неоклассического видения экономической реальности; при этом в вопросах статуса центрального банка эволюция неоклассической мысли привела к резкому разрыву с более ранними монетаристскими идеями. Так, М. Фридман, инициировавший монетаристскую контрреволюцию, исходя из имеющегося опыта деятельности центральных банков отвергал необходимость их независимости, поскольку возникает концентрация огромных полномочий в органе, свободном от эффективного политического контроля. Он указывал, что, во-первых, создание независимого центрального банка повлечет за собой рассредоточение ответственности за денежно-кредитную и финансовую политику и отсутствие общей подотчетности. Во-вторых, власть людей, а не закона, сделает политику чрезвычайно зависимой от личностей, что чревато «случайностями личности». В-третьих, независимые центральные банкиры могут быть слишком восприимчивы к влияниям определённых групп интересов (в частности, коммерческих банкиров). М. Фридман писал, что его собственное исследование денежно-кредитной истории показывает правильность аргументов за, а не против ликвидации независимости ФРС (Friedman, 1984).

Критика неолиберальной доктрины финансово-денежной политики происходила уже начиная с 1980-х гг., поскольку данная доктрина основывается на упрощенном видении экономической реальности, что приводит к созданию ценностно-нейтральных построений (Wray, 2007; Bibow, 2010; Epstein, 2019; Marshall & Rochon, 2023). Ключевым при этом выступает аргументация о несостоятельности мифа, согласно которому правительство не всегда действует в наилучших долгосрочных интересах своих избирателей, т. к. оно склонно проводить проинфляционную политику для стимулирования экономики; в то время как центральные банки, скорее всего, будут действовать именно в долгосрочных интересах страны. Однако правительство и центральный банк не действуют в вакууме, свободном от идеологии и особых интересов. В связи с этим подчеркивается странность утверждения о том, что «правительство не заботится об интересах страны, в то время как управляющие центральными банками это делают» (Harcourt et al., 2018, p. 210).

Теоретическая идея независимости центрального банка от правительства завоевала доверие после публикации ряда эмпирических работ, показывающих отрицательную корреляцию между индексами независимости центрального банка и инфляцией, при этом запрет или ограничения на финансирование центральным банком государственного долга были включены в качестве одного из индикаторов независимости (Cukierman et al., 1992; Alesina & Summers, 1993). Однако эмпирические исследования, включавшие более поздние данные, как правило, не обнаруживают четкой корреляции между независимостью центральных банков и инфляцией (Crowe & Meade, 2007). Что касается гиперинфляции, исследование из 56 зарегистрированных случаев показало, что подавляющее большинство из них произошло либо во время, либо после крупных войн или других внешних потрясений (Hanke & Kruse, 2013, p. 12). Мейнстримные утверждения о снижении инфляции при переходе к независимым центральным банкам не подтверждаются и современными эмпирическими исследованиями (Baumann et al., 2021; Khan, 2022). Кроме того, и эксперты МВФ стали указывать на то, что в условиях режима высокой инфляции, возникшей в последние годы в связи с шоками предложения, её таргетирование независимыми центральными банками не позволяет получить лучшие результаты по сравнению с центральными банками, не применяющими таргетирование (Imam & Poghosyan, 2025).

Вопреки мифу о «нейтральности» политики таргетирования инфляции, её проведение сопровождается ростом дисбаланса частных и общественных интересов и неравенства в доходах и богатстве. Так, эмпирические исследования показывают, что таргетирование инфляции в развитых странах вызвало ухудшение распределения доходов и снижение доли труда в национальном доходе по сравнению с долей прибыли (Altunbaş & Thornton, 2022). Базирующаяся на независимости центральных банков макроэкономическая политика приводит к дерегулированию финансовых рынков и к буму стоимости активов, находящихся преимущественно в руках богатой части населения (Aklin & Kern, 2021). Политика Европейского центрального банка (ЕЦБ) способствует финансиализации, инфляции цен на активы и финансовой нестабильности, одновременно снижая доходы и качество жизни людей (Braun, 2021).

Таким образом, мейнстримная макроэкономика рассматривает необходимость ограничения денежного финансирования государственного долга до незначительного уровня с помощью обеспечения независимости центрального банка. Эмпирическая поддержка такого подхода не убедительна, а теоретическая основа данной политики ошибочна. Макроэкономическая политика, явно реализуемая в последние пятнадцать лет в развитых странах на основе финансирования государственного бюджета центральными банками в больших масштабах, не привела к той инфляции, которую предсказывает мейнстримная теория, и рассматривается некоторыми как угроза независимости центральных банков из-за скрытого субсидирования государственного долга.

4. Посткейнсианская макроэкономическая теория: институциональный аспект

Посткейнсианская программа изучения институциональной структуры макроэкономической политики во многом опирается на две ключевые исследовательские предпосылки Дж. Кейнса, касающиеся ненейтральности денег и связи финансовой и денежно-кредитной политики. Кейнс в соответствии с интеллектуальными традициями классической политической экономии исходил из признания

ценностно-институциональный природы используемых в национальных экономиках денежных систем (Бирюков, 2022). Он рассматривал денежно-кредитную политику как важную частью государственной политики, которая не является нейтральной; поэтому исключительное внимание к целевым ориентирам ценовой стабильности не имеет смысла. Центральный банк не может ставить собственные цели, поскольку они должны соответствовать макроэкономической политике; и ответственность за денежно-кредитную политику должна сохраняться за правительством. В связи с этим Дж. Кейнс в 1932 г. писал, что управление банком должно в конечном итоге подчиняться действующему правительству, а высшие назначения должны происходить с одобрения министра финансов (Keynes, 1982, p. 131).

Посткейнсианцы подчеркивают, что реальные денежные системы, представленные в моделях мейнстрима, не относятся к типу нейтральных. Они считают, что различные версии мейнстримного подхода, предполагающие институциональную независимость центрального банка, являются неприемлемыми, т. к. центральный банк не должен быть способен проводить денежно-кредитную политику в направлении, противоположном тому, которое приняло правительство. Центральный банк должен обладать инструментальной, а не целевой независимостью; на данной основе денежно-кредитную политику требуется координировать с другими видами экономической политики. В отличие от мейнстримной трактовки природы денежно-кредитной политики, посткейнсианское её понимание исходит из того, что центральный банк должен нести ответственность не за стабильность цен, что является обязанностью правительства, а за обеспечение такой стабильности. Правительство определяет, что означает стабильность цен, и центральный банк должен достичь этих целей (Bartel, 1995, p. 248; De Carvalho, 1995–1996, p. 166; Rymes, 1995, p. 178–189).

С мейнстримной точки зрения, инфляция рассматривается исключительно как денежная проблема, на которую центральные банки могут напрямую влиять посредством основного инструмента центрального банка — процентной ставки (Dow, 2017). Напротив, экономисты, опирающиеся на идеи Й. Шумпетера и Дж. Кейнса, подчеркивают, что капиталистическая экономическая система представляют собой экономику «денежного производства» в том смысле, что инвестиции в реальную экономику требуется финансировать до появления сбережений. Для стабильного экономического роста капиталистическим экономикам необходимы инвестиции, которые приносят прибыль, превышающую долговые обязательства. Вместо того, чтобы зависеть в первую очередь от процентной ставки (и от того, находится ли она на равновесном уровне), инвестиции обусловлены в первую очередь ожиданиями будущей прибыли и возможностей роста, т. е. платежеспособным спросом (Minsky, 1986; Davidson, 1972; Deleidi & Mazzucato, 2019).

В рамках посткейнсианского подхода, в отличие от мейнстримного, инфляция рассматривается как явление, имеющее множество причин. В связи с этим подчеркивается, что инфляция может выступать как инфляция издержек, вызванная разными факторами: заработной платой, ценами на импорт, процессами монополизации и др. (Arestis & Sawyer, 2002). Сегодня в финансовой теории уровня цен (*Fiscal Theory of the Price Level — FTPL*) доказывается, что уровень цен складывается под влиянием межвременного бюджетного ограничения правительства и зависит не только от денежно-кредитной политики (Cochrane, 2023; Андрюшин, 2025). В современной денежной теории (*Modern Monetary Theory — MMT*), позициониру-

ющей государство как главного архитектора денежных систем, также подчеркивается, что финансовая политика определяет уровень цен (Van Lear, 2025).

В стандартной версии макроэкономики краткосрочная по своей сути денежно-кредитная политика, исходя из её ценностно-нейтральной природы, трактуется в качестве главного фактора, определяющего долгосрочные макроэкономические результаты, а финансовая политика становится важным инструментом достижения краткосрочных целей денежно-кредитной политики. Напротив, в посткейнсианской макротеории с учётом ненейтральности денег финансовая политика является основным фактором, обусловливающим долгосрочные макроэкономические результаты, а выбор целей и инструментов денежно-кредитной политики происходит с позиции достижения устойчивого развития конкурентных преимуществ национальной экономики и является средством реализации долговременных ориентиров финансовой политики. Посткейнсианское видение макроэкономики позволяет более реалистично изучать сложную взаимосвязь финансовой и денежно-кредитной политики в условиях современной трансформирующейся экономики и способствует пониманию ценностно-институционально направленных результатов макроэкономической политики. При этом подчеркивается, что финансовая и денежно-кредитная политики могут выполнять важную роль в поддержке устойчивого роста и совокупного спроса в долгосрочной, а не только в краткосрочной перспективе (Arestis & Sawyer, 2008).

5. Российская экономика в институциональной ловушке политики таргетирования инфляции

Фундаментальные проблемы, возникающие в последние десятилетия в развитии российской экономики, связаны с использованием неолиберально-институциональной структуры макроэкономической политики, основанной на институциональном разделении механизмов реализации финансовой и денежно-кредитной политик. Опора на стандартный подход приводит к тому, что конструирование расходящихся с российскими реалиями целей и инструментов макроэкономической политики определяется стремлением сформировать траекторию развития российской экономики в соответствии с «естественной процентной ставкой» с помощью корректировки Центральным банком процентной ставки, поскольку ценностно-нейтральная политика таргетирования инфляции автоматически гарантирует создание структурно-институциональных условий для перехода к высокому уровню экономической и инновационной активностей. Однако в мейнстримной теории денежно-кредитной политики, реализуемой независимым центральным банком, нет объяснения того, какой должна быть процентная ставка в реальной экономике, обеспечивающая её устойчивое развитие, и как её можно достичь в связи с меняющимися институционально-структурными условиями в краткосрочном и долгосрочном периодах. Поэтому отсутствует теоретическое обоснование влияния таргетирования инфляции на формирование институциональных механизмов экономического роста с учётом национальных особенностей сложившейся хозяйственной структуры (Arestis & Sawyer, 2008; Borio et al., 2018; Levrero, 2021; Маевский, 2024; Глазьев, Сухарев, 2025; Сухарев, 2025).

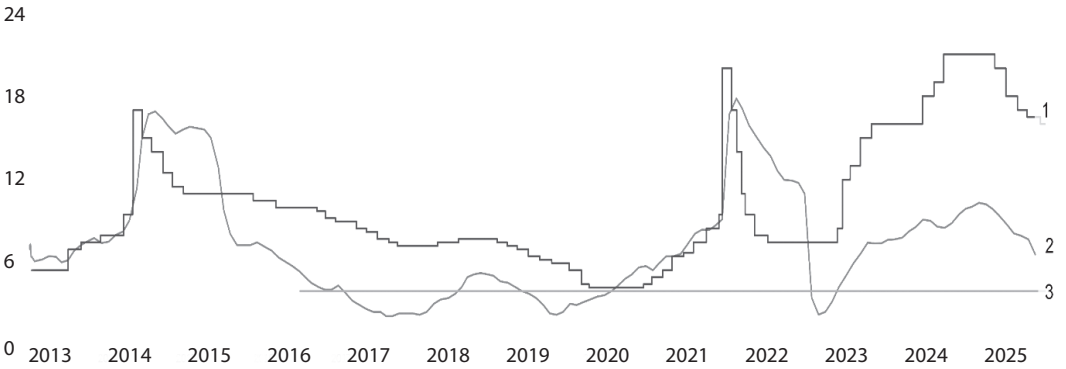
Современная мировая практика убедительно свидетельствует о несостоятельности мейнстримной догмы о том, что политика таргетирования инфляции независимым центральным банком выступает универсальным методом проведения

успешной макроэкономической политики в условиях режима низкой и высокой инфляций. Так, в 2000–2024 гг. использование в семёрке экономически наиболее развитых стран стандартной модели денежно-кредитной политики в условиях режима низкой инфляции (1–2 %) привело к формированию вялотекущего экономического роста, среднегодовой темп прироста ВВП составил лишь 1,5 % (Мельянцев, 2025). Развивающимся странам, сталкивавшимся в условиях режима высокой инфляции со сложными проблемами достижения макроэкономической стабильности, проведение традиционной политики таргетирования инфляции также не позволяет получить желаемые результаты, поэтому и эмпирические исследования не доказывают наличие устойчивой обратной связи между независимостью центральных банков и уровнем инфляции. В то же время страны с наиболее высокими показателями экономического роста, такие, например, как Китай и Индия, используют кейнсианские версии модели макроэкономической политики, в которой отсутствует институциональная независимость центрального банка.

Закрепившийся в экономическом мейнстриме нарратив об эффективности макроэкономической политики, основанной на таргетировании инфляции центральным банком, не находит своего подтверждения в российской многолетней практике. Предпринимаемые попытки корректировки проводимой в последние десятилетия финансово-денежной политики в рамках неолиберальной модели не смогли достичь поставленных целей, связанных с переходом экономики из режима высокой инфляции в режим низкой инфляции и формированием траектории устойчивого развития. Официально независимым Центральным банком как мегарегулятором финансовой системы страны стала проводится политика таргетирования инфляции с 2015 г., основными инструментами которой выступили ключевая ставка, плавающий курс рубля и инфляционные ожидания. Опора на мейнстримную макроэкономическую модель, в которой денежно-кредитная политика доминирует над финансовой политикой, обусловила абсолютизацию значимости политики борьбы с инфляцией с помощью высокой процентной ставки, снижающей совокупный спрос за счёт подавления экономической активности. В результате установились весьма ограниченные институциональные рамки проведения финансовой политики, не позволяющие реализовывать возможности активного влияния государства на увеличение совокупного предложения в краткосрочном и в долгосрочном периодах.

Реализация неолиберальной модели макрорегулирования российской экономики негативно сказывается на формировании институциональной среды, динамических и структурных макропараметров. Так, темпы роста экономики и в режиме высокой инфляции в период с 1999 до 2009 гг. превышали 5 %, а в период с 2013 по 2022 гг. составляли лишь около 1 %.

В 2023 г. темпы роста экономики возросли до 4,1 %, в 2024 г. — до 4,3 %; но в 2025 г. экономика вновь вернулась на траекторию неустойчивого низкого роста ВВП около 1 %. Жёсткая денежно-кредитная политика Центрального банка, основанная на применении в течение длительного времени избыточно завышенной реальной процентной ставки (8–10 %), выступает ключевым фактором инфляции предложения и появления прямой зависимости уровня инфляции от изменения ключевой ставки. На это, например, указывает представленный Центральным банком график динамики ключевой ставки и инфляции в период с 2013 по 2025 г. (рис. 4). Как свидетельствует этот график, инфляционный цикл, возникший в 2014–2019 гг., повторился в 2020–2025 гг.

Примечание: 1 — ключевая ставка, % годовых; 2 — инфляция, %, г/г; 3 — цель по инфляции, %.

Рис. 4. *Инфляция и ключевая ставка Банка России (источник: (Банк России. (2025). Инфляция и ключевая ставка Банка России. [Электронный ресурс]. https://www.cbr.ru/hd_base/infl (дата обращения: 30.01.2026))*
Fig. 4. *Inflation and the Key Rate of the Bank of Russia*

Использование институционально архаичной модели макроэкономической политики, в рамках которой денежно-кредитная политика Центрального банка базируется на доктрине таргетирования инфляции как главном инструменте противодействия инфляции в российской экономике, привело к появлению макроинституциональной ловушки, порождающей формирование финансово-инфляционных циклов воспроизводства режима высокой инфляции и механизмов торможения экономического роста. В соответствии с институциональной структурой данной модели независимый центральный банк, по сути, выполняет доминирующую роль в формировании траектории движения национальной экономики, устанавливая избыточно высокий уровень реальной ставки и неустойчивый обменный курс рубля. Это приводит к подавлению инновационной и инвестиционной деятельностей, снижению конкурентоспособности отечественных производителей и ухудшению их финансового состояния, росту дефицита государственного бюджета, налоговой нагрузки и расходов на обслуживание государственного долга, неудовлетворительному выполнению банковским сектором своей основной функции — финансирования реального сектора, перераспределению доходов в интересах владельцев крупных финансовых активов и развитию стагнационных процессов.

Эмпирические исследования, как пишут С.Ю. Глазьев и О.С. Сухарев, опровергают догму об эффективности политики таргетирования инфляции в России; они свидетельствуют о том, что завышенная ключевая процентная ставка способствует повышению цен в долгосрочном периоде и не подавляет инфляцию в краткосрочных периодах. Рост экономики был выше при высоком уровне цен и ниже — при их низком уровне; подавление инфляции сопровождалось подавлением и темпа роста (Глазьев, Сухарев, 2025).

Сегодня в связи с многолетней опорой на неолиберально-институциональную модель макроэкономической политики в российской экономике возникли неразрешимые в рамках данной модели системные проблемы, поскольку за проведение финансовой политики отвечает Министерство финансов, а за проведение денежно-кредитной политики — Центральный банк; однако отсутствует макроэкономический институт, отвечающий за проведение системно-целостной

(единой) финансово-денежной политики и обладающий необходимыми полномочиями. В результате национальная экономика не может выйти из макроинституциональной ловушки, структурные рамки которой обусловливают доминирование денежно-кредитной политики над финансовой политикой. При этом Центральный банк фактически превращается в главный макрорегулятор, который, исходя из институциональной независимости, разрабатывает и реализует стандартную политику таргетирования инфляции, не позволяющую правительству использовать имеющиеся возможности создания механизмов устойчивого развития экономики.

Выход российской экономики на траекторию успешного суверенного развития возможен лишь при переходе к новой ценностно-институциональной модели, которая базируется на приоритете финансовой политики по отношению к денежно-кредитной и целевые ориентиры которой определяются правительством в соответствии с потребностями структурно-институциональной трансформации и анализа разных вариантов формирования диапазона таргета по инфляции, исходя из рационального соотношения долгосрочных рисков, издержек и выгод. Такая модель предусматривает освобождение от неолиберального наследия при проведении финансово-денежной политики и переход к более гибкому управлению совокупным спросом и предложением, которое исходит из необходимости одновременного решения взаимосвязанных задач регулирования инфляции, экономического роста и структурной трансформации.

6. Заключение

Особенности проведения макроэкономической политики и её результаты во многом определяются выбором институциональной модели и созданием в её рамках институциональной конструкции взаимодействия правительства и центрального банка. В условиях неолиберальной трансформации мировой экономики произошёл глобальный переход от кейнсианской модели макроэкономической политики к мейнстримной модели с институциональным разделением финансовой и денежно-кредитной политик. Данный переход базировался на теоретически и эмпирически недоказанном нарративе о том, что именно создание независимого центрального банка позволяет проводить институционально нейтральную и успешную политику таргетирования инфляции. Фактически с помощью нарратива о важности независимости центральных банков от правительства легитимировалась их зависимость от интересов транснационального капитала и потеря суверенитета национальных экономик.

Институциональная логика построения неолиберальной модели макроэкономической политики предусматривает доминирование денежно-кредитной политики над финансовой политикой и превращение независимого центрального банка, по сути, в основной макрорегулятор ключевых параметров национальной экономики. При этом происходящий в последние пятнадцать лет поиск более адекватных усложняющейся реальности методов проведения макроэкономической политики, сопровождающийся ростом властных полномочий центральных банков и модификацией систем таргетирования инфляции, не позволяет обеспечивать необходимую координацию финансово-денежных процессов и получить ожидаемые результаты. В результате сегодня сложилась новая волна исследований в развитых и развивающихся странах, направленная на фундаментальный пересмотр стандартной модели финансово-денежной политики и мандата неза-

висимости центральных банков и связанная с потребностью построения суверенной национальной экономики в контексте формирующейся новой архитектуры мирового экономического порядка.

В условиях трансформации и фрагментации глобальной экономики, санкционных войн и торговых конфликтов существенно усложняются процессы, складывающиеся в российской экономике, и возрастает необходимость пересмотра институционально архаичной модели макроэкономической политики. Для разработки и реализации успешной суверенной макроэкономической политики требуется отказаться от неолиберального мифа о необходимости независимости центрального банка и в русле посткейнсианских идей перейти к модели координации финансовой и денежно-кредитной политик, которая на основе подчинения центрального банка правительству позволяет осуществлять адекватное российским реалиям регулирование совокупного спроса и предложения и инфляционных процессов, обеспечивающее поддержание долговременных инвестиционной и инновационной активностей в соответствии с новыми вызовами.

Список источников

Андрюшин, С. А. (2025). Фискальная теория денежно-кредитной политики: основные положения и рекомендации. *Terra Economicus, 23*(3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2025-23-3-6-20

Бирюков, В. В. (2022). Альтернативные институциональные стратегии разработки монетарных теорий. *AlterEconomics, 19*(2), 262–282. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.4

Бирюков, В. В. (2023). Системная парадигма и разработка альтернативных стратегий построения институциональных экономических теорий. *AlterEconomics, 20*(3), 505–526. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.2

Глазьев, С. Ю., Сухарев, О. С. (2025). Экономический рост и монетарная политика России. *Journal of New Economy, 26*(1), 6–30. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2025-26-1-1

Маевский, В. И. (2024). О возможности таргетирования экономического роста: теоретический аспект. *AlterEconomics, 21*(2), 159–178. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.1

Мельянцев, В. А. (2025). БРИКС+ vs «БОЛЬШАЯ СЕМЕРКА»: эффективность экономического роста. *Мировая экономика и международные отношения, 69*(12), 5–17. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-12-5-17

Сухарев, О. С. (2025). Экономический рост России: ключевая процентная ставка и «совокупное предложение». *Экономические стратегии, 27*(2(200)), 30–41. https://doi.org/10.33917/es-2.200.2025.30-41

Abbas, S. A., Blattner, L., De Broeck, M., El-Ganainy, M. A. & Hu, M. (2014). *Sovereign debt composition in advanced economies: A historical perspective.* Washington: International Monetary Fund, 42. https://doi.org/10.5089/9781498358781.001

Aklin, M., & Kern, A. (2021). The Side Effects of Central Bank Independence. *American Journal of Political Science, 65*(4), 971–987. https://doi.org/10.1111/ajps.12580

Alesina, A., & Summers, L. H. (1993). Central bank independence and macroeconomic performance: Some comparative evidence. *Journal of Money, Credit and Banking, 25*(2), 151–162. https://doi.org/10.2307/2077833

Altunbaş, Y., & Thornton, J. (2022). Does Inflation Targeting Increase Income Inequality? *Journal of Post Keynesian Economics, 45*(4), 558–580. https://doi.org/10.1080/01603477.2022.2101475

Arestis, P., & Sawyer, M. (2008). A Critical Reconsideration of the Foundations of Monetary Policy in the new Consensus Macroeconomics Framework. *Cambridge Journal of Economics, 32*(5), 761–779. https://doi.org/10.1093/cje/ben004

Arestis, P., & Sawyer, M. C. (2002). Can monetary policy affect the real economy? *Levy Economics Institute of Bard College Working Paper,* (No. 355).

Bartel, R. D. (1995). Federal Reserve independence and the people's quest for full employment and price stability. *Journal of Post Keynesian Economics, 18* (2), 231–249.

Baumann, P. F., Schomaker, M., & Rossi, E. (2021). Estimating the effect of central bank independence on inflation using longitudinal targeted maximum likelihood estimation. *Journal of Causal Inference, De Gruyter, 9* (1), 109–146. https://doi.org/10.1515/jci-2020-0016

Bernanke, B. S., & Mishkin, F. S. (1997). Inflation targeting: A new framework for monetary policy. *NBER Working Paper Series,* (5893).

Bibow, J. (2010). A Post Keynesian Perspective on the Rise of Central Bank Independence: A Dubious Success Story in Monetary Economics. *Levy Economics Institute of Bard College Working Paper,* (625). https://doi.org/10.2139/ssrn.1691706

Blanchard, O., & Galí, J. (2007). Real wage rigidities and the New Keynesian model. *Journal of money, credit and banking, 39,* 35–65.

Bodea, C., & Hicks, R. (2018). Sovereign Credit Ratings and Central Banks: Why Do Analysts Pay Attention to Institutions? *Economics & Politics, 30* (3), 340–365. https://doi.org/10.1111/ecpo.12113

Borio, C. E., Disyatat, P., Juselius, M., & Rungcharoenkitkul, P. (2018). Monetary policy in the grip of a pincer movement. *Bank of Interntional Settlements Working Paper,* (706). https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21536.53768

Braun, B. (2021). Central banking beyond inflation. Transformative Responses to the Crisis. *SocArXiv 3skmx, Center for Open Science.* https://doi.org/10.31219/osf.io/3skmx

Cobham, D. (2012). The past, present, and future of central banking. *Oxford Review of Economic Policy, 28* (4), 729–749. https://doi.org/10.1093/oxrep/grs023

Cochrane, J. H. (2023). *The fiscal theory of the price level.* Princeton University Press.

Crowe, C., & Meade, E. E. (2007). The evolution of central bank governance around the world. *The Journal of Economic Perspectives, 21* (4), 69–90. https://doi.org/10.1257/jep.21.4.69

Cukierman, A. (2006). Central bank independence and monetary policymaking institutions: Past, present and future. *Central Bank of Chile working papers, 360.*

Cukierman, A., Web, S. B., & Neyapti, B. (1992). Measuring the independence of central banks and its effect on policy outcomes. *The World Bank Economic Review, 6* (3), 353–398.

Davidson, P. (1972). Money and the real world. *The Economic Journal, 82* (325), 101–115. https://doi.org/10.2307/2230209

De Carvalho, F. J. C. (1995). The independence of central banks: A critical assessment of the arguments. *Journal of Post Keynesian Economics, 18* (2), 159–175. https://doi.org/10.1080/01603477.1995.11490066

Deleidi, M., & Mazzucato, M. (2019). Putting Austerity to Bed: Technical Progress, Aggregate Demand and the Supermultiplier. *Review of Political Economy, 31* (3), 315–335. https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1687146

Dow, S. (2017). Central banking in the twenty-first century. *Cambridge Journal of Economics, 41* (6), 1539–1557. https://doi.org/ 10.1093/cje/bex051

Eichengreen, B. J. (1998). *Globalizing capital: A history of the international monetary system.* Princeton: Princeton University Press, 227.

Epstein, G. (2006). *Central banks as agents of economic development.* (No. 2006/54). WIDER Research Paper.

Epstein, G. (2019). *The Political Economy of Central Banking.* Cheltenham: Edward Elgar, 567.

Epstein, G. A., & Schor, J. B. (1991). Macropolicy in the rise and fall of the golden age. In S. A. Marglin, J. B. Schor (Eds.), *The Golden Age of Capitalism: Reinterpreting the Postwar Experience.* Oxford: Oxford University Press.

Fischer, S., Sahay, R., & Végh, C. A. (2002). Modern hyper-and high inflations. *Journal of Economic Literature, 40* (3), 837–880. https://doi.org/10.1257/002205102760273805

Friedman, M. (1984). *Contemporary psychology: Revealing and obscuring the human.* Pittsburgh, PA: Duquesne University Press, 224.

Garriga, A. C. (2016). Central Bank Independence in the World: A New Data Set. *International Interactions, 42* (5), 849–868. https://doi.org/10.1080/03050629.2016.1188813

Garriga, A. C. (2025). Revisiting Central Bank Independence in the World: An Extended Dataset. *International Studies Quarterly, 69* (2), sqaf024. https://doi.org/10.1093/isq/sqaf024

Hanke, S. H., & Krus, N. (2013). World Hyperinflations. In R. Parker, R. Whaples (Eds.), *The Handbook of Major Events in Economic History* (pp. 367–377). London & New York: Routledge.

Harcourt, G. C., Kriesler, P., & Halevi, J. (2018). Central Bank Independence Revisited. In H. Bougrine, L.-P. Rochon (Eds.), *Economic Growth and Macroeconomic Stabilization Policies in Post-Keynesian Economics* (pp. 209–222). Cheltenham: Edward Elgar.

Imam, P. A., & Poghosyan, T. (2025). Navigating the 2022 Inflation Surge: A Comparative Analysis of IT and Non-IT Central Banks. *IMF Working Papers, 2025* (212). https://doi.org/10.5089/9798229027922.001

Jácome, M. L. I., Matamoros-Indorf, M. M., Sharma, M. M., & Townsend, M. S. (2012). Central Bank Credit to the Government: What Can We Learn from International Practices? *IMF Working Papers,* (12(16)).

Johnson, J. (2016). *Priests of Prosperity: How Central Bankers Transformed the Postcommunist World*. Ithaca: Cornell Univeristy Press, 312.

Kern, A., & Seddon, J. (2024). The Politics of Reversing Central Bank Independence. *Journal of Political Institutions and Political Economy, 5* (3), 443–485. https://doi.org/10.1561/113.00000108

Kern, A., Reinsberg, B., & Rau-Gohring, M. (2019). IMF Conditionality and Central Bank Independence. *European Journal of Political Economy, 59,* 212–229. https://doi.org/ 10.1016/j.ejpoleco.2019.03.002

Keynes, J. M. (1982). The monetary policy of the Labour Party. *Collected Works. Vol. XXI* (pp. 128–137). New Statesman and Nation.

Khan, N. (2022). Does Inflation Targeting Really Promote Economic Growth? *Review of Political Economy, 34* (3), 564–584. https://doi.org/10.1080/09538259.2021.1902165

Kydland, F. E., & Prescott, E. C. (1977). Rules rather than discretion: The inconsistency of optimal plans. *Journal of Political Economy, 85* (3), 473–491. https://doi.org/10.1086/260580

La Porta, R., Lopez-De-Silanes, F., & Shleifer, A. (2002). Government ownership of banks. *The Journal of Finance, 57* (1), 265–301. https://doi.org/10.1111/1540-6261.00422

Lastra, R. M. (1996). *Central Banking and Banking Regulation*. London: London School of Economics and Political Science, 329.

Levrero, E. S. (2021). Estimates of the Natural Rate of Interest and the Stance of Monetary Policies: A Critical Assessment. *International Journal of Political Economy, 50* (1), 5–27. https://doi.org/10.1080/08911916.2021.1894829

Lucas, R. E. (1972). Expectations and the Neutrality of Money. *Journal of economic theory, 4* (2), 103–124. https://doi.org/10.1016/0022-0531(72)90142-1

Marshall, W. C., & Rochon, L. P. (2023). Understanding Central Bank Independence. *International Journal of Political Economy, 51* (4), 346–373. https://doi.org/10.1080/08911916.2022.2137352

Minsky, H. (1986). *Stabilizing an Unstable Economy*. New Haven: Yale University Press, 407.

Palley, T. (2019). Central Bank Independence: A Rigged Debate Based on False Politics and Economics. *Investigacion Economica, 78* (310), 67–102. https://doi.org/10.22201/fe.01851667p.2019.310.71547

Qanas, J., & Sawyer, M. (2024). 'Independence' of Central Banks and the Political Economy of Monetary Policy. *Review of Political Economy, 36* (2), 565–580. https://doi.org/10.1080/09538259.2023.2189006

Quaglia, L., & Verdun, A. (2025). Introduction: The new political economy of central banks: reluctant Atlases? *New Political Economy, 30* (5), 625–638. https://doi.org/10.1080/13563467.2025.2504405

Reinsberg, B., Kern, A., & Rau-Göhring, M. (2021). The political economy of IMF conditionality and central bank independence. *European Journal of Political Economy, 68* (5), 101987. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101987

Romelli, D. (2022). The political economy of reforms in Central Bank design: Evidence from a new dataset. *Economic Policy, 37* (112), 641–688. https://doi.org/10.1093/epolic/eiac011

Ryan-Collins, J., & Van Lerven, F. (2018). *Bringing the helicopter to ground: A historical review of fiscal-monetary coordination to support economic growth in the 20th century.* UCL Institute for Innovation and Public Purpose Working Paper Series (IIPP WP 2018-08).

Rymes, T. K. (1995). Autonomous and accountable. *Journal of Post Keynesian Economics, 18* (2), 177–187.

Sargent, T. J., & Wallace, N. (1972). Rational expectations and the dynamics of hyperinflation. *Discussion Paper,* (22).

Van Lear, W. (2025). Modern Monetary Theory and Fiscal–Monetary Policy Frameworks. *Eastern Economic Journal, 51* (3), 436–455. https://doi.org/10.1057/s41302-025-00300-0

Wray, L. R. (2007). A Post Keynesian View of Central Bank Independence, Policy Targets, and the Rules Versus Discretion Debate. *Journal of Post Keynesian Economics, 30* (1), 119–141. https://doi.org/10.2753/PKE0160-3477300106

References

Abbas, S. A., Blattner, L., De Broeck, M., El-Ganainy, M. A. & Hu, M. (2014). *Sovereign debt composition in advanced economies: A historical perspective.* International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9781498358781.001

Aklin, M., & Kern, A. (2021). The Side Effects of Central Bank Independence. *American Journal of Political Science, 65* (4), 971–987. https://doi.org/10.1111/ajps.12580

Alesina, A., & Summers, L. H. (1993). Central bank independence and macroeconomic performance: Some comparative evidence. *Journal of Money, Credit and Banking, 25* (2), 151–162. https://doi.org/10.2307/2077833

Altunbaş, Y., & Thornton, J. (2022). Does Inflation Targeting Increase Income Inequality? *Journal of Post Keynesian Economics, 45* (4), 558–580. https://doi.org/10.1080/01603477.2022.2101475

Andryushin, S. A. (2025). Fiscal theory of monetary policy: Basic provisions and recommendations. *Terra Economicus, 23* (3), 6–20. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2025-23-3-6-20 (In Russ.)

Arestis, P., & Sawyer, M. (2008). A Critical Reconsideration of the Foundations of Monetary Policy in the new Consensus Macroeconomics Framework. *Cambridge Journal of Economics, 32* (5), 761–779. https://doi.org/10.1093/cje/ben004

Arestis, P., & Sawyer, M. C. (2002). Can monetary policy affect the real economy? *Levy Economics Institute of Bard College Working Paper,* (No. 355).

Bartel, R. D. (1995). Federal Reserve independence and the people's quest for full employment and price stability. *Journal of Post Keynesian Economics, 18* (2), 231–249.

Baumann, P. F., Schomaker, M., & Rossi, E. (2021). Estimating the effect of central bank independence on inflation using longitudinal targeted maximum likelihood estimation. *Journal of Causal Inference, De Gruyter, 9* (1), 109–146. https://doi.org/10.1515/jci-2020-0016

Bernanke, B. S., & Mishkin, F. S. (1997). Inflation targeting: A new framework for monetary policy. *NBER Working Paper Series,* (5893).

Bibow, J. (2010). A Post Keynesian Perspective on the Rise of Central Bank Independence: A Dubious Success Story in Monetary Economics. *Levy Economics Institute of Bard College Working Paper,* (625). https://doi.org/10.2139/ssrn.1691706

Biryukov, V. V. (2022). Alternative Institutional Strategies for Constructing Monetary Theories. *AlterEconomics, 19* (2), 262–282. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.4 (In Russ.)

Biryukov, V. V. (2023). System Paradigm and Development of Alternative Strategies in Constructing Institutional Economic Theories. *AlterEconomics, 20* (3), 505–526. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.2 (In Russ.)

Blanchard, O., & Galí, J. (2007). Real wage rigidities and the New Keynesian model. *Journal of money, credit and banking, 39,* 35–65.

Bodea, C., & Hicks, R. (2018). Sovereign Credit Ratings and Central Banks: Why Do Analysts Pay Attention to Institutions? *Economics & Politics, 30* (3), 340–365. https://doi.org/10.1111/ecpo.12113

Borio, C. E., Disyatat, P., Juselius, M., & Rungcharoenkitkul, P. (2018). Monetary policy in the grip of a pincer movement. *Bank of Interntional Settlements Working Paper,* (706). https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21536.53768

Braun, B. (2021). Central banking beyond inflation. Transformative Responses to the Crisis. *SocArXiv 3skmx, Center for Open Science*. https://doi.org/10.31219/osf.io/3skmx

Cobham, D. (2012). The past, present, and future of central banking. *Oxford Review of Economic Policy, 28* (4), 729–749. https://doi.org/10.1093/oxrep/grs023

Cochrane, J. H. (2023). *The fiscal theory of the price level*. Princeton University Press.

Crowe, C., & Meade, E. E. (2007). The evolution of central bank governance around the world. *The Journal of Economic Perspectives, 21* (4), 69–90. https://doi.org/10.1257/jep.21.4.69

Cukierman, A. (2006). Central bank independence and monetary policymaking institutions: Past, present and future. *Central Bank of Chile working papers, 360*.

Cukierman, A., Web, S. B., & Neyapti, B. (1992). Measuring the independence of central banks and its effect on policy outcomes. *The World Bank Economic Review, 6* (3), 353–398.

Davidson, P. (1972). Money and the real world. *The Economic Journal, 82* (325), 101–115. https://doi.org/10.2307/2230209

De Carvalho, F. J. C. (1995). The independence of central banks: A critical assessment of the arguments. *Journal of Post Keynesian Economics, 18* (2), 159–175. https://doi.org/10.1080/01603477.1995.11490066

Deleidi, M., & Mazzucato, M. (2019). Putting Austerity to Bed: Technical Progress, Aggregate Demand and the Supermultiplier. *Review of Political Economy, 31* (3), 315–335. https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1687146

Dow, S. (2017). Central banking in the twenty-first century. *Cambridge Journal of Economics, 41* (6), 1539–1557. https://doi.org/ 10.1093/cje/bex051

Eichengreen, B. J. (1998). *Globalizing capital: A history of the international monetary system*. Princeton University Press.

Epstein, G. (2006). *Central banks as agents of economic development*. (No. 2006/54). WIDER Research Paper.

Epstein, G. (2019). *The Political Economy of Central Banking*. Edward Elgar.

Epstein, G. A., & Schor, J. B. (1991). Macropolicy in the rise and fall of the golden age. In S. A. Marglin, J. B. Schor (Eds.), *The Golden Age of Capitalism: Reinterpreting the Postwar Experience*. Oxford University Press.

Fischer, S., Sahay, R., & Végh, C. A. (2002). Modern hyper-and high inflations. *Journal of Economic Literature, 40* (3), 837–880. https://doi.org/10.1257/002205102760273805

Friedman, M. (1984). *Contemporary psychology: Revealing and obscuring the human*. Duquesne University Press.

Garriga, A. C. (2016). Central Bank Independence in the World: A New Data Set. *International Interactions, 42* (5), 849–868. https://doi.org/10.1080/03050629.2016.1188813

Garriga, A. C. (2025). Revisiting Central Bank Independence in the World: An Extended Dataset. *International Studies Quarterly, 69* (2), sqaf024. https://doi.org/10.1093/isq/sqaf024

Glazyev, S. Yu., & Sukharev, O. S. (2025). Economic growth and monetary policy in Russia. *Journal of New Economy, 26* (1), 6–30. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2025-26-1-1 (In Russ.)

Hanke, S. H., & Krus, N. (2013). World Hyperinflations. In R. Parker, R. Whaples (Eds.), *The Handbook of Major Events in Economic History* (pp. 367–377), London & New York: Routledge.

Harcourt, G. C., Kriesler, P., & Halevi, J. (2018). Central Bank Independence Revisited. In H. Bougrine, L.-P. Rochon (Eds.), *Economic Growth and Macroeconomic Stabilization Policies in Post-Keynesian Economics* (pp. 209–222). Cheltenham: Edward Elgar.

Imam, P. A., & Poghosyan, T. (2025). Navigating the 2022 Inflation Surge: A Comparative Analysis of IT and Non-IT Central Banks. *IMF Working Papers, 2025* (212). https://doi.org/10.5089/9798229027922.001

Jácome, M. L. I., Matamoros-Indorf, M. M., Sharma, M. M., & Townsend, M. S. (2012). Central Bank Credit to the Government: What Can We Learn from International Practices? *IMF Working Papers,* (12(16)).

Johnson, J. (2016). *Priests of Prosperity: How Central Bankers Transformed the Postcommunist World.* Cornell Univeristy Press.

Kern, A., & Seddon, J. (2024). The Politics of Reversing Central Bank Independence. *Journal of Political Institutions and Political Economy, 5*(3), 443–485. https://doi.org/10.1561/113.00000108

Kern, A., Reinsberg, B., & Rau-Gohring, M. (2019). IMF Conditionality and Central Bank Independence. *European Journal of Political Economy, 59,* 212–229. https://doi.org/ 10.1016/j.ejpoleco.2019.03.002

Keynes, J. M. (1982). The monetary policy of the Labour Party. *Collected Works. Vol. XXI* (pp. 128–137). New Statesman and Nation.

Khan, N. (2022). Does Inflation Targeting Really Promote Economic Growth? *Review of Political Economy, 34*(3), 564–584. https://doi.org/10.1080/09538259.2021.1902165

Kydland, F. E., & Prescott, E. C. (1977). Rules rather than discretion: The inconsistency of optimal plans. *Journal of Political Economy, 85*(3), 473–491. https://doi.org/10.1086/260580

La Porta, R., Lopez-De-Silanes, F., & Shleifer, A. (2002). Government ownership of banks. *The Journal of Finance, 57*(1), 265–301. https://doi.org/10.1111/1540-6261.00422

Lastra, R. M. (1996). *Central Banking and Banking Regulation.* London School of Economics and Political Science.

Levrero, E. S. (2021). Estimates of the Natural Rate of Interest and the Stance of Monetary Policies: A Critical Assessment. *International Journal of Political Economy, 50*(1), 5–27. https://doi.org/10.1080/08911916.2021.1894829

Lucas, R. E. (1972). Expectations and the Neutrality of Money. *Journal of economic theory, 4*(2), 103–124. https://doi.org/10.1016/0022-0531(72)90142-1

Maevsky, V. I. (2024). The Possibility of Targeting Economic Growth: Theoretical Aspect. *AlterEconomics, 21*(2), 159–178. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.1 (In Russ.)

Marshall, W. C., & Rochon, L. P. (2023). Understanding Central Bank Independence. *International Journal of Political Economy, 51*(4), 346–373. https://doi.org/10.1080/08911916.2022.2137352

Meliantsev, V. A. (2025). BRICS+ vs G7: Economic Growth Efficiency. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations, 69*(12), 5–17. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-12-5-17 (In Russ.)

Minsky, H. (1986). *Stabilizing an Unstable Economy.* Yale University Press.

Palley, T. (2019). Central Bank Independence: A Rigged Debate Based on False Politics and Economics. *Investigacion Economica, 78*(310), 67–102. https://doi.org/10.22201/fe.01851667p.2019.310.71547

Qanas, J., & Sawyer, M. (2024). 'Independence' of Central Banks and the Political Economy of Monetary Policy. *Review of Political Economy, 36*(2), 565–580. https://doi.org/10.1080/09538259.2023.2189006

Quaglia, L., & Verdun, A. (2025). Introduction: The new political economy of central banks: reluctant Atlases? *New Political Economy, 30*(5), 625–638. https://doi.org/10.1080/13563467.2025.2504405

Reinsberg, B., Kern, A., & Rau-Göhring, M. (2021). The political economy of IMF conditionality and central bank independence. *European Journal of Political Economy, 68*(5), 101987. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101987

Romelli, D. (2022). The political economy of reforms in Central Bank design: Evidence from a new dataset. *Economic Policy, 37*(112), 641–688. https://doi.org/10.1093/epolic/eiac011

Ryan-Collins, J., & Van Lerven, F. (2018). *Bringing the helicopter to ground: A historical review of fiscal-monetary coordination to support economic growth in the 20th century.* UCL Institute for Innovation and Public Purpose Working Paper Series (IIPP WP 2018-08).

Rymes, T. K. (1995). Autonomous and accountable. *Journal of Post Keynesian Economics, 18*(2), 177–187.

Sargent, T. J., & Wallace, N. (1972). Rational expectations and the dynamics of hyperinflation. *Discussion Paper,* (22).

Sukharev, O. S. (2025). Russia's economic growth: Key interest rate and "aggregate supply". *Ekonomicheskiye strategii [Economic strategies], 27*(2(200)), 30–41. https://doi.org/10.33917/es-2.200.2025.30-41 (In Russ.)

Van Lear, W. (2025). Modern Monetary Theory and Fiscal–Monetary Policy Frameworks. *Eastern Economic Journal, 51*(3), 436–455. https://doi.org/10.1057/s41302-025-00300-0

Wray, L. R. (2007). A Post Keynesian View of Central Bank Independence, Policy Targets, and the Rules Versus Discretion Debate. *Journal of Post Keynesian Economics, 30*(1), 119–141. https://doi.org/10.2753/PKE0160-3477300106

Информация об авторе

Бирюков Виталий Васильевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления, Омская гуманитарная академия; https://orcid.org/0000-0002-3385-3603 (Российская Федерация, 644105, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, д. 2А; e-mail: sciencebvv@gmail.com).

About the author

Vitaly V. Biryukov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Omsk Humanitarian Academy; https://orcid.org/0000-0002-3385-3603 (2A, 4th Chelyuskintsev St., Omsk, 644105, Russian Federation; e-mail: sciencebvv@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 12.01.2026.
Прошла рецензирование: 19.01.2026.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 12 Jan 2026.
Reviewed: 19 Jan 2026.
Accepted: 10 Feb 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.5
УДК 339.97, 339.9.01
JEL F02

BY 4.0
OPEN ACCESS

Структурная стагнация как стратегический глобальный вызов мировой экономики в современных условиях[1]

Сергей В. ЧИЧИЛИМОВ
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Чичилимов, С. В. (2026). Структурная стагнация как стратегический глобальный вызов мировой экономики в современных условиях. *AlterEconomics, 23*(1), 66–84. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.5

Аннотация. В статье исследуется эволюция теории экономического роста в ретроспективе XIX–XXI веков. Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что исчерпание потенциала доминирующей модели роста обусловлено одновременным действием трех взаимосвязанных факторов: ростом геополитического напряжения, обострением геоэкономического противостояния и сменой доминирующего фактора хозяйственного роста, в своей совокупности предопределяющих формирование предпосылок глобальной структурной стагнации. Актуальность работы заключается в дополнительном анализе исторической цикличности кризисов экономического роста. Цель данной статьи — выявить закономерности формирования структурной стагнации на основе сравнительного анализа трех ключевых периодов: 1920–1930-х, 1970–1980-х и 2020-х годов и рассмотреть влияние экономических теорий каждого этапа на преодоление ловушки структурной стагнации. В работе применяется метод исторического и эмпирического сравнения данных, дополненный количественным анализом динамики источников ВВП в США и Великобритании. Установлено, что каждое попадание мировой экономики в ловушку структурной стагнации сопровождалось одновременным действием трех факторов: ростом геополитического напряжения, обострением геоэкономического противостояния и исчерпанием потенциала доминирующего фактора роста (капитала, совокупного спроса, технологий). Показано, что выход из стагнации происходил в том числе через формирование новой теоретической парадигмы, расширяющей предыдущую за счёт учёта знаний, институтов и человеческого капитала. Основной вывод заключается в том, что угроза новой ловушки структурной стагнации требует перехода к модели роста, основанной на суверенных компетенциях в сфере знаний и гибкой институциональной адаптации. В качестве направления будущих исследований предложено количественное моделирование взаимосвязи между качеством институтов, уровнем человеческого капитала и устойчивостью к геоэкономическим шокам.

Ключевые слова: экономическая теория, экономический рост, структурная стагнация

[1] © Чичилимов С. В. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Structural Stagnation as a Strategic Global Challenge to the World Economy

Sergey V. CHICHILIMOV ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Chichilimov, S. V. (2026). Structural Stagnation as a Strategic Global Challenge to the World Economy. *AlterEconomics, 23*(1), 66–84. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.5

Abstract. This article examines the evolution of economic growth theory from the nineteenth to the twenty-first century. The study hypothesizes that the exhaustion of the dominant growth model results from the simultaneous interaction of three interrelated factors: rising geopolitical tensions, intensifying geoeconomic competition, and a shift in the dominant driver of economic growth. Together, these processes create the conditions for global structural stagnation. The relevance of the study lies in its additional analysis of the historical cyclicality of economic growth crises. The article aims to identify patterns in the emergence of structural stagnation through a comparative analysis of three key periods: the 1920s–1930s, the 1970s–1980s, and the 2020s. It seeks to examine how the economic theories of each period contributed to overcoming stagnation. The study employs a comparative historical approach supported by an empirical analysis of GDP growth components in the United States and Great Britain. The findings indicate that periods of structural stagnation in the global economy consistently coincide with the simultaneous influence of three factors: heightened geopolitical tensions, intensified geoeconomic competition, and the exhaustion of the dominant growth driver (capital accumulation, aggregate demand, or technological progress). Recovery from stagnation has historically been associated with the emergence of new theoretical paradigms that expand previous frameworks by incorporating knowledge, institutions, and human capital. The risk of a new phase of structural stagnation requires a transition toward a growth model based on sovereign knowledge capabilities and flexible institutional adaptation. Future research may focus on quantitative modeling of the relationship between institutional quality, human capital development, and resilience to geoeconomic shocks.

Keywords: economic theory, economic growth, structural stagnation

1. Введение

К середине третьего десятилетия XXI в. мировая экономика вошла в период ускоренного охлаждения хозяйственного роста: среднегодовые темпы прироста глобального ВВП снизились с 3,3 % в 2000–2009 гг. и 3,6 % в 2010–2019 гг. до 3,1 % в 2020–2024 гг.[1] Схожий тренд отмечают специалисты и в приросте общей факторной производительности, динамика которой в 2020–2024 гг. снизилась более чем в 2 раза по сравнению с периодом 2010–2019 гг.[2] Такой же спад происходит и с одним из главных драйверов экономического роста — международной торговлей товарами, среднегодовой прирост реального объема которой снизился с 10,9 % в 2010–2019 гг. до 6,4 % в 2020–2024 гг.[3] Одновременно ускоряется убывающая отдача от накопления традиционных факторов производства. По оценкам ЮНКТАД, прирост ВВП на единицу вложенного капитала в странах ОЭСР снизился с 0,42 в 2000–2007 гг. до 0,23 в 2015–2024 гг. Кроме того, рост производительности труда, несмотря на растущие инвестиции, в США, Германии и Японии замедлился с 2,1 %

[1] Рассчитано по: World Bank Data. GDP Growth (Annual, %). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 08.02.2026).

[2] IMF. World Economic Outlook: Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim. October 2025. P. 12.

[3] Рассчитано по: Trade. (Annual, %). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 08.02.2026).

в среднем за 1995–2005 гг. до 0,8 % в 2015–2024 гг.[1] В результате повышается риск попадания глобальной хозяйственной системы в состояние структурной стагнации, характеризующейся общим спадом динамики ВВП и синхронным торможением ключевых компонентов экономического роста.

Целью настоящей статьи является выявление причин снижения динамики экономического роста в условиях нарастания геоэкономической конкуренции и структурной трансформации мировой экономики. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

— выявить новые детерминанты экономического роста, обусловленные повышением роли экономики знаний, массовизацией применения искусственного интеллекта и обострением геоэкономической конкуренции;

— уточнить механизмы сонастройки институциональной среды и государственной политики трансформации инноваций в производительные силы;

— определить возможное сущностное наполнение новой структурной стагнации в XXI в.

Рабочая гипотеза состоит в том, что в связи с постоянным усложнением мировой хозяйственной системы в период глобальных структурных трансформаций исчерпывается потенциал доминирующей модели экономического роста как следствие сочетания трех взаимосвязанных факторов — роста геополитического напряжения, обострения геоэкономического противостояния и смены доминирующего фактора хозяйственного роста. В этот момент в результате истощения потенциала предыдущих детерминант экономического роста глобальная хозяйственная система попадает в период общего спада динамики ВВП и нарастания структурной стагнации — синхронного торможения большинства составляющих экономического роста. Главной задачей экономической науки в этих условиях становится поиск нового сущностного наполнения и вариантов обеспечения устойчивого роста ускорением развития человеческого капитала, согласованием инструментов модернизации хозяйственной сферы, купированием проблемных зон институциональной среды.

2. Структурная стагнация в 1930–1940-х гг.

Первое попадание мировой экономики в ловушку структурной стагнации в XX в. приходится на рубеж 1920–1930-х гг. К этому времени модель хозяйственного развития, основанная на постулатах классической школы, начала исчерпывать свой потенциал роста. Первый из них — «невидимая рука рынка» — механизм, который, по мнению А. Смита (1723–1790 гг.), впоследствии Д. Рикардо (1772–1823 гг.) и других ученых-классиков, при отсутствии активного государственного вмешательства и обеспечении свободной конкуренции способен автоматически приводить рынки к равновесию. Так, А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» в 1776 г. отмечал, что торговец (экономический агент), «преследуя собственную выгоду…невидимой рукой направляется к цели, употребляя капитал на поддержку отечественной промышленности… и способствует интересам общества эффективнее, чем когда намеренно стремится к этому» (Smith, 1776). Однако в период «Великого слияния корпораций» (“The Great Merger Movement”) 1895–1920 гг. (Lerner, 1959) в США началось формирование транснационального

[1] United Nations. (2025). *Trade and Development Report 2025. On the brink trade, finance and the reshaping of the global economy.* [Электронный ресурс]. https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2025 (дата обращения: 14.11.2025).

капитала. Уже к 1912 г. 90 % производства в ключевых секторах США (сталь, медь, сахар, табак) контролировалось десятью международными трестами (Lamoreaux, 1985), а доля капитала крупных транснациональных корпораций в американских промышленных активах выросла с 10 до 45 % за 1895–1920 гг. (Attak, 2003, p. 10). В связи с этим свободная рыночная ценовая координация и распределение капитала, как и механизм «невидимой руки», постепенно вытеснялись административно-корпоративным планированием.

Второй ключевой постулат классиков — закон Ж.-Б. Сэя, предложенный в 1803 г., согласно которому совокупный спрос автоматически поглощает весь объем продукции, произведенный в соответствии с существующей технологией и ресурсами в условиях экономики с гибкими ценами. В своих трудах Ж.-Б. Сэй (1767–1832) утверждал: «Каждое предложение создает свой собственный спрос, поскольку… покупка всякого продукта не может совершиться иначе как на ценность другого продукта…» (Сэй, 1896, с. 45). Эта аксиома исключала возможность системного перепроизводства и предполагала автоматическое совпадение совокупного спроса и предложения в долгосрочной перспективе. Однако зарождение массового промышленного производства в 1900–1920-е гг. эту гипотезу опровергло. Например, в США в этот период промышленный выпуск вырос на 120 %, тогда как реальные доходы населения увеличились на 70 % (Irwin, 2017, p. 48). Одновременно ускорилась динамика расслоения населения по доходам. Доля национального богатства, приходившаяся на верхний 1 % домохозяйств, выросла с 14 % в 1900 г. до 24 % к 1928 г. (Пикетти, 2015, с. 121). Это привело к сужению платежеспособного спроса и эрозии среднего класса. В результате совокупное предложение стало структурно опережать совокупный спрос. В итоге закон Ж.-Б. Сэя утратил объяснительную силу в новой реальности индустриальной экономики.

Третий постулат классической экономической школы заключался в том, что доминирующим фактором экономического роста признавалось исключительно накопление капитала. Это утверждение доказывал, например, Дж. С. Милль (1806–1873), отмечая в работе «Основы политической экономии» (1859 г.), что «прирост капитала есть прирост производственных средств, а значит, и будущего продукта» (Милль, 1980). Данная логика предполагала прямую и устойчивую связь между объемом инвестиций и динамикой ВВП. Однако уже в 1900–1920 гг. эта связь стала ослабевать. В частности, в Великобритании и США ежегодный прирост валового накопления основного капитала увеличился с 4,1 % и 5,7 % в 1880–1899-х гг. до 7,6 %[1] и 9,2 % (Irwin, 2017, p. 67) в 1900–1929-х гг. При этом за аналогичный период динамика ВВП в этих странах снизилась с 2,5 % и 4,3 % до 0,72 % и 3,4 % соответственно (Eichengreen, 1996, p. 287).

На рубеж 1920–1930-х гг. одновременно приходится проявление трех детерминант торможения экономического роста крупнейших экономик. Во-первых, геополитическое напряжение достигло своего пика с началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. К ее окончанию завершился «золотой век» мировой экономики 1870–1914 гг., когда среднегодовые темпы прироста глобального ВВП равнялись 2,7 %, экспорта — 3,7 % против 1,2 % и 1,5 % за 1820–1870-е гг. (Eichengreen, 1996,

[1] National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 23.11.2025).

р. 287). За пять лет военных действий (1914–1918 гг.) мировой ВВП сократился на 10 %, мировая торговля — на 35 %, рухнул золотой стандарт, затруднив возможности поиска вектора восстановительного роста[1]. Кроме того, началась фрагментация глобального экономического пространства, вылившаяся к 1930-м гг. в его дробление на несколько валютно-финансовых блоков — стерлинговый (46 стран во главе с Британией и совокупной долей в мировом экспорте около 40 %), долларовый (США и страны Латинской Америки, на которые приходилось около 15 % глобального экспорта) и золотой (Франция и страны Бенилюкса, контролировавшие еще 12 % мировой торговли) (Eichengreen, 1996, p. 320).

Во-вторых, из-за накопившихся после окончания Первой мировой войны геополитических противоречий резко возрос уровень геоэкономического противостояния, особенно по линии крупнейших экономик Европы и США, который обернулся в итоге Великой депрессией 1929–1939 гг., захватившей экономику большинства капиталистических стран. В самой острой фазе кризиса Великой депрессии (которую, кстати, специалисты называют «первым по-настоящему глобальным структурным кризисом промышленного капитализма» (Eichengreen, 1996, p. 281)) в 1929–1939 гг. мировой ВВП сократился на 15 %, объем международной торговли — на 66 % (Maddison, 2001). Кроме того, уровень безработицы в США и странах Европы достиг 25 % (безработными являлись 30 млн чел.), промышленное производство сократилось на 52 %, а прямые иностранные инвестиции — на 74 % (Irwin, 2017, p. 126).

В-третьих, на стыке второго и третьего десятилетий XX в. началась смена доминирующего фактора экономического роста — накопление капитала стало утрачивать свою эффективность. Так, согласно расчетам американских специалистов, глобальная доходность капитала (рассчитанная на примере США и 15 стран Европы для векселей, облигаций, акций и жилой недвижимости) упала с 7,0 % в среднем за 1870–1890 гг. до отрицательных значений в 1910–1930-х гг.[2] При этом в США за 1900–1930 гг. уровень отдачи на вложенный капитал снизился на 27 % (Maddison, 2008).

Одновременное наложение детерминант спада экономического роста привело к структурной стагнации в крупнейших экономиках мира (табл. 1). Причем на глобальном уровне такой феномен и в таком масштабе проявился фактически впервые в статистически наблюдаемой мировой экономической истории. В 1920-е гг. среднегодовой прирост расходов домохозяйств в США уходит в отрицательные значения (–3,7 %), так же как и инвестиции в основной капитал (–7,0 %), вследствие чего ВНП начинает сжиматься (–2,2 %). При этом вклад упавшего практически в 40 раз по сравнению с предыдущим десятилетием среднегодового объема чистого экспорта не смог исправить тренд. В Великобритании ситуация повторилась зеркально с одним уточнением. В 1920–1929 гг. здесь все источники экономического роста, включая чистый экспорт, оказались в отрицательной зоне. Такая синхронная эрозия ключевых составляющих экономического роста стала одной из главных причин начала затяжного кризиса Великой депрессии.

[1] Минаев, С. (2017, 17 сентября). Крах, Британия. *Коммерсантъ*. [Электронный ресурс]. https://www.kommersant.ru/doc/3409691 (дата обращения: 08.02.2026).

[2] Jordá, O., Knoll, K., Kuvshinov, D., Schularick, M., & Taylor, A. M. (2017). *The Rate of Return on Everything, 1870–2015*. [Электронный ресурс]. https://www.anderson.ucla.edu/documents/areas/fac/finance/RORE_13Dec2017.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

Таблица 1

Динамика источников экономического роста в Великобритании и США в 1880–1930-е гг. в среднем за год, %

Table 1

Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Annual Averages for the 1880s–1930s, %

Источник	Значение показателя по годам					
	1880–1889	1890–1899	1900–1909	1910–1919	1920–1929	1930–1939
Великобритания						
Прирост государственных расходов	1,2	1,5	0,2	–1,4	–2,2	2,8
Прирост расходов частных домохозяйств	1,6	2,5	1,6	9,8	–3,2	–7,8
Прирост накопления основного капитала	–0,1	8,4	–3,2	6,8	–5,0	3,4
Чистый экспорт, млн фунтов	76,0	58,0	47,0	–12,0	–84,0	–110,0
ВНП*	2,1	3,4	1,9	8,7	–3,4	1,4
*США***						
Прирост государственных расходов	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Прирост расходов частных домохозяйств	1,7	3,5	3,2	14,8	–3,7	–8,8
Прирост накопления основного капитала	1,4	14,2	15,7	3,2	–7,0	–4,4
Чистый экспорт, млн долл.	–29,0	112,0	228,0	786,0	21,0	108,0
ВНП	1,1	5,4	4,3	13,8	–2,2	1,5

Примечания: * в официальных статистических материалах информация в разрезе источников роста ВВП дается с 1930-х гг.

** Данные по источникам экономического роста в США доступны только с 1929 г.

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK; (Eichengreen, p. 287; Maddison, 2001, pp. 400–410); Bureau of Labor Statistics.100 Years of U.S. Consumer Spending. [Электронный ресурс]. https://www.google.com/search?q=100+years+of+expenditures+us&safe=active&sca_esv (дата обращения: 08.02.2026).

Данные, приведенные в таблице 2, показывая изменение структуры драйверов хозяйственного развития, подтверждают исчерпание потенциала предыдущей модели экономического роста. Так, доля частного потребления в Великобритании, на протяжении 1880–1910-х гг. составлявшая более 85 % в структуре ВНП, в 1920-е гг. впервые начинает падать, опускаясь до 76,7 % в среднем за десятилетие, что отражает снижение способности массового потребительского рынка к саморегулированию. Одновременно доля государственных расходов, остававшаяся стабильной на уровне 4–6 % до Первой мировой войны, в 1920-е гг. резко возрастает до 23,3 %, тем самым формируя роль государства как компенсатора частного спроса и регулятора инвестиционных потоков. При этом вклад капитальных вложений в структуре

Таблица 2

Изменение структуры источников экономического роста в Великобритании в 1880–1930-е гг. в среднем за десятилетие, %

Table 2

Structural Changes in the Sources of the UK's Economic Growth, Decadal Averages (1880s–1930s), %

Источник	Значение показателя по годам					
	1880–1889	1890–1899	1900–1909	1910–1919	1920–1929	1930–1939
Государственные расходы	4,0	5,8	6,3	8,5	23,3	13,5
Расходы частных домохозяйств	87,8	87,8	87,9	85,5	76,7	80,8
Накопление основного капитала	8,1	6,4	7,4	8,6	4,4	13,1
Чистый экспорт	0,1	0,1	–1,6	–2,6	–4,4	–7,4

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 08.02.2026).

роста падает до исторического минимума всего 4,4 % в 1920-е гг. Это подтверждает утрату капиталом структурной значимости как детерминанты экономического роста, на восстановление которой ушло десятилетие поиска путей преодоления кризиса в 1930-х гг.

Поиск альтернативы классической модели экономического роста и осмысление причин структурной стагнации 1920–1930-х гг. привели к формированию течения, которое можно условно назвать «Новой экономической мыслью». Экономисты этого течения, формально являясь представителями разных научных школ (австрийской, кейнсианства, нового институционализма и т. д.), работали над вариантами возможных форматов обеспечения устойчивого хозяйственного роста. При сохранении разногласий относительно необходимого уровня свободы рынка эти направления сходились в трех положениях. Во-первых, отказ от монофакторной логики роста и переход к междисциплинарному анализу экономической динамики. В числе ее детерминант, помимо располагаемых ресурсов, теперь учитывались знания, технологии, институты, ожидания и поведенческие установки. Во-вторых, центральным объектом теоретического внимания становится государство. Даже австрийцы, отвергавшие прямое его вмешательство, признавали необходимость институциональных рамок (прав собственности, стабильной валюты), которую могло обеспечить только государство. В-третьих, экономический рост перестал рассматриваться как автоматический и равновесный процесс. Все школы, пусть по-разному, признавали его фрагментарность, конфликтность и историческую нелинейность, требующую активного администрирования хозяйственными условиями со стороны государства. Однако каждая школа трактовала вопрос обеспечения устойчивого хозяйственного роста по-разному.

Так, представители австрийской школы — Й.-А. Шумпетер (1883–1950), Л. фон Мизес (1881–1973) и др. — предложили инновационно-динамическую модель роста, сместив акцент с количества капитала на его качество и новизну.

Например, Й.-А. Шумпетер в книге «Теория экономического развития» в 1911 г. определил основу хозяйственного развития (экономического роста) не как изменение («приспособление рынка») «посредством небольших шагов», а как «появление новых комбинаций факторов производства — новых товаров, новых методов производства, новых рынков, новых источников сырья и новых форм организации» (Шумпетер, 2008, с. 132). Л.фон Мизес в свою очередь в 1927 г. подчеркивал: «Капитал — не сумма активов, а совокупность знаний о производственных возможностях» (Мизес, 1994, с. 81), указывая на ключевую роль информационной и организационной составляющих в формировании производительных сил.

Другую трактовку вопроса обеспечения экономического роста в новых реалиях предложил Дж.М. Кейнс (1883–1946). Изучая первопричины коллапса совокупного спроса, в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) профессор кембриджского университета обосновал макроэкономический механизм компенсации снижения спроса со стороны частных домохозяйств за счет государственного вмешательства: «…государственные капиталовложения должны становиться балансиром, увеличиваясь в периоды спада и сокращаясь во время бума» (Keynes, 1936, p. 120). Его последователь П. Самуэльсон (1915–2009), систематизируя кейнсианскую логику в рамках неоклассического синтеза, в фундаментальном труде «Экономика: вводный анализ» в 1948 г. показал, что устойчивый рост возможен только при активной фискальной и монетарной политике, устраняющей макроэкономические диспропорции (Samuelson, 1948; Stolper & Samuelson, 1941). В то же время Р. Коуз (1910–2013) хотя и не занимался напрямую теорией роста, в работе «Природа фирмы» в 1937 г. заложил институциональные основы нового подхода, указав, что эффективность рынков в условиях массового спроса и потребления зависит от транзакционных издержек и прав собственности (Coase, 1937). Если государство снижает издержки координации, его вмешательство становится не помехой, а условием роста и целенаправленной политикой согласования экономических интересов субъектов хозяйствования. Таким образом, в 1930–1950-е гг. завершилось формирование нового теоретического подхода, в котором рост перестал считаться автоматически поступательным. Теперь его динамику стало определять влияние трех взаимосвязанных факторов — качества капитала (австрийская школа), масштаба совокупного спроса (кейнсианство) и инклюзивности институциональных механизмов (институционалисты).

3. Эпоха кризисов 1970–1980-х гг.

К началу 1970–1980-х гг. мировая экономика вновь столкнулась с синхронным наложением ключевых детерминант торможения экономического роста и структурной стагнацией. Во-первых, геополитическое напряжение к 1970-м гг. в очередной раз достигло критического уровня при принципиальном изменении сущностного наполнения по сравнению с началом XX в.: на смену «войнам на передел уже поделенного мира» пришло биполярное противостояние в условиях постепенной деколонизации. К 1975 г. число независимых государств выросло с 89 (в 1945 г.) до 146 (UN, 1976), оформив контуры стран «периферийного капитализма», а доля США в мировом ВВП снизилась с 39,8 % до 27,9 % (Великобритании — с 7,5 % до 4,2 %). Одновременно на фоне противостояния США и СССР произошли два энергетических шока в 1973 г. и 1979 г., когда цена на нефть взлетела с 3 долл. за баррель в 1970 г. до 38 долл. в 1981 г. (BP Statistical Review, 2023), подорвав финансовую устойчивость промышленных

экономик и обострив инфляционные ожидания. Это обернулось перетоком экономической мощи в Китай и закатом «индустриального мира» США, на смену которому пришел «мир финансов и технологий» (Макарова, Чупилкин, 2021, с. 52).

Во-вторых, геоэкономическое противостояние, в первую очередь между Соединенными Штатами Америки и Японией, когда доля американской промышленности в мировом итоге снизилась с 19,2 % в 1960 г. до 11,5 % в 1975 г., а японской, наоборот, выросла с 2,4 % до 9,5 %[1], обернулось стагфляцией в развитых странах. Например, в США в 1974–1982 гг. среднегодовая инфляция превысила 13,5 %, безработица увеличилась до 12 % (Irwin, 2017, p. 148), тогда как прирост ВВП упал до 1,0 % в год (против 4,1 % в 1950–1973 гг.) (Maddison, 2001). В Великобритании уровень безработицы в 1973 г. превысил 15 %, а инфляция разгонялась до пиковых 32 % в 1975 г.[2] Одновременно начали расти протекционистские барьеры: объем мирового экспорта промышленных товаров, попадающих под разного рода нетарифные ограничения, увеличился с 13 % в 1966 г. до 31 в 1979 г.[3] Это привело к необходимости поиска новых источников роста, в первую очередь за счет эндогенных, а не экзогенных факторов.

В-третьих, начался новый этап смены доминирующего фактора обеспечения экономического роста. Если в 1945–1960-е гг. рост поддерживался массовым распространением промышленных инноваций (автоматизация, атомная энергетика, вторая транспортная революция и др.), то к 1970-м гг. ключевую роль приобретает компьютеризация и формирование информационного общества. Например, к 1985 г. в США насчитывалось около 1,5 млн новейших ЭВМ и 17 млн персональных компьютеров, против 50 тыс. в СССР[4], что в т. ч. обусловило наступление «однополярного момента» в дальнейшем. Благодаря этому доля информационного сектора в ВВП США (образование, медиа, НИОКР, информационные технологии) выросла с 11,0 % в 1957 г. до 21,5 % в 1987 г.[5] Одновременно доля занятых в экономике знаний Соединенных Штатов Америки выросла с 7,5 % в 1950 г. до 16,1 % в 1990 г., что подтверждает наметившийся переход к новым основам экономического роста[6].

Эти факторы на рубеже 1970–1980-х гг. вызвали новый виток структурной стагнации в крупнейших экономиках мира. Данные таблицы 3 показывают резкий спад темпов прироста ВВП (и его ключевых источников) в Великобритании и США в среднем с 3,0 % и 5,0 % в 1950–1969 гг. до 2,0 % и 3,6 % соответственно. Особенно сильно в условиях энергетического кризиса и торговой экспансии развивающихся

[1] World Bank Data. Manufacturing, Value Added (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD (дата обращения: 08.02.2026).

[2] Там же. p. 358.

[3] An Introduction to Non-Tariff Barriers to Trade. [Электронный ресурс]. https://scispace.com/pdf/an-introduction-to-non-tariff-barriers-to-trade-25q8tbched.pdf#:~:text=1980s%2C%20for%20example%2C%20exports%20by%20the%20Japanese,from%20directly%20limiting%20imports%20of%20Japanese%20autos (дата обращения: 08.02.2026).

[4] Швед, В. (2013, 04 апреля). Компьютерная гонка с Америкой. *Столетие*. [Электронный ресурс]. https://www.stoletie.ru/versia/kompjuternaja_gonka_s_amerikoj_449.htm (дата обращения: 09.12.2025).

[5] Yuskavage, R. E., & Fahim-Nader, M. (2005). Gross Domestic Product by Industry for 1947-86. *Survey of Current Business, 85,* 70–84. [Электронный ресурс]. https://apps.bea.gov/scb/pdf/2005/12December/1205_GDP-NAICS.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

[6] Wolff, E. N. (2006). *The Growth of Information Workers in the U.S. Economy, 1950–2000: The Role of Technological Change, Computerization, and Structural Change.* [Электронный ресурс]. https://conference.nber.org/confer/2006/si2006/prb/wolff.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

Таблица 3

Динамика источников экономического роста в Великобритании и США в 1940–1980-е гг. в среднем за год, %

Table 3

Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Annual Averages (1940s–1980s), %

Источник	Значение показателя по годам				
	1940–1949	1950–1959	1960–1969	1970–1979	1980–1989
Великобритания					
Прирост государственных расходов	6,8	2,9	3,1	2,7	2,1
Прирост расходов частных домохозяйств	3,4	3,0	3,5	2,8	2,6
Прирост накопления основного капитала	2,2	4,1	3,9	1,9	1,7
Чистый экспорт, млн фунтов	0,3	–0,2	0,4	–1,1	–0,8
ВВП	4,0	2,9	3,0	2,0	2,1
США					
Прирост государственных расходов	8,5	6,5	4,5	0,7	3,4
Прирост расходов частных домохозяйств	4,5	4,1	4,9	3,9	3,7
Прирост накопления основного капитала	8,9	4,6	6,4	5,3	3,0
Чистый экспорт, млн долл.	1,2	1,0	0,8	–0,2	0,1
ВВП	6,2	4,7	5,3	3,6	3,5

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK; ONS. Dataset GDP. [Электронный ресурс]. https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/datasets/uksecondestimateofgdpdatatables; BEA. GDP Release Tables. [Электронный ресурс]. https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product (дата обращения: 08.02.2026).

стран снизились государственные расходы и чистый экспорт, который показал отрицательный прирост. Анализ динамики компонентов ВВП показывает, что в США в 1974, 1970 и 1980 гг. три из четырех источников роста — частное потребление, валовые инвестиции и чистый экспорт — одновременно демонстрировали отрицательную динамику (в Великобритании подобная ситуация наблюдалась в 1974 г. и 1980 г.), что доказывает факт структурной стагнации, правда, в меньших масштабах, чем в 1920–1930-х гг. Кроме того, устойчивое замедление темпов прироста всех компонентов ВВП, продолжившееся в 1980-х гг., подтверждает гипотезу об истощении потенциала кейнсианско-институциональной модели роста.

Параллельно с замедлением темпов прироста ВВП продолжалось переформатирование структуры драйверов хозяйственного развития, отражающее смену доминирующего фактора роста (табл. 4). В США и Великобритании доля государственных расходов, достигнув пика в 1940-е гг. на фоне оборонных и антикризисных программ, к 1980-м гг. стабилизировалась на более низком уровне. Одновременно росла доля потребления домохозяйств — до 62,0–62,6 % к концу 1980-х гг., что указывает на формирование модели экономического роста с опорой на внутренний рынок, ставший основой устойчивого развития западных стран в конце XX — начале XXI в. При этом

Таблица 4

Изменение структуры источников экономического роста в Великобритании и США в 1940–1980-е гг. в среднем за десятилетие, %

Table 4

Structural Changes in the Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Decadal Averages (1940s–1980s), %

Источник	Значение показателя по годам				
	1940–1949	1950–1959	1960–1969	1970–1979	1980–1989
Великобритания					
Государственные расходы	38,2	30,1	29,5	31,2	29,8
Расходы частных домохозяйств	54,3	58,7	59,1	60,2	62,0
Накопление основного капитала	16,5	18,4	19,0	18,3	17,6
Чистый экспорт	–9,0	–7,2	–7,6	–9,7	–9,4
США					
Государственные расходы	28,3	22,5	23,1	21,5	20,8
Расходы частных домохозяйств	59,2	60,8	59,7	60,5	62,6
Накопление основного капитала	11,3	16,4	16,6	18,3	18,5
Чистый экспорт	1,2	0,3	0,6	–0,3	–1,9

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK; ONS. Dataset GDP. [Электронный ресурс]. https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/datasets/uksecondestimateofgdpdatatables; BEA. GDP Release Tables. [Электронный ресурс]. https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product (дата обращения: 08.02.2026).

доля экспорта в ВВП США с 5,2 % в 1960 г. увеличилась всего до 7,1 % к 1980 г., а в Великобритании за этот же период упала с 5,5 % до 3,2 %[1]. В то же время хронический дефицит чистого экспорта в обеих странах фиксирует утрату конкурентоспособности в традиционных промышленных секторах и рост зависимости от новых игроков в глобальной экономике (Южной Кореи, Японии и др.). В США дефицит торгового баланса стабильно фиксируется вообще с 1976 г., в Великобритании — с 1984 г. Как показывают данные таблицы 4, к концу 1980-х гг. экономики США и Великобритании всё больше опирались на внутренний спрос при хронически отрицательном внешнеторговом сальдо, что предвосхитило переход к неоиндустриальной модели, ориентированной на знания, услуги и государственное стратегическое планирование.

Структурная стагнация 1970–1980-х гг. и неспособность кейнсианских рецептов справиться с ней вызвали новую волну переосмысления природы экономического роста. Ключевыми экономическими школами, искавшими ответ на новые вызовы, в этот период стали монетаризм, неоклассика и новый институционализм, которых, несмотря на методологические расхождения, объединяли три принципиальных положения. Во-первых, констатация окончательного исчерпания потенциала роста только за счет попыток управления совокупным спросом. Во-вторых, возвращение в центр анализа таких долгосрочных структурных факторов экономического роста, как стабильность денежного обращения, общая факторная производительность

[1] Рассчитано по: World Bank Data Export (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 08.02.2026).

и эффективность институтов. В-третьих, восстановление в той или иной степени значимости свободных рыночных механизмов как сложного процесса координации знаний, ресурсов и ожиданий рыночных агентов, который государство может поддерживать, но не замещать.

Одним из основоположников нового взгляда на вопрос хозяйственного роста стал Р. Солоу (1924–2023), предложив в 1956 г. математическую модель, в которой экономический рост считался производной от основных факторов — капитала и труда (Solow, 1956). Однако эмпирическая проверка данной модели показала: в США до 60 % хозяйственного роста не объяснялось пропорциональным увеличением капитала и труда. Этот парадокс получил название «остаток Солоу». Он формировался за счет технического прогресса, дополнительных эффектов от накопления и распространения знаний и ноу-хау, снижения реальных издержек, в совокупности увеличивающих общую факторную производительность.

Концепцию практической реализации новой модели экономического роста предложил М. Фридман (1912–2006) в 1963 г. в своей работе «Монетарная история США, 1867–1960 гг.» (Friedman & Schwartz, 1963). Развивая идеи возросших возможностей саморегулирования рынка и решающей значимости частных предпринимателей в развитии экономики, основатель чикагской экономической школы в качестве главного фактора экономического роста вместо спроса поставил предложение товаров и услуг, сделав ставку на инновации, порождающие экономический подъем, а также снижение налогового бремени, необходимое для развития малого и среднего инновационного бизнеса. Подкрепляя идею важности создания условий для обеспечения инновационного экономического роста, Д. Норт (1920–2015), основатель новой институциональной экономической теории, еще в 1973 г. доказывал, что «экономический рост определяется не столько объемом ресурсов, сколько качеством институтов» (North, 1973). По мнению представителей данной школы, именно институты — «правила игры в обществе» — снижают транзакционные издержки и создают стимулы для инвестиций, инноваций и обмена. Без инклюзивных институтов даже самые передовые технологии не трансформируются в устойчивую производительность и не получат коммерциализации.

4. Вызовы новой структурной стагнации 2020-х гг.

К началу третьего десятилетия XXI в. мировая экономика вновь столкнулась с замедлением динамики экономического роста (Юревич и др., 2025, с. 6) и в очередной раз оказалась на грани структурной стагнации. Так, геополитическая напряженность в силу несостоявшегося проекта Pax Americana (доля США в мировом ВВП упала с 31,1 % в 2004 г. до 25,9 % в 2024 г.) приобрела форму гибридных (военно-экономических) конфликтов (агрессия стран НАТО в Югославии в 1999 г., череда арабских войн и революций 2003–2024 гг.[1], «санкционное цунами» против России и союзных ей стран с 2014 г., прямое вторжение в Венесуэлу в 2026 г. и т. д.) как элемента борьбы за лидерство на рынках сбыта, ресурсов и технологий. Их основная цель — дестабилизировать экономические системы конкурентов в определенном регионе силовыми и хозяйственно-санкционными механизмами, синхронизированными на международном уровне. Например, в 2000 г. в мире

[1] Иракская война 2003–2011 гг., экономическая война с Ираном с 2006 г., революция в Египте 2011–2013 гг., ливийская война 2014–2020 гг., «коалиционная фаза» сирийский войны 2018–2022 гг., события в Йемене 2023–2024 гг.

действовало 4230 санкций, на декабрь 2025 г. — 42650, из которых свыше 70 % ввели после 2014 г.[1] Эта эскалация сопровождалась нормализацией военной риторики в официальных документах. В частности, в 2020–2024 гг. среднегодовая частота употребления терминов «война» (“war”), «противник» (“adversary”) и «угроза» (“threat”) в выступлениях лидеров G7 и коммюнике ЕС по сравнению с 2010–2019 гг. выросла в 4,3, с 2000–2009 гг. — в 6,1 раза[2]. В 2023 г. Министерство обороны США впервые официально использовало термин «соперничество великих держав» (“Great Power Competition”) как стратегическое обоснование увеличения бюджета Пентагона[3], который в ноябре 2025 г. официально переименовали в «Министерство войны США» (U.S. Department of War)[4].

Геоэкономическое противостояние, особенно по линии Глобальный Север–Глобальный Юг, на фоне деиндустриализации западных стран (удельный вес США в мировом промышленном производстве сократился с 21,9 % в 2004 г. до 15,2 % в 2024 г., 27 стран ЕС — с 25,0 % до 16,8 % при одновременном увеличении доли стран БРИКС+ с 14,2 % до 42,1 %[5]) и, как следствие, постепенной утраты технологического лидерства (Сечин, 2024, с. 618), также обострилось и приобрело агрессивный характер (Потапов, 2025, с. 100). Катализаторами этой трансформации стали Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., снизивший совокупный ВВП стран Азии на 5,7 % за два года, кризис доткомов в США в 2000–2002 гг. с последующим спадом среднегодовых темпов прироста ВВП в стране с 4,1 % в 1995–1999 гг. до 2,8 % в 2000–2005 гг.[6], финансовый кризис 2008 г., вызвавший спад международной торговли на 12,2 %, ПИИ — на 39 % при сокращении мирового ВВП на 1,4 % за один 2008 г.[7] В результате в ходе начавшейся Великой рецессии (среднегодовой прирост ВВП в странах ОЭСР в 2010–2019 гг., составив 1,7 %, оказался вдвое ниже показателя 1990–2007 гг. в 3,6 %[8]) обострилось геоэкономическое противостояние, дав толчок всё большему распространению практики вепонизации (“weaponization”) (Смородинская, Катуков, 2024, с. 109; Смородинская и др., 2025), т. е. использованию факторов хозяйственной взаимозависимости в качестве оружия для геополитического давления на партнеров и конкурентов. Задействованный инструментарий облекается в агрессивно-протекционистскую форму тарифного

[1] Castellum.AI. [Электронный ресурс]. https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard https://www.trend.az/iran/3687000.html (дата обращения: 08.02.2026).

[2] Рассчитано по: American Presidency Project. [Электронный ресурс]. https://www.presidency.ucsb.edu/; EUR-Lex & European Council Conclusions. [Электронный ресурс]. https://eur-lex.europa.eu/; https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/ (дата обращения: 08.02.2026).

[3] U.S. Department of War. National Defense Strategy. [Электронный ресурс]. https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022_NATIONAL_DEFENSE_STRATEGY.PDF(дата обращения: 08.02.2026).

[4] Executive Order 14347. [Электронный ресурс]. https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/09/restoring-the-united-states-department-of-war/ (дата обращения: 08.02.2026).

[5] World Bank Data. Manufacturing, Value Added (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD (дата обращения: 08.02.2026).

[6] World Bank Data. GDP (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.KGWT.KD.ZG(дата обращения: 08.02.2026).

[7] Рассчитано по: World Bank Data Trade (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG; World Bank Data. GDP (Current US$). [Электронный ресурс]: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.KGWT.KD.ZG (дата обращения: 14.11.2025).

[8] World Bank Data. GDP Growth (Annual, %). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 08.02.2026).

(за один 2025 г. средневзвешенная ставка импортного тарифа США взлетела с 2,5 % в январе до наивысшего с 1937 г. значения 18,5 % в декабре, а для китайских товаров поднималась до 110 %[1]) и нетарифного принуждения (за 2014–2025 г. количество санкционных записей против юридических и физических лиц в американском SDN-листе выросло с 3,5 тыс. до 42,7 тыс.[2]), прямо называемого экспертами «хищнической» политикой (Дмитриев, 2025, с. 16), проявляющейся в формате глобальных управленских войн (Балацкий, 2025, с. 40). В целом, по данным ВТО, доля мирового импорта, охваченного торговыми ограничениями, выросла с 1,4 % в 2009 г. до 11,8 % в 2024 г. и оценочно 21,5 % в 2025 г.[3] с резким ростом к 2020-м гг. количества защитных мер в мировой экономике — антидемпинговых, компенсационных, а также специальных (Загашвили, 2025, с. 6).

Наконец, к началу третьего десятилетия XXI в. усилилось исчерпание потенциала традиционных факторов экономического роста — труда и капитала. Например, рост производительности труда в США замедлился с 2,1 % в среднем за 1995–2005 гг. до 0,8 % в 2015–2024 гг., в Великобритании — с 2,3 % до 0,5 %. ОЭСР прямо увязывает спад производительности труда с последствиями кризиса 2008 г. Если в 2000–2007 гг. производительность труда в развивающихся странах в среднем росла на 4–5 % ежегодно (в развитых — около 1 %), то с 2008 г. показатель снизился примерно до 1–2 % (в развитых странах рост практически остановился)[4]. В части капитальных вложений, по оценкам ЮНКТАД, прирост ВВП на единицу вложенного капитала в странах ОЭСР снизился с 0,42 в среднем за 2000–2007 гг. до 0,21 в 2015–2023 гг.

Данные, приведенные в таблице 5, сигнализируют о признаках намечающейся новой структурной стагнации. Это проявляется в одновременном замедлении динамики всех источников ВВП по использованию доходов как в США, так и в Великобритании. В результате среднегодовые темпы прироста ВВП в Великобритании и США снизились с 2,9 % и 3,6 % в 1990–1999 гг. до, соответственно, 1,4 % и 2,1 % в 2000–2009 гг., при этом не восстановив исходные позиции в 2020–2024 гг. с динамикой 1,1 % и 2,6 %.

Параллельно с замедлением темпов прироста ВВП происходит стагнация структуры драйверов хозяйственного развития (табл. 6), что косвенно подтверждает неспособность экономической системы к самостоятельной перенастройке в условиях «новой реальности». В отличие от выше рассмотренных периодов, когда смена доминирующего фактора роста сопровождалась изменением структуры источников экономического роста (увеличение доли госрасходов в 1920-е гг., частного потребления в 1950–1980-е гг.), в первой половине 2020-х гг. подобной трансформации не произошло. Доля частного потребления остается на уровне 2/3 ВВП, государственных расходов в 1/4 – 1/5, а чистый экспорт с 1990-х гг. «минусует»

[1] State of U.S. Tariffs. [Электронный ресурс]. https://budgetlab.yale.edu/research/state-us-tariffs-june-17-2025 (дата обращения: 08.02.2026).

[2] OFAC. SDN-List. [Электронный ресурс]. https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20240223 (дата обращения: 08.02.2026).

[3] WTO. (2025, July 03). *WTO Monitoring Highlights Sharp Rise in Tariffs Alongside Search for Negotiated Solutions*. [Электронный ресурс]. https://www.wto.org/english/news_e/news25_e/trdev_03jul25_e.htm#:~:text=This%20amount%20represents%20the%20highest,facilitate%20trade%2C%20including%20in%20services (дата обращения: 08.02.2026).

[4] OECD. (2025). *The Global Forum on Productivity at 10: Past and Future Perspectives on Reviving Productivity Growth*. Paris: OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/ca7295d9-en

Таблица 5

Динамика источников экономического роста в Великобритании и США в 1990–2020-е гг. в среднем за год, %

Table 5

Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Annual Averages (1990s–2020s), %

Источник	Значение показателя по годам			
	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2024
Великобритания				
Прирост государственных расходов	3,1	2,0	1,8	2,4
Прирост расходов частных домохозяйств	3,3	1,9	2,1	2,0
Прирост накопления основного капитала	4,2	0,8	2,3	1,1
Чистый экспорт, млн фунтов	–0,1	–0,4	–0,3	–0,5
ВВП	2,9	1,4	2,0	1,1
США				
Прирост государственных расходов	1,4	2,7	0,2	2,3
Прирост расходов частных домохозяйств	3,8	2,7	2,5	2,6
Прирост накопления основного капитала	6,3	–0,2	6,0	3,5
Чистый экспорт, млн долл.	–0,2	–1,5	–1,2	–1,4
ВВП	3,6	2,1	2,7	2,6

Источник: ONS. Dataset GDP. [Электронный ресурс]. https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/datasets/uksecondestimateofgdpdatatables; BEA. GDP Release Tables. [Электронный ресурс]. https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product (дата обращения: 08.02.2026).

Таблица 6

Изменение структуры источников экономического роста в Великобритании и США в 1990–2020-е гг. в среднем за десятилетие, %

Table 6

Structural Changes in the Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Decadal Averages (1990s–2020s), %

Источник	Значение показателя по годам			
	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2024
Великобритания				
Государственные расходы	20,1	24,3	28,3	25,3
Расходы частных домохозяйств	62,3	61,1	59,1	61,2
Накопление основного капитала	17,8	15,2	13,0	15,3
Чистый экспорт	–0,2	–0,6	–0,4	–1,8
США				
Государственные расходы	19,1	19,3	18,3	18,3
Расходы частных домохозяйств	64,7	67,4	67,6	66,9
Накопление основного капитала	17,5	17,9	17,0	18,1
Чистый экспорт	–1,3	–4,6	–2,9	–3,1

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855–1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 08.02.2026).

ВВП. Отсутствие структурных сдвигов при одновременном устойчивом замедлении динамики всех компонентов роста указывает на формирование новой глобальной структурной стагнации. К сожалению, в рассмотренной схеме структурирования ВВП выделить составляющую экономики знаний, которая должна стать новым драйвером ускорения экономического роста, невозможно.

В этих реалиях главной производительной силой становится человеческий капитал (когнитивные навыки и способность к генерации технологий работником, а не инновации сами по себе), а его накопление внутри страны позволяет снизить риски геоэкономической неопределенности (Локтионов, 2025, с. 9). По данным Всемирного банка, доля занятых в секторах «экономики знаний» (НИОКР, образование, ИТ, цифровые услуги) в странах ОЭСР выросла за 2000–2024 гг. в несколько раз[1]. Например, в США вклад сектора интеллектуальной собственности (патенты, авторские права, программное обеспечение) в ВВП увеличился с 2,2 % в 2000 г. до 5,9 % в 2024 г., при этом экономисты всё чаще обращают внимание на взаимосвязь уровня человеческого капитала и экономического роста (Авдеева, Веселов, 2025).

5. Выводы

На основе проведенного исследования феномена структурной стагнации в мировой экономике можно сделать следующие выводы.

Современная глобальная экономика столкнулась с новым глобальным вызовом: несмотря на ускоряющийся технологический прогресс, наблюдается замедление производительности, рост институциональной фрагментации и охлаждение мировой экономики. Резкий рост геополитического напряжения, обострение геоэкономического противостояния и постепенно просматривающаяся смена доминирующего фактора хозяйственного роста указывают на угрозу попадания мировой экономику в новую структурную стагнацию. В этих условиях обеспечение устойчивого экономического роста определяется не только инновациями, но и способностью выстраивать новые формы международного сотрудничества в условиях многополярности.

Ключевой задачей в этих условиях становится купирование угроз новой структурной стагнации с конечной целью обеспечения устойчивого экономического роста в новой реальности. Экономическая наука ищет ответ на этот вызов на пересечении исторического опыта, накопленного экономической наукой, новейших эмпирических данных и современных способов их обработки. Контуры новой модели экономического роста просматриваются в конвергенции экономики знаний и глобальной хозяйственной интеграции.

Для Российской Федерации стратегическая задача заключается в формировании собственной модели устойчивого экономического роста, основанной на суверенных промышленно-технологических компетенциях и модернизации экономики в условиях «новой нормальности». В реалиях санкционного давления и перестройки мировой экономики критически важны инвестиции в человеческий капитал, развитие внутренних рынков знаний и создание гибких институтов, способных к быстрой реакции на вызовы. Успех будет зависеть от способности сочетать технологическую самодостаточность (без попадания в автаркию) с продолжением интеграции в глобальные процессы, которые остаются открытыми для страны.

[1] WIPO. Knowledge-Intensive Employment. [Электронный ресурс]. https://www.wipo.int/gii-ranking/en/indicators/511 (дата обращения: 08.02.2026).

Список источников

Авдеева, Д. А., Веселов, Д. А. (2025). Образование и экономический рост: роль институтов. *Вопросы экономики,* (8), 102–120. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-8-102-120

Балацкий, Е. В. (2025). Глобальные управленческие войны: генезис, специфика и значение. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 18* (3), 40–64. https://doi.org/10.15838/esc. 2025.3.99.2

Дмитриев, С. С. (2025). Неопротекционизм администрации Трампа 2.0: промежуточные итоги. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (10), 15–23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-10-15-23

Загашвили, В. С. (2025). Внешнеторговая политика в условиях полицентризма. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (11), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-11-5-14

Локтионов, В. И. (2025). Фрагментация глобального социального капитала. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (7), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-7-5-14

Макаров, И. А., Чупилкин, М. С. (2021). Энергетический Пёрл-Харбор. *Россия в глобальной политике, 19* (1), 38–53.

Мизес, Л. (1994). *Либерализм в классической традиции.* Москва: Начала-Пресс, 190.

Милль, Дж. С. (1980). *Основы политической экономии.* Москва: Прогресс, 495.

Пикетти, Т. (2015). *Капитал в XXI веке.* Москва: Ad Marginem, 430.

Потапов, М. А. (2025). Обострение противоречий между КНР и США и перспективы двусторонних экономических отношений. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (6), 92–102. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-6-92-102

Сечин, И. И. (2024). Россия как гарант мировой энергетической безопасности в условиях геополитического сдвига. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика, 40* (4), 607–629. https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.405

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. (2024). Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика. *Балтийский регион, 16* (3), 108–135. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-6

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д., Малыгин, В. Е. (2025). Трампономика как апофеоз экономического и технологического национализма. *Вестник Института экономики Российской академии наук,* (6), 127–146. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_6_127_146

Сэй, Ж. Б. (1896). *Трактат по политической экономии.* Москва: Издание К. Т. Солдатенкова, 400.

Шумпетер, Й. А. (2008). *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия.* Москва: Эксмо, 864.

Юревич, М. А., Федюнина, А. А., Симачев, Ю. В. (2025). Битва титанов: структурные сдвиги в глобальной производственной деятельности МНК. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (2), 5–15. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-2-5-15

Coase, R. H. (1937). The Nature of the Firm. *Economica, 4* (16), 386–405. https://doi.org/10.2307/2626876

Eichengreen, B. (1996). *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939.* Oxford: Oxford University Press, 480. https://doi.org/10.1093/0195101138.001.0001

Friedman, M., & Schwartz, A. J. (1963). *A Monetary History of the United States, 1867–1960.* Princeton: Princeton University Press, 860.

Irwin, D. A. (2017). *Clashing over Commerce: A History of U.S. Trade Policy.* Chicago: University of Chicago Press, 832.

Keynes, J. M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest, and Money.* London: Palgrave Macmillan, 472.

Lamoreaux, N. R. (1985). *The Great Merger Movement in American Business, 1895–1904.* Cambridge: Cambridge University Press, 202. https://doi.org/10.1017/CBO9780511665042

Lerner, A. P. (1959). Public Principles of Public Debt: A Defense and Restatement. James M. Buchanan. *Journal of Political Economy, 67* (2), 203–206. https://doi.org/10.1086/258165

Maddison, A. (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective.* Paris: OECD Publishing, 600.

Maddison, A. (2008). *The World Economy.* Paris: OECD Publishing, 656.

North, D. C. (1973). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance.* Cambridge: Cambridge University Press, 472.

Samuelson, P. A. (1948). *Economics: An Introductory Analysis.* New York: McGraw-Hill, 287.

Smith, A. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* London: Methuen Co., 950.

Solow, R. M. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics, 70*(1), 65–94. https://doi.org/10.2307/1884513

Stolper, W. F., & Samuelson, P. A. (1941). Protection and Real Wages. *The Review of Economic Studies, 9*(1), 58–73.

References

Avdeeva, D. A., & Veselov, D. A. (2025). Education and economic growth: The role of institutions. *Voprosy ekonomiki,* (8), 102–120. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-8-102-120 (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2025). Global governance wars: Genesis, specifics and significance. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 18*(3), 40–64. https://doi.org/10.15838/esc. 2025.3.99.2 (In Russ.)

Coase, R. H. (1937). The Nature of the Firm. *Economica, 4*(16), 386–405. https://doi.org/10.2307/2626876

Dmitriev, S. S. (2025). Trump 2.0 administration neo-protectionism: Intermediate results. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(10), 15–23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-10-15-23 (In Russ.)

Eichengreen, B. (1996). *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939.* Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/0195101138.001.0001

Friedman, M., & Schwartz, A. J. (1963). *A Monetary History of the United States, 1867–1960.* Princeton University Press.

Irwin, D. A. (2017). *Clashing over Commerce: A History of U.S. Trade Policy.* University of Chicago Press.

Keynes, J. M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest, and Money.* Palgrave Macmillan.

Lamoreaux, N. R. (1985). *The Great Merger Movement in American Business, 1895–1904.* Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511665042

Lerner, A. P. (1959). Public Principles of Public Debt: A Defense and Restatement. James M. Buchanan. *Journal of Political Economy, 67*(2), 203–206. https://doi.org/10.1086/258165

Loktionov, V. I. (2025). Fragmentation of global social capital. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(7), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-7-5-14 (In Russ.)

Maddison, A. (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective.* OECD Publishing.

Maddison, A. (2008). *The World Economy.* OECD Publishing.

Makarov, I. A., & Chupilkin, M. S. (2021). Energy Pearl Harbor. *Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs], 19*(1), 38–53. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-1-38-53 (In Russ.)

Mill, J. S. (1980). *Osnovy politicheskoy ekonomii [Principles of Political Economy].* Moscow: Progress Publ. (In Russ.)

North, D. C. (1973). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance.* Cambridge University Press.

Piketti, T. (2015). *Kapital v XXI veke [Capital in the Twenty-First Century].* Moscow: Ad Marginem, 430. (In Russ.)

Potapov, M. A. (2025). Escalation of Contradictions Between China and United States and Prospects for Bilateral Economic Relations. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(6), 92–102. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-6-92-102 (In Russ.)

Samuelson, P. A. (1948). *Economics: An Introductory Analysis.* McGraw-Hill.

Say, J. B. (1896). *Traktat po politicheskoy ekonomii [A Treatise on Political Economy]*. Moscow: K. T. Soldatenkov Publ., 400. (In Russ.)

Sechin, I. I. (2024). Russia as a guarantor of global energy security in the context of geo-political shift. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika [St Petersburg University Journal of Economic Studies], 40*(4), 607–629. https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.405 (In Russ.)

Shumpeter, J. (2008). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy]*. Moscow: Eksmo Publ., 864. (In Russ.)

Smith, A. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* Methuen Co.

Smorodinskaya, N. V., & Katukov, D. D. (2024). Moving towards technological sovereignty: A new global trend and the Russian specifics. *Baltiyskiy region [Baltic Region], 16*(3), 108–135. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-6 (In Russ.)

Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D., & Malygin V. E. (2025). Trumponomics as the apotheosis of economic and technological nationalism. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences],* (6), 127–146. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_6_127_146 (In Russ.)

Solow, R. M. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics, 70*(1), 65–94. https://doi.org/10.2307/1884513

Stolper, W. F., & Samuelson, P. A. (1941). Protection and Real Wages. *The Review of Economic Studies, 9*(1), 58–73.

von Mises, L. (1994). *Liberalizm v klassicheskoy traditsii [Liberalism in the Classical Tradition]*. Moscow: Nachala-Press Publ., 190. (In Russ.)

Yurevich, M., Fedyunina, A., & Simachev, Y. (2025). Battle of titans: Structural shifts in global MNCs Global Production. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(2), 5–15. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-2-5-15 (In Russ.)

Zagashvili, V. S. (2025). Foreign trade policy under conditions of polycentrism. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(11), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-11-5-14 (In Russ.)

Информация об авторе

Чичилимов Сергей Валерьевич — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0003-3681-4279 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: sergey.chichilimov @gmail.com).

About the author

Sergey V. Chichilimov — Cand. Sci. (Econ.), Junior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0003-3681-4279 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 15.12.2025.
Прошла рецензирование: 29.12.2025.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 15 Dec 2025.
Reviewed: 29 Dec 2025.
Accepted: 10 Feb 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.6
УДК 338.242
JEL H11, E61, O11

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Социально-экономическое развитие России в переломный период 2010–2019 годов[1 2]

Абел Г. АГАНБЕГЯН
Академик РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Аганбегян, А. Г. (2026). Социально-экономическое развитие России в переломный период 2010–2019 годов. *AlterEconomics, 23*(1), 85–95.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.6

Аннотация. В статье анализируется негативный опыт поиска ответов на стратегические вызовы по ускорению экономического роста, стоящие перед Россией. Речь идет о замысле и реализации стратегии экономического подъема в период 2012–2019 годов. Несмотря на то, что в стране накануне сложились достаточно благоприятные условия, стратегия не принесла ожидаемых результатов. Исторически политика экономического рывка имела прецеденты в СССР, что давало основания надеяться на успех предпринятой попытки такого рода в 2012 году. Она выразилась в работе по подготовке и принятию знаменитых президентских майских указов по главным проблемам развития страны — экономике, уровню жизни, здравоохранению, развитию международных связей и другие. Однако лежащий в основе стратегии замысел по росту инвестиций в основной капитал, а также достижению темпов роста ВВП и реальных доходов населения до 4–5 % в среднегодовом выражении не был реализован. В статье раскрываются причины, почему вместо экономического роста страна, по сути, вступила в период стагнации. В качестве основных причин сложившейся ситуации — сокращение инвестиций в основной капитал, реструктуризация собственности, отток капитала, снижение мировых цен на нефть и газ. Введение санкций против России усугубило ситуацию, что в совокупности привело к девальвации рубля и высокой инфляции. Такое сочетание внешних и внутренних факторов ухудшило условия хозяйствования предприятий и организаций, что затормозило развитие страны. Начало второго демографического кризиса с 2017 года с возрастающей депопуляцией населения усилило стагнационные эффекты. Анализ обоснован комплексом взаимосвязанных статистических данных.

Ключевые слова: экономический рост, стратегические вызовы, инвестиции в основной капитал, стагнация экономики, санкции против России, девальвация рубля, демографический кризис, отток капитала

[1] © Аганбегян А. Г. Текст. 2026.

[2] Результаты данного исследования были представлены частично в ранее опубликованных материалах: Аганбегян, А. Г. (2017). Возобновление социально-экономического роста: проблемы и перспективы. *Среднерусский вестник общественных наук, 12*(3), 19–41. EDN YZLJHD. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-3-19-41; Аганбегян, А. Г. (2020). Новой России — 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ). *Вестник общественного мнения,* (3–4(131)), 29–73; Аганбегян, А. Г. (2020). О необходимости новой социально-экономической политики. *Среднерусский вестник общественных наук, 15*(3), 15–50. EDN FTVLYB. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-3-15-50

RESEARCH ARTICLE

Socio-Economic Development of Russia at a Turning Point: 2010–2019

Abel G. AGANBEGYAN ✉
RANEPA, Moscow, Russian Federation

For citation: Aganbegyan, A. G. (2026). Socio-Economic Development of Russia at a Turning Point: 2010–2019. *AlterEconomics, 23*(1), 85–95. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.6

Abstract. This article examines Russia's unsuccessful attempt to address major strategic challenges related to accelerating economic growth. It focuses on the design and implementation of an economic development strategy pursued between 2012 and 2019. Although the country initially had relatively favorable conditions for growth, the strategy ultimately failed to achieve its intended results. Historically, similar efforts to achieve rapid economic progress had precedents in the Soviet Union, which created optimism about the success of a new attempt launched in 2012. This effort was reflected in the preparation and adoption of the well-known presidential "May decrees," which targeted key areas of national development, including the economy, living standards, healthcare, and international cooperation. However, the core objectives of the strategy were not achieved. The plan aimed to significantly increase investment in fixed capital and to reach average annual growth rates of 4–5 % in both GDP and real household incomes. Instead, the Russian economy effectively entered a period of stagnation. The article identifies several key factors behind this outcome. These include a decline in investment in fixed capital, changes in property ownership structures, capital outflows, and falling global prices for oil and gas. The introduction of international sanctions against Russia led to further deterioration of the situation, contributing to the devaluation of the ruble and high inflation. Together, these internal and external pressures created more difficult conditions for businesses and organizations, slowing the country's economic development. In addition, the onset of a second demographic crisis in 2017, accompanied by increasing population decline, reinforced stagnation. The article's conclusions are based on a comprehensive analysis of interconnected statistical data.

Keywords: economic growth, strategic challenges, investments in fixed capital, economic stagnation, sanctions against Russia, ruble devaluation, demographic crisis, capital flight

В развитии каждой страны бывают переломные периоды, когда в зависимости от проводимой экономической политики развитие страны может заметно ускориться или, напротив, существенно замедлиться. В СССР, например, такая развилка была после смерти И.В. Сталина, и благодаря действиям нового руководства страны, Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущёва, удалось качественно и количественно поднять её социально-экономический уровень.

Другая переломная точка, резко ускорившая развитие страны, наступила после снятия с должности Н.С. Хрущёва. 8-я пятилетка 1966–1979 гг. после пленумов ЦК КПСС по сельскому хозяйству с докладом Л.И. Брежнева и по реформе управления промышленностью с докладом Председателя Правительства А.Н. Косыгина в 1,5–2 раза ускорила социально-экономическое развитие страны и в наибольшей степени сократила разницу в этих показателях с США и капиталистическими странами Европы. И, напротив, после смерти Л.И. Брежнева новому руководству страны не удалось переломить негативный тренд по сокращению темпов развития экономики и социальной сферы, а наступившая потом перестройка через несколько лет просто привела к краху существующей социально-экономической системы и распаду страны.

В новой России такая развилка была в конце 1992–1993 г., когда можно было создать предпосылки для выхода из трансформационного кризиса, как это сделал ряд постсоциалистических стран Европы на второй-третий год перехода к капиталистическому рынку. А в России этот кризис растянулся на 8 лет и закончился глубоким финансовым кризисом с государственным дефолтом в августе 1998 г.

Эта статья посвящена подобному переломному периоду, который наступил во время подъёма после кризиса 2009 г. Ожидалось продолжение этого подъёма в соответствии с указами от 7 мая 2012 г. Президента РФ В.В. Путина, избранного в третий раз президентом страны.

До этого избрания В.В. Путин был председателем Совета министров России, и под его руководством были разработаны антикризисные меры по подъёму экономики в 2010–2012 гг. И это несмотря на то, что кризис 2009 г. в России был самым глубоким среди 20 ведущих держав, представленных на мировом саммите. Валовый внутренний продукт России в 2009 г. сократился на 7,8 %, в то время как в странах Европы — на 4 %, в США — на 3 %, а в развивающихся странах падения ВВП не было, их годовой рост снизился с 5 % до 2 %.

В 2010–2011 гг. В.В. Путин дал указание Академии народного хозяйства при Правительстве РФ и Высшей школе экономики совместно с министерствами и ведомствами разработать программу по подъёму в период до 2020 г., используя возросшие темпы развития России после кризиса. Было создано 13 комиссий из научных работников и представителей министерств и ведомств, которые подготовили обширные, по 300–400 страниц, содержательные доклады по ключевым проблемам экономики и социальной сферы. Эти доклады подробно рассматривались в правительственных организациях, и на их основе был подготовлен сводный доклад с конкретными предложениями развития страны на период до 2020 г. Положения этого доклада несколько раз обсуждались у президента страны, председателя правительства, в Минэкономразвития, в Минфине и других правительственных организациях, и на их основе 7 мая 2012 г. были подготовлены 11 указов Президента РФ В.В. Путина по главным проблемам развития государства: экономике, уровню жизни, здравоохранению, международным связям и др.

Планировалось продолжить подъём в 2012–2020 гг. за счёт значительного увеличения доли инвестиций в основной капитал в составе ВВП (с 21 % до 25 % в 2015 г. и 27 % в 2018 г.), обеспечив устойчивый рост экономики на базе научно-технологического прогресса. В расчётах перспективы намечался среднегодовой рост экономики и реальных доходов населения в размере 4–5 %. Это казалось обоснованным показателем, учитывая, что в предшествующем подъёме с 1999–2000 гг. до 2008 г. среднегодовой темп роста ВВП составил почти 7 %, а реальных доходов населения — около 9 %.

Однако развитие пошло по совершенно другому пути. Со второго квартала 2012 г. темпы роста валового внутреннего продукта и всех других показателей стали резко сокращаться. ВВП увеличился на 5,7 % в первом квартале 2012 г. и сократился в 8 раз до 0,7 % в первом квартале 2013 г. Началась стагнация. В 2013 г. ВВП вырос на 1,3 %, промышленность и грузооборот остались на нуле, инвестиции немного сократились, внешнеэкономический оборот, в т. ч. экспорт, оказался нулевым. Прирос ВВП в следующем 2014 г. упал вдвое — до 0,6 %, заметно снизилось строительство, внешнеэкономический оборот, почти на 3 % уменьшились инвестиции в основной капитал и реальные доходы.

Следующий 2015 г. был годом рецессии. ВВП сократился на 2,8 %, промышленность — на 4,4 %, строительство — на 7 %, снизилась розничная торговля, на треть рухнула внешняя торговля, на 8 % — инвестиции, на 9,5 % упала реальная зарплата, на 7,4 % выросла безработица, которая до этого сокращалась. 2016 г. был нулевым по валовому внутреннему продукту при значительном сокращении розничной торговли на 5 % и внешнеэкономического оборота и экспорта на 17 %. Реальные доходы продолжили снижение на 6 %. Немного сократились и инвестиции. В 2017–2018 гг. стагнация продолжалась с ростом около 2 %, но реальные доходы не выросли. Немного приподнялись инвестиции. Единственный положительный показатель — 25%-ный подъем экспорта из-за повышения цен на нефть. А в 2019 г. прирост ВВП вдвое сократился (101,3 %), на 5 % снизился экспорт. В 2020 г. начался кризис, связанный с коронавирусной пандемией.

Более подробные данные по основным экономическим и социальным показателям развития России в 2010–2019 гг. представлены в таблице 1.

В 2010–2012 гг. на самом деле сложились благоприятные для нашей страны условия для продолжения социально-экономического роста. За эти годы государство

Таблица 1

Основные экономические и социальные показатели развития России в 2010–2019 гг., в % к предыдущему году

Table 1

Main Economic and Social Indicators of Russia's Development in 2010–2019 (% Compared to the Previous Year)

Показатели	Данные показателя по годам									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Валовый внутренний продукт	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6	97,2	99,8	101,8	102,5	101,3
Индекс промышленного производства	108,2	104,7	102,6	100,3	101,7	96,6	101,1	103,7	103,5	103,3
Продукция сельского хозяйства	88,7	122,1	95,3	106,2	103,7	103,0	104,8	102,9	99,8	104,3
Строительство	105,0	105,1	102,4	101,4	95,5	93,0	95,7	98,9	106,3	100,6
Грузооборот транспорта	106,9	103,4	101,7	100,5	99,9	100,2	101,8	105,6	102,7	100,6
Оборот розничной торговли	106,3	107,2	105,9	103,9	102,5	90,2	94,8	101,3	102,8	101,9
Внешнеторговый оборот, в т. ч.:	131,9	131,9	102,7	100,2	94,9	67,1	88,6	125,0	117,2	97,4
экспорт	132,9	131,8	102,1	98,8	96,9	69,0	82,5	125,3	125,8	94,6
импорт	130,3	132,0	103,7	102,3	91,7	63,7	99,2	124,5	104,4	102,5
Ввод в действие основных фондов	93,4	129,0	108,7	101,1	97,3	94,5	116,8	100,0	114,6	110,1
Инвестиции в основной капитал	106,0	108,2	106,7	99,7	97,3	91,6	98,6	104,8	105,4	101,7
Индекс потребительских цен	106,9	108,4	105,1	106,8	107,8	115,5	107,1	105,0	102,2	105,0
Индекс цен промышленных производителей	114,9	117,3	106,8	103,4	106,1	112,4	104,0	108,4	111,7	95,7
Реальные располагаемые денежные доходы	105,1	100,8	104,2	103,3	99,0	96,0	94,1	99,8	101,1	101,7
Общая численность безработных	88,9	89,1	85,3	100,2	94,0	107,4	99,5	93,5	92,2	94,7

Источник: сост. автором.

«разогнало» валовый внутренний продукт до 4 % в год, валовые накопления (по системе национальных счетов) до 17 %, оборот внешней торговли — до 20 %. Что касается реальных доходов населения, то они не снизились, а даже несколько возросли в кризисный 2009 г. и заметно дополнительно увеличились в 2010–2012 гг. В эти годы финансовый результат предприятий и организаций страны (прибыль минус убыток) ежегодно рос по 20 %. С таким же темпом рос доход консолидированного бюджета. И самое удивительное — инфляция в 2012 г. была крайне низкой для России — 5,1 %, так же как и ключевая ставка ЦБ — 5,5 %. Страна истратила около 200 млрд долл., чтобы смягчить последствия 2009 г., из общих золотовалютных резервов в размере 600 млрд долл. В 2010–2012 г. при этом золотовалютные резервы увеличились примерно на 100 млрд долл. А предприятия и организации, которые были допущены до мирового финансового рынка, в 2010–2013 гг. привлекли в виде инвестиционных кредитов 270 млрд долл. Они буквально были «набиты деньгами». Эти благоприятные условия изложены в таблице 2.

Но эти условия, увы, не сработали, что наглядно видно на приводимой диаграмме прироста валового внутреннего продукта России по кварталам 2012–2020 гг. (рис. 1).

Почему они не сработали? Почему темпы социально-экономического роста, набранные в 2010–2012 гг., вдруг резко пошли вниз вплоть до рецессии в 2015 г., и указы президента не были выполнены?

Ответ неожиданный: вместо социально-экономического роста страна перешла в стагнацию и рецессию из-за значительного сокращения инвестиций в основной капитал со стороны государства. Из всех инвестиций немного приподнялись в 2013–2015 гг. только частные инвестиции — на 10 %, что оказалось недостаточным. Государственные же инвестиции сократились за эти три года на 31 %, в т. ч. инвестиции в консолидированном бюджете на 22 %. Инвестиции крупных

Таблица 2

Благоприятные условия в 2010–2012 гг. для продолжения социально-экономического роста

Table 2

Favorable Conditions for Continued Socio-Economic Growth in 2010–2012

Показатели	Среднегодовой темп прироста, %, 2010–2012 гг.
Валовый внутренний продукт	4,0
Инвестиции в основной капитал	8,0
Внешняя торговля	20,0
Реальные доходы населения	4,0
Финансовый результат (прибыль минус убыток) предприятий и организаций	10,0
Доходы консолидированного бюджета	20,0
Доходы консолидированного бюджета	20,0
Инфляция в 2012 г., %	5,1
Ключевая ставка ЦБ, %	5,5
Прирост золотовалютных резервов в 2010–2012 гг., млрд долл.	98,0
Привлечённые средства предприятиями и организациями с мирового финансового рынка в 2010–2013 гг., млрд долл.	270,0
Год завершения 20-летнего демографического кризиса с депопуляцией населения, 2012 г.	—

Источник: сост. автором.

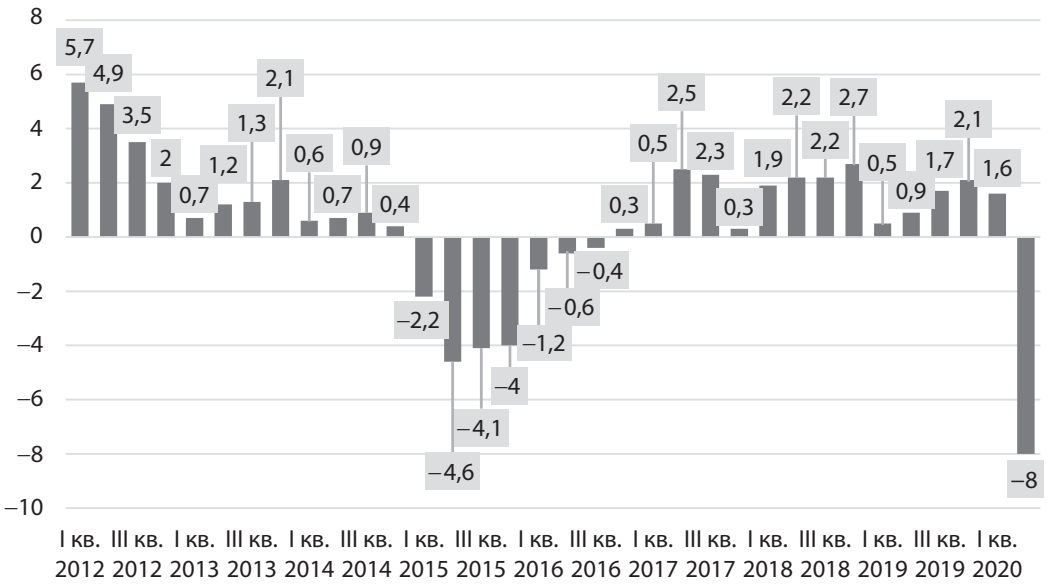

Рис. 1. *Прирост валового внутреннего продукта России по кварталам 2012–2020 гг. (ВВП в % к соответствующему периоду прошлого года) (источник: сост. автором)*
Fig. 1. *Quarterly Growth of Russia's GDP, 2012–2020 (GDP as % of the Corresponding Period of the Previous Year)*

корпораций под контролем государства (Газпром, Роснефть, РЖД, Ростехнологии и Росатом) снизились ещё больше — на 35 %. Государственные банки сократили инвестиционный кредит на 27 %. Всё это привело к снижению общих инвестиций в экономике на 11 % (Аганбегян, 2020). Динамика инвестиций в основной капитал в 2013–2015 гг. представлена в таблице 3.

Как итог, проектируемые и фактические результаты динамики инвестиций в основной капитал и валового внутреннего продукта в 2013–2015 гг. показаны в таблице 4.

Приводимые цифры говорят сами за себя. Доля инвестиций в основной капитал в соответствии с Указом Президента РФ должна была резко увеличиться в составе ВВП до 25–27 %, а она снизилась до 16–17 % с 21 %. Соответственно, вместо прироста инвестиций на 40 % произошёл их спад на 11 %, а ВВП, который должен был составить 13 %, за указанные 2013–2015 гг. не вырос. Для справедливости надо сказать, что негативное влияние на указанные показатели произвёл отток капитала, который был особенно значителен в 2014 г., когда из России вывезли капитал в 151,5 млрд долл. в связи с санкциями из-за присоединения Крыма к России и отключили российские предприятия и организации от мирового финансового рынка. Диаграмма показывает приток и отток капитала из России в 2006–2019 гг. (рис. 2).

До 1 января 2014 г. российские предприятия и организации, как уже упоминалось, широко занимали деньги у иностранных инвесторов, прежде всего у зарубежных банков, особенно для оплаты импортируемых товаров. И поэтому внешний долг России, который включал не только долг государства (относительно небольшой, около 40 млрд долл.), но и в основном долги предприятий и организаций, в т. ч. крупных концернов, находящихся под контролем государства, на 1 января 2014 г. составил максимальную величину почти в 730 млрд долл. Однако в связи с упомянутыми санк-

Таблица 3

Динамика инвестиций в основной капитал в 2013–2015 гг. (в постоянных ценах), прирост в % 2015 г. к 2012 г.

Table 3

Investment in Fixed Capital in 2013–2015 (in Constant Prices); Growth in 2015 Compared with 012 (%)

Показатели	Прирост в %	Примечание
Частные инвестиции	10	Частные инвестиции выросли с 5897 млрд руб. в 2012 г. до 8368 млрд руб. в 2015 г., или на 40 % в номинале и 10 % в постоянных ценах. Их доля во всех инвестициях выросла с 54 % до 58 %
Государственные инвестиции (без инвестиционного кредита)	–31	По данным статистики, государственные инвестиции (без среднего и малого бизнеса) снизились с 2155 млрд руб. в 2012 г. до 1863 млрд руб., в реальном выражении — на 31 %
Инвестиции крупных государственных корпораций (Газпром, Роснефть, РЖД, Росатом, Ростехнологии)	–35	Главным драйвером сокращения инвестиций стал Газпром, инвестиции которого составляли 20 % от общих инвестиций и снизились до 6 %. Снизился объём инвестиций и у РЖД, Росатома и Ростехнологий. Так что увеличение инвестиций Роснефти не смогло перекрыть их убыль от Газпрома
Инвестиции в консолидированном бюджете	–22	Все бюджетные инвестиции сократились в номинале с 1713 млрд руб. в 2012 г. до 1690 млрд руб. в 2015 г. при индексе дефляции по инвестициям за 2013–2015 гг. в 127 %
Инвестиционный кредит	–27	Доля инвестиционного кредита отечественных банков в общих инвестициях сократилась с 7,2 % в 2012 г. до 5,9 % в 2015 г.
Общие инвестиции в экономике	–11	В 2014 г. инвестиции снизились на 2,7 % и в 2015 г. на 8,4 %

Источник: (Аганбегян, 2020б).

Таблица 4

Проектируемые и фактические результаты динамики инвестиций в основной капитал и валового внутреннего продукта в 2013–2015 гг.

Table 4

Projected and Actual Trends in Investment in Fixed Capital and Gross Domestic Product in 2013–2015

Показатели	Проект	Факт
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП (2012 г. — 21 %)	25 % — 2015 г. 27 % — 2018 г.	15,6 % — 2015 г. 16,7 % — 2018 г.
Прирост инвестиций в основной капитал в 2013–2015 гг., %	40 %	–11 %
Прирост ВВП в 2013–2015 гг., %	13 %	0 %

Источник: сост. автором.

циями и отлучением России от мирового финансового рынка предприятия и организации, отдавая долги, не могли уже перекредитоваться, и накопленные ими капиталы и прибыль уходили за границу практически без возмещения. Так что всего за два года, 2014–2015 гг., страна вынуждена была вернуть более 220 млрд долл., что, естественно, негативно сказалось на социально-экономическом развитии России.

Многие считают, что огосударствление экономики произошло в первое десятилетие 2000-х гг. с образованием Роснефти, Ростехнологий, РЖД, возникших электроэнергетических объединений под эгидой государства и др., при удвоении доли

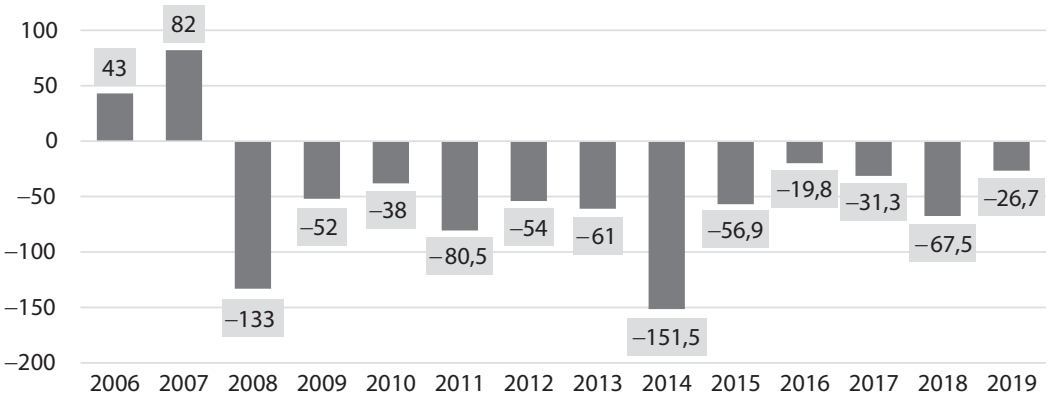

Рис. 2. *Приток и отток капитала из России в 2006–2019 гг., млрд долл. (источник: сост. по: (Аганбегян, 2017))*
Fig. 2. *Capital Inflows and Outflows in Russia, 2006–2019 (USD billions)*

консолидированного бюджета в составе ВВП России с 20 % в 1998 г. до 40 % в 2009 г. и увеличении доли госсобственности в ВВП в 2 раза. Если бы доля госсобственности оставалась на уровне 2003 г., когда завершилась кампания по массовой приватизации (35 % ВВП производилось на базе госсобственности), то частный сектор не допустил бы столь значительного снижения инвестиций в основной капитал и социально-экономический рост вслед за послекризисным подъёмом мог бы продолжиться.

Однако возможная позитивная динамика социально-экономических показателей в этом случае вряд ли могла оказаться столь высокой, как планировалось, из-за двух причин. Во-первых, из-за серьёзных санкций в связи с присоединением Крыма в конце 1 квартала 2014 г., которые, по оценкам экспертов, снижают ВВП страны примерно на 1 % в год. Во-вторых, никто не предполагал, что будет резкое снижение цен на нефть и природный газ со стороны Саудовской Аравии и стран ОПЕК с середины 2014 г. в связи со значительным ростом добычи нефтегазовых ресурсов в США при освоении сланцевых пластов, что лишало Саудовскую Аравию и страны ОПЕК их главного направления — продажи своих нефтяных ресурсов США. Это снижение цен на нефть и газ сначала вдвое — с 120 до 60 долл. за баррель нефти, а потом ещё в два раза в 2015–2016 гг. до 30 долл. значительно сократило экспорт России и доходы бюджета. ВВП, по оценкам экспертов, от этого снизился также на 1 % в год.

Повышение цены на нефть, которая в конце концов установилась в районе 60 долл., привело к девальвации рубля также примерно вдвое и вызвало высокую инфляцию в России в размере 34 % в 2014–2016 гг. с пиком в 15,5 % в 2015 г. Это привело к небывалому снижению реальной зарплаты, как это видно на графике (рис. 3).

Высокая инфляция, естественно, вызвала повышение процентной ставки Центрального банка, что ухудшило условия хозяйствования, предприятий и организаций, затормозило их развитие. Динамика ключевой ставки представлена в таблице 5.

В заключение приведем график динамики ВВП, реальных доходов, розничного товарооборота и накопления основного капитала за весь период стагнации 2013–2019 гг. (рис. 4). В расчёте на душу населения валовый продукт за 7 лет вырос на 3,5 %, накопления основного капитала в расчёте на душу населения фактически оказались нулевыми, а розничный товарооборот на душу населения и реальные доходы населения существенно сократились. Уровень жизни людей, особенно малообеспеченных и среднего класса, ощутимо снизился.

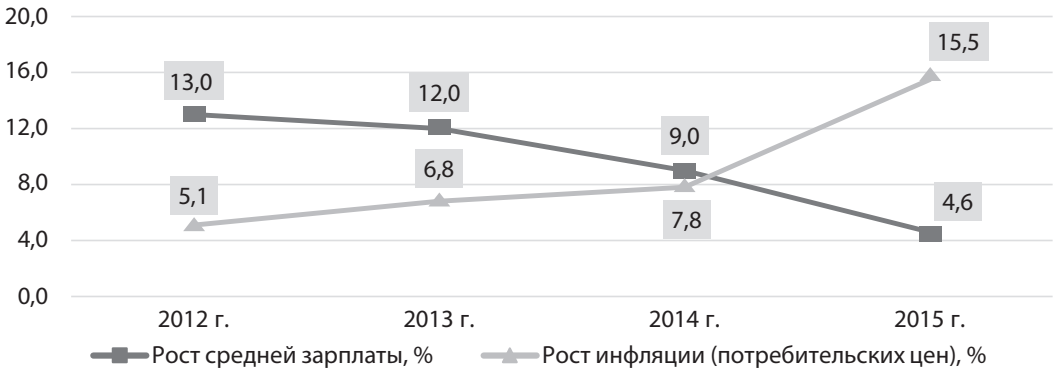

Рис. 3. *Рост средней зарплаты и инфляции в 2012–2015 гг. (источник: сост. автором)*
Fig. 3. *Growth of Average Wages and Inflation, 2012–2015*

Таблица 5

Динамика ключевой ставки* ЦБ РФ (2013–2020 гг.)

Table 5

Key Interest Rate of the Central Bank of Russia, 2013–2020

Основные периоды изменения ключевой ставки	
2013 г.	Ставка была введена на уровне 5,5 % годовых
2014 г.	Произошло значительное повышение ставки, достигшее пика в 17 % годовых в декабре 2014 г. в ответ на валютный кризис и инфляционные риски
2015–2017 гг.	Период постепенного снижения ставки по мере стабилизации экономической ситуации и инфляции. Ставка поэтапно опускалась с 17 % до уровня около 7,75 % к концу 2017 г.
2018–2019 гг.	Наблюдались небольшие колебания ставки (в основном в диапазоне 7,0 %–7,75 %), а к концу 2019 г. она снизилась до 6,25 %
2019 г.	В течение этого года происходило дальнейшее снижение ставки. К 22 июня 2020 г. она достигла значения в 4,5 %, а к ноябрю 2020 г. — 4,25 % годовых

Примечание: *ключевая ставка была введена Банком России 13 сентября 2013 г. До этого момента действовала ставка рефинансирования.

Источник: сост. автором.

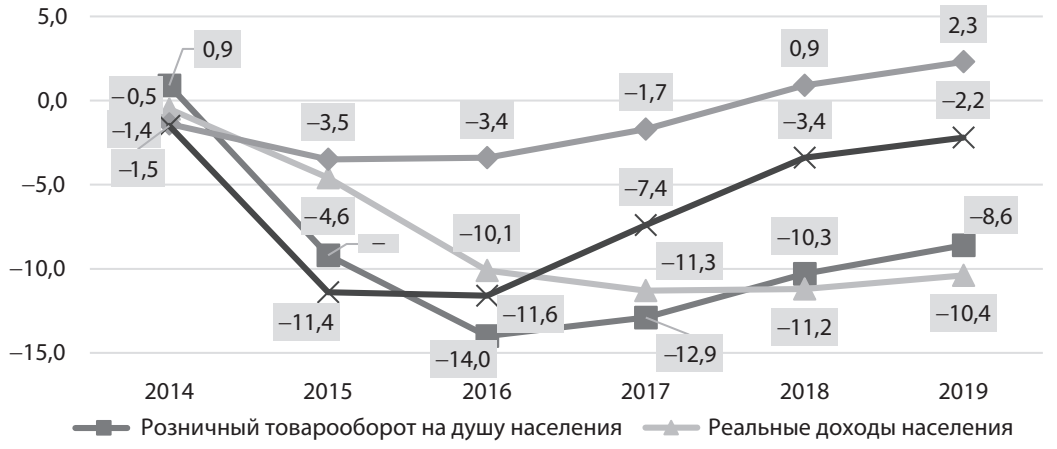

Рис. 4. *Динамика ВВП, реальных доходов, розничного товарооборота и накопления основного капитала (%) (источник: (Аганбегян, 2020б))*
Fig. 4. *Trends in GDP, Real Incomes, Retail Trade Turnover, and Gross Fixed Capital Formation (%)*

Семилетняя стагнация с рецессией и снижением уровня жизни сопровождалась началом второго демографического кризиса России, начавшегося с 2017 г., с возрастающей депопуляцией. Причина — резкое сокращение рождаемости из-за значительного снижения численности женщин в фертильном возрасте и уменьшения суммарного коэффициента рождения (число рождённых младенцев в расчёте на одну женщину в фертильном возрасте в данном году) с 1,777 в 2015 г. (максимум) до 1,5 в 2019 г. Сбережение народа России, восстановленное в 2013–2015 гг. с естественным приростом населения, как видно, было подорвано.

Период семилетней стагнации в 2013–2019 гг., к сожалению, стал безрадостным временем.

Список источников

Аганбегян, А. Г. (2016). Единая целенаправленная социально-экономическая политика — важное условие возобновления экономического роста. *Деньги и кредит,* (7), 3–14. EDN WDHNBN.

Аганбегян, А. Г. (2017). Возобновление социально-экономического роста: проблемы и перспективы. *Среднерусский вестник общественных наук, 12* (3), 19–41. EDN YZLJHD. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-3-19-41

Аганбегян, А. Г. (2020а). Новой России — 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ). *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии,* (3–4(131)), 29–73.

Аганбегян, А. Г. (2020б). О необходимости новой социально-экономической политики. *Среднерусский вестник общественных наук, 15* (3), 15–50. EDN FTVLYB. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-3-15-50

Аганбегян, А. Г. (2020в). *О приоритетах социальной политики.* Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 512.

Аганбегян, А. Г. (2021). От стагнации и кризиса — к социально-экономическому подъему России. *ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучения. Вестник ВШОУЗ, 7* (2(24)), 4–27. EDN MYYIHN. https://doi.org/10.33029/2411-8621-2021-7-2-4-27

Вылгина, Ю. В., Шишова, А. С. (2016). Особенности коммерциализации инновационных разработок в электроэнергетике. *Вестник ИГЭУ,* (2), 1–7.

Гнездова, Ю. В., Веселовский, М. Я. (2016). Проблемы управления инвестиционной безопасностью региона. *Экономика сельского хозяйства России,* (9), 7–14. EDN WWCXTV.

Исупова, О. А., Калинин, А. В., Мейзерович, А. В. (2015). Оценка социально-экономических условий развития предпринимательства на локальном рынке жилищной недвижимости. *Европейский журнал социальных наук,* (7), 66–74. EDN UMYZVR.

Левина, Л. Ф. (2016). Государство и рынок. Критерии эффективности. *Актуальные проблемы управления — 2016: 21-я Международная научно-практическая конференция, Москва, 23–24 ноября 2016 года. Выпуск 2.* (с. 209–212). Москва: Государственный университет управления. EDN YOCHKR.

Zhang, Y., He, W., Lu, H., & Ji, H. (2021). Mode Analysis on Biopharmaceutical Engineering Undergraduate Education in China based on SPSS: SPSS Analysis on Biopharmaceutical Engineering Undergraduate Education in China. *2021 International Conference on Education, Information Management and Service Science (EIMSS),* 128–135. https://doi.org/10.1109/eimss53851.2021.00036

References

Aganbegyan, A. G. (2020a). The new Russia 30 years later. achievements and shortcomings (A socio-economic analysis). *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions],* (3–4(131)), 29–73. (In Russ.)

Aganbegyan, A. G. (2016). Single targeted social and economic policy as a prerequisite for economic growth resumption. *Den'gi i kredit [Russian Journal of Money and Finance],* (7), 3–14. EDN WDHNBN. (In Russ.)

Aganbegyan, A. G. (2017). Renewal of socio-economic growth: Problems and prospects. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences], 12*(3), 19–41. EDN YZLJHD. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-3-19-41 (In Russ.)

Aganbegyan, A. G. (2020b). On the need for a new socio-economic policy. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences], 15*(3), 15–50. EDN FTVLYB. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-3-15-50 (In Russ.)

Aganbegyan, A. G. (2020v). *O prioritetakh sotsial'noy politiki [On the priorities of social policy]*. Moscow: Delo Publ., 512. (In Russ.)

Aganbegyan, A. G. (2021). From stagnation and crisis to the socio-economic rise of Russia. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obucheniya. Vestnik VSHOUZ [Healthcare Management: News, Views, Education. Bulletin of VSHOUZ], 7*(2(24)), 4–27. EDN MYYIHN. https://doi.org/10.33029/2411-8621-2021-7-2-4-27 (In Russ.)

Gnezdova, Yu. V., & Veselovsky, M. Ya. (2016). Problems of management of investment safety of the region. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii [Economics of Agriculture of Russia],* (9), 7–14. EDN WWCXTV. (In Russ.)

Isupova, O. A., Kalinin, A. V., & Meyzerovich, A. V. (2015). Assessment of social and economic conditions of development of business in the local market of housing real estate. *Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk [European Social Science Journal],* (7), 66–74. EDN UMYZVR. (In Russ.)

Levina, L. F. (2016). State and Market. Performance Criteria. *Aktual'nyye problemy upravleniya — 2016: 21-ya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Moskva, 23–24 noyabrya 2016 goda. Vypusk 2 [Actual Problems of Management — 2016: 21st International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 23–24, 2016. Issue 2]* (pp. 209–212). Moscow: GUU Publ. EDN YOCHKR. (In Russ.)

Vylgina, Yu. V., & Shishova, A. S. (2016). Commercialization of innovative developments in the power sector. *Vestnik IGEU [Vestnik IGEU],* (2), 1–7. (In Russ.)

Zhang, Y., He, W., Lu, H., & Ji, H. (2021). Mode Analysis on Biopharmaceutical Engineering Undergraduate Education in China based on SPSS: SPSS Analysis on Biopharmaceutical Engineering Undergraduate Education in China. *2021 International Conference on Education, Information Management and Service Science (EIMSS),* 128–135. https://doi.org/10.1109/eimss53851.2021.00036

Информация об авторе

Аганбегян Абел Гезевич — доктор экономических наук, профессор, академик РАН; https://orcid.org/0000-0002-9689-7005 (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1; e-mail: aganbegyan@ranepa.ru).

About the author

Abel G. Aganbegyan — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Member of RAS; https://orcid.org/0000-0002-9689-7005 (Bldg. 1, 82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: aganbegyan@ranepa.ru).

Дата поступления рукописи: 19.12.2025.
Прошла рецензирование: 26.12.2025.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 19 Dec 2025.
Reviewed: 26 Dec 2025.
Accepted: 10 Feb 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.7
УДК 338.36
JEL M15, O14, O32

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Отраслевые паттерны цифровой трансформации промышленности[1]

Виктория В. АКБЕРДИНА[1)] ✉ iD, **Анна З. БАРЫБИНА[2)]** ✉ iD
[1, 2)] Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Акбердина, В. В., Барыбина, А. З. (2026). Отраслевые паттерны цифровой трансформации промышленности. *AlterEconomics, 23*(1), 96–121.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.7

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена осмыслением того, что в условиях нарастающих глобальных вызовов — санкционного давления, фрагментации цепочек создания стоимости и необходимости обеспечения технологического суверенитета — цифровая трансформация промышленности становится критическим фактором адаптации. Однако наблюдаемое разнообразие траекторий цифровизации в разных секторах ставит под сомнение универсальность существующих подходов и требует разработки инструментов, учитывающих отраслевую специфику. В статье предлагается концепция отраслевого паттерна цифровой трансформации, понимаемого как устойчивая воспроизводимая модель преобразований, формирующаяся на пересечении трех ключевых характеристик: технологического ядра, глубины трансформации бизнес-модели и уровня развития внутренних цифровых компетенций. На основе данной концепции разработана комплексная методика идентификации отраслевых паттернов, раскрывающая каждый из элементов через систему статистических показателей Росстата и шкалы оценки стадий внедрения. Апробация методики проведена на примере трех высокотехнологичных отраслей российской промышленности — фармацевтики, микроэлектроники и авиакосмической отрасли. Выявлены существенные различия в формирующихся паттернах: регуляторно-ориентированная модель в фармацевтике с фокусом на учет и контроль при опережающем развитии ИИ в НИОКР; интеграционный паттерн в электронике с доминированием систем автоматизированного проектирования и уникальным кадровым профилем; инжиниринговый паттерн в авиакосмосе, где ключевую роль играют цифровое проектирование и управление жизненным циклом при сохранении решающей роли человека. Полученные результаты демонстрируют, что каждая отрасль формирует уникальную конфигурацию цифровых приоритетов как стратегический ответ на внешние вызовы, исходя из своей технологической природы, регуляторного ландшафта и накопленного кадрового потенциала. Предложенный подход создает аналитическую основу для перехода от универсальных рекомендаций к адресной промышленной политике и точной настройке корпоративных стратегий цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, отраслевой паттерн, технологическое ядро, цифровые компетенции, высокотехнологичные отрасли, фармацевтика, микроэлектроника, авиакосмическая отрасль

Благодарность: Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки РФ для Института экономики УрО РАН на период 2024–2026 гг. № 0327-2024-0010.

[1] © Акбердина В. В., Барыбина А. З. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Industry Patterns of Digital Transformation

Victoria V. AKBERDINA[1)] ✉, **Anna Z. BARYBINA**[2)] ✉
[1, 2)] *Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation*

For citation: Akberdina, V. V., & Barybina, A. Z. (2026). Industry Patterns of Digital Transformation. *AlterEconomics, 23*(1), 96–121. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.7

Abstract. The relevance of this study stems from the understanding that, in the face of growing global challenges such as sanction pressure, value chain fragmentation, and the need to ensure technological sovereignty, digital transformation of industry is becoming a critical factor for adaptation. However, the observed diversity of digitalization trajectories across sectors calls into question the universality of existing approaches and requires the development of tools that take into account industry specifics. This article proposes the concept of an industry pattern of digital transformation, understood as a sustainable, replicable transformation model formed at the intersection of three key characteristics: the technological core, the depth of business model transformation, and the level of development of internal digital competencies. Based on this concept, a comprehensive methodology for identifying industry patterns was developed specifically for the Russian context. Each element of the pattern is revealed through the Federal State Statistics Service's system of statistical indicators and implementation stage assessment scales. The methodology was tested using data from three high-tech sectors of Russian industry: pharmaceuticals, microelectronics, and aerospace. Significant differences in the emerging patterns were identified. In pharmaceuticals, a regulatory oriented model focusing on accounting and control with the accelerated development of AI in R&D was observed. In electronics, an integration based pattern dominated by computer aided design systems and a unique talent profile emerged. In aerospace, an engineering based pattern took shape where digital design and lifecycle management play a key role while maintaining the decisive role of humans. The results demonstrate that each industry is developing a unique configuration of digital priorities as a strategic response to external challenges, based on its technological nature, regulatory landscape, and accumulated talent pool. The proposed approach creates an analytical basis for the transition from universal recommendations to targeted industrial policies and the fine tuning of corporate digital transformation strategies.

Keywords: digital transformation, industry pattern, technological core, digital competencies, high-tech industries, pharmaceuticals, microelectronics, aerospace

Acknowledgments: This research was conducted as part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for the period 2024–2026, No. 0327-2024-0010.

1. Введение

Современный этап экономического развития характеризуется нарастанием турбулентности и формированием принципиально новых стратегических вызовов, перед лицом которых оказываются как национальная экономика, так и отдельные промышленные комплексы. Санкционное давление, фрагментация глобальных цепочек создания стоимости, необходимость обеспечения технологического суверенитета и ускорение инновационных циклов требуют от промышленности способности к быстрой и адекватной адаптации. В этих условиях цифровая трансформация перестает быть вопросом конкурентоспособности и становится фактором выживания. Однако ключевой проблемой остается понимание того, как именно различные отрасли должны отвечать на эти вызовы и какие именно стратегии оказываются эффективными в этих условиях.

Эмпирические исследования свидетельствуют о значительной вариативности траекторий, темпов и результатов цифровой трансформации в разных сегментах промышленности — от радикальной смены бизнес-моделей в автомобилестроении до фрагментарной автоматизации в традиционных секторах (Смирнов и др., 2021; Килимова, 2022). Это ставит перед экономической теорией задачу поиска новых концептуальных рамок, способных объяснить наблюдаемое разнообразие и предложить инструменты для разработки дифференцированных стратегических ответов. В научной литературе фиксируется переход от общих принципов цифровой трансформации к выделению и анализу специфических технологических стратегий и, что особенно важно, к изучению их отраслевой специфики реализации (Хоменко и др., 2022; Ghobakhloo et al., 2025).

Отрасль перестает рассматриваться лишь как контекст, а становится ключевой переменной, определяющей приоритеты, скорость и характер цифровой трансформации. Вариативность процессов цифровой трансформации в отраслях обусловлена целым комплексом факторов. К ним относятся общий уровень технологичности и инновационности, состояние первичной цифровизации и автоматизации производственных процессов, степень вовлеченности предприятий в цифровой обмен данными с поставщиками и потребителями, объем и динамика расходов на цифровые решения, развитие цифровых компетенций работников и многое другое.

В результате в промышленности формируются устойчивые, воспроизводимые модели цифровой трансформации — отраслевые паттерны, которые требуют теоретического осмысления и разработки «тонкого» аналитического инструментария.

Цель статьи — сформулировать общий контур элементов отраслевых паттернов цифровой трансформации промышленности и предложить комплексную методику идентификации отраслевых паттернов, интегрирующую стратегические, технологические и организационные аспекты в единую аналитическую модель.

На основе предложенной методики будет проведена пилотная классификация ключевых отраслей промышленности и выявлены их доминирующие паттерны трансформации. В отличие от существующих рейтингов цифровизации (Попов, Семячков, 2017; Ершов и др., 2024), предлагаемый подход позволяет не только ранжировать отрасли, но и выявлять качественную природу (паттерн) их трансформации, определяя ключевые драйверы, противоречия и точки роста.

2. Теоретические рамки исследования и сущность понятия «отраслевой паттерн цифровой трансформации»

2.1. Теоретические рамки исследования

Цифровая трансформация стала ключевым фактором конкурентоспособности промышленных предприятий в XXI в. Она представляет собой комплексный процесс, затрагивающий не только технологии, но и бизнес-модели, организационные структуры, процессы и работников предприятий.

Выделим несколько направлений в исследованиях цифровой трансформации отраслей промышленности, которые определяют теоретические рамки статьи.

Первое направление — это дискурс «цифровизация — цифровая трансформация». Исходной точкой является концептуальное различение между автоматизацией, цифровизацией и цифровой трансформацией, обозначенное в научных

публикациях в 2010-х гг., когда была сформирована концепция Индустрии 4.0. Сегодня это разделение в значительной степени утратило свою актуальность, поскольку формальная «цифровизация» в ее минимальном, инфраструктурном выражении (использование компьютеров, сетей, баз данных, электронного документооборота и др.) стала повсеместной и обязательной нормой для любого конкурентоспособного предприятия промышленности. Фокус стратегического управления сместился с вопроса «цифровизироваться или нет?» на более сложный и детализированный вопрос: «как именно и с какими приоритетами осуществлять цифровую трансформацию?» (Лавренко, Мечикова, 2022; Пургаева и др., 2023; Yaqub & Alsabban, 2023). На первый план выходит не сам факт использования технологий, а их конкретная конфигурация, последовательность внедрения и интеграция в отраслевые бизнес-процессы.

Второе направление непосредственно касается места цифровой трансформации в стратегическом менеджменте. Традиционные школы стратегического менеджмента (например, ресурсный подход, теория динамических способностей) начинают адаптироваться к цифровому контексту. С. Берман (Berman, 2012), К. Мэтт с коллегами (Matt et al., 2015) и Б. Регу с соавторами (Rêgo et al., 2022) вводят концепцию «цифровых бизнес-стратегий», подчеркивая необходимость интеграции цифровых и физических аспектов бизнеса. С. Гхош и соавторы (Ghosh et al., 2022) развивают идею динамических способностей, утверждая, что в условиях цифровой экономики ключевыми становятся способности к «чувствованию, захвату и реконфигурации цифровых активов». Однако, как отмечает К. Бак (Buck et al., 2023), существует разрыв между макроуровневыми стратегическими концепциями и микроуровневыми решениями о выборе и внедрении конкретных технологий, что требует разработки мезоуровневых отраслевых концепций.

Третье направление исследований касается собственно технологического ядра цифровой трансформации как самостоятельного объекта в виде семейств цифровых решений. В работах Д. Банерджи и Д. Сена (Bandyopadhyay & Sen, 2011), Е. Бушере и Д. Укелманн (Bucherer & Uckelmann, 2011), И.Л. Авдеевой, А.В. Полянина и Т.А. Головиной (2019) о влиянии «умных, подключенных продуктов» заложена основа для стратегий, ориентированных на Интернет вещей и создание экосистем данных. Исследования по стратегиям внедрения искусственного интеллекта выделяют разные подходы — от автоматизации процессов до создания новых продуктов (Aldoseri et al., 2024). Литература по облачным вычислениям (например, (Marston et al., 2011)) анализирует стратегический выбор между различными моделями развертывания (публичное, частное, гибридное «облако») как элемент конкурентного позиционирования (Мыльник, Голов, 2025). Однако, как правило, эти стратегии рассматриваются изолированно, без анализа их взаимосвязи и отраслевой специфики.

Поэтому четвертое направление — это отраслевой контекст как ключевой фактор цифровой трансформации. Как уже было отмечено выше, важнейшим направлением является признание того, что траектории цифровой трансформации не универсальны. Исследования Г. Уэстерман и его коллег (Westerman et al., 2012) в рамках инициативы «Индустрия 4.0» изначально подчеркивали отраслевые различия, в частности между дискретным и процессным производством. Последующие эмпирические работы подтверждают, что такие факторы, как сложность продукта, регуляторная среда, структура цепочки создания стоимости и интенсивность НИОКР, определяют приоритеты и последовательность внедрения

цифровых технологий (Истомина, 2018; Акбердина, 2018; Краковская и др., 2023). Обобщающие отраслевые исследования от McKinsey Global Institute (2015–2022) и World Economic Forum (2018–2023) предоставляют сравнительные данные о потенциале и барьерах цифровизации в различных секторах, косвенно указывая на формирование отраслевых паттернов.

И, наконец, пятое направление — это методология оценки цифровой трансформации. Анализ научной литературы позволяет выделить два широких класса методов оценки: качественные и количественные. Среди качественных методов наиболее распространенными являются опросы и анкетирование (Лола, Бакеев, 2019; Бакеев, Лола, 2020; Jackson et al., 2022), которые позволяют обобщить данные о субъективном восприятии и оценке цифровой трансформации сотрудниками и руководством предприятий. Для получения экспертного мнения используются глубинные экспертные интервью (Ting et al., 2022; Шекшня, Кравченко, 2024), часто с последующей обработкой данных статистическими методами.

Среди количественных методов центральное место занимает методология построения интегральных индексов, синтезирующих данные из разнородных источников через взвешивание и нормализацию показателей, что позволяет получить, например, агрегированную оценку цифровой зрелости (Дубровская, Тарасова, 2020; Бабкин и др., 2024). Также достаточно широко применяются статистические методы, в частности корреляционный и регрессионный анализ, для выявления причинно-следственных связей между уровнем цифровой трансформации и ключевыми бизнес-результатами (Вертакова и др., 2018; Калиниченко, 2021).

В указанных теоретических рамках данная статья будет акцентировать внимание на области исследования, находящейся на пересечении выделенных направлений, а именно акцент будет сделан на формировании паттернов цифровой трансформации в разрезе отраслевых стратегий их реализации.

2.2. Сущность понятия «отраслевой паттерн цифровой трансформации»

Теперь обратимся непосредственно к пониманию сущности отраслевого паттерна цифровой трансформации.

Паттерн (от англ. *pattern* — образец, шаблон, модель) — это устойчивая, повторяющаяся и узнаваемая схема или модель, которая систематически проявляется в различных явлениях или процессах. По своей сути паттерн представляет собой шаблон действий или стратегий, выполняющий три ключевые функции: он позволяет распознавать сходства в разнородных ситуациях, предсказывать развитие событий или поведение систем и структурировать знания, предлагая типовые решения для типовых проблем.

Основными характеристиками любого паттерна являются его повторяемость, узнаваемость, типичность и практическая полезность (Toussaint & Toussaint, 2014). Повторяемость в данном случае — это возникновение в подобных условиях не просто похожих ситуаций, а систематическое воспроизведение тех же решений или событий, что позволяет определить данный паттерн как устойчивую единицу, а не как закономерность и тем более не как случайность (Dennett, 1991). Закономерность обычно описывает прямую причинно-следственную связь по принципу «если *x*, то *y*». Паттерн же — это описание самой повторяющейся формы или последовательности действий, которая может быть следствием различных причин и представляет собой более широкую категорию.

Под узнаваемостью мы понимаем возможность четкого описания структуры паттерна и его отличительных признаков, позволяющих идентифицировать его в каждом конкретном случае проявления. Типичность в свою очередь можно определить как отражение обобщенного случая, а не уникального явления, т. е. паттерн фиксирует устойчивые, повторяющиеся черты, присущие целому классу явлений, абстрагируясь от случайных особенностей каждого отдельного примера (Грибков, 2023).

Достаточно часто в литературе встречается ошибочное, на наш взгляд, мнение, что паттерн — это некая оптимальная совокупность решений. В контексте цифровой трансформации, например, под такой совокупностью понимают стандарты Industry 4.0 (Frank et al., 2019). Считается, что набор оптимальных технологий возникает как результат экспертного консенсуса или бенчмаркинга, что позволяет предприятиям удешевлять их внедрение и снижать риски (Shin et al., 2019).

Мы придерживаемся мнения, что отраслевой паттерн не обязательно является синонимом оптимальности или лучшей практики. Это прежде всего устойчиво воспроизводимый подход, который стал доминирующим в отрасли благодаря тиражируемости, но не обязательно благодаря своей объективной эффективности. Паттерн может быть как оптимальным, так и устаревшим, или даже изначально не самым лучшим, но получившим широкое распространение в силу исторических причин.

В крайнем негативном смысле отраслевой паттерн рассматривается как эффект колеи, когда глубоко укоренившиеся паттерны блокируют возможность перехода отрасли на альтернативные траектории развития (Аузан и др., 2022; Верников, Курышева, 2023). Колея выступает механизмом консервации, который делает выход из однажды выбранного паттерна экономически или технологически невыгодным, даже когда большинство предприятий осознают его неоптимальность. Стоимость переключения, связанная с унаследованными активами, стандартами или инфраструктурой, оказывается предельно высокой.

В результате тиражируемый сегодня паттерн может оказаться колеей завтра. В автоматизации и цифровизации можно привести не один такой пример. Так, в сфере АСУ ТП (SCADA) паттерн 1990-х гг., предписывавший закупку систем у крупных вендоров, таких как Siemens или Wonderware, казался надежной стратегией, однако к 2020-м гг. он обернулся колеей. Предприятия оказались связаны закрытыми протоколами, не имея возможности подключать новые «умные» датчики других производителей или внедрять современную аналитику данных из-за отсутствия открытых API у вендоров (Маркин, 2025).

Аналогичная ситуация прослеживается на примере ERP-систем. В 2000-х гг. внедрение решений от SAP или Oracle считалось «лучшим паттерном» управления ресурсами и признаком зрелости бизнеса, но сегодня предприятия, внедрившие эти решения, не могут перейти на гибкие облачные технологии и использовать алгоритмы ИИ планирования. Проблема заключается в высокой стоимости выгрузки и переноса данных из-за устаревшего кода ПО (Трубин и др., 2025).

Таким образом, будем утверждать, что паттерны цифровой трансформации в своей сути представляют собой отражение глубинной отраслевой специфики, а не универсальный набор предписаний. Убеждение в том, что существуют «лучшие» или «обязательные» технологии, которые должны быть внедрены на каждом современном предприятии, является фундаментальным заблуждением. Если внимательно рассмотреть технологии, включенные в стандарты Индустрии 4.0, то выясняется, что эти решения подходят не всем и не всегда. Их уместность

и экономическая целесообразность целиком и полностью определяются уникальным сочетанием факторов, характерных для конкретной промышленной отрасли. Такими факторами выступают структура цепочки добавленной стоимости, тип производства, технологическая природа продукта, экономия от масштаба, регуляторные ограничения и др.

Аддитивные технологии, например, демонстрируют свою максимальную эффективность в отраслях, где ценность создается за счет сложной геометрии, малых серий или высокой степени кастомизации. В авиакосмической промышленности печать турбинных лопаток из титановых сплавов считается прорывом, позволяющим создавать облегченные конструкции с внутренними каналами охлаждения, которые невозможно получить литьем (Найм и др., 2022). Однако в нефтепереработке или массовом производстве бутилированных напитков аддитивные технологии останутся дорогостоящей технологией для изготовления оснастки, но никогда не станут ядром производственного процесса.

Роботизация — это еще один яркий пример попытки насаждения «модного» тренда в качестве оптимального паттерна цифровой трансформации промышленности (Потапцева, Брянцева, 2025). При этом в фармацевтическом производстве, особенно в области стерильного розлива, полная роботизация наталкивается не только на высокую стоимость, но и жесткие регуляторные требования. Любое изменение в автоматизированной линии требует долгого и дорогостоящего процесса подтверждения соответствия стандартам GMP[1], что часто делает поэтапную модернизацию экономически нецелесообразной. Здесь паттерн может включать роботов на этапе упаковки и в логистике, но не на основном технологическом переделе.

Цифровые двойники также служат хорошей иллюстрацией. Эта технология демонстрирует свою максимальную ценность в отраслях, где продукт отличается высокой сложностью, стоимостью и длительным жизненным циклом, а процессы требуют серьезного моделирования (Кравченко, 2025). Однако, например, в легкой промышленности при массовом пошиве одежды создание полноценного цифрового двойника каждой швейной линии или изделия будет избыточным.

Следовательно, отсутствие масштабного внедрения той или иной цифровой технологии на предприятиях определенной отрасли автоматически не свидетельствует о ее цифровой незрелости. Более того, мы видим, что копирование успешных решений из одной отрасли в другую без учета специфики производства обречено на неудачу или неэффективность инвестиций. Поэтому истинный цифровой паттерн всегда эндемичен, он вытекает из технологического и экономического базиса самой отрасли, определяя уникальный путь ее трансформации. При этом внутри конкретной отрасли выявленный паттерн, в случае его доказанной результативности, позволяет предприятиям внедрять проверенные решения, а государству эффективно реализовывать горизонтальную промышленную политику и формировать адресные меры поддержки для отдельных отраслей и предприятий.

Сформулируем следующее определение паттерна применительно к исследованию цифровой трансформации промышленности. Отраслевой паттерн цифровой трансформации — это типичная для отрасли воспроизводимая модель преобра-

[1] GMP (Good Manufacturing Practice, Надлежащая производственная практика) — международный стандарт, устанавливающий требования к производству и контролю качества лекарственных средств для человека и животных, а также специальные требования к производству активных фармацевтических субстанций и отдельных видов лекарственных средств.

зований, формирующаяся на пересечении трех ключевых характеристик: специфического технологического ядра, достигнутой глубины трансформации бизнес-модели и уровня развития внутренних цифровых компетенций, в совокупности определяющих уникальную траекторию цифрового развития конкретной индустрии (рис. 1).

Выше было указано отличие паттерна от закономерности. Здесь считаем необходимым подчеркнуть отличие отраслевого паттерна от простой совокупности отраслевых особенностей реализации стратегий цифровой трансформации. Отраслевые особенности представляют собой перечень характеристик, которые могут быть верны, но которые не ответят на вопрос, как именно эти особенности взаимодействуют друг с другом и какую траекторию изменений они формируют. Отраслевой паттерн, напротив, выявляет структурные взаимосвязи между этими особенностями и показывает, как они под воздействием внешних и внутренних факторов складываются в определенный тип трансформации.

Предлагаемое понимание сущности отраслевого паттерна вносит вклад в развитие методологии анализа цифровой трансформации, поскольку оно представляет иной уровень обобщения. Как было показано выше, преобладающие сегодня подходы зачастую сводятся к построению интегральных индексов цифровизации или цифровой зрелости, которые ранжируют отрасли и компании по единой усредненной шкале. Две отрасли с одинаковым интегральным баллом могут

Рис. 1. *Основные характеристики отраслевого паттерна цифровой трансформации (источник: сост. авторами)*
Fig. 1. *Main Characteristics of the Industry-Specific Pattern of Digital Transformation*

достигать его совершенно разными путями: одна — через радикальную роботизацию при консервативной бизнес-модели, другая — через развитие интеллектуальных сервисов при умеренной автоматизации. Особенность предлагаемого авторами подхода состоит в том, что он отказывается от поиска единой меры, заменяя ее концепцией паттерна как уникальной конфигурации характеристик. В методическом плане это позволяет перейти от описания частных случаев и рейтинговых замеров к выявлению устойчивых моделей трансформации и разработке инструментов для анализа отраслей на основе многомерных профилей, а не интегральных оценок.

Более того, логика отраслевого паттерна не предполагает сравнение отраслей промышленности между собой с позиции «лучше-хуже». В данном случае сравнение возможно только внутри отрасли, а именно сравнение предприятий с отраслевым уровнем и сравнение характеристик отраслевого паттерна в динамике.

3. Методы и данные

Для подтверждения авторских теоретических положений предложим инструментарий и проведем исследование отраслевых паттернов цифровой трансформации высокотехнологичных отраслей промышленности.

Объектом исследования будут являться отрасли, относимые по классификации ОЭСР к высокотехнологичным, — ОКВЭД 21 «производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии», ОКВЭД 26 «производство компьютеров, электронных и оптических изделий» и ОКВЭД 30.3 «производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования», в целях упрощения названные в исследовании, соответственно, «фармацевтика», «электроника» и «авиакосмос».

Источником данных по отраслям выступают предоставляемые Росстатом сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг (итоги статистического наблюдения по ф. № 3-информ) и сведения об инновационной деятельности организации (итоги статистического наблюдения по форме № 4-инновации)[1].

Согласно рисунку 1, содержащему основные характеристики отраслевого паттерна цифровой трансформации, сформируем систему оценочных показателей.

1. Технологическое ядро цифровой трансформации. В данном блоке применяется показатель «доля предприятий отрасли, использующих технологию, от числа предприятий, использующих цифровые технологии (%)». Для оценки технологических стратегий трансформации предлагается следующая шкала для оценки:

— менее 5 % характеризует пилотные стратегии;
— 5–15 % — стратегии нишевого применения;
— 15–40 % — стратегии формирования стандартов;
— 40–70 % — стратегии широкого распространения;
— свыше 70 % — стратегии полного насыщения.

В технологическом ядре можно выделить 4 направления, которые формируют технологические стратегии:

1) развитие технологий сбора данных с физических объектов (RFID-метки и датчики Интернета вещей);

[1] Источник данных Росстата — Раздел «Наука, инновации и технологии». [Электронный ресурс]. https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 14.12.2025).

2) развитие технологий цифровой инфраструктуры хранения данных (облачные сервисы и центры обработки данных);

3) развитие технологий интеллектуальной обработки данных (технологии больших данных и искусственный интеллект);

4) развитие технологий цифрового проектирования и производства (цифровые двойники, роботы и аддитивные технологии).

2. Организационные изменения и глубина трансформации бизнес-процессов. Данный блок включает в себя показатель «доля предприятий отрасли, использовавших цифровые технологии для решения отдельных управленческих задач, от общего числа предприятий, в которых данные технологии применялись (%)». Для оценки уровня трансформации используется аналогичная шкала как для технологического ядра. Глубину цифровой трансформации бизнес-модели характеризуют следующие направления:

1) цифровые технологии для научных исследований;

2) цифровые технологии для проектирования / моделирования (CAD / CAE / CAM / CAO);

3) цифровые технологии для управления автоматизированным производством и / или отдельными технологическими процессами;

4) цифровые технологии для управления взаимоотношениями с клиентами (CRM-системы), предназначенные для автоматизации процессов взаимодействия с существующими и потенциальными заказчиками на всех этапах: от первого контакта и маркетинговых кампаний до продаж и послепродажного обслуживания;

5) цифровые технологии для планирования ресурсов предприятия (ERP-системы), представляющие собой интегрированный пакет программного обеспечения, который объединяет в единое информационное пространство все ключевые бизнес-процессы компании: финансы и бухгалтерию, управление запасами и закупками, производство, управление персоналом, учет и отчетность;

6) цифровые технологии для управления цепочками поставок (SCM-системы), предназначенные для автоматизации и оптимизации потоков материалов, информации и финансов на всем протяжении логистической цепи: от закупки сырья у поставщиков через производство и складирование до доставки готовой продукции конечному потребителю;

7) цифровые технологии для управления жизненным циклом изделия и управления данными об изделии (PLM / PDM-системы), обеспечивающие единую цифровую среду для разработчиков, технологов и производителей, позволяя управлять сложностью продукта и сокращать время вывода новинок на рынок;

8) цифровые технологии для управления персоналом (HRIS), позволяющие автоматизировать все кадровые процессы: ведение штатного расписания, учет кадров, расчет заработной платы, управление табельным временем, подбор и обучение персонала, оценку эффективности и кадровое делопроизводство.

3. Внутренние цифровые компетенции. В основе данного блока лежит структура численности занятых в отрасли, используется показатель «доля занятых, использующих цифровые технологии для решения определенных задач, от всей численности занятых, %».

Направления, по которым оценивается уровень развития цифровых компетенций отрасли:

1) деятельность, связанная с информационно-коммуникационным технологиями (специалисты по ИКТ):

— низкий уровень — менее 0,5 % занятых в отрасли являются профильными ИКТ-специалистами (отрасль испытывает острый кадровый дефицит в цифровой сфере, ИКТ-функции преимущественно привлекаются по аутсорсингу);

— средний уровень — от 0,5 % до 1,5 % занятых составляют ИКТ-специалисты (в отрасли сформированы базовые внутренние компетенции для поддержки и эксплуатации цифровых систем);

— высокий уровень — свыше 1,5 % занятых относятся к категории ИКТ-специалистов (отрасль обладает развитым кадровым потенциалом для самостоятельной разработки, внедрения и сопровождения сложных цифровых решений);

2) непосредственное управление машинами и оборудованием с помощью цифровых технологий:

— низкий уровень — менее 5 % производственного персонала задействовано в управлении оборудованием через цифровые интерфейсы (преобладает ручное управление и аналоговые системы);

— средний уровень — от 5 % до 20 % работников используют цифровые системы для управления техникой и оборудованием (активное внедрение ЧПУ, SCADA-систем, цифровых панелей оператора и др.);

— высокий уровень — более 20 % производственного персонала взаимодействует с оборудованием через цифровые интерфейсы (широкое распространение автоматизированных рабочих мест, промышленных терминалов, систем удаленного мониторинга и управления);

3) функции и задачи, для решения которых используются технологии искусственного интеллекта:

— низкий уровень — менее 0,2 % занятых применяют ИИ-инструменты (использование носит единичный экспериментальный характер, отрасль на начальном этапе внедрения ИИ);

— средний уровень — от 0,2 % до 1 % работников вовлечены в задачи с применением ИИ (внедрение в отдельных функциях, например, контроль качества, предиктивная аналитика, оптимизация процессов и др.);

— высокий уровень — свыше 1 % сотрудников регулярно используют ИИ-решения (искусственный интеллект становится инструментом в ключевых бизнес-процессах, что для промышленности является опережающим показателем).

Для оценки показателей, включенных в элементы отраслевого паттерна, используется медианное значение за ряд лет (не менее 3), что характеризует устойчивое, типичное состояние отрасли на протяжении определенного временного периода. Использование медианы как центрального значения во временном ряду позволяет нивелировать крайние годовые аномалии. Важно также понимать, что медиана за ряд лет не отражает динамику и не показывает, рос показатель или падал. Она отвечает на вопрос о среднепериодическом уровне, что соотносится с логикой паттерна. При этом в комплексном анализе паттерна медиану за период можно использовать в паре с другими показателями, характеризующими тренд.

4. Результаты и обсуждение

На основе разработанной методики и сформированной системы показателей был проведен анализ цифровой трансформации трех высокотехнологичных от-

раслей российской промышленности — фармацевтики, электроники и авиакосмоса. Эмпирической базой исследования послужили данные Росстата по формам № 3-информ и № 4-инновации за период 2021–2024 гг. Анализ проводился по трем ключевым блокам, характеризующим отраслевой паттерн цифровой трансформации: технологическое ядро (рис. 2), глубина организационных изменений и трансформации бизнес-моделей (рис. 3), а также уровень внутренних цифровых компетенций (рис. 4).

4.1. Паттерн цифровой трансформации фармацевтической отрасли

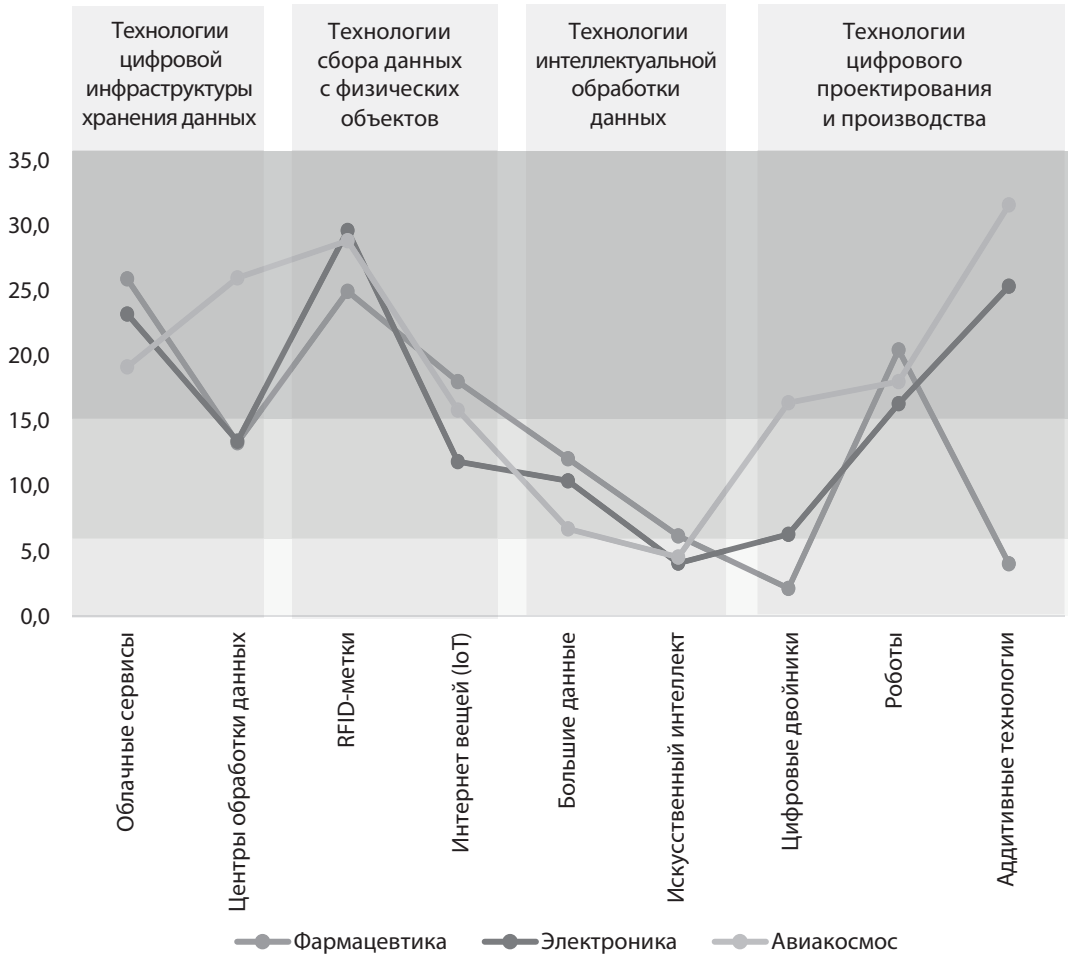
Фармацевтическая промышленность занимает особое место в ряду высокотехнологичных отраслей России, выступая ключевым элементом обеспечения национальной безопасности. За последнее десятилетие отрасль совершила качественный скачок: открыто около 80 новых производственных площадок, объем выпуска продукции вырос в шесть раз, а доля отечественных лекарств на рынке в натуральном выражении превысила 62 %. Сегодня российские предприятия способны производить по полному циклу не только готовые лекарственные формы, но и фармацевтические субстанции, что является фундаментом технологического суверенитета.

В условиях санкционного давления фармацевтика стала важнейшим приоритетом государственной политики. Стратегия развития отрасли до 2030 г. («Фарма-2030») в качестве одного из основных средств решения стратегических задач называет «применение современных цифровых технологий при разработке, исследовании, производстве и реализации лекарственных препаратов».

Технологическое ядро цифровой трансформации. Стратегию внедрения цифровых технологий в фармацевтике можно назвать осторожной с акцентом на контроль и соответствие (рис. 2). В области инфраструктуры отрасль придерживается консервативного подхода, используя в большей степени облачные сервисы (25,9 %), чем центры обработки данных (13,3 %). Стратегия сбора первичных данных с помощью RFID-меток (25,0 %) и Интернета вещей (18,0 %) является одной из наиболее активных, что продиктовано жесткими требованиями к мониторингу условий на всех этапах — от производства до логистики (например, контроль температуры, отслеживание партий и т. п.).

Однако переход к интеллектуальной обработке данных находится пока на начальных стадиях (большие данные — 12,1 %, ИИ — 6,2 %), что указывает на сбор и документирование данных, а не на сложную аналитику. При этом данные показатели по сегменту высокотехнологичных отраслей — наивысшие. В сфере цифрового производства фармацевтика активнее остальных высокотехнологичных отраслей внедряет только роботов (20,5 %), но в силу особенностей технологического процесса практически не использует цифровые двойники (2,2 %) и аддитивные технологии (4,0 %) за пределами нишевого применения в биопечати. Общая стратегия отрасли направлена на обеспечение соответствия регуляторным нормам и гарантированного качества, что определяет приоритет проверенных технологий над прорывными.

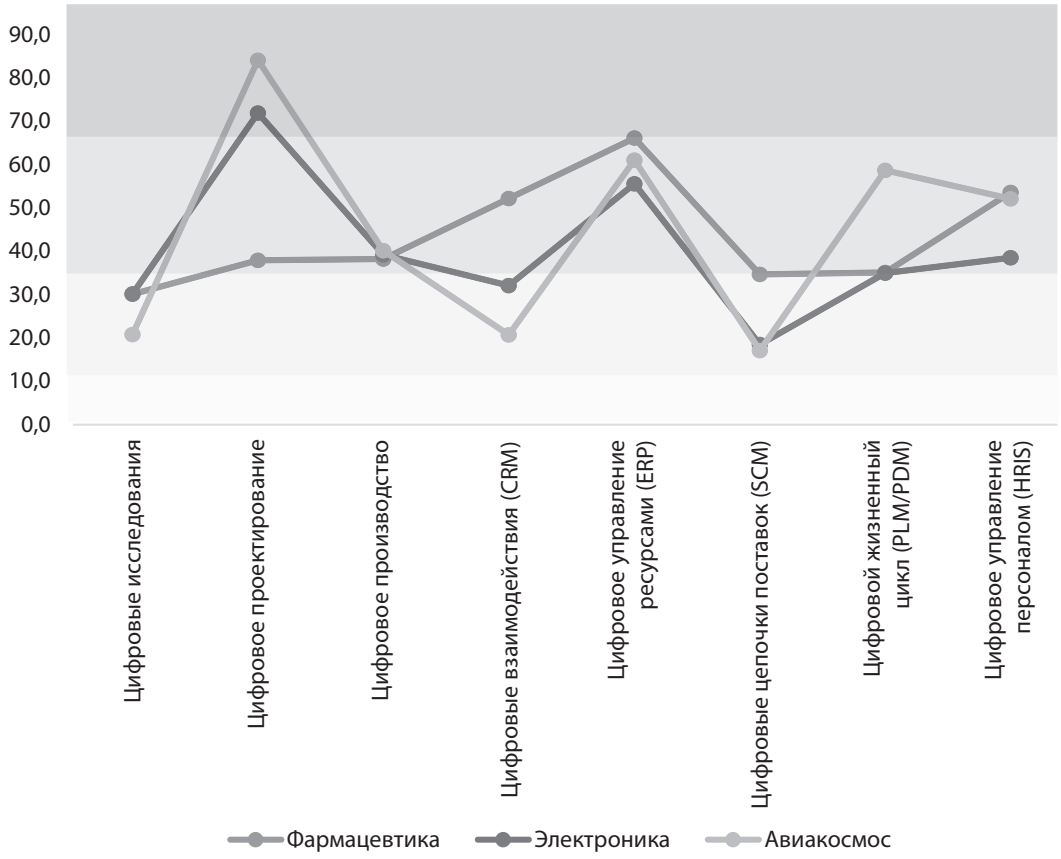
Организационные изменения и глубина трансформации бизнес-процессов. В части цифровизации производственных и управленческих функций фармацевтика демонстрирует уникальный паттерн, где целых пять направлений достигают стадии широкого распространения (40–70 %) (рис. 3). Наиболее применимы в отрасли ERP-системы (66,1 %) — наивысший показатель среди отраслей, что отражает

Примечание: менее 5 % характеризует пилотные стратегии; 5–15 % — стратегии нишевого применения; 15–40 % — стратегии формирования стандартов; 40–70 % — стратегии широкого распространения; свыше 70 % — стратегии полного насыщения.

Рис. 2. *Технологическое ядро отраслевых паттернов высокотехнологичных отраслей (показатель «доля предприятий, использующих отдельные цифровые технологии») (источник: разработано авторами на основе данных Росстата (сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг за 2024 год (итоги статистического наблюдения по ф. № 3-информ). [Электронный ресурс]. https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 14.12.2025))*
Fig. 2. *Technological Core of Industry-Specific Patterns in High-Tech Industries (Indicator "Share of Enterprises Using Specific Digital Technologies")*

критическую важность учета ресурсов в жестко регулируемой среде. CRM-системы (52,2 %) и HRIS (53,6 %) также находятся в этой стадии, подчеркивая значимость взаимодействия с клиентами и управления высококвалифицированным персоналом. Цифровая трансформация оставшихся управленческих функций находится на стадии формирования стандартов (15–40 %), причем часть функций в силу специфики отрасли не выйдут за этот порог, например, системы цифрового проектирования и управления жизненным циклом.

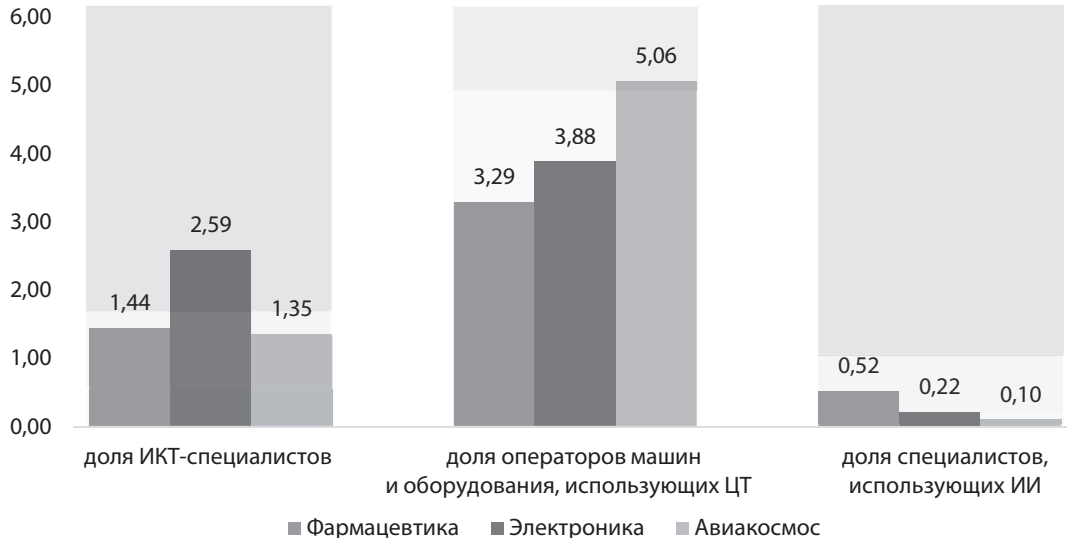

Примечание: менее 5 % характеризует пилотные стратегии; 5–15 % — стратегии нишевого применения; 15–40 % — стратегии формирования стандартов; 40–70 % — стратегии широкого распространения; свыше 70 % — стратегии полного насыщения.

Рис. 3. *Организационные изменения и глубина трансформации бизнес-модели высокотехнологичных отраслей (показатель «доля предприятий, использующих цифровые технологии для решения отдельных задач управления») (источник: разработано авторами на основе данных Росстата (сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг за 2024 год (итоги статистического наблюдения по ф. № 3-информ) [Электронный ресурс]. https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 14.12.2025))*

Fig. 3. *Depth of Organizational and Business Model Change in High-Tech Industries (Indicator: "Share of Enterprises Using Digital Technologies to Solve Specific Management Tasks")*

Формирование цифровых компетенций. В фармацевтике сложился относительно сбалансированный, хотя и не лидирующий по отдельным показателям паттерн цифровых компетенций (рис. 4). Доля ИКТ-специалистов составляет 1,44 %, что находится на верхней границе среднего уровня (0,5–1,5 %), практически вплотную приближаясь к высокому уровню. Показатель существенно превышает средние значения по промышленности (1,01 %) и обрабатывающим производствам (0,96 %), в высокотехнологичном сегменте уступая лишь электронике. Доля операторов машин и оборудования, использующих цифровые технологии, составляет 3,29 %, что формально соответствует низкому уровню (менее 5 %), но при этом

Примечание: для доли ИКТ-специалистов: менее 0,5 % — низкий уровень, 0,5–1,5 % — средний уровень, более 1,5 % — высокий уровень; для доли операторов машин и оборудования, использующих цифровые технологии: менее 5 % — низкий уровень, 5–20 % — средний уровень, более 20 % — высокий уровень; для доли специалистов, использующих ИИ: менее 0,2 % — низкий уровень, 0,2–1,0 % — средний уровень, более 1,0 % — высокий уровень.

Рис. 4. *Внутренние цифровые компетенции высокотехнологичных отраслей (показатель «доля численности занятых, использующих цифровые технологии для решения определенных задач») (источник: разработано авторами на основе данных Росстата (сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг за 2024 год (итоги статистического наблюдения по ф. № 3-информ) [Электронный ресурс]. https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 14.12.2025))*

Fig. 4. *Internal Digital Competencies of High-Tech Industries (Indicator: "Share of Employees Using Digital Technologies to Perform Specific Tasks")*

превышает средний по промышленности (2,53 %) и лишь незначительно уступает обрабатывающим производствам (3,44 %).

Наиболее яркой особенностью фармацевтики выступает высокое значение доли специалистов, использующих ИИ, составляет 0,52 %, что соответствует среднему уровню (0,2–1,0 %) и более чем вдвое превышает показатели электроники и авиакосмоса, а также средние по промышленности (0,21 %) и обрабатывающим производствам (0,23 %). За последние годы в фармацевтике искусственный интеллект стал ключевым инструментом для дизайна молекул, анализа клинических данных и оптимизации биохимических процессов.

4.2. Паттерн цифровой трансформации микроэлектронной отрасли

Сегодня электронная промышленность является основой технологического суверенитета страны, и от уровня ее цифрового развития зависят перспективы долгосрочного технологического лидерства. Ее значимость обусловлена тем, что электроника выступает базисом для развития всех без исключения современных технологий, начиная с искусственного интеллекта и систем связи и заканчивая обороноспособностью и космическими программами. Стратегическими

документами поставлена амбициозная задача — за ближайшие пять лет увеличить долю отечественной электронной продукции на внутреннем рынке до 70 %, при том, что по итогам прошлого года она уже достигла более 50 %. Документы стратегического планирования отводят цифровой трансформации ведущую роль, поскольку для отрасли это не просто автоматизация отдельных процессов, а создание сквозной цифровой среды, объединяющей проектирование (отечественные САПР), производство (роботизированные линии с цифровыми двойниками) и логистику сложных компонентов.

Технологическое ядро цифровой трансформации. Электроника реализует стратегию гибкой цифровой интеграции (см. рис. 2). Инфраструктурная стратегия здесь уникальна смещением в сторону облачных сервисов (23,3 %) при сохранении ЦОД (13,5 %), что отражает потребность в сверхмощных распределенных вычислениях, часто требующих коллаборации целого ряда предприятий и организаций. Стратегия сбора данных через RFID-метки — наиболее выраженная из всех высокотехнологичных производств (29,7 %). Это обусловлено крайней сложностью и миниатюризацией продуктов, требующих тотального контроля тысяч параметров на производственной линии в режиме реального времени. При этом технологии IoT применяются реже (11,9 %), чем в других высокотехнологичных отраслях.

Стратегия интеллектуальной обработки данных, несмотря на лидерство в сборе информации, пока не получила столь же мощного развития (большие данные — 10,4 %, ИИ — 4,1 %), что может указывать на временной лаг между внедрением сенсоров и построением полномасштабных систем предикативной аналитики. В области цифрового производства отрасль делает ставку на высокую автоматизацию (роботы — 16,4 %) и активное использование аддитивных технологий (25,4 %) для быстрого прототипирования и производства сложных компонентов, в то время как цифровые двойники (6,3 %) применяются в первую очередь для моделирования тепловых и электрических характеристик устройств.

Организационные изменения и глубина трансформации бизнес-процессов. В отрасли системы цифрового проектирования (71,9 %) достигают стадии полного насыщения, лишь незначительно уступая авиакосмосу (см. рис. 3). Это закономерно для отрасли, где проектирование микроэлектронных компонентов требует высочайшей точности и специализированного ПО. Системы управления ресурсами ERP (55,6 %) находятся на стадии широкого распространения, соответствующей высокой потребности в автоматизации учета в быстро меняющейся среде. Цифровое управление производственными процессами (39,2 %) находится на верхней границе стадии формирования стандартов, практически вплотную приближаясь к широкому распространению.

В электронике применение цифровых технологий в научных исследованиях достигло стадии формирования стандартов (30,2 %), заметно опережая авиакосмическую промышленность. CRM-системы (32,1 %), PLM / PDM-системы (35,0 %) и HRIS (38,5 %) также находятся в этой стадии, приближаясь к верхней границе.

При этом наблюдается достаточно низкое значение доли предприятий, использующих SCM-системы (18,5 %), что является особенностью отраслевого паттерна цифровой трансформации. Электронная промышленность характеризуется чрезвычайно высокой сложностью и разветвленностью цепочек поставок, которые часто носят глобальный характер и включают множество контрагентов из разных стран. Внедрение единых стандартизированных SCM-решений в таких условиях

требует не только внутренней готовности предприятий, но и синхронизации с поставщиками и партнерами, что технически и организационно крайне сложно.

Формирование цифровых компетенций. Электроника демонстрирует уникальный кадровый профиль с абсолютным лидерством по доле ИКТ-специалистов (см. рис. 4). Этот показатель составляет 2,59 %, что соответствует высокому уровню (более 1,5 %) и является наивысшим не только среди рассматриваемых отраслей, но и существенно превышает средние значения по промышленности (1,01 %) и обрабатывающим производствам (0,96 %). Это закономерно для отрасли, которая сама производит продукцию, являющуюся основой цифровых технологий, и где значительная часть занятых непосредственно вовлечена в разработку и сопровождение сложных программно-аппаратных комплексов.

Доля операторов машин и оборудования, использующих цифровые технологии, в электронике составляет 3,88 %, что соответствует среднему уровню (5–20 %). Частично это связано с высокой степенью автоматизации (до 40 % предприятий отрасли), где роль оператора снижается. Доля специалистов, использующих ИИ, в электронике (0,22 %) находится в среднем диапазоне значений. Это говорит о том, что, несмотря на высокую технологичность отрасли, массовое внедрение ИИ в электронике пока не стало приоритетом, уступая традиционным методам проектирования и контроля.

4.3. Паттерн цифровой трансформации авиакосмической отрасли

Системообразующим стратегическим документом выступает Комплексная программа развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства от 25 июня 2022 года № 1693-р и актуализированная в мае 2024 г.[1] с учетом новых вызовов, которая отводит цифровым решениям и сервисам целый раздел и ставит задачу «применять самые современные отечественные решения на базе сквозных цифровых технологий (искусственный интеллект, большие данные, Интернет вещей и биометрическая идентификация)».

Технологическое ядро цифровой трансформации. Стратегия формирования цифровой инфраструктуры в авиакосмической промышленности является наиболее гибридной среди рассматриваемых отраслей, с близкими значениями использования облаков (19,2 %) и ЦОД (26,0 %) (см. рис. 2). Стратегия внедрения технологий сбора первичных данных через RFID-технологии (28,9 %) и IoT (15,9 %) носит всеобъемлющий характер, охватывая не только производство, но и последующую эксплуатацию изделий (бортовые датчики, телеметрия), формируя основу для цифровых двойников летательных аппаратов на протяжении всего срока службы. При этом стратегия развития интеллектуальной обработки данных в авиакосмосе является сдержанной, потому что в отрасли с критическими требованиями к безопасности принятие окончательных решений остается за человеком, а алгоритмы ИИ выполняют лишь вспомогательную функцию.

Наиболее ярко отрасль авиакосмоса проявляется в сфере использования технологий для цифрового проектирования и производства: отрасль — абсолютный лидер по внедрению цифровых двойников (16,4 %), что является основой разработки

[1] Распоряжение Правительства от 25 июня 2022 года № 1693-р «Об утверждении Комплексной программы развития авиатранспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» (ред. от 04.05.2024). [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404798711/ (дата обращения: 10.11.2025).

современных летательных аппаратов, и роботов (18,1 %) для сборки сложнейших конструкций, а также лидер по интенсивному внедрению аддитивных технологий (31,6 %) для производства легких и прочных компонентов со сложной геометрией.

Организационные изменения и глубина трансформации бизнес-процессов. В отрасли наблюдается выраженная специализация на цифровых инжиниринговых технологиях (см. рис. 3). Системы цифрового проектирования (CAD / CAE / CAM) используют 84,1 % предприятий, что соответствует стратегии полного насыщения (свыше 70 %). Системы управления жизненным циклом изделия PLM / PDM (58,7 %) находятся на стадии широкого распространения (40–70 %), что также является лучшим показателем среди отраслей.

Управление производственными процессами (40,1 %) лишь незначительно превышает нижнюю границу стадии широкого распространения, балансируя на границе с формированием стандартов. Системы управления персоналом HRIS (52,1 %) и планирования ресурсов ERP (61,0 %) также уверенно находятся на стадии широкого распространения. Системы CRM (20,7 %) и SCM (17,1 %) также находятся на стадии формирования стандартов, но их значения близки к нижней границе диапазона, что указывает на особенность отрасли, работающей преимущественно с государственными заказчиками в закрытых кооперационных цепочках.

Формирование цифровых компетенций. В производстве летательных аппаратов доля операторов машин и оборудования, использующих цифровые технологии, составляет 5,06 %, что соответствует среднему уровню (5–20 %) и является абсолютным максимумом среди всех рассматриваемых отраслей, а также существенно превышает средние показатели по промышленности (2,53 %) и обрабатывающим производствам (3,44 %). Это закономерно отражает высокую степень автоматизации и компьютеризации производственных процессов в авиастроении. Доля ИКТ-специалистов в авиакосмосе составляет 1,35 %, что соответствует среднему уровню (0,5–1,5 %). Низкая доля специалистов по ИИ (0,1 %) связана с отмеченным выше низким использованием данной технологии в отрасли.

4.4. Сопоставление отраслевых паттернов российских отраслей с мировым уровнем

Сопоставление представленных российских данных с мировыми показателями на том же уровне детализации сопряжено со значительными сложностями. Однако на основании регулярно публикуемых международных аналитических отчетов, таких как исследования McKinsey & Company, Всемирного экономического форума, IDC, PwC, а также отраслевых ассоциаций, представляется возможным провести качественное оценочное сравнение.

Российская фармацевтическая промышленность, демонстрирующая паттерн осторожного прагматизма, в глобальном контексте существует в иной парадигме. Мировая фармацевтика находится в фазе агрессивной цифровизации, где ведущие компании активно инвестируют в ИИ для дизайна новых лекарственных соединений, внедряют облачные платформы для управления клиническими исследованиями и используют блокчейн для обеспечения прослеживаемости цепочек поставок (Harrer et al., 2024).

Отрасль электроники и производства компонентов в России, следующая паттерну гибкой интеграции в части применения RFID-технологий, аддитивных технологий и роботизации, в целом коррелирует с мировыми стратегическими приоритетами. Мировая электроника представляет собой эталон цифровой трансформации,

где на ведущих предприятиях уровень роботизации и интеграции IoT на «умных фабриках» приближается к тотальному, а цифровые двойники и ИИ стали стандартными инструментами контроля качества продукции (Refai-Ahmed et al., 2024). Российский сектор демонстрирует верное стратегическое направление, однако разрыв существует в масштабе, полноте и глубине интеграции этих систем.

Авиакосмическая отрасль России, реализующая паттерн внедрения центров обработки данных, цифровых двойников, роботов и аддитивных технологий, в стратегическом плане развивается в русле общемировых трендов. Глобальный аэрокосмический сектор является пионером в области разработки сквозных цифровых двойников жизненного цикла изделий и аддитивного производства критичных компонентов (Stumpf, 2022). Российская отрасль, судя по данным, не только следует этим трендам, но и демонстрирует высокие темпы внедрения, что объясняется исключительной сложностью продукта и исторически высоким технологическим уровнем сектора.

В итоге качественное сравнение позволяет констатировать, что российские высокотехнологичные отрасли в целом движутся в том же стратегическом направлении, что и мировой рынок, адаптируя общие тренды цифровой трансформации к национальным приоритетам и регуляторной среде. Однако наблюдаются заметные различия в скорости диффузии, масштабе внедрения и, что наиболее существенно, в степени интеграции цифровых технологий в бизнес-модели и уровне цифровых компетенций.

5. Заключение

Проведенное исследование подтверждает исходную гипотезу о том, что цифровая трансформация промышленности не является универсальным процессом, а реализуется через устойчивые, воспроизводимые отраслевые паттерны, формирующиеся под влиянием специфики технологического базиса, регуляторной среды, структуры цепочек создания стоимости и накопленного кадрового потенциала. Предложенный авторами подход, основанный на трех ключевых характеристиках (технологическом ядре, глубине организационных изменений и уровне внутренних цифровых компетенций), позволяет перейти от традиционных рейтинговых сравнений к более содержательному анализу качественного своеобразия траекторий цифрового развития отдельных отраслей.

Апробация разработанной методики на примере трех высокотехнологичных отраслей российской промышленности показала, что при внешнем сходстве высокотехнологичного статуса каждая отрасль формирует уникальную конфигурацию цифровых приоритетов. Фармацевтика реализует «регуляторно-ориентированную» модель, где цифровая трансформация подчинена требованиям контроля качества и учета при опережающем развитии искусственного интеллекта в научных исследованиях. Именно через такую конфигурацию отрасль отвечает на вызовы обеспечения лекарственной безопасности и необходимость кардинального сокращения времени вывода новых препаратов на рынок.

Электроника демонстрирует «интеграционный» паттерн с фокусом на системы автоматизированного проектирования, облачную инфраструктуру и уникальный кадровый профиль с высокой долей ИКТ-специалистов. Эта модель представляет собой ответ на вызовы достижения технологического суверенитета в отрасли, выступающей критической ресурсной базой для всех остальных секторов

экономики. Авиакосмос воплощает «инжиниринговый» паттерн цифровой трансформации, где ключевыми становятся цифровое проектирование и управление жизненным циклом сложных изделий при сохранении решающей роли человека в принятии ответственных решений. Такая конфигурация дает возможность отрасли противостоять вызовам, связанным с необходимостью сохранения уникальных инженерных компетенций и обеспечения работоспособности наукоемких производств в условиях жестких санкционных ограничений.

Предложенная концепция отраслевых паттернов цифровой трансформации позволяет принципиально иначе подойти к определению стратегических приоритетов как на уровне государственной промышленной политики, так и на уровне корпоративного управления. Вместо традиционного подхода, ориентированного на достижение неких универсальных показателей цифровой зрелости или механическое тиражирование «лучших практик», зарекомендовавших себя в иных отраслевых контекстах, концепция паттернов предлагает рассматривать стратегию как тонкую настройку, исходящую из глубинной специфики самой отрасли.

Список источников

Авдеева, И. Л., Полянин, А. В., Головина, Т. А. (2019). Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия современных технологий. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право, 19*(3), 238–245. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-238-245

Акбердина, В. В. (2018). Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики. *Известия Уральского государственного экономического университета, 19*(3), 82–99. https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-3-8

Аузан, А. А., Лепетиков, Я. Д., Ситкевич, Д. А. (2022). Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений. *Вопросы теоретической экономики,* (1(14)), 24–47. https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_1_24_47

Бабкин, А. В., Михайлов, П. А., Шкарупета, Е. В., Гаев, К. Б. (2024). Методика оценки цифровой зрелости промышленного предприятия и экосистемы на основе динамического коэволюционного потенциала. *π-Economy, 17*(4), 153–178. https://doi.org/10.18721/JE.17410

Бакеев, М. Б., Лола, И. С. (2020). Драйверы внедрения цифровых технологий в обрабатывающей промышленности России. *Информационное общество,* (5), 89–97.

Верников, А. В., Курышева, А. А. (2023). Не тот эффект назвали блокировкой… («исправление имен» в российском институционализме). *AlterEconomics, 20*(3), 485–504. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.1

Вертакова, Ю. В., Клевцова, М. Г., Положенцева, Ю. С. (2018). Прогнозирование цифровой трансформации экономики на основе опережающих и сигнальных индикаторов. *Экономика и управление,* (11(157)), 47–56.

Грибков, А. А. (2023). Паттерны и примитивы эмпирико-метафизической общей теории систем. *Общество: философия, история, культура,* (5(109)), 15–22. https://doi.org/10.24158/fik.2023.5.1

Дубровская, Ю. В., Тарасова, Ю. В. (2020). Количественная оценка цифровой трансформации обрабатывающей промышленности региональных центров РФ: бенчмаркинговый подход. *Современный город: власть, управление, экономика, 1,* 245–249.

Ершов, П. С., Катин, А. В., Малахов, В. А., Паджев, В. В., Хохлов, Ю. Е., Шапошник, С. Б., Янышен, А. А. (2024). Оценка уровня цифрового развития отдельных сфер деятельности в Российской Федерации: Пилотный рейтинг. *Информационное общество,* (DIGITAL), 2–20.

Илькевич, С. В. (2022). Стратегия цифровой трансформации промышленных предприятий: эффекты внедрения технологий умного производства. *Стратегические решения и риск-менеджмент, 13*(3), 210–225. https://doi.org/10.17747/2618-947X-2022-3-210-225

Истомина, Е. А. (2018). Оценка трендов цифровизации в промышленности. *Вестник Челябинского государственного университета,* (12(422)), 108–116. https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11212

Калиниченко, М. П. (2021). Моделирование «цифрового» фактора в промышленности России. *Экономическое развитие России, 28* (6), 39–45.

Килимова, А. Д. (2022). Трансформация производств легкой промышленности в связи с переходом к цифровой экономике. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 24* (2(106)), 42–47. https://doi.org/10.37313/1990-5378-2022-24-2-42-47

Кравченко, А. А. (2025). Эволюция технологии цифровых двойников на кривой Гартнер за период 2016–2024 гг. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал, 17* (2), 88–110.

Краковская, И. Н., Корокошко, Ю. В., Слушкина, Ю. Ю. (2023). Российская практика государственного регулирования цифровой трансформации промышленности. *π-Economy, 16* (1), 21–38. https://doi.org/10.18721/JE.16102

Лавренко, Е. В., Мечикова, М. Н. (2022). Цифровая трансформация промышленности: российский и зарубежный опыт. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий, 11* (1), 47–52. https://doi.org/10.24412/2225-8264-2022-1-47-52

Лола, И. С., Бакеев, М. Б. (2019). Цифровая трансформация в отраслях обрабатывающей промышленности России: результаты конъюнктурных обследований. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика, 35* (4), 628–657. https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.407

Маркин, М. И. (2025). Цифровая трансформация промышленных предприятий: экономический аспект. *Теоретическая экономика,* (9(129)), 80–93. https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-80-93

Мыльник, А. В., Голов, Г. Р. (2025). Применение облачных технологий для управления данными в промышленности: обзор ключевых функций и возможностей. *Научные труды Вольного экономического общества России, 251* (1), 172–190. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-251-1-172-190

Найм, У. А. М., Ермаков, Д. Н., Мельников, В. М., Казенков, О. Ю. (2022). Перспективы применения аддитивных технологий в России в отраслевом ракурсе (на примере авиационной промышленности). *Computational Nanotechnology, 9* (2), 56–66. https://doi.org/10.33693/2313-223X-2022-9-2-56-66

Попов, Е. В., Семячков, К. А. (2017). Оценка готовности отраслей РФ к формированию цифровой экономики. *Инновации,* (4(222)), 37–41.

Потапцева, Е. В., Брянцева, О. С. (2025). Промышленная роботизация в России: методологические подходы к статистическому измерению. *Вопросы статистики, 32* (4), 5–20. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-4-5-20

Пургаева, И. А., Некрасова, Т. А., Наролина, Т. С., Смотрова, Т. И. (2023). Цифровая трансформация промышленности: проблемы и перспективы. *Современная экономика: проблемы и решения,* (1(157)), 34–49. https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/1/34-49

Смирнов, П. А., Артеменко, А. К., Морозов, Р. И. (2021). Цифровая трансформация в автомобильной промышленности. *Образование. Наука. Производство* (с. 1204–1208).

Трубин, А. Е., Чевычелов, С. Н., Анисимов, А. Ю. (2025). Анализ проблем и возможностей перехода отечественных предприятий от импортозамещения к импортоопережению бизнес-приложений в ИТ-сфере в условиях цифровой трансформации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика, 27* (1), 81–96. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2025.1.7

Хоменко, Е. Б., Ватутина, Л. А., Злобина, Е. Ю. (2022). Современные тенденции цифровой трансформации промышленных предприятий. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право, 32* (4), 676–682. https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-4-676-682

Шекшня, С. В., Кравченко, К. А. (2024). Пять уроков цифровой трансформации от CEO крупных компаний. *Российский журнал менеджмента, 22* (3), 602–620. https://doi.org/10.21638/spbu18.2024.310

Akberdina, V. V. (2018). Digitalization of industrial markets: Regional characteristics. *Upravlenets [The Manager], 9* (6), 78–87. https://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-8

Akberdina, V. V. (2023). Efficiency of digital transition in industry: Russian experience. *Intellekt. Innovacii. Investicii [Intellect. Innovations. Investments], 1,* 10–18. https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-10

Aldoseri, A., Al-Khalifa, K. N., & Hamouda, A. M. (2024). AI-powered innovation in digital transformation: Key pillars and industry impact. *Sustainability, 16* (5), 1790. https://doi.org/10.3390/su16051790

Bandyopadhyay, D., & Sen, J. (2011). Internet of things: Applications and challenges in technology and standardization. *Wireless Personal Communications, 58* (1), 49–69. https://doi.org/10.1007/s11277-011-0288-5

Berman, S. J. (2012). Digital transformation: Opportunities to create new business models. *Strategy & Leadership, 40* (2), 16–24. https://doi.org/10.1108/10878571211209314

Bucherer, E., & Uckelmann, D. (2011). Business models for the Internet of Things. In D. Uckelmann, M. Harrison, F. Michahelles (Eds.), *Architecting the internet of things* (pp. 253–277). Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-19157-2_10

Buck, C., Clarke, J., De Oliveira, R. T., Desouza, K. C., & Maroufkhani, P. (2023). Digital transformation in asset-intensive organisations: The light and the dark side. *Journal of Innovation & Knowledge, 8* (2), 100335. https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100335

Dennett, D. C. (1991). Real patterns. *The Journal of Philosophy, 88* (1), 27–51. https://doi.org/10.2307/2027085

Frank, A. G., Dalenogare, L. S., & Ayala, N. F. (2019). Industry 4.0 technologies: Implementation patterns in manufacturing companies. *International Journal of Production Economics, 210,* 15–26. https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2019.01.004

Ghobakhloo, M., Iranmanesh, M., Foroughi, B., Tseng, M. L., Nikbin, D., & Khanfar, A. A. (2025). Industry 4.0 digital transformation and opportunities for supply chain resilience: A comprehensive review and a strategic roadmap. *Production Planning & Control, 36* (1), 61–91. https://doi.org/10.1080/09537287.2023.2252376

Ghosh, S., Hughes, M., Hodgkinson, I., & Hughes, P. (2022). Digital transformation of industrial businesses: A dynamic capability approach. *Technovation, 113,* 102414. https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102414

Harrer, S., Menard, J., Rivers, M., Green, D. V., Karpiak, J., Jeliazkov, J. R., Shapovalov, M. V., del Alamo, D., & Sternke, M. C. (2024). Artificial intelligence drives the digital transformation of pharma. In *Artificial intelligence in clinical practice* (pp. 345–372). Academic Press. https://doi.org/10.1016/B978-0-443-15688-5.00049-8

Jackson, N. C., Corpakis, D., & Steiber, A. (2022). Sociological traditions as a complementary lens to better understand digital transformation policies. *Digital Policy, Regulation and Governance, 24* (1), 30–51. https://doi.org/10.1108/DPRG-02-2021-0039

Marston, S., Li, Z., Bandyopadhyay, S., Zhang, J., & Ghalsasi, A. (2011). Cloud computing — The business perspective. *Decision Support Systems, 51* (1), 176–189. https://doi.org/10.1016/j.dss.2010.12.006

Matt, C., Hess, T., & Benlian, A. (2015). Digital transformation strategies. *Business & Information Systems Engineering, 57* (5), 339–343. https://doi.org/10.1007/s12599-015-0401-5

Refai-Ahmed, G., Zhirnov, V. V., Park, S. B., Helmy, A. S., Sammakia, B., Ghose, K., Ang, J. A., Bonilla, G., Mahdi, T., Wieser, J., & Ramalingam, S. (2024, December). New Roadmap for Microelectronics: Charting the Semiconductor Industry's Path Over the Next 5, 10, and 20 Years. In *2024 IEEE 26th Electronics Packaging Technology Conference (EPTC)* (pp. 1260–1266). IEEE. https://doi.org/10.1109/EPTC62800.2024.10909778

Rêgo, B. S., Jayantilal, S., Ferreira, J. J., & Carayannis, E. G. (2022). Digital transformation and strategic management: A systematic review of the literature. *Journal of the Knowledge Economy, 13* (4), 3195–3222. https://doi.org/10.1007/s13132-021-00853-3

Shin, W. S., Lee, Y. S., & Dahlgaard, J. J. (2019). A pattern-based decision framework in the era of Industry 4.0. *Total Quality Management & Business Excellence, 30* (sup1), S158–S181. https://doi.org/10.1080/14783363.2019.1665840

Stumpf, E. (2022). The industry 4.0-concept within aerospace. In W. Frenz, (Ed.), *Handbook Industry 4.0: Law, Technology, Society* (pp. 643–658). https://doi.org/10.1007/978-3-662-64448-5_33

Ting, C., Kuen, C. M., Chung-Min, W., & Yu, W. (2022). Assessing the digital transformation maturity of motherboard industry: A fuzzy AHP approach. *BOHR International Journal of Finance and Market Research, 1* (1), 72–86. https://doi.org/10.54646/bijfmr.2022.12

Toussaint, E. R., & Toussaint, G. T. (2014). What is a Pattern? *Proceedings of Bridges,* 293–300.

Westerman, G., Tannou, M., Bonnet, D., Ferraris, P., & McAfee, A. (2012). The digital advantage: How digital leaders outperform their peers in every industry. *MITSloan Management and Capgemini Consulting, MA, 2,* 2–23.

Yaqub, M. Z., & Alsabban, A. (2023). Industry-4.0-enabled digital transformation: Prospects, instruments, challenges, and implications for business strategies. *Sustainability, 15* (11), 8553. https://doi.org/10.3390/su15118553

References

Akberdina, V. V. (2018). Digitalization of industrial markets: Regional characteristics. *Upravlenets [The Manager], 9* (6), 78–87. https://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-8

Akberdina, V. V. (2018). The transformation of the Russian industrial complex under digitalisation. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Journal of the Ural State University of Economics], 19* (3), 82–99. https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-3-8 (In Russ.)

Akberdina, V. V. (2023). Efficiency of digital transition in industry: Russian experience. *Intellekt. Innovacii. Investicii [Intellect. Innovations. Investments], 1,* 10–18. https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-10

Aldoseri, A., Al-Khalifa, K. N., & Hamouda, A. M. (2024). AI-powered innovation in digital transformation: Key pillars and industry impact. *Sustainability, 16* (5), 1790. https://doi.org/10.3390/su16051790

Auzan, A., Lepetikov, Ya., & Sitkevich, D. (2022). Track and pendulum: impact of the past dependence problem on the dynamics of institutional change. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (1(14)), 24–47. https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_1_24_47 (In Russ.)

Avdeeva, I. L., Polyanin, A. V., & Golovina, T. A. (2019). Industrial Economic Systems' Digitalization: Problems and Consequences of Modern Technologies. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law], 19* (3), 238–245. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-238-245 (In Russ.)

Babkin, A. V., Mikhailov, P. A., Shkarupeta, E. V., & Gaev, K. B. (2024). Methodology for assessing the digital maturity of an industrial enterprise and ecosystem based on dynamic coevolutionary potential. *π-Economy, 17* (4), 153–178. https://doi.org/10.18721/JE.17410 (In Russ.)

Bakeev, M. B., & Lola, I. S. (2020). Drivers for the implementation of digital technologies in the manufacturing industry of Russia. *Informatsionnoye obshchestvo [Information Society],* (5), 89–97. (In Russ.)

Bandyopadhyay, D., & Sen, J. (2011). Internet of things: Applications and challenges in technology and standardization. *Wireless Personal Communications, 58* (1), 49–69. https://doi.org/10.1007/s11277-011-0288-5

Berman, S. J. (2012). Digital transformation: Opportunities to create new business models. *Strategy & Leadership, 40* (2), 16–24. https://doi.org/10.1108/10878571211209314

Bucherer, E., & Uckelmann, D. (2011). Business models for the Internet of Things. In D. Uckelmann, M. Harrison, F. Michahelles (Eds.), *Architecting the internet of things* (pp. 253–277). Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-19157-2_10

Buck, C., Clarke, J., De Oliveira, R. T., Desouza, K. C., & Maroufkhani, P. (2023). Digital transformation in asset-intensive organisations: The light and the dark side. *Journal of Innovation & Knowledge, 8* (2), 100335. https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100335

Dennett, D. C. (1991). Real patterns. *The Journal of Philosophy, 88* (1), 27–51. https://doi.org/10.2307/2027085

Dubrovskaya, J. V., & Tarasova, Yu. V. (2020). Quantitative assessment of the digital transformation of the manufacturing industry in regional centers of the Russian Federation: A benchmarking ap-

proach. *Sovremennyy gorod: vlast', upravleniye, ekonomika [Modern City: Power, Management, Economics], 1,* 245–249. (In Russ.)

Ershov, P. S., Katin, A. V., Malahov, V. A., Padzhev, V. V., Hohlov, Yu. E., Shaposhnik, S. B., & Yanyshen, A. A. (2024). Digital development in Russia: A pilot sectoral assessment. *Informatsionnoye obshchestvo [Information Society],* (DIGITAL), 2–20. (In Russ.)

Frank, A. G., Dalenogare, L. S., & Ayala, N. F. (2019). Industry 4.0 technologies: Implementation patterns in manufacturing companies. *International Journal of Production Economics, 210,* 15–26. https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2019.01.004

Ghobakhloo, M., Iranmanesh, M., Foroughi, B., Tseng, M. L., Nikbin, D., & Khanfar, A. A. (2025). Industry 4.0 digital transformation and opportunities for supply chain resilience: A comprehensive review and a strategic roadmap. *Production Planning & Control, 36* (1), 61–91. https://doi.org/10.1080/09537287.2023.2252376

Ghosh, S., Hughes, M., Hodgkinson, I., & Hughes, P. (2022). Digital transformation of industrial businesses: A dynamic capability approach. *Technovation, 113,* 102414. https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102414

Gribkov, A. A. (2023). Patterns and primitives of the empirical-metaphysical general systems theory. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: Philosophy, History, Culture],* (5(109)), 15–22. https://doi.org/10.24158/fik.2023.5.1 (In Russ.)

Harrer, S., Menard, J., Rivers, M., Green, D. V., Karpiak, J., Jeliazkov, J. R., Shapovalov, M. V., del Alamo, D., & Sternke, M. C. (2024). Artificial intelligence drives the digital transformation of pharma. In *Artificial intelligence in clinical practice* (pp. 345–372). Academic Press. https://doi.org/10.1016/B978-0-443-15688-5.00049-8

Ilkevich, S. V. (2022). Strategy of digital transformation of industrial enterprises: The effects of the introduction of smart manufacturing technologies. *Strategicheskiye resheniya i risk-menedzhment [Strategic decisions and risk management], 13* (3), 210–225. https://doi.org/10.17747/2618-947X-2022-3-210-225 (In Russ.)

Istomina, E. A. (2018). Methodology assessment of trends in the digital economy of industry. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University],* (12(422)), 108–116. https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11212 (In Russ.)

Jackson, N. C., Corpakis, D., & Steiber, A. (2022). Sociological traditions as a complementary lens to better understand digital transformation policies. *Digital Policy, Regulation and Governance, 24* (1), 30–51. https://doi.org/10.1108/DPRG-02-2021-0039

Kalinychenko, M. P. (2021). Modeling the "digital" factor in the Russian industry. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii [Russian Economic Development], 28* (6), 39–45. (In Russ.)

Khomenko, E. B., Vatutina, L. A., & Zlobina, E. Yu. (2022). Modern trends in digital transformation of industrial enterprises. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i parvo [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 32* (4), 676–682. https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-4-676-682 (In Russ.)

Kilimova, A. D. (2022). Transformation of light industry production in connection with the transition to the digital economy. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 24* (2(106)), 42–47. https://doi.org/10.37313/1990-5378-2022-24-2-42-47 (In Russ.)

Krakovskaia, I. N., Korokoshko, Yu. V., & Slushkina, Yu. Yu. (2023). Russian practice of state regulation in digital transformation of industry. *π-Economy, 16* (1), 21–38. https://doi.org/10.18721/JE.16102 (In Russ.)

Kravchenko, A. A. (2025). The Evolution of Digital Twin Technology on Gartner Cycle for the Period 2016–2024. *Nauchnyye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal [Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal], 17* (2), 88–110. (In Russ.)

Lavrenko, E. V., & Mechikova, M. N. (2022). Digital transformation of industry: Russian and foreign experience. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy [Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies], 11* (1), 47–52. https://doi.org/10.24412/2225-8264-2022-1-47-52 (In Russ.)

Lola, I. S., & Bakeev, M. B. (2019). Digital Transformation in the Manufacturing Industries of Russia: An Analysis of the Business Tendencies Observations Results. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika [St Petersburg University Journal of Economic Studies], 35*(4), 628–657. https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.407 (In Russ.)

Markin, M. I. (2025). Digital transformation of industrial enterprises: the economic aspect. *Teoreticheskaya ekonomika [Theoretical Economics],* (9(129)), 80–93. https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-9-80-93 (In Russ.)

Marston, S., Li, Z., Bandyopadhyay, S., Zhang, J., & Ghalsasi, A. (2011). Cloud computing — The business perspective. *Decision Support Systems, 51*(1), 176–189. https://doi.org/10.1016/j.dss.2010.12.006

Matt, C., Hess, T., & Benlian, A. (2015). Digital transformation strategies. *Business & Information Systems Engineering, 57*(5), 339–343. https://doi.org/10.1007/s12599-015-0401-5

Mylnik, A. V., & Golov, G. R. (2025). Applying cloud technology for industrial data management: an overview of key features and capabilities. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 251*(1), 172–190. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-251-1-172-190 (In Russ.)

Naim, U. A. M., Ermakov, D. N., Melnikov, V. M., & Kazenkov, O. Yu. (2022). Prospects for the Application of Additive Technologies in Russia from an Industry Perspective (on the Example of the Aviation Industry). *Computational Nanotechnology, 9*(2), 56-66. https://doi.org/10.33693/2313-223X-2022-9-2-56-66 (In Russ.)

Popov, E. V., & Semyachkov, K. A. (2017). An assessment of readiness of the branches of Russian Federation for formation of digital economy. *Innovatsii [Innovations],* (4(222)), 37–41. (In Russ.)

Potaptseva, E. V., & Bryantseva, O. S. (2025). Industrial Robotization in Russia: Methodological Approaches to Statistical Measurement. *Voprosy statistiki, 32*(4), 5–20. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-4-5-20 (In Russ.)

Purgaeva, I. A., Nekrasova, T. A., Narolina, T. S., & Smotrova, T. I. (2023). Digital transformation of industry: problems and prospects. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya [Modern Economics: Problems and Solutions],* (1(157)), 34–49. https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2023/1/34-49 (In Russ.)

Refai-Ahmed, G., Zhirnov, V. V., Park, S. B., Helmy, A. S., Sammakia, B., Ghose, K., Ang, J. A., Bonilla, G., Mahdi, T., Wieser, J., & Ramalingam, S. (2024, December). New Roadmap for Microelectronics: Charting the Semiconductor Industry's Path Over the Next 5, 10, and 20 Years. In *2024 IEEE 26th Electronics Packaging Technology Conference (EPTC)* (pp. 1260–1266). IEEE. https://doi.org/10.1109/EPTC62800.2024.10909778

Rêgo, B. S., Jayantilal, S., Ferreira, J. J., & Carayannis, E. G. (2022). Digital transformation and strategic management: A systematic review of the literature. *Journal of the Knowledge Economy, 13*(4), 3195–3222. https://doi.org/10.1007/s13132-021-00853-3

Shekshnya, S. V., & Kravchenko, K. A. (2024). Five lessons about digital transformation from the CEOs of large companies. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta [Russian Management Journal], 22*(3), 602–620. https://doi.org/10.21638/spbu18.2024.310 (In Russ.)

Shin, W. S., Lee, Y. S., & Dahlgaard, J. J. (2019). A pattern-based decision framework in the era of Industry 4.0. *Total Quality Management & Business Excellence, 30*(sup1), S158–S181. https://doi.org/10.1080/14783363.2019.1665840

Smirnov, P. A., Artemenko, A. K., & Morozov, R. I. (2021). Digital transformation in the automotive industry. *Obrazovaniye. Nauka. Proizvodstvo [Education. Science. Production]* (pp. 1204–1208). (In Russ.)

Stumpf, E. (2022). The industry 4.0-concept within aerospace. In W. Frenz, (Ed.), *Handbook Industry 4.0: Law, Technology, Society* (pp. 643–658). https://doi.org/10.1007/978-3-662-64448-5_33

Ting, C., Kuen, C. M., Chung-Min, W., & Yu, W. (2022). Assessing the digital transformation maturity of motherboard industry: A fuzzy AHP approach. *BOHR International Journal of Finance and Market Research, 1*(1), 72–86. https://doi.org/10.54646/bijfmr.2022.12

Toussaint, E. R., & Toussaint, G. T. (2014). What is a Pattern? *Proceedings of Bridges,* 293–300.

Trubin, A. E., Chevychelov, S. N., & Anisimov, A. Yu. (2025). Analysis of problems and opportunities of the transition of domestic enterprises from import substitution to proactive import substitution of IT business applications in the context of digital transformation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Journal of Volgograd State University. Economics], 27*(1), 81–96. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2025.1.7 (In Russ.)

Vernikov, A. V., & Kurysheva, A. A. (2023). Lock-in vs. Institutional Blockage: Lost in Translation. *AlterEconomics, 20*(3), 485–504. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.1 (In Russ.)

Vertakova, Yu. V., Klevtsova, M. G., & Polozhentseva, Yu. S. (2018). Forecasting Digital Transformation of the Economy Based on Leading and Alert Indicators. *Ekonomika i upravleniye [Economics and Management],* (11(157)), 47–56. (In Russ.)

Westerman, G., Tannou, M., Bonnet, D., Ferraris, P., & McAfee, A. (2012). The digital advantage: How digital leaders outperform their peers in every industry. *MITSloan Management and Capgemini Consulting, MA, 2,* 2–23.

Yaqub, M. Z., & Alsabban, A. (2023). Industry-4.0-enabled digital transformation: Prospects, instruments, challenges, and implications for business strategies. *Sustainability, 15*(11), 8553. https://doi.org/10.3390/su15118553

Информация об авторах

Акбердина Виктория Викторовна — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, зав. отделом, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-6463-4008 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: akberdina.vv@uiec.ru).

Барыбина Анна Зинуровна — младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0003-3851-6064 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: barybina.az@uiec.ru).

About the authors

Victoria V. Akberdina — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Head of Department, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; https://orcid.org/0000-0002-6463-4008 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: akberdina.vv@uiec.ru).

Anna Z. Barybina — Junior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; https://orcid.org/0000-0003-3851-6064 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: barybina.az@uiec.ru).

Дата поступления рукописи: 24.12.2025.
Прошла рецензирование: 16.01.2026.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 24 Dec 2025.
Reviewed: 16 Jan 2026.
Accepted: 10 Feb 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.8
УДК 004.8, 338.28
JEL E02, F50, O14

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Проблемы стратегического развития ИИ: институциональные ловушки и вызовы[1]

Ольга Н. БУЧИНСКАЯ ✉
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Бучинская, О. Н. (2026). Проблемы стратегического развития ИИ: институциональные ловушки и вызовы. *AlterEconomics, 23*(1), 122–143. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.8

Аннотация. Актуальность настоящего исследования определяется тремя ключевыми факторами: возрастающей ролью цифровизации и искусственного интеллекта в формировании глобального ландшафта, обострением конкуренции между странами – лидерами в данной сфере, а также насущной потребностью в преодолении технологического отставания России. Предметом исследования выступают проблемы и перспективы стратегического развития искусственного интеллекта в России на фоне анализа мирового опыта. Цель работы заключается в комплексном анализе существующих стратегий развития искусственного интеллекта в ведущих странах мира (США, Китай, ЕС, Великобритания), выявлении институциональных ловушек и системных барьеров, актуальных в том числе и для России, а также в формулировании практических рекомендаций по совершенствованию отечественной стратегии в этой области. Методологическую базу исследования составляют анализ академической литературы, изучение стратегических документов и программ в сфере искусственного интеллекта, а также мониторинг актуальных тенденций его развития. В результате исследования систематизированы ключевые направления национальных стратегий развития искусственного интеллекта зарубежных стран, выявлены основные институциональные барьеры, сдерживающие развитие искусственного интеллекта как за рубежом, так и в России, сформулированы рекомендации по преодолению технологического отставания: от усиления патентной активности и перехода к разработке технологий следующего поколения до устранения институциональных проблем, ограничивающих потенциал внедрения искусственного интеллекта в российскую экономику и социальную сферу. Теоретическая новизна исследования состоит в комплексном анализе институциональных проблем развития искусственного интеллекта в России с учётом международного опыта и в выработке конкретных направлений совершенствования национальной стратегии. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения при формировании государственной политики в сфере искусственного интеллекта, разработке программ поддержки инноваций и научных исследований, совершенствовании нормативно-правовой базы, реализации мер по преодолению цифрового неравенства и координации действий органов государственной власти в сфере искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационно-коммуникационные технологии, национальная стратегия, информационное общество, институциональная ловушка

[1] © Бучинская О. Н. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Problems of Strategic Development of AI Technologies: Institutional Traps and Challenges

Olga N. BUCHINSKAIA ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Buchinskaia, O. N. (2026). Problems of Strategic Development of AI Technologies: Institutional Traps and Challenges. *AlterEconomics, 23*(1), 122–143. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.8

Abstract. The relevance of this study stems from three key factors: the growing role of digitalization and artificial intelligence in shaping the global landscape, intensifying competition among leading nations in this domain, and the pressing need to overcome Russia's technological lag. The study examines the problems and prospects for the strategic development of artificial intelligence in Russia against the backdrop of global experience. The research aims to conduct a comprehensive analysis of existing AI development strategies in the world's leading countries (the USA, China, the EU, and the UK), identify institutional traps and systemic barriers relevant to Russia, and formulate practical recommendations for improving the national strategy in this area. The research is based on an analysis of scholarly literature, a review of strategic documents and AI programs, and monitoring of current developmental trends. The results systematize the key directions of national AI development strategies in other leading nations and identify the main institutional barriers to AI development, both in Russia and worldwide. The study proposes a set of recommendations for overcoming the technological lag, from increasing patent activity and shifting focus toward next-generation technologies to eliminating institutional problems that limit the potential for integrating AI into the Russian economy and social sphere. The research contributes a comprehensive analysis of institutional challenges facing AI development in Russia, incorporating international experience, and proposes concrete directions for improving the national strategy. The findings can guide governmental AI policies, innovation programs, regulatory enhancements, measures to mitigate digital inequality, and coordination among governmental bodies in the AI sphere.

Keywords: Artificial intelligence, information and communication technologies, national strategy, information society, institutional trap

1. Введение

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и систем искусственного интеллекта (ИИ) оказывает всё большее влияние как на развитие промышленности, так и на экономику страны в целом, порождая новые способы производства и повышения производительности труда, а также развитие кардинально новых способов взаимодействия между экономическими агентами. Соответственно, вопрос достижения страной лидирующих позиций в экономике непосредственно связан с достижением лидерства в области ИКТ и ИИ, что отмечается в ряде программных документов страны, таких как «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»[1], «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»[2],

[1] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. (2024). В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124. [Электронный ресурс]. https://science-expert.ru/docs/Национальная%20стратегия%20развития%20искусственного%20интеллекта%20на%20период%20до%202030%20года.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». (2017). [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/71670570/?ysclid=mf10pr3qy5763386147 (дата обращения: 01.02.2026).

«Концепция технологического развития на период до 2030 года»[1], «Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года»[2], «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации»[3] и др. Однако на сегодняшний момент Россия не является одним из мировых лидеров в развитии цифровых технологий. Поскольку внедрение ИИ в производство и социальную сферу становится неизбежной частью эволюционного процесса и перехода к Индустрии 5.0, большинство стран мира и в первую очередь страны-лидеры разрабатывают собственные национальные стратегии по внедрению ИИ.

Целью настоящего исследования стало качественное рассмотрение и анализ существующих стратегий развития ИИ в ведущих странах на примере США, Китая, ЕС и Великобритании, а также выявление институциональных ловушек и барьеров для развития ИИ как в данных странах, так и в России, на основе чего нами были сформулированы рекомендации по совершенствованию стратегии развития ИИ в России.

2. Обзор литературы

В современном мире информационные технологии всё больше проникают в жизнь общества и во многом определяют положение страны на мировой арене, ввиду чего мы видим не только увеличивающийся разрыв между развитыми и большинством развивающихся стран в области цифровых технологий, но также и усиление соперничества между странами – лидерами в области цифровизации.

П. М. Мах (Mah, 2024) на основе анализа 62 национальных стратегий выделяет 6 их основных элементов: национальные интересы ИИ, национальные приоритеты ИИ, внимание ИИ на национальном уровне, эффективность ИИ на национальном уровне, инвестиции в ИИ на национальном уровне и рейтинг ИИ на национальном уровне, выделяя американскую и китайскую национальные стратегии как наиболее продвинутые. Н. Майк при анализе американской, европейской и китайской стратегий развития ИИ говорит о различии подходов: если американский подход основывается на саморегулировании промышленности, а Китай — на сильной роли государства, то Европейский союз, в частности, опирается на комплекс принципов по открытости, безопасности и мониторингу ИИ (Mike, 2024). М. Молхова и П. Беолчева (Molhova & Biolcheva, 2023) выделяют такие направления политики ЕС для достижения цифрового лидерства, как развитие патентования технологий, что во многом касается умных подключаемых устройств для малого и среднего бизнеса и хорошо организованную финансовую среду для стимулирования инноваций и научных исследований. Однако авторы при этом отмечают неоднород-

[1] Правительство Российской Федерации. (2023). *Концепция технологического развития на период до 2030 года*. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. [Электронный ресурс]. http://static.government.ru/media/files/KlJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года. (2023). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2023 г. № 3339-р. [Электронный ресурс]. http://static.government.ru/media/files/Pc7fHuejbNvqv17b0RJNv0RIqTo20lUV.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[3] Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. (2024). Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145. [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/ (дата обращения: 01.02.2026).

ность инновационного развития между западноевропейским и юго-восточным регионами Евросоюза.

М. Буитен (Buiten, 2019) приводит аргументы, что многие риски в использовании ИИ еще не выявлены, и говорит о важности прозрачности вводимых данных, процессов принятия решения алгоритмом, а также в отношении результатов или решений алгоритма, подразумевая возможность неверности результатов и решений, принятых с помощью алгоритма, или их вредности, например, в виде (статистической) дискриминации. Н. Сун и соавторы приводят такие проблемные направления регулирования ИИ, как отставание нормативно-правовой базы от развития технологий и способов их негативного использования, необходимость учета технической сложности происходящих процессов для построения нормативно-законодательной базы и глобальная стандартизация (поскольку текущая фрагментация национальных стандартов создает различия в правовой определенности и доступе к рынкам для операторов искусственного интеллекта), необходимость междисциплинарного сотрудничества со специалистами тех отраслей, куда внедряются элементы искусственного интеллекта, а также социологов для определения влияния ИИ на общество, обеспечения баланса между технологическим прогрессом и социальным благополучием. Авторы обращают внимание на обеспечение баланса между технологическим прогрессом и социальным благополучием, в т. ч. с учетом изменения на рынке труда (Sun et al., 2024). А. Джобин и коллеги выделяют проблематику регулирования этических принципов ИИ, существенные расхождения между этическими принципами, выделяемыми в отношении взаимодействия ИИ и общества в различных странах, которые свидетельствуют о неопределенности в отношении того, каким этическим принципам следует уделять приоритетное внимание и как следует разрешать конфликты между этическими принципами (Jobin et al., 2019). Р. Раду отмечает концентрацию технологий в частных руках и всё большую роль технологических компаний в управлении без явного предположения о балансе сил между государственным и частным секторами, формируя гибридное управление развитием ИИ. При этом стратегии большинства стран в области ИИ редко включают в себя конечных пользователей этих технологий в качестве особой группы для политического диалога (Radu, 2021). В то время как И. Хиджаталин и Х. Сигурдасон отмечают, что вовлечение граждан является приоритетом в стратегиях искусственного интеллекта (Hjaltalin & Sigurdarson, 2024).

М. Ю. Лучинкин и В. И. Хабаров выделяют три угрозы инновационного развития компьютерных технологий: помимо вопросов общей безопасности применения компьютерных технологий, они подчеркивают увеличение финансовых рисков для обычных людей и предпринимателей, а также проблемы экономического и политического давления на конкурентов со стороны стран — лидеров в области ИКТ (Лучинкин, Хабаров, 2021). А. Н. Фомина выделяет такие барьеры для развития российского рынка ИИ, как нехватка финансовых ресурсов, высокая стоимость ИИ-решений, недостаточная цифровая зрелость текущих процессов, низкий уровень автоматизации, отсутствие ИИ-компетенций, низкий уровень цифровой грамотности сотрудников, положения законодательства о защите данных с технологиями ИИ и др. (Фомина, 2022).

И. Э. Фролов и В. Н. Киселев в рекомендациях по развитию ИИ в России предлагают осуществлять его не программно-целевым, а проектно-целевым подходом, ориентируясь на централизованном формировании исследовательских команд,

обладающих достаточной квалификацией и опытом, в сочетании с мониторингом со стороны государства и управлении реализацией приоритетных проектов технологического развития (Фролов, Киселев, 2025). Л. Р. Магомаева и соавторы рекомендуют в качестве развития национальной стратегии перейти от попыток разработки конкретных вариантов рекомендаций к точечным решениям на основе общекорпоративной дорожной карты (Магомаева и др., 2024). К. Но рассматривает стратегическое использование ИИ как некий «Новый курс» и рекомендует для его развития концепцию из пяти основных стратегий: 1) активизация индустрии социальных услуг предоставляемых частным сектором с использованием ИИ; 2) развитие инклюзивных инновационных городов с использованием ИИ; 3) общенациональное обучение всех граждан навыкам использования ИИ; 4) строительство энергонезависимых интеллектуальных городов; 5) внедрение управляемой ИИ государственной инновационной системы для создания новых рынков (Noh, 2025).

3. Методология исследования

Методология данного исследования основана на качественных методах анализа, включающих анализ академической литературы, а также документов, программ и стратегий развития, наблюдение и отслеживание тенденций в развитии искусственного интеллекта и информационно-коммуникационных технологий как в России, так и в зарубежных странах. Если большинство зарубежных исследований сосредоточено на количественном подходе к анализу стратегий, то в данной статье мы использовали более глубокий анализ национальных стратегий отдельных стран. Для анализа нами были выбраны США и Китай как мировые лидеры, а также Евросоюз и Великобритания как страны, стремящиеся потеснить мировых лидеров в развитии ИИ, что позволяет изучить проблему подхода к развитию ИИ в разных условиях с различных точек зрения.

На основании анализа государственных стратегий были выделены их сильные и слабые стороны, а также институциональные ловушки, которые замедляют эффективное развитие ИИ в данных странах и с которыми может столкнуться и Россия в рамках реализации собственной национальной стратегии развития ИИ.

4. Стратегии развития ИИ: мировой опыт

Национальная стратегия Соединенных Штатов в области искусственного интеллекта изложена в «Американском плане действий в области искусственного интеллекта»[1] и обновлениях к Национальному стратегическому плану исследований и разработок в области искусственного интеллекта[2]. Данная стратегия делает акцент на ускорении инноваций, создании инфраструктуры и продвижении глобального лидерства, при этом основное внимание уделяется дерегулированию и доминированию частного сектора. Также необходимо отметить однозначное стремление США к роли лидера в области ИИ, которое выражается не только

[1] America's AI Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[2] National artificial intelligence research and development strategic plan 2023 update. (2023). *A Report by the Select committee on artificial intelligence of the national science and technology council May 2023*. [Электронный ресурс]. https://www.nitrd.gov/pubs/National-Artificial-Intelligence-Research-and-Development-Strategic-Plan-2023-Update.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

в плане действий, но также и в дополнении 2023 г. к Национальному стратегическому плану исследований и разработок в области искусственного интеллекта, в который была внесена дополнительная стратегия, устанавливающая принципиальный и скоординированный подход к международному сотрудничеству в области исследований ИИ с лидирующей роли США как научного центра, а также распространение стандартов, принятых в США по всему миру, и вопросы передачи и защиты данных. В целом американскую стратегию на основе Американского плана действий в области искусственного интеллекта можно представить в виде схемы (рис. 1).

Национальные стратегии ЕС в области искусственного интеллекта согласуются с общей европейской стратегией блока в области ИИ, которая подчеркивает превосходство и доверие, чтобы позиционировать Европу как мирового лидера в области надежного искусственного интеллекта. Эта концепция определяет индивидуальные национальные стратегии государств-членов. Согласно континентальному плану развития ИИ, ЕС выделяет 5 направлений для стратегического развития, представленных на рисунке 2[1]. Кроме того, в 2025 г. была выпущена прикладная стратегия по применению ИИ в ЕС[2], в которой перечисляются приоритетные отрасли для применения ИИ, включающие здравоохранение и фармацевтику, роботостроение, промышленные инженерные и строительные работы, оборону и космические программы, транспорт, электронную коммуникацию, энергетику, защиту окружающей среды и контроль над климатом, агропромышленный сектор, а также отрасли креативной экономики, медиа и общественный сектор. В рамках данной стратегии планируется увеличить возможности использования ИИ для малого и среднего бизнеса посредством Европейских центров цифровых инноваций, повышение навыков работы с ИИ у работников, использование ИИ как отдельного фактора производства, повышения доверия к европейскому рынку ИИ, обеспечение единого механизма регулирования. Отдельно в 2025 г. была принята Европейская стратегия использования искусственного интеллекта в науке[3], которая призвана обеспечить европейским исследователям возможности для исследований и кооперацию с фабриками и гигафабриками ИИ, а также частным сектором и индустриальными партнерами, таким образом планируется аккумулировать поиск и привлечение исследователей, доступ к данным и вычислительным мощностям, а также к финансированию исследований.

Британская стратегия в области ИИ сосредоточена на обеспечении: 1) инвестирования в долгосрочные потребности экосистемы ИИ; 2) пользы от ИИ всем секторам и регионам; 3) эффективного управления ИИ, за счет чего страна планирует потеснить США и Китай в статусе сверхдержавы в области науки и техники. Стратегический план действий по использованию ИИ[4] содержит 50 пунктов, часть из которых достаточно детальна и включает конкретные сроки, укрупненно образующие такие направления, как создание достаточной, безопасной и устойчивой

[1] The AI Continent Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ai-continent-action-plan (дата обращения: 01.02.2026).

[2] European Commission. (2025, October 08). *Apply AI Strategy*. [Электронный ресурс]. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52025DC0723 (дата обращения: 01.02.2026).

[3] European Commission. (2025, October 08). *A European Strategy for Artificial Intelligence in Science*. [Электронный ресурс]. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52025DC0724 (дата обращения: 01.02.2026).

[4] AI Opportunities Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://www.gov.uk/government/publications/ai-opportunities-action-plan/ai-opportunities-action-plan (дата обращения: 01.02.2026).

Ускорение внедрения инноваций в области ИИ

- Снижение барьеров и дерегулирование
- Соответствие передовых ИИ свободе слова и национальным ценностям
- Поощение использования ИИ с открытым исходным кодом и открытыми параметрами
- Поошрение применения ИИ
- Расширение прав и возможностей американских работников через ИИ
- Поддержка производств нового поколения
- Инвестиции в использование ИИ в науке
- Создание научных наборов данных мирового класса
- Развитие научных исследований в области ИИ
- Инвестиции в прорывы в области интерпретируемости, контроля и надежности ИИ
- Создание экосистемы оценки ИИ
- Развитие применения ИИ правительством
- Внедрение ИИ в Министерстве обороны
- Защита коммерческих и государственных инноваций в области ИИ
- Противодействие искусственным медиа и дипфейкам в правовом поле

Построение американской инфраструктуры ИИ

- Создание упрощенной системы выдачи разрешений для центров обработки данных, производства полупроводников, объектов и энергетической инфраструктуры, гарантируя при этом безопасность
- Развитие электросети, соответствующей темпам внедрения инноваций в ИИ
- Восстановление американского производства полупроводников
- Создание высокозащищенных центров обработки данных для использования военными и разведывательными службами
- Подготовка квалифицированной рабочей силы для инфраструктуры ИИ
- Укрепление кибербезопасности критически важной инфраструктуры
- Продвижение дизайна безопасных технологий и приложений ИИ
- Содействие развитию федерального потенциала в области реагирования на инциденты с ИИ

Лидерство в международной дипломатии безопасности ИИ

- Экспорт американского ИИ союзникам и партнерам
- Противодействовать китайскому влиянию в международных органах управления
- Усиление контроля за экспортом вычислений с использованием ИИ
- Устранение лазеек в существующем контроле за экспортом полупроводниковых изделий
- Согласование мер защиты на глобальном уровне для защиты американского экспорта чувствительных технологий
- Ключевая роль правительства США в оценке рисков национальной безопасности в рамках передовых моделей
- Инвестиции в биобезопасность

Рис. 1. *Американская стратегия развития ИИ (источник: сост. автором по: America's AI Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf (дата обращения: 01.02.2026))*

Fig. 1. *The US Strategy of AI Development*

Построение инфраструктуры

- Построение фабрик ИИ (динамичных экосистем, которые способствуют инновациям, сотрудничеству и развитию в области ИИ), включая Гигафабрики (более 100000 процессоров развитого ИИ)
- Инвестирование в Гигафабрики
- Создание систем поддержки для повышения пропускной способности облачных систем и центров обработки данных в ЕС

Доступ к высококачественным данным

- Планируется укрепление информационной экосистемы ЕС путем повышения функциональной совместимости и доступности данных в различных секторах
- Создание при ИИ-фабриках лабораторий данных, которые будут объединять и интегрировать данные из разных ИИ-фабрик, охватывающих одни и те же отрасли, производить очистку и обогащение данных и предоставлять их разработчикам в соответствии с законодательством
- Сокращение бюрократии при обеспечении защиты конфиденциальных данных ЕС при международном обмене
- Развитие совместного облачного ПО, упрощающего управление пространствами данных
- Оптимизация существующего законодательства о данных для снижения сложности и административной нагрузки, и обеспечения эффективности управления данными с учетом законодательства об авторском праве
- Разработка мер предосторожности для обеспечения конфиденциальности, целостности и защищенности совместно используемых данных, что будет способствовать развитию культуры доверия и сотрудничества

Разработка и внедрение алгоритмов ИИ

- Планируется дискурс по внедрению, основанный на конкретных примерах использования ИИ в ключевых европейских отраслях промышленности и государственном секторе, а также диалоге со стейкхолдерами
- Использование Европейских центров цифровых инноваций как ключевых факторов продвижения и внедрения ИИ
- Использование европейских ИИ на всех этапах производства: от разработки до маркетинга

Развитие навыков проектирования и использования ИИ

- Расширение круга специалистов по ИИ в ЕС как через подготовку новых кадров, так и через приманивание зарубежных специалистов
- Повышение квалификации и переподготовка рабочей силы и населения ЕС, в т. ч. через использование Европейских центров цифровых инноваций
- Повышение осведомленности и грамотности в области ИИ
- Способствование диалогу по ИИ для всех членов общества

Соответствие законодательству ИИ

- Обеспечение свободного трансграничного оборота и согласованных условий доступа на рынок ЕС
- Запуск службы поддержки, которая станет центральным информационным центром по законодательству в отношении ИИ, позволяя заинтересованным сторонам обращаться за помощью и получать индивидуальные ответы
- Выявление необходимых дополнительных мер, которые необходимы для содействия бесперебойному упорядоченному и простому применению Закона об ИИ, особенно для небольших компаний
- Подготовка имплементирующих делегированных актов и руководящих принципов, способствующих, например, согласованному применению Закона об ИИ в соответствии с отраслевым законодательством о продуктах
- Разработка стандартов в поддержку Закона об искусственном интеллекте и Кодекса практики в области искусственного интеллекта общего назначения

Рис. 2. *Направления стратегического развития Евросоюза и мер их достижения (источник: сост. по: the AI Continent Action Plan. (2025). [Электронный ресурс]. https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ai-continent-action-plan (дата обращения: 01.02.2026))*
Fig. 2. *Directions of the European Union's Strategic Development and Measures for Achieving Them*

инфраструктуры ИИ; раскрытие потенциала данных в государственном и частном секторах; обучение, привлечение и удержание следующего поколения ученых в области ИИ; обеспечение безопасности и надежности ИИ посредством регулирования; использование ИИ в выполнении государственных задач через схему сканирования возможностей ИИ; отработки пилотных проектов и масштабирования опыта на основе сотрудничества государства и частного сектора в области ИИ; устранение барьеров для внедрения ИИ в частном секторе.

Также страна пытается опереться на неоколониальные отношения между Великобританией и развивающимися государствами, укрепляя свои позиции в качестве модернизирующей силы для этих стран (Bennani-Taylor, 2024). При этом в настоящее время безопасности и этике ИИ уделяется меньше внимания, чем раньше — акцент сместился на безопасность информации[1]. Несмотря на это, Великобритания стремится позиционировать себя как менее строгую в отношении защиты данных по сравнению с ЕС (Kazim et al., 2021).

При этом разрабатывается новое законодательство, ориентированное на ИИ-неведения, поскольку считается, что это может препятствовать инновациям и не обладает достаточной гибкостью и адаптивностью. Вместо этого предлагается набор ненормативных ключевых принципов, таких как безопасность, защищенность и надежность, прозрачность и объяснимость, справедливость, подотчетность и управление, а также возможность оспаривания и возмещения ущерба, которые могли бы интерпретироваться и применяться существующими органами власти (Charlesworth, 2025).

Китайская национальная стратегия 2017 г.[2] состояла из 3 ступеней, отмечая 2020, 2025 и 2030 гг. как ключевые точки в достижении уровня ведущих стран, прорыва в ключевых технологиях и мирового лидерства в области ИИ соответственно. Структурная схема китайской стратегии изображена на рисунке 3. Как видно из этой схемы, развитие ИИ во многом походит на стратегию ЕС в плане построения инфраструктуры и фабрик ИИ, однако с большим включением государства и ИИ в жизнь общества. Кроме того, в стратегии значительно большая роль выделена исследовательской составляющей, нацеленной на достижение прорывных результатов в области разработки ИИ.

В обновленной стратегии «Искусственный интеллект +» к 2027 г. планируется ввод нового поколения интеллектуальных терминалов, агентов и других приложений с уровнем проникновения более 70 %, к 2030 г. этот уровень планируется довести до 90 %, а к 2035 г. — «новый этап развития интеллектуальной экономики и интеллектуального общества». Ожидается интенсифицировать не только разработку ИИ-проектов и увеличивать применение ИИ в производстве на всех его этапах и обслуживания товаров и услуг, но и использовать ИИ-инструментарий в социальных и философских исследованиях, а также в сельском хозяйстве, включая вопросы селекции. Планируется не только модернизация сферы услуг, основанной на ИИ, но и создание новых форматов потребления. Предлагается реализация ком-

[1] Department for Science, Innovation & Technology. (2025, September 03). *Artificial Intelligence sector study-2024*. [Электронный ресурс]. https://www.gov.uk/government/publications/artificial-intelligence-sector-study-2024/artificial-intelligence-sector-study-2024 (дата обращения: 01.02.2026).

[2] State Council of the People's Republic of China. (2017). *Next Generation Artificial Intelligence Development Plan*. [Электронный ресурс]. https://fi.china-embassy.gov.cn/eng/kxjs/201710/P020210628714286134479.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Рис. 3. *Основные направления китайской стратегии развития ИИ (источник: сост. по: State Council of the People's Republic of China. (2017). Next Generation Artificial Intelligence Development Plan. [Электронный ресурс]. https://fi.china-embassy.gov.cn/eng/kxjs/201710/P020210628714286134479.pdf (дата обращения: 01.02.2026))*
Fig. 3. *Main Directions of the Chinese Strategy of AI Development*

плексного подхода, направленного на повышение компетентности сотрудников в сфере ИИ, расширение его применения в формировании новых профессиональных направлений и развитии существующих специальностей, изучение инновационных моделей организации труда и взаимодействия человека с компьютером. Параллельно планируется интеграция технологий ИИ в такие ключевые области общественной жизни, как культура, физическая активность населения и сфера

семейных отношений. Важная роль отводится совершенствованию законодательной базы, регулирующей использование ИИ, разработке нормативных актов и этических стандартов, направленных на обеспечение информационной безопасности, минимизацию рисков возникновения ошибок и искажений («галлюцинаций») в работе ИИ, а также достижение максимальной открытости и надёжности эксплуатации интеллектуальных систем. Отдельное внимание уделяется международному аспекту, в котором говорится о важности развития глобальной системы управления ИИ под эгидой ООН, подчеркивается важность международного сотрудничества в углублении открытости в области ИИ, продвижении продуктов с открытым исходным кодом и сокращения глобального разрыва в области ИИ[1].

Особенность китайского подхода к развитию ИИ заключается в том, что, несмотря на существенное количество лозунгов и директив, принимаемых на правительственном уровне, индустрия искусственного интеллекта в основном управляется целым рядом местных, субнациональных и негосударственных субъектов, которые имеют разнообразные, а иногда и конкурирующие интересы и связаны с ориентацией на прибыль, а не на политику, что приводит к логике развития ИИ «снизу вверх» и ускоренному внедрению ИИ в регионах, что ускоряет полномасштабное внедрение ИИ в экономику и общество (Zeng, 2022).

На основании сравнения вышерассмотренных стратегий можно выделить сильные и слабые стороны каждой их них (табл. 1).

Вместе с тем вышеперечисленные стратегии не лишены институциональных ловушек, которые заложены в представленных концепциях развития ИИ, во многом проистекают из недостатков национальных стратегий и могут оказать существенное влияние на становление новых экономических отношений.

В случае американской стратегии первая ловушка — это ловушка главенства частного сектора, когда крупные технологические компании диктуют траекторию развития ИИ, отодвигая на второй план различные мнения и усугубляя дисбаланс сил, при этом сильная зависимость от инноваций, осуществляемых корпорациями, создает риски, связанные с приоритетом прибыли над общественными потребностями (Kak & West, 2024). Следующая ловушка заключается во фрагментации нормативно-правовой базы на уровне штатов при отсутствии координации, что потенциально может привести к путанице в регулировании ИИ и неравномерному развитию как регионов, так и отдельных отраслей. Возможны также проблемы в устранении таких рисков ИИ, как неправильное использование, включая предвзятость ИИ, получаемую исходя из отбора набора данных по обучению (Rozado, 2023). Лидирующая роль США в экспорте ИИ может также распространить эти нерешенные проблемы по всему миру без надежных критериев интерпретируемости. Формальное отношение властей к ИИ, преобразовывание ключевых требований к ИИ в формальные контрольные списки, а не в механизмы стратегического планирования, что негативно влияет как на возможности, так и на риски, которые создает ИИ (Lawrence et al., 2022).

Для ЕС основные проблемы связываются с избыточностью регулирующих мер, которые связаны как со слишком большим количеством принимаемых актов, так

[1] 中华人民共和国国务院 [Государственный совет КНР]. (2025). 国务院关于深入实施 “人工智能+” 行动的意见 [Мнение Государственного совета Мнение о глубоком внедрении инициативы «Искусственный интеллект+]. [Электронный ресурс]. https://www.gov.cn/zhengce/content/202508/content_7037861.htm (дата обращения: 01.02.2026).

Таблица 1

Сильные и слабые стороны национальных стратегий мировых лидеров

Table 1

Strengths and Weaknesses of the National Strategies of the World's Leading Countries

Национальная стратегия	Сильные стороны	Слабые стороны
США	— Снижение затрат, в т. ч. малого бизнеса на соблюдение нормативных требований; — Ускорение коммерциализации ИИ; — Опора на лидерство США перед мировыми конкурентами; — Широкое сотрудничество с промышленностью, научными кругами и международными партнерами способствует принятию американских стандартов	— Разрозненность нормативных требований от штата к штату; — Слабый федеральный надзор; — Сильная зависимость от частного сектора, которая может привести к потере контроля над управлением; — Неравенство в доступе к ресурсам ИИ в разных регионах и демографических группах
ЕС	— Значительные инвестиции; — Повышенное внимание к этике и правам человека; — Скоординированные действия в масштабах всего ЕС уменьшают фрагментацию, улучшают обмен данными и стимулируют внедрение в стратегических секторах	Осторожность регулирующих органов, особенно Закона об искусственном интеллекте, может привести к подавлению инноваций, сдерживанию инвестиций, зависимости от иностранных технологий
Великобритания	— Наличие конкретных сроков и численных показателей введения отдельных пунктов; — Схема «сканирование возможностей — пилотные проекты — масштабирование»	— Сильная зависимость от частного сектора, которая может привести к потере контроля над управлением; — Гибкость регулирования и отход от этических норм может подорвать доверие к внедряемым мерам и ИИ в целом; — Разрозненность регулирования
Китай	— Государство координирует усилия регионов и бизнеса, выступает инвестором и заказчиком технологий; — Ответственность за развитие ИИ-экономики возложена на местные власти, что стимулирует конкуренцию между провинциями, курс на развитие ИИ «снизу вверх»; — Курс на технологическую самостоятельность	— Отсутствие единой, жёстко скоординированной «сверху» политики; — Этические и социальные риски, связанные с усилением государственного контроля; — Проблема разрозненности данных и недостаточной координации между ведомствами тормозит эффективное использование ИИ

Источник: сост. автором.

и со стремлением создать наиболее совершенное законодательство в плане регулирования ИИ, что затрудняет развитие европейских ИИ. Это усугубляется двухуровневым законодательством — общим для ЕС и отдельными национальными особенностями законодательства стран-членов, что усложняет работу ИИ-компаний, распространяющих свою деятельность на несколько стран. Излишнее регулирование и сложность доступа к финансированию порождает «утечку мозгов»

ИИ-специалистов из ЕС в другие страны (Iuga & Socol, 2024). Британская система управления ИИ попадает в ловушку децентрализированного управления, когда за развитие технологии отвечают сразу 6 регуляторов (Управление уполномоченного по информации, Управление финансового контроля, Управление пруденциального регулирования, Банк Англии, Регулирующее агентство по лекарственным средствам и товарам медицинского назначения, Управление по вопросам конкуренции и рынков, а также Управление по коммуникациям[1]). Предполагается, что эти регуляторы будут сотрудничать друг с другом, однако вопрос практического сотрудничества и координации усилий остается открытым: для решения данной проблемы в 2020 г. был создан Форум по сотрудничеству в области цифрового регулирования, в который вошли только 4 из 6 регуляторов.

Китайские институциональные ловушки связаны с разрозненностью и децентрализацией данных между отдельными ведомствами и регионами, ввиду чего, несмотря на огромный потенциальный набор данных, фактически образуются фрагментированные потоки данных в разных отраслях, что препятствуют развитию ИИ-моделей. Второй институциональной ловушкой является «Дилемма разработчика», в случае Китая проявляющаяся в выборе следования запросам текущего рынка или более фундаментальным глобальным исследованиям. Китайским компаниям часто выгодно отдавать предпочтение специализированным, компактным моделям, адаптированным к конкретным сценариям, нежели более универсальным ИИ, предоставляемым американскими компаниями[2].

В 2024 г. появилось новое понятие — «Манхэттенская ловушка», касающаяся попыток построения в рамках гонки ИИ искусственного супер-интеллекта, что фактически является институциональной ловушкой глобального масштаба, планируемого к использованию не только в рамках экономики, но и в рамках гонки вооружений, приводящей к стратегии силового доминирования, нежели межстрановой кооперации. При этом авторы выделяют риски потери контроля над супер-ИИ, избыточная концентрация власти в рамках не столько даже государства, сколько в руках отдельных акторов, контролирующих ИИ. В связи с этим авторы рассматривают перспективу построения супер-ИИ как дилемму доверия, в которой существует два равновесия Нэша: одно — в котором оба государства сотрудничают развитии ИИ; другое — в котором они отказываются от кооперации (Katzke & Futerman, 2024).

5. Основные направления совершенствования стратегии развития цифровых технологий в России

Как показывает обзор проанализированных выше стратегий, гонка за мировое лидерство в области ИИ является достаточно напряженной, при этом хотя Россия и имеет существенный потенциал в разработке и использовании ИИ, ее текущее положение оставляет желать лучшего. Так, за 2024 г. Россия в рэнкинге Глобального Индекса ИИ занимала 31-е место, уступая не только мировым лидерам, Великобритании ((4) — здесь и далее в скобках будут указаны места) и стра-

[1] DAC Beachcroft. (2025). *The approach to the regulation of AI in the UK*. [Электронный ресурс]. https://www.dacbeachcroft.com/The-approach-to-the-regulation-of-AI-in-the-UK (дата обращения: 01.02.2026).

[2] World Economic Forum. (2025). *Blueprint to Action: China's Path to AI-Powered Industry Transformation*. [Электронный ресурс]. https://reports.weforum.org/docs/WEF_Blueprint_to_Action_Chinas_Path_to_AI-Powered_Industry_Transformation_2025.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

нам ЕС, но также Австралии (17), Саудовской Аравии (14), ОАЭ (20) и Бразилии (30). Если рассматривать декомпозицию индекса России, то относительно государственной стратегии (21) и уровня развития ИИ (20) дела обстоят относительно неплохо, однако по остальным показателям заметны существенные провалы — это касается и исследований (37), операционной среды (30), развития инфраструктуры (44) и, что самое тревожное, талантов (разработчиков, ученых и ИИ-профессионалов) (58) из 83 стран мира[1]. В принципе, слабые стороны российской позиции в области ИИ достаточно хорошо изложены в пункте 1716 Национальной стратегии развития ИИ[2]. Для приближения к лидирующим позициям в области развития ИИ России необходима масштабная работа по развитию комплексных мер поддержки соответствующих разработок. Эта работа должна вестись по двум направлениям: наращивание реального потенциала по отстающим от мировых лидеров параметров и развитие системы управления экономикой, основывающейся на ИИ-технологиях, включая анализ новых взаимоотношений между экономическими агентами в условиях складывающихся в рамках Индустрии 5.0 для избегания возникновения новых угроз экономических шоков, а также попаданий экономики России в ряд институциональных ловушек, как тех, с которыми уже начинают сталкиваться лидеры в области ИИ, так и специфичных непосредственно для России.

В первую очередь необходимо упрочить позиции России в сфере патентования научных исследований и разработок в области ИКТ и ИИ. Несмотря на то, что в данной сфере за неполные 10 лет произошла смена лидера (если в 2016 г. лидирующие места по патентной активности занимали американские компании (Цветкова, 2017), то в 2024 г., согласно отчету Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), первые места по патентам принадлежали китайским компаниям[3], Россия, согласно отчету WIPO, отсутствует в приводимой первой десятке стран — лидеров по ИИ. Однако простое увеличение количества патентов или предприятий, специализирующихся на разработке ИИ, еще не означает их эффективное использование. А. В. Гусев и соавторы предупреждают о неправильности механического подсчёта количества компаний, поскольку такой метод контроля приведет к появлению многочисленных стартапов, ориентированных на краткосрочное существование и «осваивание» инвестиций, а не на создание реальных продуктов (Гусев и др., 2022). Эту же опасность таит и патентование без реализации патентов в реальных продуктах и услугах.

Однако достаточно серьезно стоит вопрос о том, на каких именно направлениях отечественной экономики идет усиление цифровизации. В. С. Усков показывает, что существенный потенциал цифровизации в РФ сконцентрирован в сферах информационно-коммуникационных технологий, Интернет-торговли, услуг и финансов (Усков, 2022). Однако это не те отрасли, которые смогут обеспечить стране

[1] White, J., & Cesareo, S. (2024). *The Global AI Index*. [Электронный ресурс]. https://www.tortoisemedia.com/data/global-ai#further-reporting (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. (2024). В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 №124. [Электронный ресурс]. https://science-expert.ru/docs/Национальная%20стратегия%20развития%20искусственного%20интеллекта%20на%20период%20до%202030%20года.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[3] WIPO. (2024). *Patent Landscape Report: Generative Artificial Intelligence*. [Электронный ресурс]. https://www.wipo.int/web-publications/patent-landscape-report-generative-artificial-intelligence-genai/assets/62504/Generative%20AI%20-%20PLR%20EN_WEB2.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

технологическое лидерство. О. А. Романова отмечает важность концентрации сил по росту цифровизации именно на развитие цифровой экономики в промышленном секторе (Романова, 2018). Действительно, распространение цифровизации на такие направления, как «здравоохранение», «государственное управление» и «умный город», также важны, но они не обеспечат стратегическое преимущество в развитии страны, пока опираются на устаревшие и во многом импортируемые технологии. Н. А. Ганичев и О. Б. Кошовец (2022) рассматривают два основных направления развития России в условиях текущих геополитических и экономических ограничений: если краткосрочной задачей становится обеспечение работы критической информационной инфраструктуры, то в долгосрочном плане необходим отказ от догоняющего развития и переход на создание технологий следующего поколения, способных стать следующим поколением технологий, включая микроэлектронику и не связанные непосредственно с микропроцессорным производством технологии.

При развитии цифровизации и искусственного интеллекта в России необходимо обращать внимание на возникающие негативные последствия и заранее разрабатывать стратегии их нейтрализации. Представители финансовых структур ЕС отмечают, что ИИ, в частности, может оказывать негативное воздействие на занятость в отдельных секторах и работников, а также на заработную плату и неравенство (Dedola et al., 2023).

В связи с этим необходимо решать проблему собственных технологий, прежде всего, проблему кадрового обеспечения. В первую очередь это касается диспропорций в образовании, когда большая часть талантов благодаря системе ЕГЭ получает возможность поступления в вузы столичных регионов, оставаясь там после обучения, что сокращает количество специалистов и исследователей в регионах и неизбежно приводит к росту отставания остальных регионов от Москвы и Санкт-Петербурга, в т. ч. в сфере разработки и применения ИИ. Вторая проблема — это разрозненная координация управления ИИ. Согласно Карте игроков рынка ИИ России v.2.0[1], за развитие ИИ в экономике России, за формирование нормативов, правил и распределение средств отвечают 12 органов власти, что существенно затрудняет единство и координацию реализации стратегии в целом по стране.

Некоторые опасения представляет собой логика сочетания внедрения ИИ-инструментария на принципах планирования «сверху вниз», в сочетании с подменой качественного содержания количественным. Так, в пункте 514 стратегии[2] показано: «Качественное развитие российской науки в области искусственного интеллекта должно осуществляться путем… закрепления показателей отнесения научных исследований в области искусственного интеллекта к высокому уровню (публикации на конференциях в области искусственного интеллекта уровня A*) и среднему уровню (публикации на конференциях в области искусственного ин-

[1] ЦТИИ «Нейролаб». (2025). *Карта игроков рынка ИИ России v.2.0*. [Электронный ресурс]. https://neirolab.ru/project/karta-igrokov-ai (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. (2024). В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124. [Электронный ресурс]. https://science-expert.ru/docs/Национальная%20стратегия%20развития%20искусственного%20интеллекта%20на%20период%20до%202030%20года.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

теллекта уровня А и в научных журналах первого квартиля «Белого списка»)»[1]. Однако это чревато увеличением публикационной активности в области искусственного интеллекта вместо уделения внимания непосредственно разработке и внедрению полноценных российских разработок в области ИИ. Особенно это касается сферы ИИ, где разработка осуществляется не только и не столько в научных заведениях, сколько бизнесом, далеком от академических публикаций, ввиду чего данная мера стимулирования разработок не достигнет нужного результата. Вопрос вызывает и пункт 516[2] в частях «а», «б» и «в», подразумевающих усиление бюрократизации образовательной деятельности в плане переработки документации, нежели соответствие образовательных программ требованиям реального рынка. Гораздо более актуальны в этом пункты «г» – «е», обеспечивающие реальную связь науки, промышленности и образования. Есть вопросы и к ряду показателей для оценки, представленных в пункте 281[3]. Кроме частей «г» и «д», связанных с публикационной активностью, сомнительность использования которой для эффективности разработок и внедрения ИИ-инструментов обсуждалась выше, вопросы вызывают и части «ж», «з», «и», не только потому что достижение столь высоких процентов по уровню доли работников с навыками владения ИИ, доверию граждан и готовности к внедрению ИИ в столь короткие сроки мало достижимо в реальности, но также и потому что данные показатели легко фальсифицируемы, что может привести к формальным сигналам о выполнении целей стратегии, но существенному отставанию в реальной ситуации.

Серьезным препятствием к реализации стратегии развития ИИ является цифровое неравенство, причем доступ к использованию ИИ фактически формирует новый, четвертый тип цифрового неравенства, наряду с доступом к Интернету и компьютерному обеспечению, цифровой грамотности и доступности Интернет-услуг. Как показывает исследование С. П. Земцова, межрегиональные диспропорции в уровне использования ИИ имеют тенденцию к росту (Земцов, 2025). При этом в Стратегии развития отрасли связи достаточно слабо выявлены стратегии борьбы с цифровым неравенством. В стратегии развития отрасли связи в качестве меры по борьбе с цифровым неравенством говорится об обеспечении доступа к телефонной, мобильной связи и сервисам передачи данных[4]. В то же время В. В. Макаров и соавторы (2020) показывают существенную неравномерность финансирования цифровой трансформации регионов. Однако ничего не говорится о возможности усиления цифрового неравенства в случае внедрения и применения ИИ-инструментов. При этом доступ к Интернет-технологиям не является единственным источником цифрового неравенства. И. Ю. Жилина (2019) обращает внимание на перспективу увеличения неравенства между отечественными

[1] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. (2024). В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124. [Электронный ресурс]. https://science-expert.ru/docs/Национальная%20стратегия%20развития%20искусственного%20интеллекта%20на%20период%20до%202030%20года.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года. (2023). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2023 г. № 3339-р. с.6. [Электронный ресурс]. http://static.government.ru/media/files/Pc7fHuejbNvqv17b0RJNv0RIqTo20lUV.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

предприятиями-лидерами, осуществившими быстрый переход на активное использование ИИ, и теми компаниями, которые будут внедрять ИИ медленнее или вообще не захотят или не смогут перейти на ИИ.

Крайне важным шагом в практической реализации стратегий развития России является построение прозрачной и объективной системы статистического учета как в области ИКТ в целом, так и в области ИИ. Как отмечал в 2008 г. Ю. Е. Хохлов, имеющиеся официальные данные об использовании ИКТ в социально-экономической сфере и в сфере государственного управления не охватывают важных аспектов и факторов и в целом не позволяют создать адекватную основу для прогнозирования и разработки политики развития информационного общества (Хохлов, 2008). К сожалению, следует признать, что данная проблема не решена до сих пор.

6. Заключение

Проведённый в настоящем исследовании анализ проблем стратегического развития инструментов ИИ в России в сопоставлении с анализом стратегий мировых лидеров в области внедрения ИИ-технологий позволяет сделать ряд важных выводов о перспективах выполнения национальной стратегии развития ИИ.

Отставание России в глобальной гонке за лидерство в ИИ очевидно, что следует из достаточно низких мест, которое страна занимает в рэнкинге по уровню развития технологий искусственного интеллекта. Этому способствует ряд ключевых барьеров, которые включают не только нехватку финансовых ресурсов и высокую стоимость ИИ-решений, но также слабую инновационную и патентную активность, недостаточную цифровую зрелость текущих процессов и низкий уровень автоматизации, кадровые проблемы и общий недостаточный уровень цифровой грамотности, а также правовые ограничения, связанные с защитой данных и межрегиональное цифровое неравенство, и диспропорции в образовании.

Кроме прямых проблем развития нельзя упускать из внимания и институциональные проблемы, которые замедляют эффективное внедрение ИИ-технологий и могут привести к усугублению отставания. В случае российской экономики к ним следует отнести разрозненную координацию управления, логика планирования «сверху вниз» и угрозу подмены качественного содержания количественным.

Однако необходимо обратить внимание и на те институциональные ловушки, которые возникают у стран – мировых лидеров и которые проявляются во многом из слабых сторон их собственных национальных стратегий развития ИИ, таких как возможность утери контроля в пользу корпораций, недостаточность или избыточность законодательного регулирования, проблемы соблюдения этических норм и т. д. Нельзя упускать из виду и общую для мирового сообщества проблему «Манхэттенской ловушки» в контексте разработки супер-ИИ.

Для преодоления отставания и достижения лидирующих позиций России необходимо реализовать комплекс мер, связанных с фокусированием на разработке собственных технологий следующего поколения, избегая механического наращивания числа стартапов и публикационной активности, совершенствованием системы подготовки кадров, устраняя диспропорции между столичными и региональными вузами. Одновременно необходимо преодолеть цифровое неравенство путём целенаправленной региональной политики и выравнивания доступа к ИИ-технологиям. Следуя за опытом стран-лидеров, крайне желательно стимулировать использование ИИ в малом и среднем бизнесе, повышая цифровую грамотность предприни-

мателей. В целом важно обратить внимание и на анализ сильных и слабых сторон национальных стратегий мировых лидеров в области ИИ для модернизации собственной национальной стратегии.

Необходимо обеспечить единство управления развитием ИИ через оптимизацию взаимодействия органов власти, разработать чёткие правовые механизмы регулирования ИИ, балансирующие защиту данных и инновационное развитие, а также наладить систему статистического учета разработки внедрения и использования ИИ-технологий.

Сформулированные в настоящем исследовании рекомендации могут быть использованы для корректировки «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» и других профильных документов, таких как разработка программ господдержки инноваций и научных исследований в сфере ИИ. Достижение Россией лидирующих позиций в сфере ИИ требует комплексного подхода, сочетающего технологические, кадровые, управленческие и институциональные решения. Приоритетом должно стать не механическое наращивание количественных показателей, а создание устойчивой системы разработки и применения ИИ с фокусом на его прикладное внедрение в экономику и социальную сферу с максимизацией позитивных и минимизацией негативных последствий данного процесса.

Список источников

Ганичев, Н. А., Кошовец, О. Б. (2022). Цифровая экономика России: к стратегии развития в условиях санкций. *Проблемы прогнозирования,* (6(195)), 94–108. https://doi.org/10.47711/0868-6351-195-94-108

Гусев, А. В., Владзимирский, А. В., Шарова, Д. Е., Арзамасов, К. М., Храмов, А. Е. (2022). Развитие исследований и разработок в сфере технологий искусственного интеллекта для здравоохранения в Российской Федерации: итоги 2021 года. *Digital Diagnostics, 3*(3), 178–194. https://doi.org/10.17816/DD107367

Жилина, И. Ю. (2019). Экономические аспекты использования искусственного интеллекта. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал,* (2), 123–130.

Земцов, С. П. (2025). Цифровое неравенство и региональное развитие в России в условиях распространения технологий искусственного интеллекта. *Журнал Новой экономической ассоциации,* (2(67)), 225–233. https://doi.org/10.31737/22212264_2025_2_225-233

Лучинкин, М. Ю., Хабаров, В. И. (2021). Информационно коммуникационные технологии как глобальный фактор экономического и технологического влияния. *Проблемы теории и практики управления,* (8), 20–33. https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-8-20-33

Магомаева, Л. Р., Доргушаова, А. К., Абубакарова, Д. А. (2024). Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в банковской и финансовой среде. *Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки, 21*(1), 18–24.

Макаров, В. В., Слуцкий, М. Г., Устриков, Н. К. (2020). Проблемы и задачи цифровой трансформации экономики России. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук,* (4-1(43)), 174–177. https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10329

Романова, О. А. (2018). Стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте вызовов цифровой экономики. *Известия Уральского государственного экономического университета, 19*(3), 55–68. https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-3-6

Усков, В. С. (2022). Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 15*(2), 120–137. https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.8

Фомина, А. Н. (2022). Проблемы и перспективы развития рынка искусственного интеллекта в России. *Вопросы инновационной экономики, 12*(2), 1051–1068. https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114607

Фролов, И. Э., Киселев, В. Н. (2025). Искусственный интеллект как драйвер прорывных технологий: глобальные тренды и уроки для России. *Проблемы прогнозирования,* (3), 122–134. https://doi.org/10.47711/0868-6351-210-122-134

Хохлов, Ю. Е. (2008). Стимулы и барьеры на пути реализации Стратегии развития информационного общества в России. *Информационное общество,* (1-2), 37–46.

Цветкова, Л. А. (2017). Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира. *Экономика науки, 3*(2), 126–144. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2017-3-2-126-144

Bennani-Taylor, S. (2024). Infrastructuring AI: The stabilization of "artificial intelligence" in and beyond national AI strategies. *First Monday, 29*(2). https://doi.org/10.5210/fm.v29i2.13568

Buiten, M. C. (2019). Towards intelligent regulation of artificial intelligence. *European Journal of Risk Regulation, 10*(1), 41–59. https://doi.org/10.1017/err.2019.8

Charlesworth, A. (2025). AI Regulation in the UK. In V. L Raposo (Ed.), *The European Artificial Intelligence Act: Promises and Perils* (pp. 365–392). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-98406-8_15

Dedola, L., Ehrmann, M., Hoffmann, P., Lamo, A., Paz-Pardo, G., Slacalek, J., & Strasser, G. (2023). Digitalisation and the Economy. *ECB Working Paper,* (2023/23). http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4626463

Hjaltalin, I. T., & Sigurdarson, H. T. (2024). The strategic use of AI in the public sector: A public values analysis of national AI strategies. *Government Information Quarterly, 41*(1), 101914. https://doi.org/10.1016/j.giq.2024.101914

Iuga, I. C., & Socol, A. (2024). Government Artificial Intelligence readiness and brain drain: Influencing factors and spatial effects in the European Union member states. *Journal of Business Economics and Management, 25*(2), 268–296. https://doi.org/10.3846/jbem.2024.21136

Jobin, A., Ienca, M., & Vayena, E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature machine intelligence, 1*(9), 389–399. https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2

Kak, A., & West, S. (2024). A modern industrial strategy for AI?: Interrogating the US approach. AI Nationalism (s). *AI Now Institute*. [Электронный ресурс]. https://ainowinstitute.org/publication/a-modern-industrial-strategy-for-aiinterrogating-the-us-approach (дата обращения: 01.02.2026).

Katzke, C., & Futerman, G. (2024). The Manhattan Trap: Why a Race to Artificial Superintelligence is Self-Defeating. *arXiv.* https://doi.org/10.48550/arXiv.2501.14749

Kazim, E., Almeida, D., Kingsman, N., Kerrigan, C., Koshiyama, A., Lomas, E., & Hilliard, A. (2021). Innovation and opportunity: review of the UK's national AI strategy. *Discover Artificial Intelligence, 1*(1), 14. https://doi.org/10.1007/s44163-021-00014-0

Lawrence, C., Cui, I., & Ho, D. E. (2022). *Implementation Challenges to Three Pillars of America's AI Strategy.* [Электронный ресурс]. https://dho.stanford.edu/wp-content/uploads/AI_Implementation.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Mah, P. M. (2024). National AI Strategies. *European Research Studies Journal, 27*(4), 1196–1215.

Mike, N. (2024). *Global Perspectives on AI Governance: A Comparative Overview.* [Электронный ресурс]. https://unipub.lib.uni-corvinus.hu/10648/1/paper4-2.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Molhova, M., & Biolcheva, P. (2023). Strategies and policies to support the development of ai technologies in Europe. *Strategies for Policy in Science & Education / Strategii na Obrazovatelnata i Nauchnata Politika, 31,* 69–79. https://doi.org/10.53656/str2023-3s

Noh, K. S. (2025). "AI New Deal" as a national AI investment strategy. *Journal of Digital Convergence, 23*(2), 27–34. https://doi.org/10.14400/JDC.2025.23.2.027

Radu, R. (2021). Steering the governance of artificial intelligence: national strategies in perspective. *Policy and society, 40*(2), 178–193. https://doi.org/10.1080/14494035.2021.1929728

Rozado, D. (2023). The political biases of ChatGPT. *Social Sciences, 12*(3), 148. https://doi.org/10.3390/socsci12030148

Sun, N., Miao, Y., Jiang, H., Ding, M., & Zhang, J. (2024). From principles to practice: A deep dive into AI ethics and regulations. *arXiv.* https://doi.org/10.48550/arXiv.2412.04683

Zeng, J. (2022). *Artificial intelligence with Chinese characteristics: National strategy, security and authoritarian governance.* London: Palgrave Macmillan, 132.

References

Bennani-Taylor, S. (2024). Infrastructuring AI: The stabilization of "artificial intelligence" in and beyond national AI strategies. *First Monday, 29*(2). https://doi.org/10.5210/fm.v29i2.13568

Buiten, M. C. (2019). Towards intelligent regulation of artificial intelligence. *European Journal of Risk Regulation, 10*(1), 41–59. https://doi.org/10.1017/err.2019.8

Charlesworth, A. (2025). AI Regulation in the UK. In V. L Raposo (Ed.), *The European Artificial Intelligence Act: Promises and Perils* (pp. 365–392). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-98406-8_15

Dedola, L., Ehrmann, M., Hoffmann, P., Lamo, A., Paz-Pardo, G., Slacalek, J., & Strasser, G. (2023). Digitalisation and the Economy. *ECB Working Paper,* (2023/23). http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4626463

Fomina, A. N. (2022). Challenges and development trends of the artificial intelligence market in Russia. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics], 12*(2), 1051–1068. https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114607 (In Russ.)

Frolov, I. E., & Kiselev, V. N. (2025). Artificial Intelligence as a Driver of Breakthrough Technologies: Global Trends and Lessons for Russia. *Studies on Russian Economic Development, 36*(3), 378–387. https://doi.org/10.1134/S1075700725700108 (In Russ.)

Ganichev, N. A., & Koshovets, O. B. (2022). Rethinking Russian Digital Economy Development Under Sunctions. *Studies on Russian Economic Development, 33*(6), 645–655. https://doi.org/10.1134/S1075700722060041 (In Russ.)

Gusev, A. V., Vladzymyrskyy, A. V., Sharova, D. E., Arzamasov, K. M., & Khramov, A. E. (2022). Evolution of research and development in the field of artificial intelligence technologies for healthcare in the Russian Federation: results of 2021. *Digital Diagnostics, 3*(3), 178–194. https://doi.org/10.17816/DD107367 (In Russ.)

Hjaltalin, I. T., & Sigurdarson, H. T. (2024). The strategic use of AI in the public sector: A public values analysis of national AI strategies. *Government Information Quarterly, 41*(1), 101914. https://doi.org/10.1016/j.giq.2024.101914

Iuga, I. C., & Socol, A. (2024). Government Artificial Intelligence readiness and brain drain: Influencing factors and spatial effects in the European Union member states. *Journal of Business Economics and Management, 25*(2), 268–296. https://doi.org/10.3846/jbem.2024.21136

Jobin, A., Ienca, M., & Vayena, E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature machine intelligence, 1*(9), 389–399. https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2

Kak, A., & West, S. (2024). A modern industrial strategy for AI?: Interrogating the US approach. *AI Nationalism (s). AI Now Institute.* https://ainowinstitute.org/publication/a-modern-industrial-strategy-for-aiinterrogating-the-us-approach (Date of access: 01.02.2026).

Katzke, C., & Futerman, G. (2024). The Manhattan Trap: Why a Race to Artificial Superintelligence is Self-Defeating. *arXiv.* https://doi.org/10.48550/arXiv.2501.14749

Kazim, E., Almeida, D., Kingsman, N., Kerrigan, C., Koshiyama, A., Lomas, E., & Hilliard, A. (2021). Innovation and opportunity: review of the UK's national AI strategy. *Discover Artificial Intelligence, 1*(1), 14. https://doi.org/10.1007/s44163-021-00014-0

Khokhlov, Yu. E. (2008). Incentives and barriers to the implementation of the Strategy for the Development of the Information Society in Russia. *Informatsionnoe obshchestvo [Information Society],* (1-2), 37–46. (In Russ.)

Lawrence, C., Cui, I., & Ho, D. E. (2022). *Implementation Challenges to Three Pillars of America's AI Strategy.* https://dho.stanford.edu/wp-content/uploads/AI_Implementation.pdf (Date of access: 01.02.2026).

Luchinkin, M. Yu., & Khabarov, V. I. (2021). Information and communication technologies as a global factor of economic and technological influence. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management],* (8), 20–33. https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-8-20-33 (In Russ.)

Magomaeva, L. R., Dorgushaova, A. K., & Abubakarova, D. A. (2024). National strategy for the development of artificial intelligence in the banking and financial environment. *Vestnik GGNTU. Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [Herald of GSTOU. Humanitarian, social and economic sciences], 21*(1), 18–24. (In Russ.)

Mah, P. M. (2024). National AI Strategies. *European Research Studies Journal, 27*(4), 1196–1215.

Makarov, V. V., Slutsky, M. G., & Ustrikov, N. K. (2020). Problems and challenges of digital transformation of the Russian economy. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences],* (4-1(43)), 174–177. https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10329 (In Russ.)

Mike, N. (2024). *Global Perspectives on AI Governance: A Comparative Overview.* https://unipub.lib.uni-corvinus.hu/10648/1/paper4-2.pdf (Date of access: 01.02.2026).

Molhova, M., & Biolcheva, P. (2023). Strategies and policies to support the development of ai technologies in Europe. *Strategies for Policy in Science & Education / Strategii na Obrazovatelnata i Nauchnata Politika, 31,* 69–79. https://doi.org/10.53656/str2023-3s

Noh, K. S. (2025). "AI New Deal" as a national AI investment strategy. *Journal of Digital Convergence, 23*(2), 27–34. https://doi.org/10.14400/JDC.2025.23.2.027

Radu, R. (2021). Steering the governance of artificial intelligence: national strategies in perspective. *Policy and society, 40*(2), 178–193. https://doi.org/10.1080/14494035.2021.1929728

Romanova, O. A. (2018). Russian regions' socioeconomic development strategies in the context of challenges posed by the digital economy. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Journal of the Ural State University of Economics], 19*(3), 55–68. https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-3-6 (In Russ.)

Rozado, D. (2023). The political biases of ChatGPT. *Social Sciences, 12*(3), 148. https://doi.org/10.3390/socsci12030148

Sun, N., Miao, Y., Jiang, H., Ding, M., & Zhang, J. (2024). From principles to practice: A deep dive into AI ethics and regulations. *arXiv.* https://doi.org/10.48550/arXiv.2412.04683

Tsvetkova, L. A. (2017). Technologies of artificial intelligence as the factor of digitalization of economy in Russia and in the world. *Ekonomika nauki [Economics of Science], 3*(2), 126–144. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2017-3-2-126-144

Uskov, V. S. (2022). Development of the information society in the Russian Federation: Problems and prospects. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 15*(2), 120–137. https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.8 (In Russ.)

Zemtsov, S. P. (2025). Digital divide and regional development in Russia in the context of artificial intelligence diffusion. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association],* (2(67)), 225–233. https://doi.org/10.31737/22212264_2025_2_225-233 (In Russ.)

Zeng, J. (2022). *Artificial intelligence with Chinese characteristics: National strategy, security and authoritarian governance.* Palgrave Macmillan.

Zhilina, I. Yu. (2019). Economic aspects of using artificial intelligence. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: Ekonomika. Referativnyj zhurnal [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 2: Economics. Abstract Journal],* (2), 123–130. (In Russ.)

Информация об авторе

Бучинская Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр экономической теории, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-5421-2522 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru).

About the author

Olga N. Buchinskaia — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-5421-2522 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru).

Дата поступления рукописи: 22.12.2025.
Прошла рецензирование: 14.01.2026.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 22 Dec 2025.
Reviewed: 14 Jan 2026.
Accepted: 10 Feb 2026.

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.9
УДК 338.45
JEL L60, O30

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Концептуальная модель «высокотехнологичности» промышленности в условиях глобальных вызовов[1]

Юлия Г. ЛАВРИКОВА[1)] ✉, **Людмила С. ШОЛОХ**[2)] ✉
[1, 2)] *Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Для цитирования: Лаврикова, Ю. Г., Шолох, Л. С. (2026). Концептуальная модель «высокотехнологичности» промышленности в условиях глобальных вызовов. *AlterEconomics, 23*(1), 144–161. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.9

Аннотация. Высокотехнологичные отрасли и предприятия промышленности приобретают ключевое значение для обеспечения национальной безопасности, технологического суверенитета и долгосрочной конкурентоспособности страны, что обусловливает необходимость теоретического осмысления данного сегмента экономики. Цель статьи заключается в формировании системного представления о структуре и основных компонентах предметного поля исследования высокотехнологичных отраслей и предприятий промышленности. Гипотеза исследования состоит в предположении, что структурно-содержательное упорядочение понятийного аппарата высокотехнологичной сферы создает концептуальную основу для диагностики реального технологического состояния промышленности, выявления структурных диспропорций и определения направлений адаптации к изменениям внешней среды. В статье обосновывается многоуровневая структура предметного поля, выстроенная по логике от частного к общему: от высоких технологий как фундаментального ядра через высокотехнологичное производство и продукцию к предприятию-интегратору и далее к отраслевой агрегации и макроуровню высокотехнологичного сектора экономики. Особое внимание уделяется анализу нормативных подходов к идентификации высоких технологий в России, в рамках которого рассматриваются перечни критических, наукоемких, современных и передовых производственных технологий, а также раскрываются их целевые функции в системе государственного управления. В статье показана эволюция высокотехнологичного производства в направлении «умного производства» (Индустрия 4.0), интегрирующего цифровые технологии и принципы циркулярной экономики. Высокотехнологичное предприятие определено как синергетическая совокупность целевой продукции, технологического производства, адаптивной организационной структуры и уникального человеческого капитала. Авторами показано, что агрегация таких предприятий формирует высокотехнологичную отрасль, кооперация отраслей — высокотехнологичный комплекс, а их совокупность в масштабе экономики — высокотехнологичный сектор, динамика которого в России за период 2011–2024 годов демонстрирует устойчивый рост. Результаты исследования создают концептуальный базис для разработки диагностических и управленческих инструментов, направленных на переход к модели устойчивого инновационного лидерства.

Ключевые слова: высокие технологии, высокотехнологичное производство, высокотехнологичная продукция, технологический суверенитет, умное производство, Индустрия 4.0, критические технологии

Благодарность: Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки РФ для Института экономики УрО РАН на период 2024–2026 гг. № 0327-2024-0010.

[1] © Лаврикова Ю. Г., Шолох Л. С. Текст. 2026.

REVIEW ARTICLE

Structure of the Research Subject Field of High-Tech Industries and Industrial Enterprises

Yulia G. LAVRIKOVA[1)] ✉ iD, **Lyudmila S. SHOLOKH**[2)] ✉ iD
[1, 2)] *Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation*

For citation: Lavrikova, Yu. G. & Sholokh, L. S. (2026). Structure of the Research Subject Field of High-Tech Industries and Industrial Enterprises. *AlterEconomics, 23*(1), 144–161.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.9

Abstract. High-tech industries and industrial enterprises are increasingly important for ensuring national security, technological sovereignty, and the long-term competitiveness of national economies. This growing significance requires a clearer theoretical understanding of this economic segment. The purpose of the article is to develop a systematic view of the structure and key components of the research field related to high-tech industries and industrial enterprises. The study hypothesizes that a structured and conceptually coherent framework for the high-tech sector provides a basis for diagnosing the technological state of industry, identifying structural imbalances, and determining directions for adaptation to changes in the external environment. The article proposes a multi-level structure of the research field moving from the general to the specific: from high technologies as the foundational core, through high-tech production and products, to the enterprise as an integrative unit, and further to industry-level aggregation and the macro-level of the high-tech sector of the economy. Special attention is paid to the analysis of regulatory approaches used to identify high technologies in Russia. The study examines official classifications of critical, knowledge-intensive, modern, and advanced manufacturing technologies and highlights their functions within the public administration system. The article also traces the evolution of high-tech production toward "smart manufacturing" (Industry 4.0), characterized by the integration of digital technologies and the principles of the circular economy. A high-tech enterprise is defined as a synergistic combination of advanced products, technologically intensive production processes, adaptive organizational structures, and specialized human capital. The authors demonstrate that the aggregation of such enterprises forms high-tech industries; cooperation among industries forms a high-tech complex; and together these elements constitute the high-tech sector of the economy. Analysis of this sector in Russia for the period 2011–2024 indicates steady growth. The results of the study provide a conceptual foundation for developing diagnostic and management tools to support the transition toward a model of sustainable innovation leadership.

Keywords: high technologies, high-tech production, high-tech products, technological sovereignty, smart manufacturing, Industry 4.0, critical technologies

Acknowledgments: The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for the period 2024–2026, No. 0327-2024-0010.

1. Введение

Нарастание турбулентности, геоэкономической нестабильности и усложнение системных взаимосвязей формируют множество стратегических вызовов для национальных экономик. В этих условиях высокотехнологичные отрасли и предприятия промышленности становятся ключевым элементом обеспечения национальной безопасности, суверенитета и конкурентоспособности. Именно уровень технологического развития отраслей промышленности определяет способность стран противостоять внешним шокам, обеспечивать устойчивость социально-экономических систем и формировать долгосрочные конкурентные преимущества, выступая в качестве инструмента реализации как защитных, так и наступательных стратегий.

Современная парадигма государственной технологической политики Российской Федерации отводит высокотехнологичным отраслям и предприятиям роль стратегического приоритета национального развития. Они рассматриваются в качестве

драйвера, способного обеспечить решение двух взаимосвязанных и критически важных для страны задач. Первая из них — это переход к долгосрочному экономическому росту, основанному не на сырьевом экспорте, а на производстве знаний и сложной продукции[1]. Вторая задача — это обеспечение технологического суверенитета государства[2].

Целью настоящей статьи является формирование системного представления о структуре и основных компонентах предметного поля исследования высокотехнологичных отраслей и предприятий. В условиях современных вызовов, требующих от экономической науки новых объяснительных моделей и практических рекомендаций, особую значимость приобретает четкое определение базовых понятий. Без определения иерархии и взаимосвязей таких категорий, как «высокие технологии», «высокотехнологичное производство», «высокотехнологичная продукция» и «высокотехнологичное предприятие», невозможно корректно диагностировать проблемы, оценивать потенциал и разрабатывать адекватные стратегии реагирования на актуальные угрозы.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что структурно-содержательное упорядочение понятийного аппарата высокотехнологичной сферы создает концептуальную основу для диагностики реального технологического состояния промышленности, выявления структурных диспропорций и определения направлений адаптации к турбулентным изменениям внешней среды. Для проверки гипотезы в статье проводится теоретическое исследование, которое представляет собой обзор многоуровневой структуры предметного поля высокотехнологичной сферы промышленности (от микро- до макроуровня).

Предметное поле исследования высокотехнологичных отраслей и предприятий формируется вокруг ключевой категории «высокие технологии», которая выступает системообразующим ядром для сопряженных понятий, определяющих масштаб и уровень анализа. Иерархическая взаимосвязь этих понятий задает многоуровневую структуру предметного поля, располагаясь от микро- до макроуровня экономической системы (рис. 1).

Предметное поле определяется логикой от частного к общему: от конкретных технологий и высокотехнологичных продуктов через предприятия-производители к отраслевой системе и далее — к высокотехнологичному сектору экономики, что позволяет проводить как сфокусированный анализ отдельных элементов, так и исследование системных взаимосвязей в рамках единого концептуального пространства.

Структурирование предметного поля является не только академической задачей, но и практической необходимостью. Используемые сегодня традиционные отраслевые и статистические классификации (ОЭСР, Евростат, Росстат) не приспособлены для описания и оценки сложной структуры высокотехнологичных отраслей. Они не улавливают внутриотраслевую неоднородность, игнорируют клю-

[1] Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 18.11.2025); Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 18.11.2025).

[2] Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500 (дата обращения: 18.11.2025).

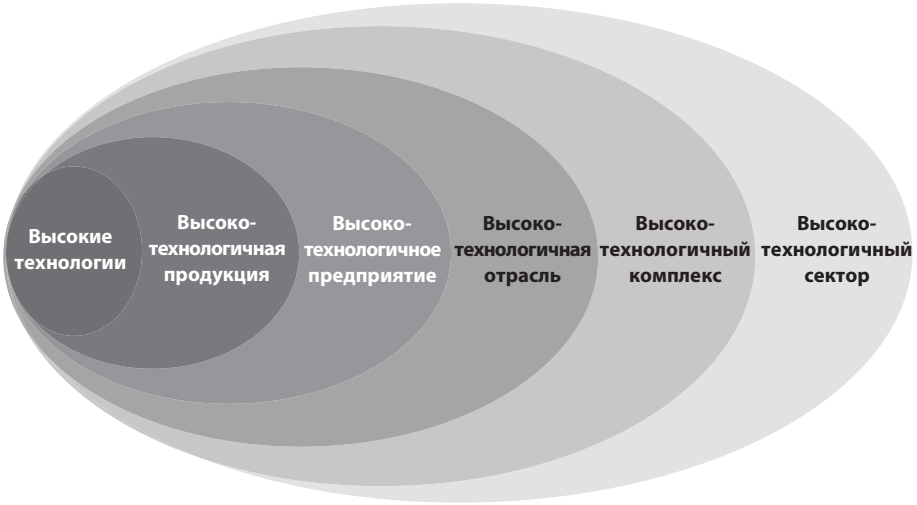

Рис. 1. *Концептуальная модель «высокотехнологичности» в промышленности (источник: сост. авторами)*
Fig. 1. *Conceptual Model of "High-Tech Development" in Industry*

чевую роль нематериальных активов и не отражают процессы конвергенции, в результате которой возникают гибридные отрасли на стыке технологий. Этот разрыв между формальными категориями и реальным наполнением высокотехнологичного сектора ведет к неэффективности как промышленной политики, так и корпоративных стратегий.

Кроме того, исследование осложняется междисциплинарностью самого объекта. Высокотехнологичные отрасли и предприятия находятся на пересечении смыслов экономической теории, менеджмента, социологии инноваций, региональной науки, отраслевых технологических дисциплин и др. Каждая из наук предлагает свой концептуальный аппарат и ракурс рассмотрения: от неоинституционального анализа контрактов и транзакционных издержек до эволюционной теории технологических укладов и ресурсного подхода к конкурентным преимуществам.

2. Основные компоненты предметного поля

2.1. Высокие технологии

Фундаментальной основой предметного поля являются высокие технологии, понимаемые как совокупность уникальных знаний, ноу-хау, методов, процессов и решений, основанных на последних достижениях науки и техники и характеризующихся высоким инновационным потенциалом, интенсивностью НИОКР и быстрым моральным устареванием (Варшавский, 2000; Жукова, 2012; Winner, 2022; Садыков, Соколов, 2023a, 2023b; Сухова, Гаффанова, 2025).

В России одновременно применяется несколько перечней технологий, которые в равной степени можно назвать высокими технологиями.

1. Перечень критических технологий, под которым понимается совокупность технологий, обладание которыми имеет стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности, суверенитета, конкурентоспособности экономики и устойчивого развития государства (Акаев и др., 2024). Их утрата, отставание

или зависимость от внешних поставщиков создают прямые риски для обороноспособности страны. Формирование перечня предусмотрено «Основами политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 30 марта 2002 года № Пр-576[1].

Все критические технологии являются высокими, но не все высокие технологии — критические. Различие лежит в плоскости стратегической важности и уязвимости. «Высокая технология» может быть коммерчески успешной и передовой, но, если страна может без существенных рисков закупать ее на глобальном рынке, она может не попасть в категорию критических. Критической же становится та технология, доступ к которой может быть ограничен, а ее отсутствие парализует ключевые отрасли (Корчак и др., 2022).

Перечень критических технологий утверждается указами Президента Российской Федерации по представлению Правительства Российской Федерации не реже одного раза в четыре года. Таким образом, перечень критических технологий является динамическим и соответствует парадигме национальной безопасности, действующей на конкретный момент времени (Мухутдинова, 2012). Так, в России перечни критических технологий обновлялись в 2002, 2006, 2011 и 2024 гг. Необходимо отметить, что перечень критических технологий от 2011 г. является действующим (не отменен)[2], несмотря на то, что с 2024 г. перечень критических технологий включен в качестве отдельного раздела в состав перечня наукоемких технологий[3].

2. Перечень важнейших наукоемких технологий, под которым понимается совокупность конкретных технологических направлений, обладающих высоким потенциалом для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, повышения конкурентоспособности национальной экономики и создания новых высокотехнологичных рынков. Актуальная версия перечня от 2024 г. содержит 28 групп наукоемких технологий, которые объединены в две группы — критические технологии и сквозные технологии[4].

В отличие от критических технологий, которые ориентированы в первую очередь на минимизацию стратегических рисков и обеспечение национальной безопасности, важнейшие наукоемкие технологии фокусируются на задачах технологического прорыва и экономического роста. Их основная цель — концентрация ресурсов на тех направлениях, где научные знания и исследования могут быть трансформированы в инновационные продукты, услуги и процессы, способные занять значимую долю на внутреннем и глобальном рынках. Зачастую эти два перечня пересекаются, но их цели и идеология различны. При этом перечень высо-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2002 года № Пр-576 «Об основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу». [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/12127915/ (дата обращения: 11.11.2025).

[2] Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/55171684/ (дата обращения: 11.11.2025).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий». [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409113212/ (дата обращения: 11.11.2025).

[4] Там же.

ких технологий в данном случае выступает как общий «зонтичный» термин, охватывающий оба эти специфических перечня.

3. Перечень современных технологий, под которым понимается совокупность технологий, используемых при реализации инвестиционных проектов, претендующих на получение мер государственной поддержки в рамках механизма специального инвестиционного контракта[1]. Данный перечень включает 630 различных технологий, но не имеет сводного классификатора. Перечень составлен как единый алфавитный список технологических операций, процессов, методов и видов продукции. Позиции варьируются от высоко абстрактных (например, «технологии искусственного интеллекта») до предельно конкретных (например, «технология изготовления фланцев»). Такой подход позволяет охватить как прорывные направления, так и критически важные для обновления базовых отраслей промышленные технологии.

В отличие от перечня критических технологий, перечень СПИК шире и менее стратегический. Он включает многие технологии, не являющиеся критическими для безопасности, но важные для обновления производственного аппарата страны (например, технологии лакокрасочных покрытий, обработки древесины). Его фокус — инвестиционная привлекательность и модернизация, а не снижение уязвимостей.

4. Перечень передовых производственных технологий, под которым понимается совокупность «технологий и технологических процессов (включая необходимое для их реализации оборудование и программное обеспечение), управляемых с помощью компьютера, основанных на микроэлектронике и (или) использовании цифровых технологий, и используемых при проектировании, производстве или обработке продукции (товаров и услуг), включая организацию соответствующих процессов»[2]. Понятие передовой производственной технологии подразумевает использование специализированного оборудования, непосредственно задействованного в ее реализации. Таким образом, в расчет принимается не весь машинно-технический парк предприятия, а исключительно те виды машин, агрегатов и устройств, которые применяются в рамках конкретного технологического процесса, обеспечивающего воплощение данной технологии.

2.2. Высокотехнологичное производство и высокотехнологичная продукция

Высокотехнологичное производство — это система организации производственных процессов, интегрированная в единый комплекс с научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельностью, управляемая с помощью цифровых моделей и реализуемая на оборудовании, функционирующем на основе передовых физических принципов и алгоритмов (Бабкин и др., 2021; Glukhov et al., 2025). Его сущность заключается не в простой автоматизации, а в создании киберфизической

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2020 г. № 3143-р «Об утверждении перечня видов технологий, признаваемых современными технологиями в целях заключения специальных инвестиционных контрактов». [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74904785/ (дата обращения: 14.11.2025).

[2] Приказ Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации от 21 октября 2024 г. № 483 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за разработкой и (или) использованием передовых производственных технологий». [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/410584738/ (дата обращения: 14.11.2025).

среды, где материальные потоки и физические операции неразрывно связаны с потоками данных и виртуальными моделями.

Высокотехнологичное производство на уровне предприятия является практическим воплощением парадигмы Индустрии 4.0 (Trento et al., 2018; Акбердина, Пьянкова, 2021). Поэтому можно с уверенностью говорить, что цифровизация выступает основным драйвером трансформации высокотехнологичного производства в направлении концепции «умного производства» (Грязнов, 2021).

Исследуя понятие «высокотехнологичное производство», необходимо упомянуть также экологический и ресурсный аспекты, которые реализуются через принципы циркулярной экономики, где проектирование процессов изначально ориентировано на минимизацию отходов за счет их рециклинга в рамках замкнутых циклов и интеграции интеллектуальных систем энергоменеджмента (Batkovskiy et al., 2019). С этих позиций высокотехнологичное производство эволюционирует в направлении «умного» и одновременно «зеленого» производства, где киберфизические системы и искусственный интеллект используются не только для максимизации инноваций и производительности, но и для минимизации экологического следа на всех этапах жизненного цикла (Li et al., 2021; Wen et al., 2023).

Концептуальная триада «высокие технологии — высокотехнологичное умное производство — высокотехнологичная продукция» образует замкнутый цикл инновационного развития, в котором каждый элемент является одновременно причиной и следствием, драйвером и результатом (Русакова и др., 2021). В рамках данной системы высокотехнологичная продукция выступает не конечным результатом, а ключевым узлом в петле обратной связи, определяющей траекторию эволюции как самих технологий, так и производственных практик.

Высокотехнологичная продукция — это категория изделий (товаров, благ), обладающих качественным превосходством потребительских или функциональных характеристик, достигнутым за счет интеграции новейших научно-технических разработок и прорывных технологий, и произведенных в условиях умного производства, основанного на цифровых технологиях и интеллектуальном управлении процессами (Леонов и др., 2019; Шурев, 2024).

Ключевым системообразующим признаком высокотехнологичной продукции выступает ее исключительная наукоёмкость, выражающаяся в высокой доле затрат на исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в ее полной стоимости, что отражает глубину и интенсивность используемых при ее создании интеллектуальных ресурсов. Данная продукция зачастую воплощает радикальные технологические инновации, обеспечивающие рыночное лидерство и формирующие новые потребительские стандарты (Ruidas et al., 2023). Ее производство отличается значительной сложностью и опирается на глубокую межотраслевую кооперацию, требуя доступа к уникальным материалам, прецизионным компонентам и специализированному технологическому оборудованию, что создает высокие барьеры входа на рынок (Леонов, Пронин, 2019).

Высокотехнологичная продукция в ее классическом статистическом понимании формируется как категория преимущественно отраслевой принадлежности, нормативное содержание которой задается классификаторами видов экономической деятельности, где пороговым значением выступает интенсивность затрат на исследования и разработки, устойчиво превышающая среднепромышленный уровень, как это установлено, например, в методологии организации экономиче-

ского сотрудничества и развития. В данной логике атрибут «высокотехнологичности» присваивается продукту экстернально, в силу его происхождения из сектора, который в целом характеризуется использованием высоких технологий и сложностью производственных процессов, таких как, например, аэрокосмическое или фармацевтическое производство. При этом конкретный экземпляр продукции может и не нести в себе радикальной новизны, оставаясь серийным изделием в рамках освоенной технологической платформы (Fontana & Nesta, 2009).

Несмотря на сложность академической трактовки понятия «высокотехнологичная продукция», в нормативном поле данная категория определена достаточно четко. Так, с 2020 г. в России принят «Перечень высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики»[1]. В данном документе не дается теоретического или экономического определения высокотехнологичной продукции. Вместо этого предоставляется нормативно закрепленный список конкретных видов деятельности и товаров, которые государство на данном этапе относит к высокотехнологичным для применения мер регулирования и поддержки. Фактическое определение раскрывается через критерии отбора в этот перечень, главным из которых является соответствие приоритетам модернизации экономики.

2.3. Высокотехнологичное предприятие

Высокотехнологичное предприятие в широком смысле представляет собой хозяйствующий субъект, чьи производственная, научная и коммерческая деятельности детерминированы систематическим и интенсивным применением новейших достижений фундаментальной и прикладной науки, а также передовых технологических решений, относящихся к классу высоких технологий (Мисюра, 2019; Чжан, Максимова, 2023; Гарина, Лапаев, 2025). Его ключевой отличительной характеристикой является наукоёмкость конечной продукции, процессов ее создания или оказываемых услуг, что выражается в высокой доле интеллектуальной компоненты в их стоимости (Васина, 2019).

К базовым признакам такого предприятия относятся, во-первых, существенные и устойчивые финансовые инвестиции в сферу научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), величина которых значительно превышает среднеотраслевые показатели и является критическим фактором конкурентоспособности (Кохно, Кохно, 2023). Во-вторых, структура персонала характеризуется преобладанием высококвалифицированных специалистов когнитивного труда — исследователей, инженеров, разработчиков, технологов, что формирует особую инновационную культуру организации (Пуляева, 2021).

В-третьих, результатом деятельности является выпуск принципиально новой или существенно усовершенствованной инновационной продукции с коротким жизненным циклом, на основе собственных патентов, ноу-хау и уникальных технических решений (Ромашов, Баранов, 2009). В-четвертых, технологическая инфраструктура предприятия интегрирует наиболее прогрессивные достижения,

[1] Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 16 сентября 2020 г. № 3092 «Об утверждении перечня высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики» (в ред. Приказов Минпромторга РФ от 03.11.2021 № 4389, …, от 29.11.2022 № 4955, от 13.07.2023 № 2578). [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/74783772/ (дата обращения: 18.11.2025).

такие как робототехника, аддитивные технологии, искусственный интеллект, биотехнологические методы, наноматериалы и передовые средства цифровизации (Жердев, 2017).

Совместный анализ категорий «высокотехнологичное предприятие», «высокотехнологичное производство» и «высокотехнологичная продукция» раскрывает их иерархическую взаимосвязь.

Высокотехнологичное производство в данном контексте не сводится лишь к физическому преобразованию материалов; это комплексный процесс, включающий этапы опытно-конструкторских работ, виртуального моделирования, быстрого прототипирования, испытаний и последующего масштабирования. Высокотехнологичная продукция в свою очередь выступает не только как товар, но и как доказательство эффективности всей предшествующей цепочки: от адекватности управленческих решений на уровне предприятия до совершенства применяемых технологических процессов на уровне производства.

Высокотехнологичное предприятие служит системообразующим субъектом («институциональной оболочки»), в рамках которого концентрируются материальные, финансовые и, что наиболее важно, интеллектуальные и кадровые ресурсы, необходимые для генерации инноваций (Абушова и др., 2021). Именно на уровне предприятия формируется стратегия, принимаются решения об объемах инвестиций в исследования и разработки, создается корпоративная культура, ориентированная на непрерывное совершенствование, и осуществляется управление полным жизненным циклом создания ценности (Кохно, Кохно, 2022).

Соответственно, без высокотехнологичного предприятия, организованного как целостная хозяйственная единица, обладающая юридической и экономической самостоятельностью, существование устойчивого процесса создания передовых товаров и услуг представляется невозможным, т. к. оно обеспечивает необходимую координацию, несет риски и получает прибыль от коммерциализации новшеств.

2.4. Высокотехнологичная отрасль (комплекс, сектор)

В современной практике государственного управления дифференциация объектов промышленной политики осуществляется по критериям технологической сложности, глубины производственно-кооперационных связей и макроэкономической функции (Киреев, Малыхина, 2024). В этом контексте ключевыми структурными единицами анализа являются высокотехнологичная отрасль, комплекс и сектор, каждый из которых занимает определенное место в системе общественного воспроизводства.

Агрегация высокотехнологичных предприятий, связанных единством выполняемых функций (производство, услуги) и общностью применяемых технологических базисов, образует высокотехнологичную отрасль. Отрасль представляет собой мезоуровень предметного поля, где развитие детерминировано не только действиями отдельных предприятий, но и отраслевыми закономерностями, стандартами, цепочками создания стоимости и институциональной средой (Карлик, Уманский, 2020).

Высокотехнологичная отрасль представляет собой институционально обособленную совокупность предприятий и организаций, характеризующуюся гомогенностью выпуска (единством производимого продукта или услуги) и высокой наукоёмкостью процессов. Ее сущностным ядром выступает инновационный цикл, в котором доля затрат на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в объеме продаж или добавленной стоимости является системо-

образующим и доминирующим параметром, существенно превышающим среднеотраслевые показатели.

Данная характеристика предопределяет другие качественные атрибуты отрасли: сверхвысокую скорость морального устаревания продукции, капитало- и интеллектуалоёмкость, наличие тесной синергии с фундаментальной и прикладной науками, а также зависимость от концентрации высококвалифицированных человеческих ресурсов.

Более сложные, интегрированные формы кооперации нескольких взаимосвязанных высокотехнологичных отраслей формируют высокотехнологичный комплекс (например, авиастроительный или ядерно-энергетический) (Долонин, 2019; Садыков, Соколов, 2023). Комплекс предполагает глубокую технологическую и кооперационную взаимозависимость, наличие общей инфраструктуры и скоординированную промышленную политику. Это уровень, где проявляются системные эффекты и мультипликативное воздействие на смежные сектора экономики (Толкачев и др., 2021; Магомедова, 2025).

Поскольку комплекс является более высокой степенью экономической интеграции, то его сущность заключается в формировании устойчивой межотраслевой технологической и кооперационной целостности, направленной на достижение общей конечной народнохозяйственной цели. В отличие от отрасли, комплекс гетерогенен по своему составу и формируется на основе вертикальных, горизонтальных и диагональных связей между предприятиями, относящимися к разным, но технологически сопряженным отраслям (Акбердина, Смирнова, 2017).

Функциональное единство высокотехнологического комплекса обеспечивается сквозной цепочкой создания стоимости (Ершова и др., 2021). Например, аэрокосмический комплекс интегрирует в себе не только конечное сборочное производство летательных аппаратов (высокотехнологичная отрасль), но и предприятия металлургии специальных сплавов, приборостроения, двигателестроения, производства композиционных материалов, а также научно-исследовательские, проектные и испытательные организации. Комплекс, следовательно, представляет собой мезоуровневую полиотраслевую систему, обеспечивающую синергетический эффект за счет внутренней кооперации и снижения трансакционных издержек (Сливицкий, 2022).

Совокупность всех высокотехнологичных отраслей, комплексов и видов деятельности в национальном или глобальном масштабе составляет высокотехнологичный сектор экономики. Это понятие макроуровня, служащее для оценки технологического потенциала и конкурентоспособности страны, анализа структурных сдвигов и формирования стратегий технологического развития (Сергеева, 2023; Родин, 2025). Сектор является конечным, наиболее агрегированным компонентом предметного поля, отражающим место высоких технологий в экономике в целом.

Сектор в макроэкономическом измерении предстает как наиболее крупная агрегированная структурная единица национальной экономики, как правило, выделяемая на основе общности выполняемых социально-экономических функций, типов регулятивных принципов (рыночные / нерыночные) и характера создаваемого продукта (материальный / нематериальный).

В контексте технологического развития понятие «высокотехнологичный сектор» включает в себя совокупность всех предприятий, организаций и видов экономической деятельности, чей продуктовый выпуск и операционные процессы

базируются на интенсивном использовании передовых технологий и результатов НИОКР, независимо от их формальной принадлежности к промышленности или сфере услуг (Курина, 2024; Васильев, 2024). Данный сектор носит сквозной характер, пронизывая традиционные секторальные границы: он включает в себя как высокотехнологичные обрабатывающие производства (вторичный сектор), так и наукоемкие услуги, например, в области разработки программного обеспечения, телекоммуникаций или инжиниринга (третичный и четвертичный сектора). Секторальный анализ позволяет оценивать вклад знаний и технологий в валовой внутренний продукт и структуру занятости.

В развитых экономиках, таких как США, Германия, Япония или Южная Корея, наблюдается стабильно высокая доля высокотехнологичных и наукоемких производств (часто в диапазоне 25–35 % ВВП), что является результатом длительной эволюции зрелых инновационных систем. Эти системы характеризуются глубокой интеграцией фундаментальной науки, прикладных исследований и промышленности, высокой интенсивностью расходов на НИОКР (превышающих 2,5 % ВВП), а также доминирующим положением национальных компаний в глобальных цепочках создания стоимости (Sojoodi & Baghbanpour, 2024).

Анализ высокотехнологичного сектора России показывает, что общая траектория его динамики характеризуется выраженным ростом его доли с 19,6 % до 23,3 % за период 2011–2024 гг. (рис. 2).

В 2020 г. отмечался резкий скачок показателя доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП до 25 %, что приблизило его значение к средним значениям по ряду развитых стран (например, Германия), однако по своей природе

Рис. 2. *Характеристика динамики высокотехнологичного сектора (высокотехнологичные и наукоемкие отрасли) РФ за период 2011–2024 гг. (источник: сост. авторами по данным Росстата)*
Fig. 2. *Dynamics of the High-Tech Sector (High-Tech and Knowledge-Intensive Industries) in Russia, 2011–2024*

этот скачок носил преимущественно конъюнктурный характер. Он был обусловлен экстремальными условиями пандемийного кризиса. Последующая коррекция и стабилизация на уровне около 23 % подтверждают, что данный всплеск не привел к одномоментному структурному преобразованию экономики.

Текущее значение, оставаясь существенно ниже уровня абсолютных лидеров (например, Южной Кореи, где доля превышает 35 %), отражает иной этап технологического развития. Значительная часть прироста обеспечивается не за счет генерации прорывных технологий мирового уровня, а за счет процессов импортозамещения, локализации сборочных производств, развития ИТ-аутсорсинга и адаптации существующих глобальных технологических платформ под внутренний рынок. Такая модель, безусловно, способствует модернизации и повышению устойчивости экономики, однако она на данный момент времени отличается от модели технологического лидерства, основанной на создании радикально новых рынков и стандартов (Быстров и др., 2025).

3. Заключение

Проведенный анализ основных компонентов предметного поля исследования — высоких технологий, высокотехнологичного производства, высокотехнологичной продукции, высокотехнологичного предприятия и высокотехнологичного сектора — позволил выявить их сложную, иерархическую взаимосвязь и системный характер. Установлено, что «высокие технологии» являются фундаментальным абстрактным понятием, которое материализуется через нормативные перечни (критические, наукоемкие, производственные), каждый из которых выполняет собственную функцию в системе государственного управления.

Исследование подтвердило качественную эволюцию от «высокотехнологичного производства» к «умному производству», где ключевым дифференцирующим признаком становится не сложность продукта, а системная цифровая интеграция и интеллектуализация управления.

Высокотехнологичное предприятие определено как ключевой субъект-интегратор, синергетически объединяющий четыре компонента: целевую продукцию, технологическое производство, адаптивную организационную структуру и уникальный человеческий капитал.

Агрегация таких предприятий формирует высокотехнологичную отрасль, кооперация отраслей — высокотехнологичный комплекс, а их совокупность в масштабе экономики — высокотехнологичный сектор, динамика которого в России показывает устойчивый рост, хотя его структура всё еще в значительной степени определяется процессами импортозамещения и адаптации, а не генерацией радикальных прорывов мирового уровня. Таким образом, систематизация компонентов предметного поля создает необходимый концептуальный базис для разработки более точных диагностических и управленческих инструментов, направленных на переход от экстенсивной технологической модернизации к модели устойчивого инновационного лидерства.

Проведенное теоретическое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что системное упорядочение понятийного аппарата высокотехнологичной сферы создает действенный инструмент диагностики реального состояния промышленности. Выявленная иерархическая структура предметного поля дает возможность увидеть множественность вариантов управленческой логики в государ-

ственной промышленной политике и оценить их адекватность различным типам вызовов, начиная от обеспечения безопасности и заканчивая стимулированием инвестиционной активности.

Список источников

Абушова, Е. Е., Бурова, Е. В., Иванова-Душева, Г. (2021). Разработка референтной модели высокотехнологичного промышленного предприятия. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки, 14* (1), 97–108. https://doi.org/10.18721/JE.14108

Акаев, А. А., Девезас, Т. К., Кораблёв, В. В., Сарыгулов, А. И. (2024). Критические технологии и перспективы развития России в условиях экономических и технологических ограничений. *Terra Economicus, 22* (2), 6–21. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-2-6-21

Акбердина, В. В., Пьянкова, С. Г. (2021). Методологические аспекты цифровой трансформации промышленности. *Научные труды Вольного экономического общества России, 227* (1), 292–313. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313

Акбердина, В. В., Смирнова, О. П. (2017). Сетевые сопряженные производства в контексте четвертой промышленной революции. *Журнал экономической теории,* (4), 116–125.

Бабкин, А. В., Шкарупета, Е. В., Плотников, В. А. (2021). Интеллектуальная киберсоциальная экосистема Индустрии 5.0: понятие, сущность, модель. *Экономическое возрождение России,* (4(70)), 39–62. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-4-70-39-62

Быстров, А. В., Васильев, С. В., Радайкин, А. Г. (2025). Современные тренды развития высокотехнологичных предприятий в условиях суверенизации промышленности. *Вестник Академии знаний,* (2(67)), 161–165.

Варшавский, А. Е. (2000). Наукоемкие отрасли и высокие технологии: определение, показатели, техническая политика, удельный вес в структуре экономики России. *Экономическая наука современной России,* (2), 61–83.

Васильев, И. А. (2024). Современное состояние и проблемы регулирования высокотехнологичного сектора экономики. *Финансовая экономика,* (12), 293–296.

Васина, Е. И. (2019). Особенности функционирования высокотехнологичных предприятий в современной экономике. *Научный альманах,* (12-1(62)), 33–39.

Гарина, Е. П., Лапаев, Д. Н. (2025). Понятие и характеристика высокотехнологичного предприятия. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление, 16* (1), 18–33. https://doi.org/10.18287/2542-0461-2025-16-1-18-33

Грязнов, С. А. (2021). Умная промышленность и умное производство. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук,* (4-2(55)), 199–201. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-2-199-201

Долонин, К. А. (2019). Анализ инновационной деятельности высокотехнологичных промышленных комплексов. *Экономика: вчера, сегодня, завтра, 9* (5–1), 483–491.

Ершова, И. В., Прилуцкая, М. А., Мурукина, А. Д. (2021). Модернизация метода функционально-стоимостного анализа в условиях цифровой трансформации промышленности. *Организатор производства, 29* (4), 35–47. https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.15.23.004

Жердев, С. С. (2017). Универсальная оценка уровня технологичности предприятий. *Фундаментальные исследования,* (10–2), 344–350.

Жукова, Е. А. (2012). Высокие технологии: между наукой и чудом. *Вестник Томского государственного педагогического университета,* (5(120)), 221–228.

Карлик, А. Е., Уманский, А. М. (2020). Детерминирование институциональной структуры высокотехнологичных отраслей промышленности. *Экономические науки,* (4(185)), 126–131. https://doi.org/10.14451/1.185.126

Киреев, П. П., Малыхина, И. О. (2024). Сущность и классификация высокотехнологичных промышленных систем в современных условиях. *Journal of Monetary Economics and Management,* (4), 248–255. https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.17.98.035

Корчак, В. Ю., Реулов, Р. В., Стукалин, С. В., Пронин, А. Ю. (2022). Базовые и критические технологии — приоритет научно-технической политики государства. *Компетентность,* (3), 20–29. https://doi.org/10.24412/1993-8780-2022-3-20-29

Кохно, П. А., Кохно, А. П. (2022). Методы разработки инновационной стратегии высокотехнологичных промышленных предприятий. *Экономика высокотехнологичных производств, 3*(3), 161–176. https://doi.org/10.18334/evp.3.3.116955

Кохно, П. А., Кохно, А. П. (2023). Высокотехнологичное промышленное производство в конкурентной среде. *Общество и экономика,* (2), 5–25. https://doi.org/10.31857/S020736760024278-4

Курина, Т. Н. (2024). Инновационное развитие экономики на основе трансформации высокотехнологичного сектора. *Креативная экономика, 18*(5), 1109–1130. https://doi.org/10.18334/ce.18.5.120801

Леонов, А. В., Пронин, А. Ю., Батьковский, А. М. (2019). Развитие инструментария управления созданием высокотехнологичной продукции. *Тренды и управление,* (2), 45–60. https://doi.org/10.7256/2454-0730.2019.2.23088

Леонов, А. В., Пронин, А. Ю. (2019). Динамическая модель управления созданием высокотехнологичной продукции. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность,* (5(374)), 798–816. https://doi.org/10.24891/ni.15.5.798

Магомедова, Н. А. (2025). Мультипликативные эффекты от развития традиционных высокотехнологичных и цифровых индустрий. *Лидерство и менеджмент, 12*(4), 915–934. https://doi.org/10.18334/lim.12.4.123100

Чжан, М., Максимова, Т. Г. (2023). Референтная модель определения высокотехнологичных предприятий в контексте Индустрии 4.0. *Инновации и инвестиции,* (2), 210–215.

Мисюра, А. В. (2019). Высокотехнологичное промышленное предприятие: нормативный и позитивный подходы к определению. *Journal of New Economy, 20*(4), 88–107. https://doi.org/10.29141/2073-1019-2019-20-4-5

Мухутдинова, Т. З. (2012). Приоритетные направления развития науки, технологий и техники Российской Федерации и критические технологии федерального уровня: история разработки и динамика развития. *Вестник Казанского технологического университета, 15*(14), 247–254.

Пуляева, В. Н. (2021). Алгоритм организации многолинейного процесса развития человеческого капитала высокотехнологичных и наукоемких отраслей. *Креативная экономика, 15*(10), 3693–3710. https://doi.org/10.18334/ce.15.10.113631

Родин, О. А. (2025). Анализ инновационного развития высокотехнологичного сектора в РФ. *Экономика и бизнес: теория и практика, 4*(122), 294–298. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-4-294-298

Ромашов, А. В., Баранов, В. В. (2009). Особенности управления инновационной деятельностью высокотехнологичного предприятия. *Креативная экономика, 3*(1), 17–21.

Русакова, А. С., Старожук, Е. А., Красникова, А. С. (2021). Анализ систем управления полным жизненным циклом высокотехнологичной продукции в России и зарубежных странах. *Вопросы инновационной экономики, 11*(2), 767–784. https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112261

Садыков, С. Ф., Соколов, А. П. (2023a). Эволюция высоких технологии: всесторонний анализ определения, содержания и роли в современном обществе. *Региональная и отраслевая экономика,* (2), 105–111. https://doi.org/10.47576/2949-1916_2023_2_105

Садыков, С. Ф., Соколов, А. П. (2023b). Роль коммерциализации высоких технологий в научно-производственной кооперации. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы,* (4), 93–102. https://doi.org/10.47576/2411-9520_2023_4_93

Сергеева, К. Н. (2023). Проблемы развития высокотехнологичного сектора в современных условиях и пути их решения. *Вестник евразийской науки, 15*(2), 70.

Сливицкий, А. Б. (2022). Системные основы повышения конкурентоспособности в высокотехнологическом комплексе. *Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 16–17 декабря 2021 года,* (17–1) (с. 725–730). Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Сухова, Н. А., Гаффанова, А. С. (2025). Использование SWOT-анализа для оценки потенциала высоких технологий. *Экономика и управление: научно-практический журнал,* (1(181)), 85–89. https://doi.org/10.34773/EU.2025.1.15

Толкачев, С. А., Тепляков, А. Ю., Арефьев, П. В. (2021). Макроэкономическая эффективность интеграции высокотехнологичных отраслей в глобальные цепочки стоимости. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* (6), 93–119. https://doi.org/10.38050/0130010520216.5

Шурев, В. Д. (2024). Теоретические подходы к определению понятия «высокотехнологичная продукция». *Вестник науки, 3* (5(74)), 585–591.

Batkovskiy, A. M., Leonov, A. V., Pronin, A. Y., Semenova, E. G., Fomina, A. V., & Balashov, V. M. (2019). Sustainable development of Industry 4.0: the case of high-tech products system design. *Entrepreneurship and Sustainability Issues, 6* (4), 1823–1838. https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4(20)

Fontana, R., & Nesta, L. (2009). Product innovation and survival in a high-tech industry. *Review of Industrial Organization, 34* (4), 287–306. https://doi.org/10.1007/s11151-009-9210-7

Glukhov, V. V., Babkin, A. V., & Shkarupeta, E. V. (2025). A conceptual framework for assessing and managing the intelligence maturity of industrial ecosystems. *Journal of New Economy, 26* (3), 105–123. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2025-26-3-6

Li, X., Wang, B., Peng, T., & Xu, X. (2021). Greentelligence: Smart manufacturing for a greener future. *Chinese Journal of Mechanical Engineering, 34* (1), 116. https://doi.org/10.1186/s10033-021-00656-2

Ruidas, S., Seikh, M. R., & Nayak, P. K. (2023). A production inventory model for high-tech products involving two production runs and a product variation. *Journal of Industrial & Management Optimization, 19* (3), 2178–2205. https://doi.org/10.3934/jimo.2022038

Sojoodi, S., & Baghbanpour, J. (2024). The relationship between high-tech industries exports and GDP growth in the selected developing and developed countries. *Journal of the Knowledge Economy, 15* (1), 2073–2095. https://doi.org/10.1007/s13132-023-01174-3

Trento, S., Bannò, M., & D'Allura, G. M. (2018). The impact of the 4th industrial revolution on the high-tech industry. *Symphonya. Emerging Issues in Management,* (2), 145–157. https://doi.org/10.4468/2018.2.11trento.banno.dallura

Wen, X., Sun, Y., Ma, H.-L., & Chung, S.-H. (2023). Green smart manufacturing: energy-efficient robotic job shop scheduling models. *International Journal of Production Research, 61* (17), 5791–5805. https://doi.org/10.1080/00207543.2022.2112989

Winner, L. (2022). *The whale and the reactor: A search for limits in an age of high technology* (2nd ed.). University of Chicago Press.

References

Abushova, E. E., Burova, E. V., & Ivanova-Dusheva, G. (2021). Development of reference model of a high-tech industrial enterprise. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskiye nauki [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics], 14* (1), 97–108. https://doi.org/10.18721/JE.14108 (In Russ.)

Akaev, A. A., Devezas, T. C., Korablev, V. V., & Sarygulov, A. I. (2024). Critical technologies and prospects for Russia's development under economic and technological restrictions. *Terra Economicus, 22* (2), 6–21. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-2-6-21 (In Russ.)

Akberdina, V. V., & Pyankova, S. G. (2021). Digital transformation of industry: methodological aspects. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 227* (1), 292–313. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313 (In Russ.)

Akberdina, V. V., & Smirnova, O. P. (2017). The Network Complimentary Productions in the Context of the Fourth Industrial Revolution. *Zhurnal ekonomicheskoj teorii [Russian Journal of Economic Theory],* (4), 116–125. (In Russ.)

Babkin, A. V., Shkarupeta, E. V., & Plotnikov, V. A. (2021). Intelligent cyber-social ecosystem of Industry 5.0: definition, essence, model. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii [Economic Revival of Russia],* (4(70)), 39–62. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-4-70-39-62 (In Russ.)

Batkovskiy, A. M., Leonov, A. V., Pronin, A. Y., Semenova, E. G., Fomina, A. V., & Balashov, V. M. (2019). Sustainable development of Industry 4.0: The case of high-tech products system design. *Entrepreneurship and Sustainability Issues, 6* (4), 1823–1838. https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4(20)

Bystrov, A. V., Vasiliev, S. V., & Radaykin, A. G. (2025). Modern Trends in the Development of High-Tech Enterprises in the Context of Industrial Sovereignty. *Vestnik Akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge],* (2(67)), 161–165. (In Russ.)

Dolonin, K. A. (2019). Analysis of innovative activities of high-tech industrial complexes. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 9* (5–1), 483–491. (In Russ.)

Ershova, I. V., Prilutskaya, M. A., & Murukina, A. D. (2021). Value analysis method modernization in the context of industry digital transformation. *Organizator proizvodstva [Organizer of production], 29* (4), 35–47. https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.15.23.004 (In Russ.)

Fontana, R., & Nesta, L. (2009). Product innovation and survival in a high-tech industry. *Review of Industrial Organization, 34* (4), 287–306. https://doi.org/10.1007/s11151-009-9210-7

Garina, E. P., & Lapaev, D. N. (2025). Concept and characteristics of a high-tech enterprise. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravleniye [Vestnik of Samara University. Economics and Management], 16* (1), 18–33. https://doi.org/10.18287/2542-0461-2025-16-1-18-33 (In Russ.)

Glukhov, V. V., Babkin, A. V., & Shkarupeta, E. V. (2025). A conceptual framework for assessing and managing the intelligence maturity of industrial ecosystems. *Journal of New Economy, 26* (3), 105–123. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2025-26-3-6

Gryaznov, S. A. (2021). Smart industry and smart manufacturing. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences],* (4–2(55)), 199–201. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-2-199-201 (In Russ.)

Karlik, A. E., & Umanskiy, A. M. (2020). Determination of the institutional structure of high-tech industries. *Ekonomicheskiye nauki [Economic Sciences],* (4(185)), 126–131. https://doi.org/10.14451/1.185.126 (In Russ.)

Kireev, P. P., & Malykhina, I. O. (2024). Analysis of classification features of high-tech industrial systems in modern conditions. *Journal of Monetary Economics and Management,* (4), 248–255. https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.17.98.035 (In Russ.)

Kokhno, P. A., & Kokhno, A. P. (2022). Methods of developing an innovative strategy of high-tech industrial enterprises. *Ekonomika vysokotekhnologichnykh proizvodstv [High-tech Enterprises Economy], 3* (3), 161–176. https://doi.org/10.18334/evp.3.3.116955 (In Russ.)

Kokhno, P. A., & Kokhno, A. P. (2023). High-tech industrial production in a competitive environment. *Obshchestvo i ekonomika [Society and economy],* (2), 5–25. https://doi.org/10.31857/S020736760024278-4 (In Russ.)

Korchak, V. Yu., Reulov, R. V., Stukalin, S. V., & Pronin, A. Yu. (2022). Basic and Critical Technologies are a Priority of the State Scientific and Technical Policy. *Kompetentnost' [Competency],* (3), 20–29. https://doi.org/10.24412/1993-8780-2022-3-20-29 (In Russ.)

Kurina, T. N. (2024). Innovative economic development on the basis of the transformation of the high-tech sector. *Kreativnaya ekonomika [Creative Economy], 18* (5), 1109–1130. https://doi.org/10.18334/ce.18.5.120801 (In Russ.)

Leonov, A. V., & Pronin, A. Yu. (2019). The dynamic model for high-tech production management. *Natsional'nyye interesy: prioritety i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security],* (5(374)), 798–816. https://doi.org/10.24891/ni.15.5.798 (In Russ.)

Leonov, A. V., Pronin, A. Yu., & Batkovskiy, A. M. (2019). Development of management tools for creating high-technology products. *Trendy i upravleniye [Trends and Management],* (2), 45–60. https://doi.org/10.7256/2454-0730.2019.2.23088 (In Russ.)

Li, X., Wang, B., Peng, T., & Xu, X. (2021). Greentelligence: Smart manufacturing for a greener future. *Chinese Journal of Mechanical Engineering, 34* (1), 116. https://doi.org/10.1186/s10033-021-00656-2

Magomedova, N. A. (2025). Multiplier effects of traditional high-tech and digital industry development. *Liderstvo i menedzhment [Leadership and Management], 12* (4), 915–934. https://doi.org/10.18334/lim.12.4.123100 (In Russ.)

Misyura, A. V. (2019). High-tech industrial company: A normative and a positive approach to the definition. *Journal of New Economy, 20*(4), 88–107. https://doi.org/10.29141/2073-1019-2019-20-4-5 (In Russ.)

Mukhutdinova, T. Z. (2012). Priority areas of development of science, technology and engineering of the Russian Federation and critical technologies of the federal level: History of development and dynamics of development. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta [Bulletin of Kazan Technological University], 15*(14), 247–254. (In Russ.)

Pulyaeva, V. N. (2021). Algorithm for organizing the multilinear process of human capital development in high-tech and knowledge-intensive industries. *Kreativnaya ekonomika [Creative Economy], 15*(10), 3693–3710. https://doi.org/10.18334/ce.15.10.113631 (In Russ.)

Rodin, O. A. (2025). Analysis of the innovative development of the high-tech sector in the Russian Federation. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economy and Business: Theory and Practice], 4*(122), 294–298. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-4-294-298 (In Russ.)

Romashov, A. V., & Baranov, V. V. (2009). Potential wealth. Features of managing innovation activities in a high-tech enterprise. *Kreativnaya ekonomika [Creative Economy], 3*(1), 17–21. (In Russ.)

Ruidas, S., Seikh, M. R., & Nayak, P. K. (2023). A production inventory model for high-tech products involving two production runs and a product variation. *Journal of Industrial & Management Optimization, 19*(3), 2178–2205. https://doi.org/10.3934/jimo.2022038

Rusakova, A. S., Starozhuk, E. A., & Krasnikova, A. S. (2021). Analysis of the full life cycle management systems for high-tech products in Russia and abroad. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics], 11*(2), 767–784. https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112261 (In Russ.)

Sadykov, S. F., & Sokolov, A. P. (2023a). The evolution of high technologies: A comprehensive analysis of the definition, content and role in modern society. *Regional'naya i otraslevaya ekonomika [Regional and branch economy],* (2), 105–111. https://doi.org/10.47576/2949-1916_2023_2_105 (In Russ.)

Sadykov, S. F., & Sokolov, A. P. (2023b). The role of commercialization of high technologies in scientific and industrial cooperation. *Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy [Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts],* (4), 93–102. https://doi.org/10.47576/2411-9520_2023_4_93 (In Russ.)

Sergeeva, K. N. (2023). Actual problems of development of the high-tech sector. *Vestnik yevraziyskoy nauki [The Eurasian Scientific Journal], 15*(2), 70. (In Russ.)

Shurev, V. D. (2024). Theoretical approaches to definition of concept of "high-tech products". *Vestnik nauki [Science Bulletin], 3*(5(74)), 585–591. (In Russ.)

Slivitsky, A. B. (2022). Systemic Foundations for Improving Competitiveness in the High-Tech Complex. Russia: Development Trends and Prospects: Yearbook. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: Yezhegodnik. Materialy XXI Natsional'noy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Moskva, 16–17 dekabrya 2021 goda [Russia: Development Trends and Prospects. Yearbook. Proceedings of the XXI National Scientific Conference with International Participation, Moscow, December 16–17, 2021],* (17–1) (pp. 725–730). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Sojoodi, S., & Baghbanpour, J. (2024). The relationship between high-tech industries exports and GDP growth in the selected developing and developed countries. *Journal of the Knowledge Economy, 15*(1), 2073–2095. https://doi.org/10.1007/s13132-023-01174-3

Sukhova, N. A., & Gaffanova, A. S. (2025). Using SWOT Analysis to Assess the Potential of High Technologies. *Ekonomika i upravleniye: nauchno-prakticheskiy zhurnal [Economics and Management: Research and Practice Journal],* (1(181)), 85–89. https://doi.org/10.34773/EU.2025.1.15 (In Russ.)

Tolkachev, S. A., Teplyakov, A. Yu., & Aref'ev, P. V. (2021). Macroeconomic efficiency of high-tech industries integration into the global value chains. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin],* (6), 93–119. https://doi.org/10.38050/0130010520216.5 (In Russ.)

Trento, S., Bannò, M., & D'Allura, G. M. (2018). The impact of the 4th industrial revolution on the high-tech industry. *Symphonya. Emerging Issues in Management,* (2), 145–157. https://doi.org/10.4468/2018.2.11trento.banno.dallura

Varshavsky, A. E. (2000). Science-Intensive Sector and High Technologies in Russian Economy. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia],* (2), 61–83. (In Russ.)

Vasiliev, I. A. (2024). Current state and problems of regulation of the high-tech sector of the economy. *Finansovaya ekonomika [The Financial Economy],* (12), 293–296. (In Russ.)

Vasina, E. I. (2019). Features of functioning of high-tech enterprises in the modern economy. *Nauchnyy al'manakh [Science Almanac],* (12–1(62)), 33–39. (In Russ.)

Wen, X., Sun, Y., Ma, H.-L., & Chung, S.-H. (2023). Green smart manufacturing: energy-efficient robotic job shop scheduling models. *International Journal of Production Research, 61* (17), 5791–5805. https://doi.org/10.1080/00207543.2022.2112989

Winner, L. (2022). *The whale and the reactor: A search for limits in an age of high technology* (2nd ed.). University of Chicago Press.

Zhang, M., & Maximova, T. G. (2023). Reference model for defining high-tech enterprises in the context of industry 4.0. *Innovatsii i investitsii [Innovation & Investment],* (2), 210–215. (In Russ.)

Zherdev, S. S. (2017). Universal evaluation of technology level of enterprise. *Fundamental'nyye issledovaniya [Fundamental research],* (10–2), 344–350. (In Russ.)

Zhukova, E. A. (2012). High technology: Between science and miracle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin],* (5(120)), 221–228. (In Russ.)

Информация об авторах

Лаврикова Юлия Георгиевна — доктор экономических наук, директор, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-6419-2561 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lavrikova.ug@uiec.ru).

Шолох Людмила Сергеевна — младший научный сотрудник, лаборатория организационно-экономических систем, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0009-0002-8140-1633 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: sholoh.ls@uiec.ru).

About the authors

Yulia G. Lavrikova — Dr. Sci. (Econ.), Director, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-6419-2561 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: lavrikova.ug@uiec.ru).

Lyudmila S. Sholokh — Junior Research Associate, Laboratory of Organizational and Economic Systems, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0009-0002-8140-1633 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: sholoh.ls@uiec.ru).

Дата поступления рукописи: 30.12.2025.
Прошла рецензирование: 12.01.2026.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 30 Dec 2025.
Reviewed: 12 Jan 2026.
Accepted: 10 Feb 2026.

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.10
УДК 338.43
JEL Q18, O33, Q16

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Технологический суверенитет как системное свойство и условие устойчивого развития АПК[1]

Анатолий Д. ТЕН ✉
Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, г. Москва, Российская Федерация
ВИАПИ им. А.А. Никонова — филиал ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Тен, А. Д. (2026). Технологический суверенитет как системное свойство и условие устойчивого развития АПК. *AlterEconomics, 23*(1), 162–189.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.10

Аннотация. Статья посвящена концептуальному анализу феномена технологического суверенитета агропромышленного комплекса как системообразующего фактора его устойчивого развития. Актуальность исследования обусловлена превращением технологической зависимости, сформировавшейся в предшествующие десятилетия глобализации, из приемлемого экономического риска в острую системную уязвимость, угрожающую продовольственной безопасности государства. Ключевым вызовом выступает утрата контроля над критическими звеньями производственных цепочек: от генетических ресурсов до программного обеспечения. В статье показана эволюция взглядов на технологическое развитие отрасли, которая позволила выявить методологическую ограниченность политики импортозамещения. Особое внимание в работе уделяется отраслевой специфике агропромышленного комплекса, отличающей его от промышленных производств: биологическая детерминированность циклов, привязка к природно-климатическим условиям, территориальная распределенность и длительность воспроизводственных процессов. На основе выявленных системных свойств (целостность, резильентность, управляемая открытость) и критического анализа существующих дефиниций автором предложено оригинальное определение технологического суверенитета агропромышленного комплекса. Новизна подхода заключается в смещении фокуса от статичной независимости от импорта к динамической способности к генерации и адаптивной модернизации технологий, а также в обосновании принципа защищенной интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Такой подход преодолевает упрощенное противопоставление полной изоляции и неограниченной открытости, рассматривая суверенитет как инструмент выстраивания асимметричной взаимозависимости. Определено место разрабатываемой концепции в системе теорий технологического развития (технологических укладов, научно-технологического лидерства, технологического разрыва, технологий общего назначения) и отраслевых теорий АПК (продовольственной безопасности, отраслевых комплексов, индустриализации сельского хозяйства, агропродовольственных экосистем). Сформулированы требования к государственной политике, вытекающие из системной трактовки технологического суверенитета. В качестве ключевых приоритетов определены долгосрочные инвестиции в селекционно-генетические центры, преодоление технологического неравенства регионов и межотраслевая координация со смежными секторами промышленности.

Ключевые слова: технологический суверенитет, агропромышленный комплекс, импортозамещение, продовольственная безопасность, технологическая зависимость, селекция и семеноводство, критически важные технологии, государственная политика

[1] © Тен А. Д. Текст. 2026.

REVIEW ARTICLE

Technological Sovereignty as a Systemic Property and Condition for the Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex

Anatoly D. TEN
Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, Moscow, Russian Federation
VIAPI n. a. A.A. Nikonov — Branch of the FSBSI FRC AESDRA VNIIESH, Moscow, Russian Federation

For citation: Ten, A. D. (2026). Technological Sovereignty as a Systemic Property and Condition for the Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex. *AlterEconomics, 23*(1), 162–189. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.10

Abstract. This article examines the technological sovereignty of the agro-industrial complex as a systemic property that enables the sector's sustainable development amid geopolitical instability and structural changes in the global economy. It traces the evolution of conceptual approaches to technological development in the agro-industrial complex — from latent technological dependence, through import-substitution policies, to the formation of a comprehensive strategy of technological sovereignty. The study identifies the methodological limitations of import substitution, which often fails to address deeper dependencies on critical technologies, including genetic resources, scientific expertise, and key components. The study also emphasizes the sector-specific nature of technological sovereignty in the agro-industrial complex, shaped by the biological nature of production, territorial dispersion, and strong links with related industries. The article proposes a definition of technological sovereignty in the agro-industrial complex, emphasizing its dynamic and generative character — the capacity to independently develop, adapt, and modernize critical agricultural technologies while maintaining secure integration into global value chains. The concept is positioned within broader theories of technological development (technological paradigms, scientific and technological leadership, technological gaps, and general-purpose technologies) as well as sectoral theories related to the agro-industrial complex (food security, industry complexes, agricultural industrialization, and agri-food ecosystems). Finally, the study outlines the implications of this systemic understanding for public policy.

Keywords: technological sovereignty, agro-industrial complex, import substitution, food security, technological dependence, breeding and seed production, critical technologies, public policy

1. Введение

Кардинальная трансформация миропорядка, сопровождающаяся обострением геополитической конкуренции и фрагментацией глобальных рынков, выдвинула проблему обеспечения технологического суверенитета в число приоритетов национальной политики. Для агропромышленного комплекса эта проблема приобретает критическое значение, поскольку напрямую сопряжена с фундаментальной основой существования государства — продовольственной безопасностью его населения.

Актуальность данного вопроса обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в предшествующие десятилетия глобализации в российском АПК сформировалась устойчивая технологическая зависимость от импорта критически значимых компонентов: семян основных сельскохозяйственных культур, племенной продукции, средств защиты растений, сложной сельхозтехники и специализированного программного обеспечения. События последних лет перевели эту зависимость из категории приемлемого экономического риска в категорию острой системной уязвимости. Разрыв логистических цепочек и санкционные ограничения наглядно продемонстрировали, что продовольственная безопасность более не гарантируется простым наличием товаров на рынке — она требует полного цикла контроля над технологиями их производства.

Во-вторых, практика реализации политики импортозамещения, выступившей первоначальным ответом на возникшие вызовы, выявила ее методологическую ограниченность. Ориентация на прямое замещение импортной продукции отечественными аналогами, будучи необходимой на начальном этапе, часто носит характер «ответа» и не решает проблему глубинной зависимости. Особенно остро это проявляется в отраслях с длительными производственными циклами — селекции и семеноводстве, племенном животноводстве, где воссоздание утраченных компетенций требует не просто локализации сборочных производств, а десятилетий системной научно-исследовательской работы, формирования научных школ и уникальной экспериментальной базы. Локализация конечной сборки техники или фасовки семян при сохранении зависимости от импортных компонентов, исходного генетического материала и программных алгоритмов создает лишь иллюзию независимости, закрепляя технологическое отставание.

В-третьих, АПК обладает уникальной отраслевой спецификой, отличающей его от промышленных производств и требующей особого подхода к концептуализации технологического суверенитета. Биологическая детерминированность производственных процессов, их жесткая привязка к природно-климатическим условиям, территориальная распределенность и длительность воспроизводственных циклов формируют особые требования к технологической независимости. В этих условиях простой перенос общих определений технологического суверенитета, заимствованных из сферы ИТ или оборонной промышленности, оказывается методологически несостоятельным.

В-четвертых, обостряющееся геополитическое противостояние придает технологическому суверенитету АПК измерение биологической безопасности. Контроль над генетическими ресурсами, селекционными достижениями, ветеринарными биопрепаратами и методами диагностики становится не только экономическим, но и политическим фактором. Зависимость от иностранных референс-лабораторий и методов тестирования подрывает способность государства защищать агроэкосистемы от интродукции новых патогенов и оперативно реагировать на угрозы.

Цель обзорной статьи заключается в концептуальном анализе феномена технологического суверенитета АПК как системообразующего фактора его устойчивого развития. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: проследить эволюцию взглядов на технологическое развитие АПК, выявив ограниченность концепции импортозамещения; определить отраслевую специфику и системные свойства технологического суверенитета в АПК; сформулировать авторское определение технологического суверенитета АПК, интегрирующее его ключевые характеристики; определить место разрабатываемой концепции в системе смежных теорий технологического развития и продовольственной безопасности.

Полученные результаты позволяют обосновать переход от тактики импортозамещения к стратегии технологического суверенитета как необходимого условия долгосрочной устойчивости отечественного АПК.

2. Траектория развития взглядов на технологическое развитие АПК

Формирование современной концепции технологического суверенитета в АПК является результатом последовательной смысловой эволюции и дифференциации ряда взаимосвязанных, но не тождественных понятий: технологической зависимо-

сти, импортозамещения, самодостаточности и др. Анализ этой эволюции позволяет выявить содержательную специфику технологического суверенитета как системообразующей категории государственной политики в сфере АПК в XXI в.

В условиях глобализации 1990–2000-х гг. *технологическая зависимость в АПК* воспринималась как естественное следствие международного разделения труда и часто имела латентный, неосознаваемый как угроза характер (Исаева и др., 2022; Иовлев, Голдина, 2025). Она проявлялась в высоких долях импорта семян, племенного материала, средств защиты растений, сложной сельхозтехники и электронных компонентов. Кризисы 2014 г. и особенно 2022 г. перевели эту зависимость из категории экономического риска в категорию острой системной уязвимости, непосредственно угрожающей функционированию всего агропродовольственного контура. Осознание этой зависимости стало отправной точкой для поиска концептуальных ответов.

Первоначальным ответом на зависимость стала *политика импортозамещения*, направленная на прямое вытеснение импортной сельхозпродукции и сельхозтехники с внутреннего рынка отечественными аналогами (Ушачев, 2015; Воробьева, Амбарцумян, 2015; Глаголев, Моисеев, 2016). Ключевыми индикаторами успеха выступали снижение доли импорта и рост локализации производства.

Однако данная концепция в сфере АПК обладала существенными ограничениями методологического и стратегического характера (Лясников и др., 2023; Черкасова, Героев, 2025). Во-первых, ей был присущ реактивный характер: она фокусировалась преимущественно на замещении уже существующих, зачастую устаревающих технологических решений, а не на стимулировании создания прорывных, опережающих разработок.

Во-вторых, существовал значительный риск так называемой «догоняющей» изоляции (Сиптиц, 2015; Ушачев, 2016). Политика, ориентированная на внутреннее замещение без должной интеграции в глобальные научно-технологические процессы, могла приводить к созданию менее эффективных и более дорогостоящих аналогов и, как следствие, к закреплению технологического отставания.

В-третьих, классическая модель импортозамещения часто игнорировала глубину и сложность современных технологических цепочек создания стоимости. Простое конечное замещение продукции, например, сборка сложной сельхозтехники из импортных компонентов, не решало фундаментальную проблему зависимости от критически важных импортных элементов, таких как высокоточные двигатели, микроэлектронные компоненты, специализированное программное обеспечение или генетический материал. Таким образом, стратегия импортозамещения оставалась уязвимой на уровне более глубоких, «невидимых» слоев технологического стека, где сосредоточена основная добавленная стоимость и контрольные точки (Ушачев и др., 2017; Барышникова и др., 2017; Горшкова и др., 2021).

Также опыт реализации импортозаместительных мер выявил, что попытки прямого замещения в данных высокотехнологичных областях без наличия развитого собственного научно-генетического ядра не только оказываются малоэффективными, но и способны создавать дополнительные долгосрочные риски для продовольственного суверенитета (Ушачев, 2016).

Так, например, в контексте селекции и семеноводства проблема импортозамещения проявляется, прежде всего, в существовании глубокой технологической

и временной пропасти. Создание новых конкурентоспособных сортов и гибридов, особенно для таких капиталоемких культур, как кукуруза, подсолнечник или овощи закрытого грунта, представляет собой процесс, требующий многолетних, зачастую десятилетних, циклов селекционной работы, масштабных инвестиций в исследования и разработки, а также развитой инфраструктуры, включающей биоинформатические и геномные технологии (Пивоваров и др., 2024).

Практика локализации конечного производства семян на основе импортного исходного генетического материала — родительских линий — фактически не решает задачу технологического суверенитета, а лишь переводит зависимость на более глубокий, скрытый уровень. В условиях внешнеполитической или экономической напряженности, приводящей к ограничению доступа к актуальным генетическим разработкам, национальное семеноводство рискует оказаться в положении, когда оно способно воспроизводить лишь морально и технологически устаревающий генетический материал.

Более того, современные гибриды являются сложными технологическими продуктами, часто созданными с применением методов генетического редактирования. Их простое воспроизводство без глубокого понимания заложенных генетических конструкций и агротехнологий ведет к неполной реализации потенциала урожайности и устойчивости, создавая феномен «технологического черного ящика». Подлинный суверенитет, а не импортозамещение, в семеноводстве подразумевает не только умение размножать семена, но и способность создавать, адаптировать и совершенствовать генетический код растений в ответ на специфические локальные вызовы, такие как засуха, засоление или новые патогены (Кузнецова и др., 2020).

Важным аспектом также является угроза сокращения генетического разнообразия. Ориентация на импорт ограниченного набора высокопродуктивных линий ведет к генетической эрозии и сужению адаптивного потенциала агросистемы, что противоречит требованиям долгосрочной устойчивости производства в условиях климатической изменчивости.

Аналогичные, но структурно более сложные вызовы возникают в сфере племенного животноводства (Воротников и др., 2019). Создание и поддержание высокопродуктивного, генетически устойчивого и здорового поголовья — это также процесс, измеряемый десятилетиями последовательной селекционной работы. Импорт племенного молодняка или эмбрионов позволяет решать тактические задачи модернизации стада, но не формирует национальной, самовоспроизводящейся племенной базы (Балакирев, 2016). Страна остается в роли «вечного покупателя», зависящего от постоянного обновления генетического материала извне для поддержания продуктивных качеств.

Эта зависимость усугубляется тем, что современное племенное дело неразрывно связано с передовыми биотехнологическими репродуктивными технологиями, такими как криоконсервация, трансплантация эмбрионов и геномная оценка племенной ценности. Таким образом, у импортозамещения появляется барьер, связанный не только с отсутствием собственного конкурентоспособного генофонда, но и с зависимостью от импорта специализированного оборудования, реагентов и программного обеспечения для геномного анализа.

Отдельным критическим риском, напрямую угрожающим продовольственной безопасности, является биологическая опасность. Массовый импорт живых живот-

ных представляет собой постоянный канал потенциального заноса карантинных заболеваний, способных вызвать масштабные эпизоотии, нанести колоссальный экономический ущерб и подорвать ветеринарное благополучие целых регионов.

Следовательно, традиционная политика импортозамещения, будучи необходимой на начальных этапах снижения уязвимости, оказывается принципиально недостаточной для решения глубинной проблемы технологического суверенитета в селекции и племенном деле. Она не устраняет, а зачастую лишь консервирует наиболее критические технологические зависимости (Кириллова, 2017; Исмаилов, Шалдохин, 2023; Барчо, Топыгова, 2024). Преодоление этих системных ограничений требует стратегического перехода от логики замещения к логике опережающего технологического суверенитета.

Технологический суверенитет, вобрав в себя предыдущие концепции и преодолев их ограничения, определяется как способность нации к безусловному и независимому принятию решений в технологической сфере, обладанию ключевыми компетенциями и инфраструктурой для самостоятельного развития критически важных направлений, а также к равноправному и управляемому участию в международной технологической кооперации, исходя из собственных стратегических интересов (Тютюников, Закшевская, 2022; Черкасова и др., 2025).

В контексте АПК эволюционное превосходство данной концепции заключается в следующем (Черкасова, Черкасов, 2024; Сайфетдинов, 2025; Мазлоев и др., 2025):

— технологический суверенитет меняет тактику «догоняющего» импортозамещения на стратегию опережающего развития собственных технологических платформ (генетика, агробиотех, цифровые системы);

— технологический суверенитет, в отличие от автаркии, допускает и поощряет международную кооперацию, но на своих условиях и из позиции силы, основанной на контроле над «точками опоры»;

— технологический суверенитет, включая в себя технологическую безопасность, ставит стратегические цели формирования конкурентных преимуществ и достижение технологического лидерства в избранных сегментах.

Концепция технологического суверенитета АПК представляет собой закономерный результат эволюции от констатации уязвимости (зависимость) через набор частных решений (импортозамещение, безопасность) к целостной стратегии. Сегодня она формирует методологический базис для национального проекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности», определяя его конечную цель не как простое замещение, а как обретение способности к технологическому самоопределению и лидерству.

3. Технологический суверенитет как системообразующий фактор развития АПК

Как уже было отмечено, технологический суверенитет представляет собой сложную, многомерную и динамическую категорию, формирование и осмысление которой находится на острие современных экономических и политических дискуссий. В отличие от устоявшихся понятий продовольственной безопасности или технологической независимости, он характеризуется более высокой степенью интегральности, объединяя технологические, в т. ч. биологические, экономические, политические и институциональные аспекты в единую систему национального технологического самоопределения.

АПК обладает рядом уникальных характеристик, которые формируют специфику реализации в нем принципов технологического суверенитета. Выделим эти *отраслевые особенности.*

1. Высокая биологическая и временна́я детерминированность технологических циклов. Основополагающей особенностью является встроенность технологических процессов в биологические ритмы растений и животных. Утрата доступа к критическим технологиям (например, к конкретным линиям родительских форм гибридов семян или специфическим вакцинным штаммам) не может быть устранена оперативной заменой поставщика или реверс-инжинирингом (Красильникова, Баландин, 2014). Это запускает необходимость многолетних, а зачастую и десятилетних селекционно-генетических или микробиологических программ для воссоздания утраченного генетического материала и биотехнологических компетенций (Александрова, Польшакова).

2. Контекстуальная зависимость от природно-климатических условий. Продуктивность и устойчивость агротехнологий напрямую обусловлена их соответствием конкретным почвенно-климатическим параметрам (фотопериод, сумма активных температур, влагообеспеченность, тип почв и т. д.) (Оборин, 2018; Бунчиков и др., 2018). Это означает, что технологический суверенитет не сводится к простой замене импортного оборудования или ПО, но предполагает наличие собственной фундаментальной научной школы и разветвленной системы государственных сортоиспытаний и экологического тестирования.

3. Территориальная распределенность и масштабность производственной базы. В отличие от локализованных промышленных кластеров, первичное сельскохозяйственное производство характеризуется экстенсивной пространственной дисперсией на огромных площадях. Эта особенность структурирует суверенитет по двум ключевым векторам: технико-технологическому и социально-экономическому. Во-первых, технологическая инфраструктура суверенитета (цифровые платформы, системы дистанционного мониторинга на основе ДЗЗ и IoT, сети связи) должна обладать свойством всеохватности и устойчивости на различной по физико-географическим условиям территории. Различия в почвенно-климатических зонах (от степных районов до зон рискованного земледелия) требуют не единого, а дифференцированного и адаптивного технологического предложения (Корабельников, 2022; Клепцова, 2022; Курбанов, 2022; Федоров, 2024).

Во-вторых, территориальная распределенность накладывается на глубокую дифференциацию регионов по уровню экономического развития, состоянию человеческого капитала и инвестиционной привлекательности. Это приводит к возникновению цифрового и технологического неравенства между агрохолдингами в развитых регионах и малыми формами хозяйствования в депрессивных сельских территориях (Оборин, 2024). Технологический суверенитет, понимаемый только как доступ элитных производителей к передовым решениям, является усеченным. Его полнота подразумевает социально-экономическую инклюзивность, т. е. наличие механизмов (господдержка, кооперационные модели и др.) для распространения критических технологий по всей территории, независимо от уровня развития региона.

4. Системная взаимозависимость со смежными отраслями промышленности. Технологическая автономия АПК не может быть достигнута в изоляции ввиду его критической зависимости от достижений смежных секторов. Фактический

технологический суверенитет агросектора детерминирован уровнем технологического суверенитета в базовых отраслях: машиностроении (производство двигателей, гидравлики, прецизионных узлов сельхозтехники), химической промышленности (синтез катализаторов для производства удобрений и активных фармацевтических субстанций для ветеринарии), микроэлектронике (элементная база для датчиков и систем управления), IT-секторе (алгоритмы искусственного интеллекта для анализа агроданных) (Иовлев, Голдина, 2025). Это формирует требование к межотраслевой координации технологической политики и инвестициям в критические точки сопряжения цепочек создания стоимости (Инюкин, 2023).

5. Требования биологической, фитосанитарной и продовольственной безопасности. Технологии в АПК обладают прямым влиянием на состояние здоровья населения, животных и биологических экосистем (Павлюшин, 2010). Поэтому ядро технологического суверенитета включает право и технико-аналитическую способность самостоятельно формировать, верифицировать и обеспечивать соблюдение фитосанитарных, ветеринарных, экологических и пищевых стандартов и нормативов. Зависимость от иностранных референс-лабораторий, методов тестирования или сертифицирующих органов подрывает способность государства гарантировать безопасность продуктов питания и защиту агроэкосистем от интродукции новых вредителей и болезней (Дронина и др., 2022; Мусабаева и др., 2023).

Технологический суверенитет в АПК не является простой суммой достигнутых показателей импортозамещения или наличия отдельных отечественных технологий. Это системное, эмерджентное свойство всей национальной агропродовольственной системы, возникающее в результате синергетического взаимодействия ее научного, производственного, образовательного и институционального компонентов. Данное свойство определяет способность системы к автономному воспроизводству, адаптивному развитию и устойчивому функционированию в условиях внешних шоков, технологических вызовов и глобальной конкуренции, что делает его фундаментальным условием долгосрочного устойчивого развития АПК.

Отметим, что технологический суверенитет как системное свойство АПК характеризуется следующими *ключевыми атрибутами*.

1. Целостность и взаимосвязь компонентов. В АПК принцип системной целостности носит иерархический характер. Его ядром выступает биологическое звено (генетические ресурсы, селекция, семеноводство, ветеринарные биопрепараты), поскольку именно оно определяет базовую продуктивность и адаптивность всей системы (Панфилов, 2017; Кузьмина, 2025). Технологический суверенитет в тракторостроении или цифровых платформах теряет смысл при отсутствии суверенитета в создании адаптированных сортов и гибридов. Таким образом, взаимосвязанный контур критически важных производств в АПК выстраивается от биологии к инженерии: от независимости в генетике и селекции к суверенитету в производстве средств защиты растений и удобрений, далее — к независимости в сельхозмашиностроении (включая микроэлектронную компонентную базу) и цифровой инфраструктуре. Разрыв на любом этапе, особенно на биологическом, является наиболее болезненным и долгосрочным.

2. Резильентность (устойчивость к потрясениям). Резильентность АПК — это не только устойчивость к геополитическим шокам, но и в первую очередь способность поглощать и адаптироваться к биотическим и абиотическим стрессам.

Это требует специализированных форм атрибутов устойчивости (Гусаков, 2020; Смородинская, Малыгин, 2021; Красильникова и др., 2022):

— способность к буферизации, которая в АПК выражается в наличии коллекций генетических ресурсов (семенных банков, банков патогенов) и задела адаптивных селекционных линий, позволяющих в ответ на новую угрозу (вредитель, засуха) оперативно мобилизовать генетический материал для создания устойчивого сорта. Это также наличие опытно-промышленных производств, способных быстро масштабировать выпуск дефицитных биопрепаратов или вакцин;

— функциональная избыточность, под которой в данном случае понимаются не просто альтернативные поставщики, а наличие портфеля агротехнологий для одних и тех же культур, адаптированных к разным сценариям (например, влаголюбивые и засухоустойчивые гибриды одной культуры), а также дублирование критических элементов биологической безопасности (независимые лаборатории по диагностике патогенов в разных регионах);

— способность к регенерации, которая фундаментально опирается на сильные аграрные научные школы, тесно интегрированные с производством через сеть опытных станций и сортоиспытательных участков. Это обеспечивает не просто воспроизводство кадров, а генерацию контекстно-зависимых знаний для ответа на вызовы (новые расы патогенов, изменения в фенологии), что невозможно при чисто импортируемых технологиях.

3. Открытость и управляемая кооперация. Для АПК этот атрибут особенно важен, т. к. абсолютная биологическая автаркия невозможна и вредна. Технологический суверенитет здесь проявляется как стратегический менеджмент биологических и информационных потоков. Система активно участвует в международном обмене генетическими ресурсами, но из позиции силы, имея собственный ценный генофонд и компетенции для его изучения и использования, что позволяет вести равноправный обмен, а не быть лишь реципиентом (Добросоцкий, 2019). Она селективно интегрирует иностранные технологические решения (например, элементы точного земледелия), но обладает компетенциями для их адаптации, интеграции в национальные экосистемы и, что критично, для обеспечения их кибербезопасности и защиты агроданных. Суверенитет позволяет самостоятельно определять санитарные и фитосанитарные стандарты, используя их не как скрытый протекционизм, а как научно обоснованный инструмент защиты агроэкосистем и обеспечения продовольственной безопасности, а также как условие для входа на внутренний рынок иностранных технологий (Манукало, 2023).

Таким образом, технологический суверенитет АПК — это сложноорганизованная, иерархическая система, где атрибуты целостности, резильентности и управляемой открытости наполняются специфическим биолого-технологическим содержанием. Его ядром является суверенитет над биологическими процессами и генетическими ресурсами, который обеспечивает фундамент для устойчивого развития и стратегического позиционирования в остальных звеньях технологической цепочки.

Анализ подходов к определению технологического суверенитета в АПК позволяет констатировать дефицит собственно отраслевых дефиниций. Подавляющее большинство исследователей и практиков вынуждено экстраполировать на АПК общие определения технологического суверенитета или определения, заимствованные из иных секторов (ИТ, промышленность, ОПК и др.). Подобная экстраполяция, хотя она и неизбежна на начальных этапах концептуализации, оказывается мето-

дологически неполной. Она не учитывает специфические свойства АПК, которые были отмечены выше — биологическая детерминированность, жесткая зависимость от климатических и фенологических циклов, особая роль земли как незаменяемого актива, а также социально-территориальная распределенность системы. В результате общие рамки «технологического суверенитета» накладываются на АПК как шаблонная схема, оставляя за скобками именно те аспекты (биоразнообразие, семеноводство, почвенное плодородие, продовольственная безопасность как биологический императив), которые и составляют суть суверенитета в аграрной сфере.

Те отраслевые определения, которые всё же присутствуют в научной литературе, фокусируются на отдельных, пусть и значимых, аспектах феномена, что, однако, приводит к методологической размытости и затрудняет построение целостной теоретической модели. Наблюдается очевидный дефицит интегрирующих системных определений, которые могли бы объединить ключевые элементы в единую логическую конструкцию.

Так, например, А.Н. Семин и М.М. Кислицкий понимают под технологическим суверенитетом АПК «состояние устойчивого функционирования АПК, основанное на применении отечественных комплексов технологических решений и обеспечивающее продовольственную безопасность государства, исходя из рациональных норм потребления пищевых продуктов» (Семин, Кислицкий, 2024). Данное определение обладает несомненной академической строгостью и вводит ключевой критерий отечественного технологического комплекса как материальной основы суверенитета, а также напрямую связывает технологическую базу с фундаментальной целью продовольственной безопасности. Вместе с тем определение акцентирует внимание на применении исключительно отечественных технологических решений, что имплицитно предполагает модель автаркии. Такой подход подменяет динамическую сущность суверенитета — способность к эволюции и адаптивной интеграции в глобальный технологический ландшафт.

О.В. Прущак, Н.А. Киреева, И.М. Кублин и Н.Н. Косивцов понимают под технологическим суверенитетом АПК «ориентацию на приоритет в замене импортных составляющих в поставке сельскохозяйственных машин и оборудования, семян, вакцин, информационно-цифровых технологий и других продуктов, предназначенных для использования в госзаказе» (Прущак и др., 2023). Данная формулировка ценна своей прикладной ориентированностью, она переводит абстрактную концепцию в плоскость конкретных управленческих решений и институциональных механизмов (госзаказ). Это определение четко идентифицирует ключевые точки уязвимости (техника, семена, цифровые платформы и др.), замещение которых является неотложной практической задачей в условиях внешнего давления. Однако и в данном определении присутствует риск подмены целей, когда критерий «отечественного производства» становится приоритетнее критериев технологической эффективности и инновационности, что может консервировать технологическое отставание.

А.Р. Сайфетдинов приравнивает технологический суверенитет к понятию суверенное инновационное развитие АПК, под которым он подразумевает «направления отечественного сельского хозяйства, которые максимально ориентированы на достижение национальных целей развития России в области обеспечения продовольственной безопасности и наращивания экспортного потенциала с учетом режима санкций» (Сайфетдинов, 2025). Ценность определения заключается в рассмотрении суверенитета не как самоцели, а как функционального средства

для обеспечения безопасности и наращивания экспортного потенциала, что отражает прагматичный государственный подход в контексте геополитических вызовов. Однако это определение растворяет технологический суверенитет в более широких национальных целях, что лишает его собственного системного содержания.

В статье Т.П. Черкасовой, А.А. Крицкой и Д.А. Айрапетяна технологический суверенитет сужается до биотехнологического суверенитета, который представляет собой «способность государства располагать критическими биотехнологиями и потенциалом для их производства на основе национальных ресурсов, с тем чтобы обеспечивать конкурентоспособность национальной экономики и ее независимость в удовлетворении экономических и социальных потребностей граждан, повышая качество и продолжительность их жизни» (Черкасова и др., 2025). Авторы справедливо выделяют данный кластер технологий как системообразующий, поскольку контроль над генетическими ресурсами, селекцией и средствами защиты растений действительно является краеугольным камнем независимости АПК. Однако такая секторальная фокусировка, будучи методологически оправданной для анализа конкретного кластера, не отражает комплексности технологического суверенитета АПК, который также включает цифровые, инженерные, логистические и пищевые технологии, образующие единую взаимозависимую систему.

Вышесказанное позволяет ввести авторское определение технологического суверенитета с учетом его системных свойств и отраслевой специфики. *Технологический суверенитет АПК — это системная способность национальной агропродовольственной системы к стратегической субъектности, проявляющаяся в возможности безусловного принятия решений о развитии, внедрении и использовании критических агротехнологий, а также в наличии инфраструктурного и компетентностного потенциала для их самостоятельной генерации, адаптивной модернизации и защищенной интеграции в глобальные цепочки создания стоимости, что в совокупности обеспечивает не только продовольственную безопасность, но и долгосрочную устойчивость сектора в условиях технологических, климатических и геополитических вызовов.*

Новизна предложенного определения заключается в его концептуальном выходе за рамки традиционных трактовок, сводящих технологический суверенитет к статичному состоянию импортонезависимости или контролю над существующими активами и технологиями. В отличие от них, данная дефиниция акцентирует динамический и генеративный характер суверенитета как системного свойства. Ключевым является смещение фокуса с пассивной «независимости от» к активной «способности к» — способности к стратегической субъектности, самостоятельной генерации знаний и адаптивной модернизации агротехнологий. Это трансформирует понимание суверенитета из «цели-состояния» в процессуальную характеристику развивающейся системы, где критически важна не изоляция, а качество внутренних процессов создания и трансформации технологий.

Важным элементом новизны выступает снятие классической оппозиции между суверенитетом и глобальной интеграцией в сфере АПК. Определение вводит принцип «защищенной интеграции», предполагающий, что подлинный суверенитет проявляется не в автономном существовании, а в способности к равноправному, осознанному и управляемому участию в международной кооперации, при котором сохраняется контроль над критически важными компетенциями и цепочками создания стоимости. Тем самым суверенитет интерпретируется не как барьер,

а как фильтр и инструмент управления внешними связями, обеспечивающий технологический иммунитет и снижающий уязвимость от асимметричных зависимостей.

Кроме того, определение осуществляет смысловое расширение целевой функции суверенитета за пределы узкой задачи обеспечения текущей продовольственной безопасности. Оно связывает его с достижением долгосрочной эволюционной устойчивости АПК, что подразумевает способность системы не только противостоять шокам, но и адаптироваться, трансформироваться и развиваться в условиях изменений климатического, технологического и геополитического характера. Таким образом, суверенитет становится условием не статичного выживания отрасли, а динамичной конкурентоспособности и адаптивности в долгосрочной перспективе.

Наконец, определение материализует абстрактную политическую концепцию, увязывая ее с наличием конкретного инфраструктурного и компетентностного потенциала. Суверенитет в предложенной трактовке возможен только при условии наличия развитой научно-исследовательской и опытно-конструкторской, в частности селекционно-семеноводческой, базы, современной технологической, логистической и перерабатывающей инфраструктуры, а также, что является критическим фактором, сформированного человеческого капитала, обладающего специализированными компетенциями в сфере сельскохозяйственных наук. Таким образом, концептуальный дискурс трансформируется и смещается из плоскости нормативных установок и стратегических деклараций в область практических инвестиционных решений, направленных на развитие аграрной науки, отраслевого образования, биотехнологий и технологической инфраструктуры АПК, которые в своей совокупности образуют материальный и кадровый фундамент.

Вместе эти акценты формируют целостное представление о технологическом суверенитете АПК как о комплексном системном качестве, интегрирующем политическую волю, научно-технический потенциал и стратегическую способность к адаптации в единый контур обеспечения национальной продовольственной безопасности.

4. Место концепции технологического суверенитета АПК в теориях технологического развития и продовольственной безопасности

Теоретико-методологическая основа технологического суверенитета АПК имеет многоуровневый и синтетический характер, интегрируя теории различного масштаба — от макроэкономических парадигм до отраслевых концепций. Это отражено на концептуальной схеме (рис.), которая визуализирует взаимосвязь ключевых теоретических подходов, составивших основу работы.

На рисунке концепция технологического суверенитета АПК позиционируется в качестве интегратора и практического механизма сопряжения между фундаментальными парадигмами технологической динамики и прикладными теориями отраслевого развития АПК.

Первый блок объединяет теории технологического развития, включая теорию технологических укладов и парадигм, теорию научно-технологического лидерства, теорию технологического разрыва и концепцию технологий общего назначения. Этот блок формирует теоретическую рамку, отвечающую на вопросы о закономерностях, механизмах и траекториях генерации и распространения технологических инноваций в долгосрочной исторической перспективе.

Концепция технологического суверенитета АПК имеет прочную теоретическую взаимосвязь с *эволюционной теорией технологических укладов (парадигм)*

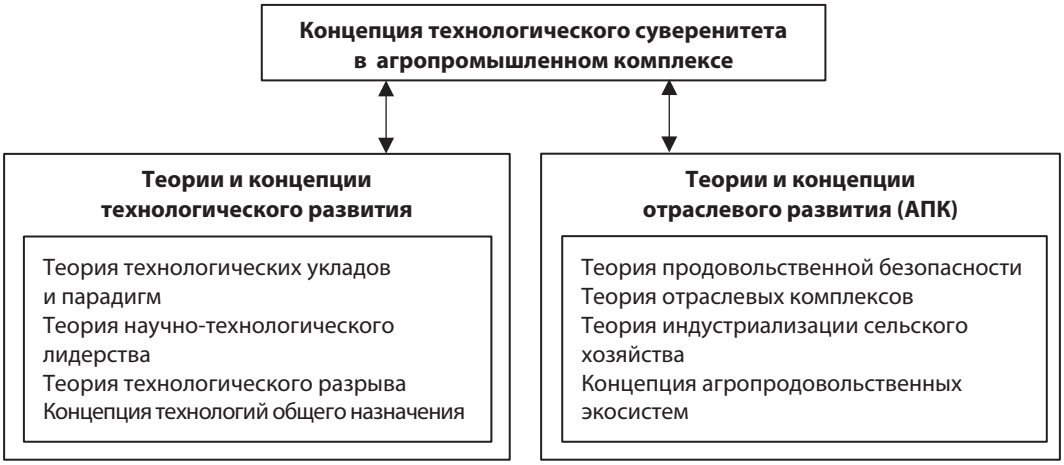

Рис. *Место концепции технологического суверенитета АПК в теориях и концепциях технологического развития и продовольственной безопасности (источник: сост. автором)*
Fig. *Technological Sovereignty of the Agro-Industrial Complex in Technological Development and Food Security Theory*

(Гринин, 2012; Глущенко, 2020; Глазунова, 2024), выступая в качестве механизма, преобразующего макроэкономические закономерности длинных волн Н.Д. Кондратьева в мезоуровневые ориентиры развития конкретного межотраслевого комплекса. В контексте текущего перехода к шестому технологическому укладу, ядро которого составляют био-, нано-, информационные и когнитивные технологии, технологический суверенитет отвечает на ключевой вопрос о системной способности АПК к целостной трансформации (Панфилов, 2016; Глазьев, Косакян, 2024). Эта трансформация предполагает не фрагментарное внедрение отдельных инструментов, таких как дроны или сенсоры, а фундаментальную перестройку на основе национально контролируемых критических технологий нового уклада, включая геномное редактирование, цифровые двойники агроэкосистем, искусственный интеллект для управления цепочками и др. При этом АПК благодаря конвергенции биологических и цифровых технологий претендует на статус одной из «несущих отраслей» новой кондратьевской волны, трансформируясь в высокотехнологичный сектор AgTech & FoodTech (Hudson & Wood, 2017). Технологический суверенитет здесь выступает необходимым пререквизитом, определяющим, станет ли национальный АПК генератором прорывных решений, например, в области адаптивной селекции, или останется лишь рынком сбыта для иностранных платформ.

Концепция технологического суверенитета АПК находит органичное теоретическое обоснование в рамках *аналитической модели научно-технологического лидерства Дж. Динга* (Ding & Dafoe, 2021; Ding, 2024). Данная модель, фокусирующаяся на системных факторах технологического доминирования, позволяет раскрыть суверенитет не как изоляционистскую доктрину, а как комплексную стратегию достижения и удержания конкурентных преимуществ в критически важной отрасли (Ding, 2024).

Ключевое пересечение с теорией Динга заключается в понимании суверенитета как стратегии управления взаимозависимостью, а не отказа от нее. Как и лидерство в модели Динга, технологический суверенитет достигается не через автар-

кию, а через выстраивание асимметричной взаимозависимости, где страна контролирует уникальные, незаменимые звенья в глобальных цепочках (например, адаптивные сорта для специфических климатических зон, специализированную сельхозтехнику). Это позволяет участвовать в международном разделении труда из позиции силы, обмениваясь технологиями на собственных условиях.

Концепция технологического суверенитета в АПК позволяет на отраслевом уровне приблизиться к разрешению фундаментального парадокса, лежащего в основе *теории технологического разрыва* М. Познера (Беляева и др., 2015; Соловьева, Мамаев, 2023), которая указывает на то, что разрыв в технологическом развитии одновременно создает возможности для догоняющей модернизации через имитацию и формирует риски долгосрочной структурной зависимости. В этом контексте технологический суверенитет выступает в качестве стратегического механизма управления данным разрывом, трансформируя его из потенциальной угрозы в источник устойчивого развития (Черкасова, 2018).

Важным аспектом концепции является переосмысление технологического разрыва как инструмента маневрирования через создание направленных разрывов в специфических нишевых областях, таких как разработка технологий для зон рискованного земледелия или создание компетенций в глубокой переработке локального сырья, где национальный АПК обладает сравнительными преимуществами. Такой подход позволяет не просто сокращать глобальный разрыв, а формировать собственные технологические ниши с потенциалом будущего лидерства (Решетникова, 2023; Тихомиров, Фомин, 2023).

Концепция технологического суверенитета в АПК также напрямую связана с *концепцией технологий общего назначения,* представляющих собой фундаментальные прорывы, обладающие свойствами универсальности применения в широком спектре отраслей, динамичной эволюции и инновационной комплементарности (Yang et al., 2022; Heikkilä et al., 2023; Потапцева и др., 2024). В контексте АПК к таким технологиям относятся геномное редактирование и биотехнологии, цифровые платформы и искусственный интеллект, робототехника и сенсорика, а также новые материалы, которые формируют технологическое ядро, определяющее траекторию трансформации всего сектора (Abashidze, 2023; Дубровин и др., 2024; Vărzaru, 2025). Технологический суверенитет в данной логике представляет собой не стремление к контролю над всеми технологическими направлениями, а стратегическую концентрацию на группах технологий общего назначения, потеря контроля над которыми ведет не просто к товарной зависимости, а к утрате способности участвовать в формировании следующего технологического уклада агропроизводства.

Второй блок аккумулирует теории отраслевого развития АПК, такие как теория продовольственной безопасности, теория отраслевых комплексов, теория индустриализации сельского хозяйства и концепция агропродовольственных экосистем. Данный блок очерчивает теоретическую рамку, формирующую предметно-практическое поле, функциональные требования, структурные связи и целевые ориентиры развития конкретного сектора экономики.

Концепция технологического суверенитета АПК формирует новые теоретическую и практическую перспективы в рамках *теории продовольственной безопасности,* осуществляя ее качественную эволюцию и переводя фокус анализа с количественной парадигмы доступности продовольствия на системные условия его устойчивого технологического воспроизводства (Устинова, 2007; Митяшин, 2022;

Печеная и др., 2023). Данная концепция раскрывает технологический фактор в качестве ключевой детерминанты, обеспечивающей реализацию всех четырех фундаментальных элементов продовольственной безопасности — доступности, физической и экономической достижимости, использования и стабильности — в контексте вызовов XXI в. (Головкина, Иванов, 2016; Савченко, 2024). Качественная составляющая продовольственной безопасности, связанная с безопасным и полноценным питанием, также определяется уровнем технологического суверенитета, который обеспечивает способность государства самостоятельно устанавливать и контролировать соблюдение жестких санитарных, фитосанитарных и экологических стандартов (Simelane & Worth, 2020).

Установлена сильная теоретическая связь концепции технологического суверенитета АПК и *теории отраслевых комплексов.* Классическая теория отраслевых комплексов, акцентировавшая важность сбалансированности, внутри- и межотраслевых связей, а также территориальной организации, получает в преломлении концепции технологического суверенитета новое измерение, переводящее фокус анализа с материально-производственных потоков на управление узлами генерации, трансформации и внедрения знаний (Северина, 2017; Данейкин, 2022; Гриднева, Василевский, 2024). Это позволяет переформулировать ключевой вопрос развития комплекса: от количественного «производим ли мы достаточно?» к качественному «обладаем ли мы суверенной способностью определять собственную технологическую траекторию?», что делает технологический суверенитет высшей формой проявления системной целостности и сбалансированности в современной экономике (Афонин, 2025). Концепция технологического суверенитета АПК не противоречит канонам теории отраслевых комплексов, а последовательно актуализирует и углубляет ее ключевые постулаты, наполняя их новым содержанием в контексте технологической геополитики и цифровой трансформации.

Концепция технологического суверенитета АПК напрямую сопряжена с положениями теории индустриализации сельского хозяйства (Семин, Третьяков, 2017; Родионова, 2018; Положихина, 2025). В то время как классическая теория индустриализации фокусируется на трансформации сельского хозяйства из ремесленного производства в высокоорганизованный индустриальный сектор через механизацию, стандартизацию и вертикальную интеграцию, концепция технологического суверенитета смещает акцент с вопросов организационно-экономической трансформации на проблему стратегического контроля над технологическим ядром этой индустрии. Она отвечает на вызов, который не был центральным для классической теории: как обеспечить устойчивость и независимость индустриализированного агросектора в мире, где технологии становятся главным полем конкуренции и инструментом геополитического влияния.

Согласно принципам теории индустриализации сельского хозяйства, прогресс достигается за счет внедрения капиталоемких технологий, специализации и создания агропродовольственных цепочек (Трифонова, Малыш, 2017; Семин и др., 2020). Однако в современной интерпретации технологический суверенитет АПК дополняет эту модель критически важным условием: индустриализация, основанная на импортируемых или лицензионных технологиях, создает не устойчивую систему, а структурно зависимую квазииндустрию. Такой сектор обладает всеми внешними атрибутами индустриальной организации, но лишен ключевого качества — способности к автономному технологическому обновлению и развитию.

Наконец, еще одна теоретическая связка выделена между концепцией технологического суверенитета АПК и *концепцией агропродовольственных экосистем* (Rehman et al., 2022; Кадомцева, 2022; Нечаева, 2023). Если концепция экосистем в АПК опирается на синергию, открытость взаимодействий и коэволюцию участников вокруг общих платформ и стандартов, то технологический суверенитет вносит в эту модель критическое уточнение: эффективность и жизнеспособность экосистемы в долгосрочной перспективе невозможны без суверенного контроля над ее критическими технологическими (в первую очередь цифровыми) узлами (Шайтура и др., 2023; Петухова, Кокорин, 2023). Концепция технологического суверенитета формирует принципиально новое понимание динамики кооперации и коэволюции в агропродовольственных экосистемах, выступая не барьером, а катализатором устойчивых форм взаимодействия. В отличие от экосистем, где кооперация определяется стихийной рыночной логикой или технологической монополией доминирующей платформы (Неганова, 2024), суверенитет задает нормативные рамки, в которых кооперация становится инструментом совместного достижения технологического суверенитета, а коэволюция — процессом согласованной адаптации всех участников к национальным приоритетам и вызовам.

Таким образом, представленный анализ теорий демонстрирует, что концепция технологического суверенитета АПК является не изолированной конструкцией, а органично встраиваемым модулем. Она формирует связующее смысловое поле между макроуровневыми парадигмами технологической динамики (теории укладов, лидерства, разрыва, технологий общего назначения) и мезоуровневыми теориями отраслевого развития и безопасности (продовольственная безопасность, отраслевые комплексы, индустриализация, экосистемы).

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет не просто констатировать значимость технологического суверенитета для АПК, но предложить качественно иной угол зрения на эту проблему — рассмотрение его не как целевого ориентира или набора показателей, а как имманентного системного свойства, без которого агропродовольственная система утрачивает способность к самовоспроизводству и развитию.

Главный теоретический результат статьи заключается в демонстрации того, что технологический суверенитет в АПК принципиально не сводим к сумме отраслевых импортозамещающих решений. Анализ эволюции концепций показал, что попытки достичь независимости через локализацию конечных производств при сохранении зависимости от критических технологий ведут к формированию квазисуверенитета — внешне благополучной, но внутренне уязвимой системы. Подлинный суверенитет возникает лишь там, где национальный АПК обретает способность к самостоятельной генерации и адаптивной модернизации технологического ядра, что требует принципиально иных временных горизонтов и инвестиционных стратегий.

Важным выводом стало выявление иерархической структуры технологического суверенитета АПК. В отличие от промышленных секторов, где критические узлы могут быть дискретны и локализованы, в аграрной сфере системообразующим уровнем выступает биологическое звено — генетические ресурсы, селекция, семеноводство, ветеринарные биопрепараты. Именно этот уровень задает фундаментальные ограничения и возможности для всех остальных — машиностроения,

цифровизации, логистики. Осознание этой иерархии позволяет корректно расставлять приоритеты государственной политики, концентрируя усилия не на наиболее заметных, а на наиболее системно значимых направлениях.

Исследование также показало, что технологический суверенитет не тождественен автаркии и не предполагает разрыва международных связей. Напротив, его зрелая форма проявляется в способности к управляемой и защищенной интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Критерием суверенности выступает не отсутствие импорта, а характер участия в международном разделении труда: наличие собственных уникальных компетенций, позволяющих выстраивать асимметричную взаимозависимость и участвовать в кооперации.

Предложенное авторское определение, интегрирующее динамический, генеративный и инфраструктурный аспекты, переводит дискуссию о технологическом суверенитете из нормативно-декларативной плоскости в плоскость практических инвестиционных решений. Оно задает критерии, по которым можно оценивать долгосрочную способность системы к автономному развитию: наличие научных школ, развитость селекционно-семеноводческой базы, состояние человеческого капитала, уровень технологической связности территорий и др.

Рекомендованная трактовка технологического суверенитета как системного свойства позволяет сформулировать ряд требований к государственной политике в этой сфере. Во-первых, она должна быть нацелена на формирование целостных технологических платформ, объединяющих фундаментальную науку, прикладные разработки и производственную базу. Во-вторых, приоритеты государственной поддержки необходимо смещать с субсидирования текущего производства на долгосрочные инвестиции. В-третьих, политика технологического суверенитета требует межведомственной координации, поскольку критические зависимости АПК локализованы в смежных отраслях — машиностроении, химической промышленности, микроэлектронике. Наконец, она должна учитывать территориальную неоднородность страны, предусматривая механизмы преодоления технологического неравенства регионов, без чего суверенитет национального АПК неизбежно остается фрагментарным.

Список источников

Александрова, Е. В., Польшакова, Н. В. (2022). Развитие биотехнологий как фактор экономической безопасности России. *Вестник техносферной безопасности и сельского развития,* (1), 35–38.

Афонин, С. Е. (2025). Протекционизм как фактор изменения конкурентных позиций отраслевых комплексов. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление, 16*(4), 209–219. https://doi.org/10.18287/2542-0461-2025-16-4-209-219

Балакирев, Н. А. (2016). Животноводство России в условиях импортозамещения. *Достижения науки и техники АПК, 30*(3), 74–76.

Барчо, М. Х., Топыгова, В. В. (2024). Ключевые проблемы импортозамещения в АПК России. *Вестник экономики и права,* (95), 19–27.

Барышникова, Н., Киреева, Н., Сухорукова, А. (2017). Импортозамещение в АПК России: баланс национальных интересов и интеграции в мировой продовольственный рынок. *Международный сельскохозяйственный журнал,* (2), 33–38.

Беляева, Т. А., Вукович, Г. Г., Никитина, А. В. (2015). Теоретико-методологические аспекты исследования международного разделения труда в условиях глобализации. *Экономика устойчивого развития,* (4(24)), 19–26.

Бунчиков, О. Н., Грицунова, С. В., Джуха, В. М., Еремин, Р. В. (2018). Современные детерминанты функционирования и развития растениеводческой отрасли АПК. *Эпомен,* (15), 40–51.

Воробьева, Д. А., Амбарцумян, А. Г. (2015). Проблемы импортозамещения в АПК. *Безопасность и качество товаров: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Саратов, 15–16 июня 2015 года* (с. 27–31). Саратов: ООО ПКФ «Буква».

Воротников, И. Л., Муравьева, М. В., Петров, К. А. (2019). Рекомендационная система импортозамещения животноводческой продукции. *Агрофорсайт,* (1(19)), 3.

Глаголев, С. Н., Моисеев, В. В. (2016). Импортозамещение как фактор развития агропромышленного комплекса России. *Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова,* (3), 195–200.

Глазунова, В. В. (2024). Измерение технологического развития и суверенитета. *Экономика науки, 10* (3), 22–33. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-3-22-33

Глазьев, С. Ю., Косакян, Д. Л. (2024). Состояние и перспективы формирования 6-го технологического уклада в российской экономике. *Экономика науки, 10* (2), 11–29. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-2-11-29

Глущенко, В. В. (2020). Функции и роли технологических укладов в управления технологическим и социально-экономическим развитием. *Kazakhstan Science Journal, 3* (3(16)), 80–93.

Головкина, С. И., Иванов, Е. Ю. (2016). Продовольственная безопасность мира: теория и практика на примере России и Европы. *Актуальные проблемы науки и практики,* (4), 10–17.

Горшкова, Н. В., Шкарупа, Е. А., Елтонцев, А. В. (2021). Импортозамещение в АПК: механизм реализации и перспективы развития. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика, 23* (3), 63–73. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.3.6

Гриднева, А. О., Василевский, А. Б. (2024). Межотраслевые комплексы: понятие и виды. История межотраслевых комплексов. *Вестник науки, 1* (5(74)), 35–41.

Гринин, Л. Е. (2012). Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций. *Кондратьевские волны,* (1), 222–262.

Гусаков, В. (2020). Как обеспечить устойчивость, конкурентность и эффективность национального АПК. *Аграрная экономика,* (2), 3–11.

Данейкин, Ю. В. (2022). Теоретические основы и модель развития высокотехнологичных отраслей в современной экономике. *Индустриальная экономика,* (5-2), 163–171. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_5_2_163

Добросоцкий, В. И. (2019). Международная кооперация и экспорт в АПК — приоритет развития России. *Проблемы теории и практики управления,* (7), 58–66.

Дронина, А. М., Лешкевич, А. Л., Субботина, И. А., Мозгова, Г. В., Железнова, Т. В., Даровских, И. А., Носова, Е.С., Арчаков, В. Ю., Субботин, А. М., Савков, П. И., Горбунов, В. А., Досина, М. О., Кильчевский, А. В., Тарасенко, А. А. (2022). Основные тенденции и национальные интересы в области биологической безопасности. *Новости медико-биологических наук, 22* (2), 126–132.

Дубровин, Д. А., Ванюшина, О. И., Барсукова, Н. В. (2024). Цифровое сельское хозяйство: преимущества, проблемы и уровень развития в странах. *Поколение будущего: Взгляд молодых ученых-2024. Сборник научных статей 13-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 12–13 ноября 2024 года* (с. 114–117). Курск: ЗАО «Университетская книга».

Инюкин, А. Ф. (2023). Совершенствование развития сельскохозяйственного машиностроения как фактор обеспечения продовольственной безопасности в условиях реализации политики импортозамещения. *Естественно-гуманитарные исследования,* (5(49)), 126–133.

Иовлев, Г. А., Голдина, И. И. (2025). О проблемах формирования технического и технологического суверенитета в сельском хозяйстве Российской Федерации. *Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии,* (1), 201–215. https://doi.org/10.26897/0021-342X-2025-1-201-215

Исаева, О. В., Криничная, Е. П., Усенко, Л. Н. (2022). *Концепция адаптации различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве РФ к новым технологическим и мирохозяйственным укладам.* Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 106. https://doi.org/10.34924/FRARC.2022.17.67.001

Исмаилов, Ф. А., Шалдохина, С. Ю. (2023). Проблемы импортозамещения в АПК России. В *Экономика России в условиях глобальных вызовов. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Курск, 2023* (с. 83–88). Издательство: Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И. И. Иванова.

Кадомцева, М. Е. (2022). Теоретико-методологические аспекты обеспечения устойчивого развития агропродовольственных систем. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право, 22* (3), 277–286. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-277-286

Кириллова, О. В. (2017). Проблемы в системе импортозамещения в России. *Вестник Казанского государственного аграрного университета, 12* (3(45)), 120–123. https://doi.org/10.12737/article_5a1d9eae46c274.08625630

Клепцова, Н. А. (2022). Приоритетные направления развития и размещения сельского хозяйства на Дальнем Востоке. *Научное обозрение: теория и практика, 12* (1(89)), 99–107. https://doi.org/10.35679/2226-0226-2022-12-1-99-107

Корабельников, И. С. (2022). Состояние и приоритеты пространственного развития экономики сельского хозяйства региона. *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии,* (3), 127–135.

Красильникова, Л. Е., Баландин, Д. А. (2014). Биотехнологии как инновационное направление развития АПК региона. *Научное обозрение,* (9-2), 535–538.

Красильникова, Л. Е., Рущицкая, О. А., Баландин, Д. А., Федосеева, С. С. (2022). Оценка резильентности сельского территориального пространства. *Аграрный вестник Урала,* (10(225)), 78–90. https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-225-10-78-90

Кузнецова, Н. А., Королькова, А. П., Заводило, О. В., Ильина, А. В. (2020). Проблемы эффективности импортозамещения на российском агрорынке семян сельскохозяйственных культур. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета,* (2(81)), 49–55.

Кузьмина, А. О. (2025). Структурная устойчивость и конкурентоспособность АПК: теоретическое обоснование и методологические подходы к оценке. *Вестник НГИЭИ,* (12(175)), 90–100.

Курбанов, К. К. (2022). Организационно-экономические основы активизации инновационной деятельности в АПК проблемных регионов Юга России. *Региональные проблемы преобразования экономики,* (6), 30–35. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-6-30-35

Лясников, Н. В., Лясникова, Ю. В., Анищенко, А. Н., Романова, Ю. А. (2023). Развитие импортозамещения в условиях инновационной экономики в агропромышленном комплексе России. *Продовольственная политика и безопасность, 10* (4), 591–612. https://doi.org/10.18334/ppib.10.4.119384

Мазлоев, В. З., Тю, Л. В., Щетинина, И. В., Стенкина, М. В., Голохваст, К. С. (2025). Управление научно-техническим развитием АПК. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика,* (6), 101–130. https://doi.org/10.24412/2071-6435-2025-6-101-130

Манукало, А. В. (2023). Роль инфраструктурного обеспечения внешнеэкономической деятельности АПК. *Естественно-гуманитарные исследования,* (6(50)), 310–314.

Митяшин, Г. Ю. (2022). Трансформация продовольственной безопасности в условиях постиндустриальной экономики. *Вестник НГИЭИ,* (9(136)), 120–135. https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-9-120-135

Мусабаева, Б. Б., Дубешко, С. Ю., Абдуллаев, Э. А., Турсунова, Ш. К., Джумагазиева, А. Б., Сейсембекова, А. Б., Шукуров, Р. Г. (2023). Значение и роль стандартов в обеспечении биологической безопасности. *Биобезопасность и Биотехнология,* (18), 63–74. https://doi.org/10.58318/2957-5702-2024-18-63-74

Неганова, В. П. (2024). Цифровые платформы российского АПК: условия реализации потенциала. *Вестник Академии знаний,* (6(65)), 1220–1223.

Нечаева, М. Л. (2023). Формирование экосистемы как драйвер устойчивого развития сельского хозяйства. *Вестник НГИЭИ,* (1(140)), 44–56.

Оборин, М. С. (2018). Природно-климатические условия как фактор повышения конкурентоспособности растениеводства региона. *Вестник Забайкальского государственного университета, 24* (6), 36–44. https://doi.org/10.21209/2227924520182463644

Оборин, М. С. (2024). Особенности инновационного развития агропромышленного комплекса регионов России. *Вестник НГИЭИ,* (7(158)), 111–122.

Павлюшин, В. А. (2010). Научное обеспечение защиты растений и продовольственная безопасность России. *Защита и карантин растений,* (2), 11–15.

Панфилов, В. А. (2016). Продовольственная безопасность России и шестой технологический уклад в АПК. *Вестник российской сельскохозяйственной науки,* (1), 10–12.

Панфилов, В. А. (2017). Синергетика и развитие технологий АПК. *Хранение и переработка сельхозсырья,* (12), 5–11.

Петухова, М. С., Кокорин, А. В. (2023). Цифровая экосистема в сельском хозяйстве. В *Теория и практика современной аграрной науки: Сборник VI национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием, Новосибирск, 27 февраля 2023 года* (с. 1582–1585). Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос».

Печеная, Л. Т., Астраханцева, Е. Ю., Домарев, И. Е., Зиякаев, Р. С. (2023). Генезис теории продовольственной безопасности. В *Актуальные проблемы развития экономики России в условиях новых вызовов : сборник научных трудов по итогам научной конференции, Москва, 08–09 ноября 2022 года* (с. 154–161). Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К».

Пивоваров, В. Ф., Солдатенко, А. В., Пышная, О. Н., Гуркина, Л. К., Пинчук, Е. В. (2024). Продовольственная независимость и технологический суверенитет России в отрасли овощеводства. *Овощи России,* (3), 5–17. https://doi.org/10.18619/2072-9146-2024-3-5-17

Положихина, М. А. (2025). Новая индустриализация сельского хозяйства: направления, возможности и риски. *Экономические и социальные проблемы России,* (2(62)), 12–51. https://doi.org/10.31249/espr/2025.02.01

Потапцева, Е. В., Акбердина, В. В., Пономарева, А. О. (2024). Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России. *AlterEconomics, 21* (4), 818–842. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9

Прущак, О. В., Киреева, Н. А., Кублин, И. М., Косивцов, Н. Н. (2023). Обеспечение технологического суверенитета как условие устойчивого развития АПК России. *Экономика устойчивого развития,* (4(56)), 179–184.

Решетникова, Н. В. (2023). Глобальные и национальные вызовы для агропродовольственного комплекса России. *International Agricultural Journal, 66* (3), 685–699. https://doi.org/10.55186/25876740_2023_7_3_15

Родионова, Н. К. (2018). Противоречия и тенденции индустриализации сельской экономики. *Социально-экономические явления и процессы, 13* (2), 98–103.

Савченко, О. Ю. (2024). Механизмы государственного управления обеспечением продовольственной безопасности: теория и практика. *Экономика строительства и городского хозяйства, 20* (2), 153–160. https://doi.org/10.71536/esgh.2024.v20n2.7

Сайфетдинов, А. Р. (2025). Экономическая сущность и особенности оценки приоритетов суверенного инновационного развития сельского хозяйства. *Международный сельскохозяйственный журнал, 68* (2), 203–208. https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_2_203

Северина, Ю. Н. (2017). Территориально-отраслевые комплексы как социально-экономические системы. *Центральный научный вестник, 2* (15(32)), 19–20.

Семин, А. Н., Кислицкий, М. М. (2024). Понятие, принципы и показатели определения технологического суверенитета в аграрном секторе экономики. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика,* (3), 138–146. https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-3-138-146

Семин, А. Н., Потехин, Н. А., Потехин, В. Н. (2020). Инновационное развитие сельского хозяйства России — концепция нового поколения. *Теория и практика мировой науки,* (4), 2–20.

Семин, А. Н., Третьяков, А. П. (2017). Тенденции новой индустриализации в сельском хозяйстве современной России. *Агропродовольственная политика России,* (2(62)), 25–33.

Сиптиц, С. О. (2015). Особенности проблем импортозамещения в АПК и пути их решения в современных условиях. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий,* (2), 55–58.

Смородинская, Н. В., Малыгин, В. Е. (2021). Резильентность как стратегический императив в эпоху неопределенности. *Экономические стратегии, 23* (6(180)), 58–62. https://doi.org/10.33917/es-6.180.2021.58-62

Соловьева, Е. А., Мамаев, А. В. (2023). Эволюция теорий международной торговли. В *Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции, Москва, 02 марта 2023 года* (с. 154–160). Санкт-Петербург: Печатный цех.

Тихомиров, А. И., Фомин, А. А. (2023). Технологическая импортозависимость АПК России: современные вызовы и возможности. *Международный сельскохозяйственный журнал,* (1(391)), 16–19. https://doi.org/10.55186/25876740_2023_66_1_16

Трифонова, М. Ф., Малыш, М. Н. (2017). К теории вопроса совершенствования управления процессом индустриализации сельскохозяйственного производства. *Агропродовольственная политика России,* (8(68)), 51–54.

Тютюников, А. А., Закшевская, Т. В. (2022). Современная концепция экономического развития: направления, модели, роль аграрного сектора. *Вестник Воронежского государственного аграрного университета, 15* (2(73)), 105–125. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_2_105

Устинова, Е. В. (2007). Формирование и развитие теории продовольственной безопасности. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 3* (11(20)), 67–73.

Ушачев, И. Г. (2015). Основные направления импортозамещения продукции АПК в России. *Прикладные экономические исследования,* (1(5)), 4–15.

Ушачев, И. Г. (2016). Импортозамещение в агропромышленном комплексе России: тенденции, проблемы, пути развития. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий,* (1), 2–10.

Ушачев, И. Г. (2016). Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала продукции агропромышленного комплекса России. *АПК: экономика, управление,* (1), 4–22.

Ушачев, И. Г., Маслова, В. В., Чекалин, В. С. (2017). Экономические проблемы импортозамещения в условиях научно-технологического развития АПК России. *АПК: экономика, управление,* (11), 4–11.

Федоров, С. Ю. (2024). Устойчивое развитие агропромышленного комплекса Восточной Сибири. *Дискуссия,* (10(131)), 107–112. https://doi.org/10.46320/2077-7639-2024-10-131-107-112

Черкасова, Е. М. (2018). Сущность инновационной деятельности на основе моделей жизненного цикла нововведения и технологического разрыва. *Инновации и инвестиции,* (2), 14–19.

Черкасова, Т. П., Героев, Г. Н. (2025). Национальная политика импортозамещения в сфере АПК как механизм обеспечения продовольственной безопасности России в условиях санкционного давления. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки,* (3), 136–144.

Черкасова, Т. П., Крицкая, А. А., Айрапетян, Д. А. (2025). Технологический суверенитет России в контексте обеспечения продовольственной безопасности: методологический аспект. *Journal of Economic Regulation, 16* (2), 47–56. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2025.16.2.047-056

Черкасова, Т. П., Черкасов, Е. Л. (2024). Технологический суверенитет России в сфере АПК: современные вызовы и направления их преодоления. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки,* (4), 168–175. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-168-175

Шайтура, С. В., Шайтура, Н. С., Зеленова, Г. Я., Судариков, Г. В., Теодорович, Н. Н. (2023). Цифровые экосистемы и кластеры в агропромышленном производстве. *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии,* (3), 203–209.

Abashidze, G. (2023). Digital agriculture-technological means and possibilities of digital transformation of agriculture. *Economic Science for Rural Development, 57* , 13–19. https://doi.org/10.22616/ESRD.2023.57.001

Ding, J. (2024). The diffusion deficit in scientific and technological power: Re-assessing China's rise. *Review of International Political Economy, 31* (1), 173–198. https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2173633

Ding, J. (2024). The rise and fall of technological leadership: General-purpose technology diffusion and economic power transitions. *International Studies Quarterly, 68* (2), sqae013. https://doi.org/10.1093/isq/sqae013

Ding, J., & Dafoe, A. (2021). The logic of strategic assets: From oil to AI. *Security Studies, 30* (2), 182–212. https://doi.org/10.1080/09636412.2021.1915583

Heikkilä, J., Rissanen, J., & Ali-Vehmas, T. (2023). Coopetition, standardization and general purpose technologies: A framework and an application. *Telecommunications Policy, 47* (4), 102488. https://doi.org/10.1016/j.telpol.2022.102488

Hudson, D., & Wood, P. (2017). Agtech and foodtech: an expanding investment sector. *Australasian Biotechnology, 27* (2), 36–38.

Rehman, A., Farooq, M., Lee, D. J., & Siddique, K. H. (2022). Sustainable agricultural practices for food security and ecosystem services. *Environmental Science and Pollution Research, 29* (56), 84076–84095. https://doi.org/10.1007/s11356-022-23635-z

Simelane, K. S., & Worth, S. (2020). Food and nutrition security theory. *Food and Nutrition Bulletin, 41* (3), 367–379. https://doi.org/10.1177/0379572120925341

Vărzaru, A. A. (2025). Digital revolution in agriculture: Using predictive models to enhance agricultural performance through digital technology. *Agriculture, 15* (3), 258. https://doi.org/10.3390/agriculture15030258

Yang, J., Chesbrough, H., & Hurmelinna-Laukkanen, P. (2022). How to appropriate value from general-purpose technology by applying open innovation. *California Management Review, 64* (3), 24–48. https://doi.org/10.1177/00081256221093320

References

Abashidze, G. (2023). Digital agriculture-technological means and possibilities of digital transformation of agriculture. *Economic Science for Rural Development, 57,* 13–19. https://doi.org/10.22616/ESRD.2023.57.001

Afonin, S. E. (2025). Protectionism as a factor of changing the competitive positions of industry complexes. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravleniye [Vestnik of Samara University. Economics and Management], 16* (4), 209–219. https://doi.org/10.18287/2542-0461-2025-16-4-209-219 (In Russ.)

Alexandrova, E. V., & Polshakova, N. V. (2022). Development of biotechnologies as a factor of Russia's economic security. *Vestnik tekhnosfernoy bezopasnosti i sel'skogo razvitiya [Bulletin of Technosphere Safety and Agricultural Development],* (1), 35–38. (In Russ.)

Balakirev, N. A. (2016). Animal husbandry in Russia under conditions of import substitution. *Dostizheniya nauki i tekhniki APK [Achievements of Science and Technology in Agro-Industrial Complex], 30* (3), 74–76. (In Russ.)

Barcho, M. Kh., & Topygova, V. V. (2024). Key problems of import substitution in the Russian agro-industrial complex. *Vestnik ekonomiki i prava [Bulletin of Economics and Law],* (95), 19–27. (In Russ.)

Baryshnikova, N., Kireyeva, N., & Sukhorukova, A. (2017). Import Substitution in the Russian Agro-Industrial Complex: Balancing National Interests and Integration into the Global Food Market. *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal [International Agricultural Journal],* (2), 33–38. (In Russ.)

Belyayeva, T. A., Vukovich, G. G., & Nikitina, A. V. (2015). Theoretical and methodological aspects of research of the international division of labour in the conditions of globalization. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya [Economics of Sustainable Development],* (4(24)), 19–26. (In Russ.)

Bunchikov, O. N., Grizunova, S. V., Dzhukha, V. M., & Yeremin, R. V. (2018). Modern non-price factors of demand of functioning and development of plant-growing industry. *Epomen [Epomen],* (15), 40–51. (In Russ.)

Cherkasova, E. M. (2018). The essence of innovative activity based models of innovations life cycle and the technological gap. *Innovatsii i investitsii [Innovation & Investment],* (2), 14–19. (In Russ.)

Cherkasova, T. P., & Cherkasov, E. L. (2024). Technological sovereignty of Russia in the sphere of agriculture: modern challenges and directions for their overcoming. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski [State and Municipal Management. Scholar Notes],* (4), 168–175. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-168-175 (In Russ.)

Cherkasova, T. P., & Geroyev, G. N. (2025). National policy of import substitution in the sphere of agro-industrial complex as a mechanism for ensuring food security of Russia in the conditions of sanctions pressure. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski [State and municipal management. Scholar notes],* (3), 136–144. (In Russ.)

Cherkasova, T. P., Kritskaya, A. A., & Ayrapetyan, D. A. (2025). Russia's technological sovereignty in the context of ensuring food security: a methodological aspect. *Journal of Economic Regulation, 16* (2), 47–56. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2025.16.2.047-056 (In Russ.)

Daneykin, Yu. V. (2022). Theoretical foundations and model for the development of high-tech industries in the modern economy. *Industrial'naya ekonomika [Industrial Economics],* (5-2), 163–171. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_5_2_163 (In Russ.)

Ding, J. (2024). The diffusion deficit in scientific and technological power: Re-assessing China's rise. *Review of International Political Economy, 31* (1), 173–198. https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2173633

Ding, J. (2024). The rise and fall of technological leadership: General-purpose technology diffusion and economic power transitions. *International Studies Quarterly, 68* (2), sqae013. https://doi.org/10.1093/isq/sqae013

Ding, J., & Dafoe, A. (2021). The logic of strategic assets: From oil to AI. *Security Studies, 30* (2), 182–212. https://doi.org/10.1080/09636412.2021.1915583

Dobrosotsky, V. I. (2019). The international cooperation and export to agrarian and industrial complex is a priority of development of Russia. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management],* (7), 58–66. (In Russ.)

Dronina, A. M., Leshkevich, A. L., Subotina, I. A., Mozgova, G. V., Zheleznova, T. V., Darouskikh, I. A., Nosova, E. S., Archakov, V. Yu., Subotsin, A. M., Savkov, P. I., Gorbunov, V. A., Dosina, M. O., Kilchevsky, A. V. & Tarasenko, A. A. (2022). Major trends and national interests in the field of biological safety. *Novosti mediko-biologicheskikh nauk [News of Biomedical Sciences], 22* (2), 126–132. (In Russ.)

Dubrovin, D. A., Vanyushina, O. I., & Barsukova, N. V. (2024). Digital agriculture: Advantages, problems and level of development in countries. In *Pokoleniye budushchego: Vzglyad molodykh uchenykh-2024. Sbornik nauchnykh statey 13-y Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii, Kursk, 12–13 noyabrya 2024 goda [Generation of the future: The view of young scientists-2024. Collection of scientific articles of the 13th International Youth Scientific Conference, Kursk, November 12-13, 2024]* (pp. 114–117). Kursk: Universitetskaya kniga Publ. (In Russ.)

Fedorov, S. Y. (2024). Sustainable development of agro-industrial complex in Eastern Siberia. *Diskussiya [Discussion],* (10(131)), 107–112. https://doi.org/10.46320/2077-7639-2024-10-131-107-112 (In Russ.)

Glagolev, S. N., & Moiseev, V. V. (2016). Import substitution as a factor in the development of agro-industrial complex of Russia. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V. G. Shukhova [Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov],* (3), 195–200. (In Russ.)

Glazunova, V. V. (2024). Measuring technological development and sovereignty. *Ekonomika nauki [Economics of Science], 10* (3), 22–33. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-3-22-33 (In Russ.)

Glazyev, S. Yu., & Kosakyan, D. L. (2024). State and Prospects of 6th Technological Mode in Russian Economy. *Ekonomika nauki [Economic of Science], 10* (2), 11–29. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-2-11-29 (In Russ.)

Glushchenko, V. V. (2020). The function and role of technological structures in the management of technological and socio-economic development. *Kazakhstan Science Journal, 3* (3(16)), 80–93. (In Russ.)

Golovkina, S. I., & Ivanov, E. U. (2016). World Food Security: Theory and Practice in Russia and the European example. *Aktual'nyye problemy nauki i praktiki [Actual problems of science and practice],* (4), 10–17. (In Russ.)

Gorshkova, N. V., Shkarupa, E. A., & Eltontcev, A. V. (2021). Import substitution in the agro-industrial complex: Implementation mechanism and development prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Journal of Volgograd State University. Economics], 23* (3), 63–73. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.3.6 (In Russ.)

Gridneva, A. O. (2024). Intersectoral complexes: concept and types. History of intersectoral complexes. *Vestnik nauki [Science Bulletin], 1* (5(74)), 35–41. (In Russ.)

Grinin, L. E. (2012). Kondratieff Waves, Technological Modes, and the Theory of Production Revolutions. *Kondrat'yevskiye volny [Kondratieff Waves],* (1), 222–262. (In Russ.)

Gusakov, V. (2020). How to ensure the stability, competitiveness and efficiency of the National Agroindustrial Complex. *Agrarnaya ekonomika [Agrarian Economics],* (2), 3–11. (In Russ.)

Heikkilä, J., Rissanen, J., & Ali-Vehmas, T. (2023). Coopetition, standardization and general purpose technologies: A framework and an application. *Telecommunications Policy, 47* (4), 102488. https://doi.org/10.1016/j.telpol.2022.102488

Hudson, D., & Wood, P. (2017). Agtech and foodtech: an expanding investment sector. *Australasian Biotechnology, 27* (2), 36–38.

Inyukin, A. F. (2023). Improving the development of agricultural engineering as a factor of ensuring food security in the conditions of implementing the policy of import substitution. *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya [Natural-Humanitarian Studies],* (5(49)), 126–133. (In Russ.)

Iovlev, G. A., & Goldina, I. I. (2025). On the problems of the formation of technical and technological sovereignty in agriculture of the Russian Federation. *Izvestiya Timiryazevskoy sel'skokhozyaystvennoy akademii [Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy],* (1), 201–215. https://doi.org/10.26897/0021-342X-2025-1-201-215 (In Russ.)

Isayeva, O. V., Krinichnaya, E. P., & Usenko, L. N. (2022). *Kontseptsiya adaptatsii razlichnykh form khozyaystvovaniya v sel'skom khozyaystve RF k novym tekhnologicheskim i mirokhozyaystvennym ukladam [The concept of adaptation of various forms of management in agriculture of the Russian Federation to new technological and global economic structures].* Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of Southern Federal University, 106. https://doi.org/10.34924/FRARC.2022.17.67.001 (In Russ.)

Ismailov, F. A., & Shaldokhina, S. Yu. (2023). Problems of import substitution in the agro-industrial complex of Russia. In *Ekonomika Rossii v usloviyakh global'nykh vyzovov. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Kursk, 2023 [Russia's Economy in the Context of Global Challenges. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates, and Young Scientists]* (pp. 83–88). Kursk: Kursk State Agricultural Academy named after I. I. Ivanov. (In Russ.)

Kadomtseva, M. Ye. (2022). Theoretical and methodological aspects of ensuring the sustainable development of agro-food systems. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Ekonomika. Upravleniye. Pravo [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law], 22* (3), 277–286. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-277-286 (In Russ.)

Kirillova, O. V. (2017). Problems in the Russian import subsumption system. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Vestnik of Kazan State Agrarian University], 12* (3(45)), 120–123. https://doi.org/10.12737/article_5a1d9eae46c274.08625630 (In Russ.)

Kleptsova, N. A. (2022). Priority directions of development and placement of agriculture in the Far East. *Nauchnoye obozreniye: teoriya i praktika [Science Review: Theory and Practice], 12* (1(89)), 99–107. https://doi.org/10.35679/2226-0226-2022-12-1-99-107 (In Russ.)

Korabelnikov, I. S. (2022). The state and priorities of spatial development of the agricultural economy of the region. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii [Bulletin of the Kursk State Agrarian University],* (3), 127–135. (In Russ.)

Krasilnikova, L. E., & Balandin, D. A. (2014). Bio-technologies as an innovative development of region's AIC development. *Nauchnoye obozreniye [Scientific review],* (9-2), 535–538. (In Russ.)

Krasilnikova, L. E., Rushchitskaya, O. A., Balandin, D. A., & Fedoseeva, S. S. (2022). Resilience assessment of the rural territorial space. *Agrarnyy vestnik Urala [Agrarian Bulletin of the Urals],* (10(225)), 78–90. https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-225-10-78-90 (In Russ.)

Kurbanov, K. K. (2022). Organizational and economic foundations activation of innovation activity in the agro-industrial complex of the problem regions of the South of Russia. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional problems of economic transformation],* (6), 30–35. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-6-30-35 (In Russ.)

Kuzmina, A. O. (2025). Structural stability and competitiveness of the agro-industrial complex: Theoretical justification and methodological approaches to assessment. *Vestnik NGIEI [Bulletin NGIEI],* (12(175)), 90–100. (In Russ.)

Kuznetsova, N. A., Korolkova, A. P., Zavodilo, O. V., & Ilyina, A. V. (2020). Problems of efficient import substitution in the Russian market of agricultural seeds. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta [Vestnik Saratov State Socio-Economic University],* (2(81)), 49–55. (In Russ.)

Lyasnikov, N. V., Lyasnikova, Y. V., Anishchenko, A. N., & Romanova, Y. A. (2023). Developing import substitution in the conditions of innovative economy in the Russian agro-industrial complex. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' [Food Policy and Security], 10*(4), 591–612. https://doi.org/10.18334/ppib.10.4.119384 (In Russ.)

Manukalo, A. V. (2023). The role of infrastructural support for foreign economic activity of the agro-industrial complex. *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya [Natural-Humanitarian Studies],* (6(50)), 310–314. (In Russ.)

Mazloev, V. Z., Tyu, L. V., Shchetinina, I. V., Stenkina, M. V., & Golokhvast, K. S. (2025). Management of the Scientific and Technical Development of Agro-Industrial Complex. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice],* (6), 101–130. https://doi.org/10.24412/2071-6435-2025-6-101-130 (In Russ.)

Mityashin, G. Yu. (2022). Transformation of food security in a post-industrial economy. *Vestnik NGIEI [Bulletin NGIEI],* (9(136)), 120–135. https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-9-120-135 (In Russ.)

Mussabayeva, B. B., Dubeshko, C. U., Abdullayev, E. A., Tursunova, Sh. K., Dzhumagazieva, A. B., Seysembekova, A. B., & Shukurov, R. G. (2023). The importance and role of standards in biosafety. *Biobezopasnost' i Biotekhnologiya [Biosafety and Biotechnology],* (18), 63–74. https://doi.org/10.58318/2957-5702-2024-18-63-74 (In Russ.)

Nechayeva, M. L. (2023). Building an ecosystem as a driver of sustainable agriculture. *Vestnik NGIEI [Bulletin NGIEI],* (1(140)), 44–56. (In Russ.)

Neganova, V. P. (2024). Digital platforms of the Russian agro-industrial complex: Conditions for realizing the potential. *Vestnik Akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge],* (6(65)), 1220–1223. (In Russ.)

Oborin, M. S. (2018). Natural and climatic conditions as a factor of increasing the competitiveness of plant growing in the region. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Transbaikal State University Journal], 24*(6), 36–44. https://doi.org/10.21209/2227924520182463644 (In Russ.)

Oborin, M. S. (2024). Features of innovative development of the agro-industrial complex of the regions of Russia. *Vestnik NGIEI [Bulletin NGIEI],* (7(158)), 111–122. (In Russ.)

Panfilov, V. A. (2016). Food security of Russia and the sixth technological tenor in the AIC. *Vestnik rossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy nauki [Vestnik of the Russian Agricultural Science],* (1), 10–12. (In Russ.)

Panfilov, V. A. (2017). Synergetics and development of agro-industrial complex technologies. *Khraneniye i pererabotka sel'khozsyr'ya [Storage and Processing of Farm Products],* (12), 5–11. (In Russ.)

Pavlyushin, V. A. (2010). Plant protection scientific support and food safety in Russia. *Zashchita i karantin rasteniy [Plant Protection and Quarantine],* (2), 11–15. (In Russ.)

Pechenaya, L. T., Astrakhantseva, E. Yu., Domarev, I. E., & Ziyakayev, R. S. (2023). Genesis of the Theory of Food Security. In *Aktual'nyye problemy razvitiya ekonomiki Rossii v usloviyakh novykh vyzovov: sbornik nauchnykh trudov po itogam nauchnoy konferentsii, Moskva, 08–09 noyabrya*

2022 goda [Actual Problems of the Development of the Russian economy in the Face of New Challenges: A collection of scientific papers based on the results of a scientific conference, Moscow, November 8–9, 2022] (pp. 154–161). Moscow: "Dashkov i K" Publ. (In Russ.)

Petukhova, M. S., & Kokorin, A. V. (2023). Digital ecosystem in agriculture. In *Teoriya i praktika sovremennoy agrarnoy nauki: Sbornik VI natsional'noy (vserossiyskoy) nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Novosibirsk, 27 fevralya 2023 goda [Theory and practice of modern agricultural science: Proceedings of the VI national (All-Russian) scientific conference with international participation, Novosibirsk, February 27, 2023]* (pp. 1582–1585). Novosibirsk: "Zolotoy kolos" Publ. (In Russ.)

Pivovarov, V. F., Soldatenko, A. V., Pyshnaya, O. N., Gurkina, L. K., & Pinchuk, E. V. (2024). Food independence and technological sovereignty of Russia in the vegetable growing sector. *Ovoshchi Rossii [Vegetable crops of Russia],* (3), 5–17. https://doi.org/10.18619/2072-9146-2024-3-5-17 (In Russ.)

Polozhikhina, M. A. (2025). New industrialization of agriculture: directions, opportunities and risks. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye problemy Rossii [Economic and social problems of Russia],* (2(62)), 12–51. https://doi.org/10.31249/espr/2025.02.01 (In Russ.)

Potaptseva, E. V., Akberdina, V. V., & Ponomareva, A. O. (2024). The Concept of Technological Sovereignty in the State Policy of Contemporary Russia. *AlterEconomics, 21* (4), 818–842. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9 (In Russ.)

Prushchak, O. V., Kireeva, N. A., Kublin, I. M., & Kosivtsov, N. N. (2023). Ensuring technological sovereignty as a condition for the sustainable development of the Russian agro-industrial complex. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya [Economics of sustainable development],* (4(56)), 179–184. (In Russ.)

Rehman, A., Farooq, M., Lee, D. J., & Siddique, K. H. (2022). Sustainable agricultural practices for food security and ecosystem services. *Environmental Science and Pollution Research, 29* (56), 84076–84095. https://doi.org/10.1007/s11356-022-23635-z

Reshetnikova, N. V. (2023). Global and national challenges for the agro-food complex of Russia. *International Agricultural Journal, 66* (3), 685–699. https://doi.org/10.55186/25876740_2023_7_3_15 (In Russ.)

Rodionova, N. K. (2018). Contradictions and tendencies of rural economy industrialization. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy [Social-economic phenomena and processes], 13* (2), 98–103. (In Russ.)

Savchenko, O. Yu. (2024). Mechanisms of State Food Security Management: Theory and Practice. *Ekonomika stroitel'stva i gorodskogo khozyaystva [Economics of Civil Engineering and Municipal Economy], 20* (2), 153–160. https://doi.org/10.71536/esgh.2024.v20n2.7 (In Russ.)

Sayfetdinov, A. R. (2025). Economic content and features of determining the priorities of the sovereign innovative development of agriculture. *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal [International agricultural journal], 68* (2), 203–208. https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_2_203 (In Russ.)

Semin, A. N., & Kislitskiy, M. M. (2024). The concept, principles and indicators of determining technological sovereignty in the agricultural sector of the economy. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice],* (3), 138–146. https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-3-138-146 (In Russ.)

Semin, A. N., & Tretyakov, A. P. (2017). Trends of new industrialization in agriculture of modern Russia. *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii [Agro-food policy in Russia],* (2(62)), 25–33. (In Russ.)

Semin, A. N., Potekhin, N. A., & Potekhin, V. N. (2020). Innovative development of agriculture in Russia — a new generation concept. *Teoriya i praktika mirovoy nauki [Theory and Practice of the World Science],* (4), 2–20. (In Russ.)

Severina, Yu. N. (2017). Territorial-industrial complexes as socio-economic systems. *Tsentral'nyy nauchnyy vestnik [Central science bulletin], 2* (15(32)), 19–20. (In Russ.)

Shaytura, S. V., Shaytura, N. S., Zelenova, G. Ya., Sudarikov, G. V., & Teodorovich, N. N. (2023). Digital ecosystems and clusters in agricultural production. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii [Bulletin of the Kursk State Agrarian University],* (3), 203–209. (In Russ.)

Simelane, K. S., & Worth, S. (2020). Food and nutrition security theory. *Food and Nutrition Bulletin, 41* (3), 367–379. https://doi.org/10.1177/0379572120925341

Siptits, S. O. (2015). Specific features of import substitution problems in the AIC and ways of their resolving under modern conditions. *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy [Economy of Agricultural and Processing Enterprises],* (2), 55–58. (In Russ.)

Smorodinskaya, N. V., & Malygin, V. E. (2021). Resilience as a strategic imperative in the age of uncertainty. *Ekonomicheskiye strategii [Economic strategies], 23* (6(180)), 58–62. https://doi.org/10.33917/es-6.180.2021.58-62 (In Russ.)

Solovyeva, E. A., & Mamayev, A. V. (2023). Evolution of theories of international trade. In *Aktual'nyye problemy obshchestva, ekonomiki i prava v kontekste global'nykh vyzovov: Sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 02 marta 2023 goda [Actual problems of society, economics and law in the context of global challenges: Collection of materials of the XVIII International scientific and practical conference, Moscow, March 2, 2023]* (pp. 154–160). St. Petersburg: "Pechatnyy tsekh" Publ. (In Russ.)

Tikhomirov, A. I., & Fomin, A. A. (2023). Technological import dependence of the Russian AIC: modern challenges and opportunities. *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal [International Agricultural Journal],* (1(391)), 16–19. https://doi.org/10.55186/25876740_2023_66_1_16 (In Russ.)

Tiutiunikov, A. A., & Zakshevskaia, T. V. (2022). Contemporary concept of economic development: Tendencies, models and agricultural sector role. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Vestnik of Voronezh State Agrarian University], 15* (2(73)), 105–125. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_2_105 (In Russ.)

Trifonova, M. F., & Malysh, M. N. (2017). Towards the theory of improving the management of the process of industrialization of agricultural production. *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii [Agro-Food Policy in Russia],* (8(68)), 51–54. (In Russ.)

Ushachev, I. G. (2015). Basic Import Substitution Trends for the Russian Agrarian and Industrial Complex. *Prikladnyye ekonomicheskiye issledovaniya [The Applied Economic Researches Journal],* (1(5)), 4–15. (In Russ.)

Ushachev, I. G. (2016). Import substitution in agroindustrial complex of Russia: Trends, problems, ways of development. *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy [Economy of Agricultural and Processing Enterprises],* (1), 2–10. (In Russ.)

Ushachev, I. G. (2016). Scientific problems of import substitution and formation of export potential in the agro-industrial complex of Russia. *APK: ekonomika, upravleniye [AIC: Economics, Management],* (1), 4–22. (In Russ.)

Ushachev, I. G., Maslova, V. V., & Chekalin, V. S. (2017). Economic problems of import substitution in the conditions of scientific and technological development of agrarian and industrial complex of Russia. *APK: ekonomika, upravleniye [AIC: Economics, Management],* (11), 4–11. (In Russ.)

Ustinova, E. V. (2007). Formation and development of the theory of food security. *Natsional'nyye interesy: prioritety i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security], 3* (11(20)), 67–73. (In Russ.)

Vărzaru, A. A. (2025). Digital revolution in agriculture: Using predictive models to enhance agricultural performance through digital technology. *Agriculture, 15* (3), 258. https://doi.org/10.3390/agriculture15030258

Vorobyeva, D. A., & Ambartsumyan, A. G. (2015). Problems of import substitution in the agro-industrial complex. In *Bezopasnost' i kachestvo tovarov: Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Saratov, 15–16 iyunya 2015 goda [Safety and quality of goods: Proceedings of the IX International scientific and practical conference, Saratov, June 15–16, 2015]* (pp. 27–31). Saratov: "Bukva" Publ. (In Russ.)

Vorotnikov, I. L., Muravyova, M. V., & Petrov, K. A. (2019). Recommendation system of import substitution in animal breeding. *Agroforsayt [Agroforsait],* (1(19)), 3. (In Russ.)

Yang, J., Chesbrough, H., & Hurmelinna-Laukkanen, P. (2022). How to appropriate value from general-purpose technology by applying open innovation. *California Management Review, 64* (3), 24–48. https://doi.org/10.1177/00081256221093320

Информация об авторе

Тен Анатолий Дмитриевич — кандидат экономических наук, докторант, Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства (ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ); ВИАПИ им. А. А. Никонова — филиала ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ; https://orcid.org/0009-0006-5452-6827 (Российская Федерация, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 35, корпус 2; Российская Федерация, 107078, г. Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1; e-mail: anatole.ten@gmail.com).

About the author

Anatoly D. Ten — Cand. Sci. (Econ.), Doctoral Student, Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics; All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A. A. Nikonov — Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics"; https://orcid.org/0009-0006-5452-6827 (building 2, 35, Khoroshevskoye highway, Moscow, 123007, Russian Federation; building 1, 21, Bolshoy Khariton'yevskiy Pereulok, Moscow, 107078, Russian Federation; e-mail: anatole.ten@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 12.01.2026.
Прошла рецензирование: 19.01.2026.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 12 Jan 2026.
Reviewed: 19 Jan 2026.
Accepted: 10 Feb 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.11
УДК 338.2
JEL G38, O25, O32, O38

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Программы инновационного развития госкомпаний в формировании национальной инновационной системы России[1]

Юлия В. ВОЛОГОВА
Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Вологова, Ю. В. (2026). Программы инновационного развития госкомпаний в формировании национальной инновационной системы России. *AlterEconomics, 23*(1), 190–209. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.11

Аннотация. В статье рассматриваются программы инновационного развития госкомпаний в процессах формирования национальной инновационной системы России, проводится оценка перспектив их использования в условиях глобальных стратегических вызовов и необходимости достижения технологического суверенитета. Научной новизной исследования является применение уровневого подхода к определению возможностей развития национальной инновационной системы с выделением, соответственно, подсистемного, системного и надсистемного уровней и рассмотрение эволюции программ как инструмента инновационной политики, который способен оказывать непосредственное влияние на каждый из уровней развития. В статье последовательно решаются следующие задачи. Во-первых, определяются ключевые направления инновационной политики по уровням развития и выделяются направления, которые могут быть реализованы посредством работы программ. Во-вторых, сопоставляются фактические направления работы программ с уровнем развития, на котором они реализовались. Установлено, что программы как инструмент инновационной политики эволюционировали от решения задач подсистемного уровня развития (инновационное развитие самих госкомпаний) до решения задач надсистемного уровня развития (обеспечение национальных целей развития страны — технологический суверенитет и технологическое лидерство). В-третьих, на основании обобщения результатов реализации программ на каждом из уровней развития даются общие рекомендации по увеличению эффективности их работы, в числе которых расширение проектного подхода при планировании НИОКР до этапа выхода в лидеры рынка, налаживание системы по работе с собственными невостребованными инновациями, установление формального взаимодействия с иностранным сектором науки и образования и др. В результате определяются текущие условия инновационного развития страны, выражающиеся в разрыве надсистемных связей национальной инновационной системы, выделяются системные функции программ, которые могут обеспечить поддержку решения задач, выходящих за контур национальных проектов.

Ключевые слова: национальная инновационная система, НИС, программы инновационного развития, ПИР, госкомпании, государственные корпорации, политика технологического суверенитета, технологический суверенитет, технологическое лидерство

Благодарность: Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН Институт экономики РАН на 2024–2026 гг. «Структурная модернизация и обеспечение технологического суверенитета России»

[1] © Вологова Ю. В. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Innovative Development Programs for State-Owned Companies as a Tool for Developing Russia's National Innovation System

Yuliya V. VOLOGOVA ✉
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Vologova, Yu. V. (2026). Innovative Development Programs for State-Owned Companies as a Tool for Developing Russia's National Innovation System. *AlterEconomics, 23*(1), 190–209. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.11

Abstract. This article analyzes innovative development programs for state-owned companies and their role in shaping Russia's national innovation system, particularly in the context of global strategic challenges and the pursuit of technological sovereignty. The study introduces a tiered analytical framework for assessing development opportunities within the national innovation system at three levels: subsystem, system, and suprasystem. It also examines how innovative development programs have evolved as a policy instrument capable of influencing each of these levels. First, the article identifies key areas of innovation policy at each development level and highlights those that can be implemented through these programs. Second, it compares actual program outcomes with the levels at which they were implemented. The analysis shows that such programs have evolved from addressing subsystem-level challenges — the innovative development of state-owned companies themselves — to tackling suprasystem-level goals, including technological sovereignty and national technological leadership. Third, based on the results of program implementation across these levels, the study provides recommendations to improve their effectiveness. These include expanding project-based approaches to R&D planning with the aim of achieving market leadership, creating a system for managing unused domestic innovations, and formalizing collaboration with the international science and education sector. Finally, the article examines current conditions affecting Russia's innovation development, particularly the disruption of suprasystem-level connections in the national innovation system. It identifies systemic functions of innovative development programs that can help address challenges beyond the scope of existing national projects.

Keywords: national innovation system, NIS, innovative development programs, IDP, state-owned companies, state corporations, technological sovereignty policy, technological sovereignty, technological leadership

Acknowledgments: This article was prepared in accordance with the state assignment for the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026, "Structural Modernization and Ensuring Russia's Technological Sovereignty."

1. Введение

В условиях нарастания глобальных стратегических вызовов, связанных с политикой технологического сдерживания со стороны развитых стран, страны с менее развитой технологической инфраструктурой, такие как Россия, были вынуждены переосмыслить и адаптировать свои стратегии развития в сфере инноваций (Ленчук, 2024). В 2022–2025 гг. в РФ активно формировался контур новой инновационной политики — политики технологического суверенитета, являющейся стратегическим ответом на технологические санкции и возросший риск неопределенности дальнейшего развития глобальной технологической среды. В стране официально выбран курс на достижение технологического лидерства через проектный подход, запланирована реализация национальных проектов технологического лидерства с затратами порядка 1,9 трлн руб. в год и более 600 млрд руб. ежегодно в 2026–2028 гг. (Ленчук, 2025, с. 426).

«Переход на путь устойчивого и долговременного инновационного развития требует существенной модернизации всей системы отечественной экономики»

(Клейнер, 2024). Основой политики технологического суверенитета может и должна являться устойчивая и самодостаточная национальная инновационная система (далее — НИС), способная минимизировать зависимость от внешних технологий и ресурсов. Вместе с тем российская НИС обладает рядом особенностей, среди которых одной из важнейших является значительная роль госкомпаний[1], с 2011 г. активно вовлеченных в проведение инновационной политики страны, в т. ч. посредством реализации программ инновационного развития (далее — ПИР) (Вологова, 2024, 2025b).

В рамках данной статьи поставлены задачи по формированию системного представления и обобщения практики применения ПИР госкомпаний как инструмента инновационной политики по развитию НИС России, оценке перспектив применения данного инструмента для целей устойчивого инновационного развития страны в условиях глобальных стратегических вызовов и необходимости обеспечения технологического суверенитета и достижения технологического лидерства.

2. Теоретические основы и особенности формирования национальной инновационной системы России

С конца 1990-х гг. в экономической науке стала активно распространяться системная парадигма, представляющая в качестве объекта исследования сложные саморегулируемые системы (Kornai, 1998; Корнаи, 2002). Концепция национальных инновационных систем, разработанная Б. Лундваллом, К. Фрименом и Р. Нельсоном (Lundvall et al., 1988; Иванова, 2002), благодаря активному использованию в рамках ОЭСР[2] стала «золотым стандартом» как при проведении научных исследований в сфере развития инноваций, так и при реализации государственной инновационной политики (Иванова и др., 2016, с. 147).

В рамках российской практики методика применения концепции национальных инновационных систем является широко распространённым научным направлением анализа и оценки качества инновационного развития страны (Голиченко, 2006, 2011; Иванова, 2002; Кравченко, 2021; Полтерович, 2008; Квинт и др., 2021). Детальный анализ этапности формирования и развития национальных инновационных систем преимущественно использует в своей основе модели спиралей (тройной, четверной, пятерной) (Разинкина, 2022), которые определяют элементы инновационных систем и особенности их взаимодействия. В классической модели тройной спирали основными элементами НИС выступают государство, национальный бизнес, сектор науки и образования (Etzkowitz & Leydesdorff, 2000; Смородинская, 2015)[3]. В определенной степени структура источников фи-

[1] В рамках данной статьи для упрощения восприятия под *госкомпаниями* понимается вся совокупность государственных организаций различных форм собственности, в том числе компании с государственным участием, госкорпорации, государственные компании, федеральные государственные унитарные предприятия, которые осуществляют деятельность по производству товаров и услуг, а также осуществляют разработку технологических инноваций, необходимых для развития национальной экономики, преимущественно на коммерческой основе. Под *госкомпаниями, реализующими ПИР,* понимается часть госкомпаний, которая задействована в реализации программ инновационного развития, согласно перечню, утвержденному решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России (протокол от 24 июня 2016 г. № 3).

[2] Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (англ. Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD). [Электронный ресурс]. https://www.oecd.org/ (дата обращения: 20.12.2025).

[3] В классической модели тройной спирали сектором науки и образования являются университеты как совокупность образовательной и научной среды., см., например, (Разинкина, 2022, с. 135).

нансирования и получателей средств отражает те элементы НИС, которые придавали первоначальный импульс и являлись драйвером инновационного развития в стране (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, отличительной особенностью России является сильное преобладание государственного сектора как источника финансирования НИОКР, который обеспечивал от 70,3 % в 2010 г. до 66,6 % в 2023 г. совокупных затрат на НИОКР в стране. В США, Японии, странах Европы, а также Китае наибольшее долевое участие в финансировании НИОКР и в 2010 г., и в 2023 г. обеспечивал бизнес-сектор, доля которого доходила до 79 % (данные по Китаю, 2023 г.). При этом наибольшая доля генерирования инноваций (расходования НИОКР-средств) во всех странах происходит в бизнес-секторе, в рамках российской экономики эта доля также является преобладающей — 60,5 % в 2010 г. и 55,5 % в 2023 г. (см. табл. 1). Однако особенностью российского бизнес-сектора является высокая доля государства в составе собственности, что всегда значительно влияло на общеэкономическое развитие страны и на формирование проводимой инновационной политики.

Так, исторически высокая доля государства в составе собственности и практика поддержки и развития крупных госкомпаний в России привела к тому, что их вклад в ВВП вырос с 35 % в 2005 г. до 70 % в 2015 г., а доля государства в составе собственности, имея устойчивую долгосрочную тенденцию, по различным оценкам достигла в 2024 г. почти 63 % (Власкин, 2017, с. 61; Вологова и др., 2023, с. 40–41). С 2011 г. наиболее крупные государственные компании активно вовлекались в реализацию инновационной политики, а основным инструментом, позволяющим государству контролировать научно-технологическую часть их деятельности, являлись программы инновационного развития (Вологова, 2024; Вологова, 2025b).

Госкомпании, реализующие ПИР, в числе которых Ростех, Роскосмос, Росатом, Газпром, РЖД, Россети, Ростелеком и другие[1], осуществляют свою деятельность в девяти различных секторах экономики страны — машиностроение и авиастроение, судостроение, автомобилестроение, химия и фармацевтика, энергетика, транспорт, связь и телекоммуникации, космический и добывающий сектора, — что отражает вклад инструмента в инновационное развитие отдельных отраслей страны. В целом инновационную политику России последнего десятилетия можно характеризовать «отраслевым окрасом», что связано в т. ч. с контролирующими её проведение федеральными органами исполнительной власти[2]. Особенности отраслевого характера инновационной политики, с одной стороны, частично способствовали структурной трансформации экономики страны, позволяя регулировать и форсировать развитие отдельных, преимущественно технологичных и высокотехнологичных, отраслей экономики; с другой стороны, привели к разрывам системности при проведении общенациональной политики (Вологова, 2025a). Вместе с тем даже с позиций отраслевого подхода в рамках официальных документов стратегического планирования наблюдалось отсутствие увязки ПИР и документов инновационного развития отраслевого уровня, что говорит

[1] Всего в реализацию ПИР вовлечено порядка 60 госкомпаний. Полный перечень см.: *Программы инновационного развития*. Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_sistemy_gosudarstvennoy_podderzhki_innovaciy_v_subektah/programmy_innovacionnogo_razvitiya/ (дата обращения: 20.12.2025).

[2] Инновационный императив России. [Электронный ресурс]. https://stimul.online/articles/sreda/innovatsionnyi-imperativ-rossii/ (дата обращения: 20.12.2025).

Таблица 1

Структура источников финансирования и получателей средств НИОКР по странам

Table 1

Structure of R&D Funding Sources and Recipients by Country

Показатель	Страны, годы											
Финансирование НИОКР, источники в %	Россия		Китай		Япония		США		Германия		Великобритания	
	2010	2023	2010	2023	2010	2023	2010	2023	2010	2023	2010	2023
Государственный сектор	70,3	66,6	24,0	17,8	17,2	15,1	31,3	18,1	29,7	30,0	32,1	19,4
Бизнес-сектор	25,5	30,6	71,7	79,0	75,9	78,5	61,6	70,0	66,1	62,8	45,1	58,5
Другие национальные источники	0,6	1,6	3,0	3,0	6,4	5,7	7,1	5,0	0,3	0,3	6,3	11,4
Иностранные источники	3,5	1,1	1,3	0,2	0,4	0,7	0,0	6,9	3,8	6,9	16,4	10,6
Распределение НИОКР по секторам в %	Россия		Китай		Япония		США		Германия		Великобритания	
	2010	2023	2010	2023	2010	2023	2010	2023	2010	2023	2010	2023
Государственный сектор	31,0	33,1	18,1	14,6	9,0	7,9	11,7	8,2	14,8	12,1	9,4	5,1
Бизнес-сектор	60,5	55,5	73,4	77,6	76,5	79,4	70,3	79,0	67,2	67,4	60,9	70,9
Сектор высшего образования	8,4	10,8	8,5	7,8	12,9	11,5	13,5	9,9	18,0	18,1	27,2	22,5
Сектор некоммерческих организаций	0,2	0,5	0,0	0,0	1,6	1,2	4,4	3,0	0,0	2,4	2,4	1,5

Источник: сост. автором по (Росстат. (2014). *Россия и страны мира. 2014.* Стат. сб. Москва, 324–326; Гохберг, Л. М., Дитковский, К. А., Евневич, Е. И. и др. (2025). *Индикаторы науки: 2025:* стат. сб. Москва: НИУ ВШЭ, 117, 343).

о наличии существенного потенциала к повышению эффективности как работы инструмента ПИР, так и развития отдельных отраслей в рамках структурной трансформации экономики (Вологова, 2025а; Ленчук и др., 2024).

Инновационная политика, ориентированная на формирование и развитие инновационной системы (Самоволева, 2022, с. 78), долгое время являлась базовой политикой в большинстве развитых стран и в некоторой степени применялась в российской практике с начала второго десятилетия XXI в.[1] Первоначальные общеэкономические условия и имеющиеся ресурсы определили крупные госкомпании одним из «движущих» элементов развития российской НИС, а программы инновационного развития стали одним из основных инструментов инновационной политики, направленным на комплексное, системное развитие НИС страны.

3. Развитие национальной инновационной системы России с опорой на программы инновационного развития госкомпаний

Системное инновационное развитие страны условно можно представить в виде поэтапного уровневого развития (рис.):

[1] Инновационный императив России. [Электронный ресурс]. https://stimul.online/articles/sreda/innovatsionnyi-imperativ-rossii/ (дата обращения: 20.12.2025).

ЭТАПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ГОСКОМПАНИЙ				УРОВНИ РАЗВИТИЯ НИС
			ЭТАП 2025–2030 гг. — национальные цели развития: технологическое лидерство — технологический суверенитет — локализация производства	**НАДСИСТЕМНЫЙ УРОВЕНЬ** *развитие связей госкомпаний с элементами зарубежных НИС*
		ЭТАП 2020–2025 гг. — технологический суверенитет — локализация производства		
	ЭТАП 2015–2020 гг. — импортозамещение — поддержка ранних стадий НИОКР — цифровизация	— импортозамещение — поддержка ранних стадий НИОКР — цифровизация	— импортозамещение — поддержка ранних стадий НИОКР — цифровизация	**СИСТЕМНЫЙ УРОВЕНЬ** *развитие связей госкомпаний с другими элементами НИС*
ЭТАП 2011–2015 гг. — увеличение инновационной активности	— увеличение инновационной активности	— увеличение инновационной активности	— увеличение инновационной активности	**ПОДСИСТЕМНЫЙ УРОВЕНЬ** *инновационное развитие госкомпаний*

Рис. Этапы *реализации и приоритеты ПИР госкомпаний на различных уровнях развития национальной инновационной системы России (источник: сост. автором с использованием (Вологова, 2025, с. 17))*
Fig. Stages *and Priorities of Innovative Development Programs for State-Owned Companies at Different Levels of Russia's National Innovation System*

— подсистемного — развитие элементов системы;

— системного — развитие связей между элементами системы;

— надсистемного — развитие связей элементов системы с элементами других систем.

Исследование применения в инновационной политике программ инновационного развития российских госкомпаний (Вологова, 2025b) показывает, что работа инструмента ПИР и его функционал от этапа к этапу постепенно расширялись, и практически применение ПИР позволило (и позволяет) осуществлять наиболее широкое по охвату уровней развитие НИС страны (рис.).

Приоритеты ПИР до 2024 г. определялись по большей части методологическими документами, а также исходили из первоначального целеполагания, отраженного в рекомендациях по разработке ПИР 2010 г., где основная цель ПИР определялась как «содействие модернизации и технологическому развитию компаний», участвующих в реализации инструмента[1]. Ключевые приоритеты ПИР в различные годы, представленные на рисунке, соотносятся и с более конкретными

[1] Рекомендации по разработке программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных унитарных предприятий, утвержденные решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 3 августа 2010 г., протокол №4. [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/55188798/ (дата обращения: 20.12.2025).

направлениями, по которым осуществлялась реализация программ. Реализация таких направлений также может быть соотнесена с уровневым формированием и развитием НИС страны, в которых ПИР активно применялись на протяжении всего периода своей реализации (табл. 2).

Таблица 2

Направления программ инновационного развития госкомпаний по уровням развития национальной инновационной системы России

Table 2

Directions of Innovative Development Programs for State-Owned Companies Across Different Levels of Russia's National Innovation System

Уровни и типы развития НИС	Варианты инновационной политики	Направления реализации ПИР
надсистемный — надсистемные связи	Регулирование формирования и развития надсистемных связей: — государство — иностранный бизнес — государство — иностранный сектор науки и образования — *госкомпании — иностранный бизнес** — *госкомпании — иностранный сектор науки и образования* Стимулирование формирования и развития надсистемных связей: — частный бизнес — иностранный сектор науки и образования	Формировании и развитие надсистемных связей госкомпаний: — развитие новых (конкурентоспособных) для мирового уровня технологий — взаимодействие с международным инновационным окружением
системный — системные связи	Регулирование формирования и развития внутрисистемных связей: — *государство — госкомпании* — государство — частный бизнес — государство — наука и образование — *госкомпании — частный бизнес* — *госкомпании — наука и образование* Стимулирование формирования и развития внутрисистемных связей: — частный бизнес — наука и образование	Формирование и развитие внутрисистемных связей госкомпаний: — взаимодействие с образовательными организациями, в т. ч. с вузами — взаимодействие с научными организациями — взаимодействие с инновационными компаниями
подсистемный — элементное развитие	Регулирование и стимулирование инновационного развития элементов инновационной системы России: — государство — *госкомпании* — частный бизнес — наука и образование	Инновационное развитие госкомпаний: — формирование и развитие корпоративных инновационных систем — финансирование НИОКР — рост инновационных активов — повышение экономической эффективности

Примечание: *курсивом выделены варианты инновационной политики, которые могут быть реализованы посредством ПИР.

Источник: сост. автором.

4. Уровневое развитие национальной инновационной системы России посредством программ инновационного развития госкомпаний

Как отражено в таблице 2, развитие НИС России посредством реализации ПИР госкомпаний осуществлялось на всех трех уровнях и реализовывалось на каждом из них по отдельным направлениям. При этом реализация каждого из направлений начинала развиваться постепенно, в зависимости от «эволюции» развития инструмента ПИР от этапа к этапу (см. рис.). Ниже представлены ключевые результаты работы инструмента ПИР госкомпаний на каждом из уровней развития НИС страны по каждому из направлений[1].

4.1. Развитие подсистемного уровня НИС России посредством ПИР госкомпаний

В рамках реализации ПИР на подсистемном уровне основной задачей стояло развитие инновационной активности элемента НИС России — госкомпаний (см. табл. 2). Работа ПИР по данному направлению состояла в формировании и развитии корпоративных инновационных систем госкомпаний, увеличении финансирования НИОКР и росте инновационных активов, а также в повышении отдельных показателей общеэкономической эффективности их работы.

В рамках становления и развития корпоративных инновационных систем госкомпании, реализующие ПИР, прошли несколько этапов. Первоначально были налажены системы проектного планирования НИОКР и системы по управлению результатами интеллектуальной деятельности (РИД), системы непрерывного образования. На втором этапе формированию и развитию подлежали системы мотивации кадров, в первую очередь мотивация руководителей и привязка их премиальных вознаграждений к выполнению плановых показателей реализации ПИР, во вторую — мотивация персонала к осуществлению инициативной инновационной деятельности. На этом же этапе происходило развитие инновационной инфраструктуры, примерами которой выступают центры проектирования, технопарки автоматизации, технологические и исследовательские центры. Активное развитие инновационной инфраструктуры происходило в госкомпаниях, выполняющих функцию разработчиков инноваций (Вологова, 2025б, с. 12–13), в т. ч. в секторах машиностроения и авиастроения, атомной энергетики, добывающем секторе. Следующим этапом развития по данному направлению, вероятно, должен стать этап формирования инновационной корпоративной культуры. В частности, с учетом общенациональной цели развития «Технологическое лидерство», по отдельным направлениям важно расширить классический проектный подход к реализации НИОКР в госкомпаниях (часто заканчивающийся регистрацией и получением прав на результаты интеллектуальной деятельности) дополнительными этапами, такими как выход на рынок, масштабирование и выход в лидеры рынка.

В части роста финансирования НИОКР за годы реализации ПИР госкомпаниям удалось добиться существенного прироста инновационных активов, которые отражают завершение полного цикла исследований и разработок (НИОКР) и свидетельствуют о сформировавшейся стоимости результатов инновационной деятельности. В частности, совокупные нематериальные активы госкомпаний, реализующих ПИР, за 2011–2023 гг. увеличились в 35 раз, до 460 млрд руб.,

[1] Далее приводится авторское обобщение данных на основе проведенного исследования отдельных ПИР госкомпаний и результатов об их исполнении, а также других источников информации, представленных в открытом доступе.

а актив «результаты исследований и разработок» за тот же период — в 14 раз, до 210 млрд руб. (Вологова, 2025б, с. 23). В период с 2011 г. по 2022 г. произошел трехкратный рост ежегодных расходов на НИОКР посредством ПИР, который в 2022 г. составил (в гражданской части) более 500 млрд руб., т. е. около 35 % совокупных внутренних затрат на исследования и разработки в стране (Вологова, 2025б, с. 19). При этом объем продаж инновационной продукции госкомпаний, реализующих ПИР, за 2022 г. (в гражданской части) в 4 раза превышал годовую величину расходов на НИОКР и составлял 30,5 % от общего объема произведенной инновационной продукции в стране (Вологова, 2025б, с. 22).

Реализация ПИР предполагала определенные общеэкономические эффекты для госкомпаний, связанные в т. ч. с увеличением производительности труда. В среднем по большинству госкомпаний, реализующих ПИР, в период 2014–2023 гг. среднегодовой рост производительности труда составил около 13 %, медианный — около 7 %. Для сравнения, в среднем по России аналогичный показатель не превышал 4 % в год (Вологова, 2025б, с. 43). Относительно более высокая производительность труда и положительная динамика ее роста косвенно указывают на наличие эффективных управленческих практик, внедрение новых технологий и инноваций, способствующих оптимизации производственных и бизнес-процессов. Учитывая объемы инновационно производства госкомпаний, реализующих ПИР (в гражданской части более 30 % от общестрановых), можно говорить об их существенном вкладе в повышение технологического уровня страны и стимулировании общих темпов экономического роста. В целом данные госкомпании посредством реализации ПИР могут играть значимую роль в модернизации и устойчивом развитии национальной экономики.

4.2. Развитие системного уровня НИС России посредством ПИР госкомпаний

В рамках реализации ПИР на системном уровне основной задачей инструмента ПИР являлось непосредственное развитие НИС страны, которое выражается в активизации взаимодействия инновационно активных / потенциально активных элементов системы между собой (см. табл. 2). Значительным импульсом такого взаимодействия со стороны ПИР стало формирование и развитие системных связей госкомпаний, реализующих ПИР, с субъектами инновационной деятельности. Для целей реализации ПИР госкомпании активно привлекали и налаживали взаимодействие с высшими учебными заведениями, научными организациями, малыми инновационными компаниями, активизируя опосредованно их инновационную деятельность и вовлекая их в реализацию части общенациональных приоритетов инновационного развития.

В части взаимодействия с образовательными организациями за годы реализации ПИР госкомпании сумели установить прочные формальные и неформальные связи. С одной стороны, при отсутствии собственных образовательных площадок на базе вузов происходила реализация системы непрерывного обучения персонала госкомпаний. С другой стороны, реализация кадровой политики в части привлечения молодых специалистов по определенному профилю реализовывалась посредством организации базовых кафедр при профильных вузах, ознакомления действующих преподавателей вузов с особенностями производственного процесса, интеграции своих сотрудников в образовательный процесс. Вместе с тем интеграция производственного и образовательного процес-

сов в отдельных случаях углубилась до среднего профессионального и среднего общеобразовательного уровня, что выражается в организации специализированных лекций, предпрофильных классов, взаимодействии с образовательными центрами, создании собственных колледжей и школ. Как правило, инициативы по развитию собственных образовательных систем активно применяют госкомпании с растущими потребностями в большом количестве специализированного персонала и / или потребностями в персонале, работающем в новых высокотехнологичных профессиях, часто требующих наличия ранней предпрофильной подготовки — Ростелеком, Росатом, Ростех, Газпром, Интер РАО ЕС и др. В качестве дальнейшего развития ПИР и роста эффективности взаимодействия госкомпаний с вузами рекомендуется развивать реализуемые отдельными госкомпаниями партнерские отношения с вузами в части проведения совместных научных исследований.

Для взаимодействия с научными организациями и инновационными компаниями госкомпании, реализующие ПИР, сформировали и развили систему «открытых инноваций», а также создали венчурные фонды и акселераторы (табл. 3).

Как видно из данных таблицы 3, у большинства госкомпаний налажена первичная форма взаимодействия для запроса и сотрудничества с внешним инновационным окружением, осуществляемая через собственную цифровую платформу системы одного окна / единого окна / окна открытых инноваций, на которой размещаются запросы на внешние инновации. Вместе с тем по ряду госкомпаний такие системы начали появляться после 2022 г., а в некоторых собственная специализированная площадка отсутствует, как отсутствуют и официальные запросы на инновации, а взаимодействие с НИИ и инновационными компаниями осуществляется через Единую информационную систему в сфере закупок (ЕИС). По специальному поручению Президента в 2017 г.[1] была реализована инициатива по созданию собственных венчурных фондов госкомпаний. Часть венчурных фондов так и не получила существенного развития и фонды «затухли» (прекратили свою деятельность или не реализовали ни одного проекта), а часть трансформировалась в различные формы программ по развитию внешних стартапов, в т. ч. акселераторов. Одним из направлений развития системы «открытых инноваций» является налаживание работы с собственными невостребованными инновационными решениями, создание собственных малых инновационных компаний и развитие смежных инновационных направлений с выделением (или без) отдельного бизнес-направления.

4.3. Развитие надсистемного уровня НИС России посредством ПИР госкомпаний

Надсистемный уровень развития заключается в формировании и развитии эффективного взаимодействия элементов НИС России с глобальной инновационной системой и элементами НИС других стран (см. табл. 2). В рамках реализации ПИР надсистемное развитие реализовывалось по направлениям создания и развития новых или по крайней мере конкурентоспособных на мировом рынке технологий и инновационных продуктов, а также во взаимодействии госкомпаний с международным инновационным окружением.

Развитие новых технологий в рамках реализации ПИР, с одной стороны, повышало инновационную активность госкомпаний и влияло на подсистемный уровень

[1] Поручение Президента Российской Федерации от 14 июня 2017 г. № Пр-1132 (п.2а). [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71597216/ (дата обращения: 20.12.2025).

Таблица 3

Взаимодействие госкомпаний, реализующих программы инновационного развития, с внешним инновационным окружением

Table 3

Interaction Between State-Owned Companies Implementing Innovative Development Programs and the External Innovation Environment

Сектор экономики госкомпаний, реализующих ПИР	Реализация «открытых инноваций»	Венчурные фонды и акселераторы
Машиностроение и авиастроение	Единое окно Ростеха, Окно открытых инноваций ОДК, ОАК	Венчурный фонд «Индустрия 4.0» Ростеха*, Акселератор стартапов ОДК, Венчурный фонд «Сколково, Индустриальный» Вертолетов России и ОАК*
Космический сектор	Единое окно Роскосмоса	Венчурный фонд Роскосмоса*
Судостроение	ЕИС**	Венчурный фонд ОСК
Автомобилестроение	Технопортал Автоваза, Портал закупок Камаза	н/д
Химия и фармацевтика	ЕИС	н/д
Добывающий сектор	«Одно окно» Газпрома, Зарубежнефти, Роснефти, Алроса, ПЗЦМ, ЕИС	Венчурный фонд «Новая индустрия» и Технопарк КИТ Газпромнефти, Корпоративный акселератор «Goznak Startup Lab» Госзнака
Энергетический сектор	Портал инновации Росатома, Единое окно Русгидро, Фонд «Энергия без границ» Интер РАО ЕС, Энергопрорыв Россети, «Одно окно» СО ЕЭС	Венчурный фонд Digital Evolution Ventures* и Иннохаб Росатома, Акселератор Россети
Транспорт	Форма научно-технического предложения Транснефти, «SVOя идея» Шереметьева, ЕИС	Венчурный фонд РЖД
Связь и телекоммуникации	«Единое окно» Ростелекома, Пилотирование инноваций Почты России, Электронная торговая площадка Космической связи, ЕИС	Программа развития стартапов и Акселератор решений Ростелекома, Венчурные фонды «КоммИТ Кэпитал» и «Консоль» Ростелекома, Акселератор Почты России

Примечание: *отмечены венчурные фонды, которые были созданы в рамках президентских инициатив, но в итоге прекратили свою деятельность или не реализовали ни одного проекта.

**ЕИС — Единая информационная система в сфере закупок.

Источник: сост. автором по данным открытых источников.

НИС страны. С другой стороны, сами технологии, которые создавались в процессе НИОКР, формировали научно-технологический задел, который обеспечивал возможность производства высокотехнологичной продукции, способной конкурировать на международных рынках. Это способствовало формированию связи госкомпаний как элемента НИС России с международным бизнесом, так и как элементом зарубежных НИС. Вместе с тем создаваемые в процессе НИОКР в рамках ПИР новые технологии в зависимости от выбранного технологического направления имели потенциальную возможность кардинально влиять на международные высокотех-

нологичные рынки, перестраивая устоявшуюся технологию производства (по типу подрывных технологий[1]), или как минимум быть конкурентоспособными на мировых рынках. Всё это можно назвать отражением работы ПИР, которая осуществлялась на надсистемном уровне развития НИС страны.

По состоянию на конец 2024 г. госкомпаниям, реализующим ПИР, принадлежало более 20 % всех патентов в стране (Вологова, 2025, с. 31) и более половины наиболее значимых в стране изобретений[2]. За годы реализации ПИР госкомпании сумели наработать существенный научно-технологический задел, который способен частично обеспечить технологический суверенитет страны. В числе наиболее востребованных технологических направлений и технологий, принадлежащих госкомпаниям, можно выделить следующие: производственные (цифровые двойники, новые материалы, сенсорика и другие), биотехнологии (медицинское оборудование), информационно-коммуникационные технологии (квантовые коммуникации), транспортные технологии (технологии спутникового управления), энергетические и климатические технологии, беспилотные авиационные системы[3].

Методологические документы по разработке и реализации ПИР, разработанные в период 2010–2022 гг. (Вологова, 2025а, с. 29–30), не имели конкретных рекомендаций по взаимодействию госкомпаний с внешним международным инновационным окружением. Исследование непосредственно ПИР госкомпаний и отчетов о результатах по их реализации, представленных в открытом доступе, показывает, что только отдельные госкомпании вели планомерную работу по данному направлению развития. Большинство установленных связей носили неформальных характер, что выражалось в участии в различных международных организациях, например, участие Почты России в UPU[4], участие Ростелекома как председателя в Международном союзе электросвязи. Активно происходила выставочная деятельность и представление собственных разработок госкомпаний на международных выставках. В плане международного расширения рынка и экспортной экспансии выделяются только отдельные госкомпании, например, Росатом. В целом данный аспект деятельности госкомпаний в рамках реализации ПИР не был широко использован и имеет значительный потенциал дальнейшего применения с возможными благоприятными эффектами как для инновационного развития самих госкомпаний, так и для развития НИС страны в целом. В частности, для расширения кадрового потенциала возможно установление формального взаимодействия с сектором науки и высшего образования зарубежных НИС и привлечение высококвалифицированных специалистов в госкомпании, в т. ч. из числа соотечественников за рубежом[5].

---

[1] Подрывные технологии (англ. *disruptive technologies*) — инновации, которые создают новый рынок и в результате разрушают существующий, вытесняя его признанных лидеров.

[2] Россия на глобальном рынке интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс]. https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rossiya-na-globalnom-rynke-intellektualnoy-sobstvennosti/ (дата обращения: 20.12.2025).

[3] Модели технологического суверенитета: российские компании и проекты. [Электронный ресурс]. https://s3.objstor.cloud4u.com/pnti/ts/ru/1_RU_Модель%20технологического%20суверенитета.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

[4] Universal Postal Union, Всемирный почтовый союз (ВПС).

[5] Российская газета. (2024, 19 декабря). *Путин: Россия заинтересована в привлечении соотечественников-специалистов*. [Электронный ресурс]. https://rg.ru/2024/12/19/putin-rossiia-zainteresovana-v-privlechenii-sootechestvennikov-specialistov.html?ysclid=m70v19vcf0864960669 (дата обращения: 20.12.2025).

5. Приоритеты инновационного развития России в условиях глобальных вызовов: опора на госкомпании и возможности ПИР

Современной мировой тенденцией является использование принципов технологического суверенитета при формировании государственной инновационной политики (Смородинская, Катуков, 2024; Ленчук, 2024; Голова, 2024). Для большинства развитых стран политика технологического суверенитета является выражением технологического сдерживания менее развитых стран по отдельным высокотехнологичным направлениям (Головнин и др., 2025). Для России международный тренд на технологическую суверенизацию формирует глобальные стратегические вызовы, инициируя формирование общенационального контура проводимой политики (Гареев, 2023).

В контексте системного представления инновационного развития (см. рис.) политика технологического суверенитета приводит к нарушению функционирования НИС на надсистемном уровне и выражается в разрыве связей элементов российской НИС с элементами НИС других стран, в первую очередь недружественных. Вместе с тем контуры российской политики технологического суверенитета отвечают принципам национальной безопасности (Горячева, Мызрова, 2023), которые в некоторой степени противопоставляются экономической эффективности, что также приводит к разрывам надсистемных связей, определяя необходимость обеспечения локального производства установленного перечня критических и сквозных технологий.

Разрывы надсистемных связей создают рамочные ограничения для будущего инновационного развития страны, которое, вероятно, будет происходить в условиях высокой степени неопределенности. Фундаментальной задачей в таком случае становится обеспечение мирового уровня технологического развития при отсутствии возможности полноценной оценки качества инновационной продукции со стороны недоступных для России в настоящее время внешних рынков.

Постановление Правительства о целевых показателях в области технологической политики[1], решая проблему недоступной глобальной конкуренции, задает определенные правила развития технологий на основе лучших зарубежных аналогов. Однако государственная политика, поддерживающая технологическую суверенность инновационного развития в ограниченных условиях, сталкивается с проблемами отсутствия длинных денег и неопределенности рисков у национального бизнеса как основного исполнителя поставленных национальных целей и задач. Неопределенность возможности открытия внешнего рынка для сбыта «суверенных» технологий может сделать вложения по их развитию невозвратными. В этой ситуации существенную опору проводимой политики технологического суверенитета могут предоставить госкомпании, способные решать задачи общенационального инновационного развития, эффективность от реализации которых ограничена вследствие неопределенности последующей окупаемости инвестиций и / или возможного отсутствия полной финансовой компенсации таких вложений со стороны государства.

Согласно контуру общенациональных стратегических документов инновационного развития, тактической опорой принятых целевых установок является проект-

[1] Постановление Правительства РФ от 05.12.2025 № 1990 «О целевых показателях в области технологической политики в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413167863/ (дата обращения: 20.12.2025).

ный подход в виде реализации национальных проектов технологического лидерства (Ленчук, Филатов, 2024; Ленчук, 2025). Результатами таких проектов «должно стать не простое импортозамещение, а создание отечественных оригинальных решений, конкурентоспособных в глобальном масштабе»[1]. По итогам первого года (2025 г.) реализации национальных проектов есть значимые результаты — «запуск 20 химических предприятий, около 30 центров по беспилотным авиационным системам и судостроительной верфи с собственным конструкторским бюро»[2]. В настоящее время в рамках проектных инициатив стоит задача по выстраиванию цепочки «разработка–производство–спрос», а вне проектного контура — в рамках донастройки НИС — поддержка уровня расходов на НИОКР и инновационной активности бизнеса для увязки результатов от такой деятельности с приоритетами профильных национальных проектов.

Госкомпании, являясь значимыми субъектами реализации технологической политики[3], в зависимости от реализуемой в рамках инновационной системы функции (разработчики технологий, производственные компании, потребители инноваций) (Вологова, 2025б, с. 12–13) оказывают значительную поддержку в формировании внутреннего рынка и укреплении цепочки «разработка—производство—спрос» на каждом из этапов. Программы инновационного развития госкомпаний в контексте перенастройки российской НИС могут выступать драйвером активизации внутреннего научно-технологического потенциала, способствуя поддержанию уровня инвестиций в НИОКР и стимулируя рост инновационной активности частного бизнеса за счет его вовлечения в реализацию программ.

В качестве практического примера «встраивания» деятельности госкомпаний и ПИР в проектную и системную часть проводимой политики можно рассмотреть реализацию национального проекта «Средства производства и автоматизации». Итоги первого года реализации данного нацпроекта показывают, что он имеет значительный потенциал расширения и повышения эффективности за счет увеличения объемов внутреннего потребления производимых средств производства и автоматизации в таких секторах промышленности, как авиация, двигателестроение и судостроение, в которых существенную долю отечественного рынка формируют госкомпании, например, Объединенная авиастроительная корпорация, Объединенная двигателестроительная корпорация, Объединенная судостроительная корпорация, госкорпорация «Росатом»[4]. Вместе с тем реализация данного нацпроекта имеет ряд системных ограничений — недостаточная развитость научно-технологической базы, невозможность получения технологической ренты от экспорта конечной продукции, отсутствие целевой институциональной архитектуры (Афанасьев, 2025).

[1] Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. [Электронный ресурс]. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/78672 (дата обращения: 20.12.2025).

[2] Петрова, В. (2025, 16 декабря). Будущих технологических лидеров встраивают в систему. В правительстве подвели первые итоги профильных нацпроектов. *Газета «Коммерсантъ»,* (232), с. 2. [Электронный ресурс]. https://www.kommersant.ru/doc/8292649 (дата обращения: 20.12.2025).

[3] Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации» гл. 2, ст. 6, п. 2, п.п. 2. [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411132539/ (дата обращения: 20.12.2025).

[4] Никитина, Е. (2025, 03 декабря). Роботы в штате: как меняется отечественная промышленность. Нацпроект «Средства производства и автоматизации» ускоряет технологический прорыв. *Ведомости.* [Электронный ресурс]. https://www.vedomosti.ru/technologies/special/2025/12/03/roboti-v-shtate-kak-menyaetsya-otechestvennaya-promishlennost-erid-2VfnxvgFoGd (дата обращения: 20.12.2025).

Преодолению данных ограничений могут способствовать программы инновационного развития как основной инструмент государственного контроля научно-технологической деятельности госкомпаний, в т. ч. в секторе машиностроения.

Обобщение практики реализации программ инновационного развития госкомпаний по различным направлениям и на разных уровнях развития национальной инновационной системы позволило раскрыть системный потенциал ПИР. Если в 2020 г. стоял вопрос о трансформации ПИР из инструмента «принуждения» в инструмент стимулирования (Сараев и др., 2020, с. 19), то события 2022 г. и последующий сформированный контур общенациональных стратегических документов научно-технологического развития страны показал, что ПИР стали одним из основных инструментов реализации политики технологического суверенитета (Вологова, 2025б, с. 50).

Амбициозные планы по достижению технологического лидерства с опорой на проектный подход предполагают организацию работы российской НИС таким образом, чтобы она могла эффективно функционировать в условиях разрыва надсистемных связей. Активное вовлечение госкомпаний в реализацию политики технологического суверенитета и использование системного потенциала ПИР может не только повысить эффективность реализации национальных проектов, но и послужить основой для формирования устойчивой российской НИС, способной противостоять глобальным стратегическим вызовам. Вместе с тем госкомпании и ПИР, функционирующие в рамках системного развития, могут способствовать обеспечению необходимого для достижения технологического суверенитета эффективного взаимодействия между государством и национальным бизнесом (Дементьев, 2024, с. 8).

6. Заключение

Проведенное исследование определяет и уточняет роль российских госкомпаний и реализуемых ими программ инновационного развития в процессе формирования национальной инновационной системы страны. Программы инновационного развития рассматриваются как инструмент инновационной политики, который влияет на уровневое развитие НИС России, воздействуя на подсистемный уровень посредством инновационного развития самих госкомпаний, на системный уровень посредством формирования и развития связей госкомпаний с другими элементами НИС и на надсистемный уровень посредством формирования и развития связей госкомпаний с элементами зарубежных НИС.

Анализ результатов реализации отдельных направлений программ инновационного развития госкомпаний на каждом из уровней развития национальной инновационной системы выявил возможности повышения эффективности работы инструмента. В частности, увеличению эффективности работы ПИР на подсистемном уровне может способствовать расширение проектного подхода к реализации НИОКР (часто заканчивающихся регистрацией и получением прав на результаты интеллектуальной деятельности) обязательными этапами выхода на рынок, масштабирования и становления лидерами рынка; на системном уровне — развитие партнерских отношений с вузами в части проведения совместных научных исследований, налаживание системы работы с собственными невостребованными инновационными решениями, развитие смежных инновационных направлений с выделением (или без) отдельного бизнес-направления; на надсистемном

уровне — установление формального взаимодействия с сектором науки и высшего образования зарубежных НИС, привлечение высококвалифицированных специалистов, в т. ч. из числа соотечественников за рубежом.

Приоритеты инновационного развития России в условиях глобальных стратегических вызовов определяют необходимость обеспечения технологического суверенитета при ограниченных (разрывами надсистемных связей) возможностях функционирования национальной инновационной системы. Исследование показало, что использование выявленного системного потенциала ПИР позволяет дополнять существующий контур национальных проектов технологического лидерства и обеспечивать устойчивость национальной инновационной системы посредством координации деятельности крупнейших госкомпаний, реализующих программы инновационного развития, и направлений государственной инновационной политики в условиях обеспечения технологического суверенитета.

Список источников

Афанасьев, А. (2025). Национальный проект технологического лидерства как инструмент развития отечественного станкостроения. *Общество и экономика,* (11), 32–47. https://doi.org/10.7868/S3034543X25110034

Власкин, Г. А. (2017). Инновационный потенциал крупного бизнеса в России. *Федерализм,* (1(85)), 53–70.

Вологова, Ю. (2024). Государственные корпорации в реализации научно-технологической политики России. *Общество и экономика,* (6), 61–81. https://doi.org/10.31857/S0207367624060055

Вологова, Ю. (2025а). Программы инновационного развития госкомпаний и политика технологического суверенитета: в поисках связи. *Общество и экономика,* (10), 24–37. https://doi.org/10.31857/S0207367625100023

Вологова, Ю. В. (2025б). *Программы инновационного развития: опыт реализации и новые приоритеты в политике технологического суверенитета:* научный доклад. Москва: Институт экономики Российской академии наук, 66.

Вологова, Ю. В., Соколов, А. Б., Назарова, О. Е. (2023). *Формирование инструментов, мер и механизмов поддержки российского ИКТ-сектора в условиях нестабильности внешней среды:* научный доклад. Москва: Институт экономики РАН, 79.

Гареев, Т. Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации. *Terra Economicus, 21* (4), 38–54. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54

Голиченко, О. Г. (2006). *Национальная инновационная система России: состояние и пути развития*. Москва: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство «Наука», 396.

Голиченко, О. Г. (2011). *Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России.* Москва: Наука, 634.

Голова, И. М. (2024). Теоретические основы модернизации инновационной политики России для обеспечения технологической независимости. *AlterEconomics, 21* (3), 431–451. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.1

Головнин, М. Ю., Николаев, И. А., Ахапкин, Н. Ю., Ленчук, Е. Б., Букина, И. С., Лыкова, Л. Н., Пылин, А. Г., Ушкалова, Д. И., Квашнина, И. А., Баскакова, М. Е., Бобков, В. Н., Гулюгина, А. А., Одинцова, Е. В., Седлов, А. П., Соболев, Э. Н., Соболева, И. В., Черных, Е. А. (2025). *Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития:* научный доклад. Москва: Институт экономики РАН, 120.

Горячева, Т. В., Мызрова, О. А. (2023). Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России. *Известия Саратовского университета. Новая*

серия. Серия: Экономика. Управление. Право, 23(2), 134–145. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145

Дементьев, В. Е. (2024). Технологический суверенитет и экономические интересы. *Journal of Institutional Studies, 16*(3), 6–18. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.3.006-018

Иванова, Н. И. (2002). *Национальные инновационные системы.* Москва: МАИК «Наука», 244.

Иванова, Н. И., Ночевкина, Л. П., Данилин, И. В., Шелюбская, Н. В., Тоганова, Н. В., Черноуцан, Е. М., Костюкова, К. С., Глотова, М. П., Кириченко, И. В., Мамедьяров, З. А., Левашенко, А. Д. (2016). *Отраслевые инструменты инновационной политики.* Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, 161. https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0478-2

Квинт, В. Л., Трачук, А. В., Дзгоев, В. Д. (2021). *Стратегирование национальных и региональных инновационных систем.* Москва: Издательский дом «Бюджет», 199. https://doi.org/10.34829/KARO.978-5-6046414-0-8

Клейнер, Г. Б. (2024). Генерация инноваций в условиях ограничений. *Финансы и бизнес, 20*(2), 73–80. https://doi.org/10.5281/zenodo.14267969

Корнаи, Я. (2002). Системная парадигма. *Вопросы экономики,* (4), 4–11.

Кравченко, Н. А. (2021). Национальная инновационная система: незавершённое строительство. *Управление наукой: теория и практика, 3*(4), 44–50. https://doi.org/10.19181/smtp.2021.3.4.5

Ленчук, Е. Б. (2024). Технологический суверенитет — новый вектор научно-технологической политики России. *Журнал Новой экономической ассоциации,* (3(64)), 232–237. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_232-237

Ленчук, Е. Б. (2025). Технологический суверенитет в фокусе Российской экономической политики. *Научные труды Вольного экономического общества России, 253*(3), 421–431. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-421-431

Ленчук, Е. Б., Николаев, И. А., Лыкова, Л. Н., Ахапкин, Н. Ю., Филатов, В. И., Соколов, А. Б., Доржиева, В. В., Вологова, Ю. В., Афанасьев, А. А., Волошин, В. И., Иванова, Л. Н., Ильина, С. А. (2024). *Трансформация российской экономики в условиях формирования технологического суверенитета.* Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя», 368.

Ленчук, Е. Б., Филатов, В. И. (2024). Проекты технологического суверенитета как инструмент инновационного развития российской экономики. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 17*(3), 68–81. https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.4

Полтерович, В. (2008). Принципы формирования национальной инновационной системы. *Проблемы теории и практики управления,* (11), 8–19.

Разинкина, И. В. (2022). Развитие спирали инноваций: сравнительный анализ инновационных моделей тройной, четверной и пятерной спиралей. *Экономические науки,* (1(206)), 131–137. https://doi.org/10.14451/1.206.131

Самоволева, С. А. (2022). Трансформация инновационной политики: прежние ориентиры и новые вызовы. *Инновации,* (1(279)), 71–80. https://doi.org/10.26310/2071-3010.2022.279.1.009

Сараев, В. В., Медовников, Д. С., Розмирович, С. Д., Оганесян, Т. К., Мамедьяров, З. А., Костина, Г. А., Механик, А. Г., Рубан, О. Л., Рыцарева, Е. К., Степанов, А. К., Чеховский, И. В. (2020). *Рождение корпоративных экосистем.* Москва: «Иннопрактика», 86.

Смородинская, Н. В. (2015). *Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу.* Москва: ИЭ РАН, 344.

Смородинская, Н., Катуков, Д. (2024). Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность. *Общество и экономика,* (12), 5–25. https://doi.org/10.31857/S0207367624120014

Etzkowitz, H., & Leydesdorff, L. (2000). The dynamics of innovation: From National Systems and "Mode 2" to a Triple Helix of university–industry–government relations. *Research Policy, 29*(2), 109–123. https://doi.org/10.1016/S0048-7333(99)00055-4

Jurowetzki, R., Lema, R., & Lundvall, B. (2018). Combining innovation systems and global value chains for development: Towards a research agenda. *European Journal of Development Research, 30* (3), 364–388. https://doi.org/10.1057/s41287-018-0137-4

Kornai, J. (2016). The system paradigm revisited: Clarification and additions in the light of experiences in the post-socialist region. *Acta Oeconomica, 66* (4), 547–596. https://doi.org/10.1556/032.2016.66.4.1

Lundvall, B.-Å., Dosi, G., & Freeman, C. (1988). Innovation as an interactive process: From user-producer interaction to the national system of innovation. In G. Dosi, C. Freeman, R. Nelson, G. Silverberg, & L. L. G. Soete (Eds.), *Technical change and economic theory* (pp. 349–369). Pinter Publishers.

Sheptunov, S. A., Karlova, T. V., Vorobjev, I. V., & Barashkova, A. L. (2017). Successful press service for science: Conditions and methods. In *2017 International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies" (IT&QM&IS)* (pp. 279–281). IEEE. https://doi.org/10.1109/ITMQIS.2017.8085810

Takács, P. (2020). Renaming States — A Case Study: Changing the name of the Hungarian State in 2011. Its background, reasons, and Aftermath. *International Journal for the Semiotics of Law — Revue Internationale De Sémiotique Juridique, 33* (3), 899–927. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09692-y

References

Afanasyev, A. (2025). The national project of technological leadership as a tool for the development of domestic machine tool industry. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics],* (11), 32–47. https://doi.org/10.7868/S3034543X25110034 (In Russ.)

Dementiev, V. E. (2024). Technological sovereignty and economic interests. *Journal of Institutional Studies, 16* (3), 6–18. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.3.006-018 (In Russ.)

Etzkowitz, H., & Leydesdorff, L. (2000). The dynamics of innovation: From National Systems and "Mode 2" to a Triple Helix of university–industry–government relations. *Research Policy, 29* (2), 109–123. https://doi.org/10.1016/S0048-7333(99)00055-4

Gareev, T. R. (2023). Technological sovereignty: From conceptual contradiction to practical implementation. *Terra Economicus, 21* (4), 38–54. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54 (In Russ.)

Golichenko, O. G. (2006). *Natsional'naya innovatsionnaya sistema Rossii: sostoyaniye i puti razvitiya [National innovation system of Russia: Current state and growth prospects]*. Moscow: Nauka Publ., 396. (In Russ.)

Golichenko, O. G. (2011). *Osnovnyye faktory razvitiya natsional'noy innovatsionnoy sistemy: uroki dlya Rossii [The main factors of the development of the national innovation system: Lessons for Russia]*. Moscow: Nauka Publ., 634. (In Russ.)

Golova, I. M. (2024). Theoretical foundations for modernizing Russia's innovation policy to ensure technological independence. *AlterEconomics, 21* (3), 431–451. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.1 (In Russ.)

Golovnin, M. Yu., Nikolaev, I. A., Akhapkin, N. Yu., Lenchuk, E. B., Bukina, I. S., Lykova, L. N., Pylin, A. G., Ushkalova, D. I., Kvashnina, I. A., Baskakova, M. E., Bobkov, V. N., Gulyugina, A. A., Odintsova, E. V., Sedlov, A. P., Sobolev, E. N., Soboleva, I. V., & Chernykh, E. A. (2025). *Rossiyskaya ekonomika pod sanktsionnym davleniyem: promezhutochnyye itogi (2022–2025 gg.) i perspektivy razvitiya: Nauchnyy doklad [Russian Economy Under Sanction Pressure: Preliminary Results (2022–2025) and Prospects for Development: Scientific Report]*. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 120. (In Russ.)

Goryacheva, T. V., & Myzrova, O. A. (2023). The role and place of technological sovereignty in ensuring the Russian economy sustainability. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law], 23* (2), 134–145. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145 (In Russ.)

Ivanova, N. I. (2002). *Natsional'nyye innovatsionnyye sistemy [National innovation systems]*. Moscow: International Academic Publishing Company "Nauka", 244. (In Russ.)

Ivanova, N. I., Nochevkina, L. P., Danilin, I. V., Shelyubskaya, N. V., Toganova, N. V., Chernoutsan, E. M., Kostyukova, K. S., Kirichenko, I. V., Mamedyarov, Z. A., & Levashenko, A. D.

(2016). *Otraslevyye instrumenty innovatsionnoy politiki [Industry tools of innovation policy]*. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 161. https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0478-2 (In Russ.)

Jurowetzki, R., Lema, R., & Lundvall, B. (2018). Combining innovation systems and global value chains for development: Towards a research agenda. *European Journal of Development Research, 30*(3), 364–388. https://doi.org/10.1057/s41287-018-0137-4

Kleiner, G. B. (2024). Generating innovations under restrictions. *Finansy i biznes [Finance and Business], 20*(2), 73–80. https://doi.org/10.5281/zenodo.14267969 (In Russ.)

Kornai, J. (2016). The system paradigm revisited: Clarification and additions in the light of experiences in the post-socialist region. *Acta Oeconomica, 66*(4), 547–596. https://doi.org/10.1556/032.2016.66.4.1

Kornai, Ja. (2002). System paradigm. *Voprosy Ekonomiki,* (4), 4–11. (In Russ.)

Kravchenko, N. A. (2021). National innovation system: Construction in progress. *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika [Science Management: Theory and Practice], 3*(4), 44–50. https://doi.org/10.19181/smtp.2021.3.4.5 (In Russ.)

Kvint, V. L., Trachuk, A. V., & Dzgoev, V. D. (2021). *Strategirovaniye natsional'nykh i regional'nykh innovatsionnykh sistem [Strategizing national and regional innovation systems]*. Moscow: Publishing House "Byudzhet", 199. https://doi.org/10.34829/KARO.978-5-6046414-0-8 (In Russ.)

Lenchuk, E. B. (2024). Technological sovereignty — a new trend in Russian scientific and technological policy. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association],* (3(64)), 232–237. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_232-237 (In Russ.)

Lenchuk, E. B. (2025). Technological sovereignty in focus of Russian economic policy. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 253*(3), 421–431. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-421-431 (In Russ.)

Lenchuk, E. B., & Filatov, V. I. (2024). Technological Sovereignty Projects as a Tool for Innovative Development of the Russian Economy. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 17*(3), 68–81. https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.4 (In Russ.)

Lenchuk, E. B., Nikolaev, I. A., Lykova, L. N., Akhapkin, N. Yu., Filatov, V. I., Sokolov, A. B., Dorzhieva, V. V., Vologova, Yu. V., Afanasyev, A. A., Voloshin, V. I., Ivanova, L. N., & Ilyina, S. A. (2024). *Transformatsiya rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh formirovaniya tekhnologicheskogo suvereniteta [Transformation of the Russian economy in the context of the formation of technological sovereignty]*. Saint Petersburg: "Aleteyya" Publ., 368. (In Russ.)

Lundvall, B.-Å., Dosi, G., & Freeman, C. (1988). Innovation as an interactive process: From user-producer interaction to the national system of innovation. In G. Dosi, C. Freeman, R. Nelson, G. Silverberg, & L. L. G. Soete (Eds.), *Technical change and economic theory* (pp. 349–369). Pinter Publishers.

Polterovich, V. (2008). National innovation system formation principles. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Theoretical and Practical Aspects of Management],* (11), 8–19. (In Russ.)

Razinkina, I. V. (2022). Evolution of innovation helix: Comparative analysis of triple, quadruple and quintuple helix models. *Ekonomicheskiye nauki [Economic Sciences],* (1(206)), 131–137. https://doi.org/10.14451/1.206.131 (In Russ.)

Samovoleva, S. A. (2022). Innovation policy development: Former objectives and new challenges. *Innovatsii [Innovations],* (1(279)), 71–80. https://doi.org/10.26310/2071-3010.2022.279.1.009 (In Russ.)

Sarayev, V. V., Medovnikov, D. S., Rozmirovich, S. D., Oganesyan, T. K., Mamed'yarov, Z. A., Kostina, G. A., Mekhanik, A. G., Ruban, O. L., Rytsareva, E. K., Stepanov, A. K., & Chekhovskiy, I. V. (2020). *Rozhdeniye korporativnykh ekosistem [The birth of corporate ecosystems]*. Moscow: Innopraktika Publ., 86. (In Russ.)

Sheptunov, S. A., Karlova, T. V., Vorobjev, I. V., & Barashkova, A. L. (2017). Successful press service for science: Conditions and methods. In *2017 International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies" (IT&QM&IS)* (pp. 279–281). IEEE. https://doi.org/10.1109/ITMQIS.2017.8085810

Smorodinskaya, N. V. (2015). *Globalizirovannaya ekonomika: ot iyerarkhiy k setevomu ukladu [The globalized economy: From hierarchies to a network order]*. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 344. (In Russ.)

Smorodinskaya, N., & Katukov, D. (2024). A global turn in national industrial strategies: The move towards technological self-sufficiency. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economy],* (12), 5–25. https://doi.org/10.31857/S0207367624120014 (In Russ.)

Takács, P. (2020). Renaming States — A Case Study: Changing the name of the Hungarian State in 2011. Its background, reasons, and Aftermath. *International Journal for the Semiotics of Law — Revue Internationale De Sémiotique Juridique, 33* (3), 899–927. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09692-y

Vlaskin, G. A. (2017). Innovation potential of big business in Russia. *Federalizm [Federalism],* (1(85)), 53–70. (In Russ.)

Vologova, Yu. (2024). State corporations in the implementation of scientific and technological policy of Russia. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics],* (6), 61–81. https://doi.org/10.31857/S0207367624060055 (In Russ.)

Vologova, Yu. (2025a). Innovative development programs of state-owned companies and the policy of technological sovereignty: In search of connections. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics],* (10), 24–37. https://doi.org/10.31857/S0207367625100023 (In Russ.)

Vologova, Yu. V. (2025b). *Programmy innovatsionnogo razvitiya: Opyt realizatsii i novyye prioritety v politike tekhnologicheskogo suvereniteta: Nauchnyy doklad [Innovative Development Programs: Implementation experience and new priorities in the policy of technological sovereignty: Scientific Report]*. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 66. (In Russ.)

Vologova, Yu. V., Sokolov, A. B., & Nazarova, O. E. (2023). *Formirovaniye instrumentov, mer i mekhanizmov podderzhki rossiyskogo IKT-sektora v usloviyakh nestabil'nosti vneshney sredy: Nauchnyy doklad [Formation of tools, measures and mechanisms to support the Russian ICT-sector in conditions of unstable external environment: Scientific Report]*. Moscow: Institute of Economics, RAS, 79. (In Russ.)

Информация об авторе

Вологова Юлия Викторовна — научный сотрудник, Институт экономики РАН; http://orcid.org/0009-0008-8556-5858 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; e-mail: yuliya-vologova@yandex.ru).

About the author

Yuliya V. Vologova — Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; http://orcid.org/0009-0008-8556-5858 (32, Nakhimovskiy Prospekt, 117218, Moscow, Russian Federation, 117218; e-mail: yuliya-vologova@yandex.ru).

Дата поступления рукописи: 18.12.2025.
Прошла рецензирование: 24.12.2025.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 18 Dec 2025.
Reviewed: 24 Dec 2025.
Accepted: 10 Feb 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.12
УДК 339.98
JEL F50, F51, F52, F62

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Геополитическая фрагментация мировой экономики как вызов XXI века[1]

Наталия В. СМОРОДИНСКАЯ
Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Смородинская, Н. В. (2026). Геополитическая фрагментация мировой экономики как вызов XXI века. *AlterEconomics, 23*(1), 210–233. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.12

Аннотация. В статье анализируется тренд геополитической фрагментации мировой экономики начала 2020-х годов, угрожающий ее поляризацией на две производственные экосистемы с альтернативными технологическими стандартами — Западный блок стран во главе с США и Восточный во главе с Китаем. Сначала с позиций геоэкономики (новой междисциплинарной области исследований, изучающей взаимосвязи между экономическими процессами и геополитикой) уточняется трактовка ряда важных понятий (секьюритизация, вепонизация, экономический стейткрафт, технологический национализм и др.), необходимых для анализа перемен в характере поведения и взаимодействия стран в XXI веке. Затем в контексте кризиса либерального международного порядка рассматривается сам тренд геополитической фрагментации и логика его негативного воздействия на экономический рост (с опорой на имеющиеся в литературе результаты моделирования). Показано, что, в отличие от деглобализации 2010-х года или вариантов экономической регионализации, данный тренд обусловлен стратегическими решениями правительств в области безопасности и может разворачиваться вразрез с логикой рыночной эффективности. Далее рассмотрен ключевой драйвер геополитической фрагментации — соперничество США и Китая за глобальное технологическое доминирование, включая их стратегии по достижению технологического суверенитета (самодостаточности). Подчеркивается, что это соперничество ставит большинство стран перед дилеммой принудительного геополитического выбора между двумя блоками, не имеющей эффективного экономического решения, а сама поляризация мира на блоки ведет к падению глобальной эффективности, сокращая потенциал роста у всех типов национальных экономик. В заключение делается вывод, что тренд фрагментации продолжится, а исход соперничества двух сверхдержав будет определять новый международный порядок. Вместе с тем ход технологического прогресса может со временем вернуть страны к прежней внешней открытости, а политика экономического принуждения, используемая США и Китаем, — упереться в новую модель глобализации, основанную на свободной торговле цифровыми услугами.

Ключевые слова: геополитическая фрагментация, геоэкономика, технологический национализм, соперничество США и Китая, технологический суверенитет, экономическая безопасность

Благодарность: Исследование выполнено в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН на тему «Структурная модернизация и обеспечение технологического суверенитета России».

[1] © Смородинская Н. В. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Geopolitical Fragmentation of the World Economy as a Challenge of the 21st Century

Nataliya V. SMORODINSKAYA
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Smorodinskaya, N. V. (2026). Geopolitical Fragmentation of the World Economy as a Challenge of the 21st Century. *AlterEconomics, 23*(1), 210–233. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.12

Abstract. This study analyzes the trend toward geopolitical fragmentation of the global economy in the early 2020s, which threatens to polarize it into two competing production ecosystems with rival technological standards: a Western bloc led by the United States and an Eastern bloc led by China. The study draws on the perspective of geoeconomics, an interdisciplinary field that examines the links between economic processes and geopolitics. Key concepts, including securitization, weaponization, economic statecraft, and technological nationalism, are explained to illuminate the changing nature of state behavior and interactions in the twenty-first century. In the context of the crisis of the liberal international order, the study examines the dynamics of geopolitical fragmentation and uses existing modeling results to explore how it negatively affects economic growth. Unlike the deglobalization of the 2010s or processes of economic regionalization, this trend is driven primarily by governments' strategic decisions in the security domain and may unfold in ways that diverge from the logic of market efficiency. The principal driver of fragmentation is the technological rivalry between the United States and China, including their respective strategies for achieving technological sovereignty. This rivalry imposes on most countries a dilemma of forced geopolitical alignment between the two blocs, for which no economically efficient solution exists. Polarization itself constitutes an independent source of declining global efficiency, reducing the growth potential of national economies. The trend toward fragmentation is likely to persist, and the outcome of the U.S.–China rivalry will play a decisive role in shaping the emerging international order. At the same time, technological progress may eventually encourage a return to greater economic openness, while the economic coercion policies pursued by both the United States and China may come into tension with an emerging model of globalization based on the free flow of digital services.

Keywords: geopolitical fragmentation, geoeconomics, technological nationalism, US-China rivalry, technological sovereignty, economic security

Acknowledgments: The study was carried out at the Centre for Innovation Economy and Industrial Policy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences under the state assignment "Structural modernization and ensuring Russia's technological sovereignty."

1. Введение

В 2025 г. геополитические конфликты между странами и разворот США при втором президентстве Д. Трампа от традиционной роли лидера либеральной демократии к политике глобального тарифного торга обозначили окончательное крушение либерального международного порядка (*Liberal International Order*), действовавшего на протяжении почти 80 лет. Этот порядок, введенный в конце 1940-х гг. по инициативе США и их союзников, устанавливал в системе международных экономических взаимодействий либеральные принципы (экономическая открытость, свобода торговли и рыночной конкуренции, инклюзивная многосторонняя кооперация) в расчете на то, что они приведут к повышению взаимной торговой-экономической зависимости стран друг от друга как гарантии против развязывания новых мировых войн (Brands, 2025). В 1990-е гг., с окончанием Холодной войны, либеральные принципы стали универсальной основой глобального экономического управления, а страны Запада и Востока, включая догоняющие постсоветские экономики, начали стремительно наращивать связи и получать взаимные выгоды как партнеры по глобальным цепочкам. В итоге либеральный порядок обеспечил самый длительный

в современной истории период отсутствия глобальных военных конфликтов, сформировал эффективную модель распределенного производства и сделал глобализацию игрой с положительной суммой (*win-win game*), где все участники выигрывали от снижения издержек и повышения устойчивости роста[1] (Mariotti, 2024).

Однако за три десятилетия бурной глобализации, интеграции и особой скорости обновления цифровых технологий в мировой экономике появились новые центры влияния, новые структурные дисбалансы и новые типы рисков. К 2020-м гг. обнаружилось, что возросшая сетевая связность всех крупных экономик мира имеет изнаночную сторону — значительный потенциал для конфликта интересов и геополитических трений. И развитые, и развивающиеся страны столкнулись с широким спектром вызовов в своих взаимодействиях: волновое распространение внезапных шоков по каналам глобальных поставок, трансформация взаимозависимости из инструмента развития в оружие принуждения партнеров к уступкам (вепонизация), необходимость вступления в непрерывную технологическую гонку, превращающую партнеров в соперников, и др. На этом фоне шоки и коллизии последних лет подтолкнули их к радикальному пересмотру либеральных установок: экономическая открытость и взаимная зависимость воспринимаются теперь не как источник выгод и долгосрочной стабильности, а как фактор уязвимости перед внешним давлением и угроза подрыва суверенитета (Aiyar et al., 2023; De Bolle et al., 2025).

Как результат, с начала 2020-х гг. на всех континентах началась синхронная и массовая секьюритизация национальных экономических курсов. Впервые в современной истории правительства переориентируют свои промышленные и научно-технологические стратегии с традиционных задач повышения экономической эффективности на приоритеты геополитики и укрепления эконмической безопасности. Этот разворот сопровождается возрождением в странах альтернативных либеральному порядку принципов протекционизма и экономического национализма, как правило, с фокусом на различных вариантах технологического национализма, от обеспечения самодостаточности и суверенитета до амбициозных задач достижения технологического лидерства (Смородинская, Катуков, 2024b; 2024a).

С резким отходом стран от либерального порядка система их экономических взаимодействий утратила прежние коллективные правила игры, не имея новых, и, по сути, вошла в хаотичную фазу неравновесного транзита, особенно при «двусторонних сделках» администрации Трампа (Смородинская и др., 2025). Соответственно, интеграционный тренд в мировой экономике сменился на тренд ее дезинтеграции (фрагментации), порождаемый движением стран к большей экономической закрытости. В данной статье мы стремимся разобраться в этом масштабном вторжении геополитики в логику экономических решений, сосредотачиваясь на феномене геополитической фрагментации, который в последние два года стал одним из ключевых сюжетов международного экономического дискурса. При этом мы исходим из того, что в международной политической экономии появилась новая область теоретических и эмпирических исследований — геоэкономика (*geoeconomics*), сконцентрированная на изучении взаимосвязей между экономическими процессами и геополитикой, прежде всего в контексте

[1] В частности, благодаря включению в цепочки мировых лидеров не только крупные (Китай, Индия, Бразилия), но и небольшие развивающиеся страны (Вьетнам, Таиланд, Чили и др.) смогли совершить рывок в промышленном производстве и экспорте за счет притока прямых иностранных инвестиций и доступа к передовым технологиям.

борьбы стран за международное влияние и комплексное обеспечение безопасности (Mohr & Trebesch, 2025).

В начале статьи описывается важная геоэкономическая лексика, вошедшая в научный оборот. Мы стремимся уточнить трактовку ряда понятий (секьюритизация, вепонизация, экономический стейткрафт, технологический национализм и др.), необходимых для анализа перемен в характере поведения и взаимодействия стран в XXI в. Затем мы рассмотрим непосредственно тренд фрагментации мировой экономики на геополитические блоки, поясним отличие этого процесса от других вариантов фрагментации и феномена деглобализации 2010-х гг., а также разберем логику его негативного воздействия на экономический рост, опираясь на имеющиеся в литературе результаты моделирования. Третья часть статьи посвящена главному драйверу геополитической фрагментации — стратегическому соперничеству США и Китая за глобальное технологическое доминирование. Сравнивая курсы обеих держав на технологическую самодостаточность, мы показываем зеркальное различие их подходов к взаимному соперничеству, а также однотипность его агрессивных методов, вынуждающих большинство стран идти на принудительный выбор между Западным и Восточным блоками, не имеющий эффективного экономического решения.

Мы приходим к выводу, что в обозримой перспективе фрагментация мира на блоки будет инерционно продолжаться, а исход соперничества двух сверхдержав будет во многом определять новый международный порядок. Вместе с тем ход технологического прогресса может со временем вернуть страны к прежней внешней открытости, а политика экономического принуждения, используемая США и Китаем, — упереться в новую модель глобализации, основанную на свободной торговле цифровыми услугами.

2. Включение геополитики в экономический ландшафт: новые геоэкономические понятия

Для анализа происходящих перемен в системе межстрановых взаимодействий и растущего влияния геополитических соображений на стратегии национального развития экономисты стали всё больше обращаться к понятийным заимствованиям из современной политологии и теории международных отношений. Возникшая в ходе научных дискуссий область междисциплинарных исследований, именуемая геоэкономикой, лишь только формируется и пока имеет размытые предметные рамки. Однако реалии и вызовы, с которыми столкнулись правительства, явно вышли за пределы привычной терминологии, представленной в экономическом мейнстриме.

Термин «геоэкономика» впервые появился в 1990 г. в статье американского экономиста и историка Э. Люттвака «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика торговли» (Luttwak, 1990). Описывая новую эру межгосударственного соперничества после окончания Холодной войны, автор подчеркивал, что логика военных конфликтов осталась прежней, но реализуется теперь не с помощью военной силы, а в виде торгово-экономических практик, призванных обеспечить стране технологическое превосходство над соперником, безопасность и захват доли мирового рынка[1]. Позднее специалисты-международники разработали более широкое понятие геоэкономики как результата слияния геополитики с вопросами экономического

[1] По сути, Э. Люттвак предварил появившееся позднее понятие «вепонизации торговли». Его работа легла в основу современных дискуссий о торговых войнах, санкциях как инструменте принуждения и об использовании торгово-экономической зависимости партнеров в стратегических целях, в частности, в соперничестве между США и Китаем.

развития (Council on Foreign Relations, 2025)[1]. Именно эта трактовка легла в начале 2020-х гг. в основу теоретических дискуссий и эмпирических работ, ставших концептуальным ответом экономистов на синхронное вхождение стран в фазу радикальной перестройки многолетних правил игры.

Согласно обстоятельной обзорной работе К. Мор и К. Требеша (Mohr & Trebesch, 2025), геоэкономика изучает систему взаимосвязей между геополитическими и экономическими процессами, причем геополитика рассматривается ею как международное политическое соперничество стран за влияние и контроль над стратегическими пространствами (территориями и их населением). Проще говоря, геоэкономический анализ сводится к выявлению того, как геополитические приоритеты стран формируют их экономическую политику и ее инструменты, и наоборот, — как экономическая повестка стран влияет на достижение ими своих геополитических целей. Если политэкономия исследует взаимоотношения между политикой и экономикой в целом, то геоэкономика фокусируется на международных аспектах этих отношений.

Рассмотрим ряд важных концептуальных понятий из корпуса литературы по геоэкономике, которые помогают осмыслить новый характер поведения стран, связанный с разворотом их экономических курсов на приоритеты безопасности и с рисками фрагментации мировой экономики на геополитические блоки.

Геополитический риск (geopolitical risk). Это понятие определяется как угроза, реализация или эскалация неблагоприятных событий, ведущих к возрастанию политической напряженности между государствами, которое препятствует мирному развитию международных отношений (вооруженные конфликты, терроризм и др.) (Caldara & Iacoviello, 2022).

Международный экономический порядок (International economic order). Это понятие имеет множество трактовок в современных исследованиях (Тамбовцев, 2025). Одни авторы понимают под ним совокупность стран, упорядоченных по своей экономической мощи и силе влияния, т. е. сложившийся на данном этапе баланс экономических сил и траекторию его изменения, другие рассматривают порядок как международное соглашение о правилах игры, регулирующих нормах и институтах, определяющих поведение стран и принципы их экономического взаимодействия (Ing & Rodrik, 2025). В последние годы в литературе также используется понятие «геоэкономического порядка» (*geoeconomic order*), которое подчеркивает соединение экономических и геополитических мотивов во внешнеэкономическом поведении стран (торговых, инвестиционных, технологических взаимодействиях), отражающее процесс секьюритизации национальных экономических стратегий при одновременном проникновении экономических императивов в стратегии национальной безопасности (Roberts et al., 2019).

Великие державы (great powers). Политологи и историки квалифицируют так государства, способные распространять свое влияние далеко за пределы собственных границ посредством военной мощи, международной торговли или финансовых инструментов (Kennedy, 1987). В современных профильных исследованиях к числу великих держав традиционно относят США, Великобританию, Францию, Германию, Россию, Японию, Китай, а в последние десятилетия ещё Индию и Бразилию (Mohr & Trebesch, 2025).

[1] Council on Foreign Relations. (2025). *U.S. economic security: Winning the race for tomorrow's technologies*. Task force report. (No. 83). [Электронный ресурс]. https://cfr.org/task-force-report/us-economic-security (дата обращения: 10.12.2025).

Экономическая безопасность (economic security). Это понятие прошло заметную эволюцию — от нейтрализации итогов больших кризисов (1930-е гг.) до действий государства в условиях Холодной войны (1970-е гг.), приравнивания безопасности к национальной экономической конкурентоспособности (по Портеру, 1990 г.) или, уже на современном этапе, — к обеспечению технологического суверенитета в условиях геополитических вызовов (Кузьмин, Портанский, 2025). Однако до сих пор оно не имеет однозначной научной трактовки (Афонцев, 2020). Представители геоэкономики рассматривают его как результат проникновения приоритетов национальной безопасности, традиционно тяготеющих к вопросам обороны, в национальные стратегии экономического развития, традиционно тяготеющие в экономическом мейнстриме к вопросам повышения эффективности (Council on Foreign Relations, 2025)[1]. В формулировке М. Гудмана, директора Гринбергского центра геоэкономических исследований (США), политика экономической безопасности — это особое направление национальной внешней политики, которое охватывает любые государственные интервенции по смягчению внешних экономических рисков (шок пандемии, изменение климата, наложение санкций, импортная зависимость и др.), способных нанести ущерб национальной безопасности страны или ее долгосрочному благосостоянию (Policymaking is all about Trade-Offs, 2024)[2].

Секьюритизация (securitization). Согласно концепции секьюритизации, разработанной Копенгагенской школой исследований безопасности, любая проблема общественного развития, возводимая в ранг проблем безопасности, трактуется как экзистенциальная угроза для государства, общества или системы международных отношений, что требует от правительств не просто структурированной политики, а специальных, экстраординарных мер, нацеленных на выживание системы (Balzacq et al., 2016). Синхронная секьюритизация странами своих промышленных и научно-технологических стратегий в начале 2020-х гг. подчиняет их повестку вопросам безопасности. Страны теперь исходят из неизбежности конфликта интересов (вместо прежнего поиска взаимовыгодного консенсуса) и минимизируют многосторонние международные обязательства как ограничивающие их суверенитет (De Bolle et al., 2025). Концентрируясь на внешних угрозах, они стремятся обеспечить безопасность любой ценой, ослабить критическую зависимость от входящих зарубежных потоков и достичь эксклюзивных выигрышей в технологической гонке (Смородинская и др., 2025). В литературе также отмечается популистский характер курса на секьюритизацию, вызванный попыткой правительств объяснить истоки внутренних структурных проблем или межстрановых дисбалансов (рост социального неравенства, торговые дефициты) изъянами глобализации и экономической открытости.[3]

---

[1] Council on Foreign Relations. (2025). *U.S. economic security: Winning the race for tomorrow's technologies*. Task force report. (No. 83). [Электронный ресурс]. https://cfr.org/task-force-report/us-economic-security (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Policymaking is all about Trade-Offs. (2024, April 01). *Council on Foreign Relations*. [Электронный ресурс]. https://cfr.org/article/policymaking-all-about-trade-offs (дата обращения: 02.01.2026).

[3] К проявлениям подобного популизма экономисты относят идею Брекзита (2016 г.), призывы правительств к свертыванию странами своего участия в глобальных цепочках при шоке пандемии («идеальный шторм» глобализации весной 2020 г.), развязывание США первой торговой войны с Китаем ради устранения последствий офшоринга (2018 г.) и развертывание Трампом глобального раунда повышения тарифов (2025 г.) (WTO, 2025).

Экономический национализм (economic nationalism). Исторически эта доктрина приоритезирует развитие национального рынка над задачами экономической интеграции, поддержку национальных компаний в конкуренции с иностранными или ограничение иностранного присутствия в экономике. Такой курс может быть нацелен как на догоняющее развитие страны, так и на встречное сдерживание развития стран-конкурентов (De Bolle et al., 2025). Его современная модель 2020-х гг. выстраивается вокруг секьюритизации: под знаком безопасности страны возвращаются к широким государственным интервенциям, более закрытой модели роста (протекционизм, импортозамещение, локализация поставок) и продвижению на внешних рынках своих экономических интересов без учета интересов партнеров или в ущерб им (Hauge et al., 2025). Центральной повесткой, связанной с геополитикой, становится *технологический национализм*, нацеленный на достижение самодостаточности, суверенитета или лидерства в сфере технологического развития (Capri, 2024). Сегодня все крупные экономики Глобального Севера и Глобального Юга планируют в той или иной мере добиться суверенитета в критически важных технологиях, одновременно претендуя на лидерство в отдельных передовых технологиях (Смородинская, Катуков, 2024b).

Вепонизация взаимозависимостей (weaponized interdependence). Вепонизация странами взаимных торгово-финансовых и технологических зависимостей, возросших в ходе глобализации, считается новым мощным экономическим оружием, которое может распространяться по миру подобно ядерному оружию, превращая эти зависимости в рычаги внешнеполитического давления и стратегического влияния (Farrell & Newman, 2025; Mohr & Trebesch, 2025). Влиятельные страны (великие державы) воздействуют на партнеров и сдерживают конкурентов, зависящих от их поставок или спроса, с помощью разнообразных инструментов *экономического принуждения* (*economic coercion*) (Drezner, 2024). Так, США широко пользуются рычагами финансового и санкционного давления на партнеров в интересах геополитики, Китай создал мощный государственный аппарат для перехвата у США новейших технологий и получения конкурентных выигрышей, а торговая война Трампа 2025 г., когда подъем тарифов стал впервые применяться как способ тотального давления на остальной мир, открыла эпоху массовой вепонизации (Farrell & Newman, 2025; Смородинская и др., 2025). Стратегии принуждения и силового сдерживания расцениваются в литературе как исключительно деструктивные по своим последствиям и ведущие к нарастанию геополитической напряженности (WTO, 2025).

Экономический стейткрафт (economic statecraft). Понятие стейткрафта (от англ. слов «государство» и «мастерство», обозначающих в сочетании «искусство госуправления») составляет основу практического инструментария геоэкономической политики. Речь идет о комплексе специфических мер, посредством которых правительства реализуют одновременно три приоритета — достижение экономической безопасности, ускорение технологического развития и расширение геополитического влияния (Blackwill & Harris, 2017). Стейткрафт охватывает все виды экономического принуждения (санкции, вепонизацию торговли, подъем тарифов, экспортный контроль, инвестиционный скрининг и др.), а также набор стимулов, направляющих действия национального бизнеса на внешних рынках в заданное правительством русло геополитики (Drezner, 2024). В частности, правительства перешли к политике избирательного сотрудничества, разделив партнеров на страны-единомышленники, отношения с которыми строятся на принципах френдшоринга, и на «страны риска», для которых

предусмотрены принципы де-рискинга (ограничение связей) или декаплинга (полный разрыв связей в определенных секторах). Секьюритизация торговых связей размывает четкие грани между традиционными мерами протекционизма (например, повышение импортных пошлин) и современными инструментами внешнеэкономического давления, когда эти меры используются как оружие для принуждения партнеров к уступкам (например, тарифная война Д. Трампа в 2025 г.)[1]. Поэтому стейткрафт причудливо сочетает в себе защиту экономики от внешних угроз, включая угрозу вепонизации цепочек поставок, с агрессивным продвижением национальных интересов на внешних рынках, включая собственные меры вепонизации против стран-соперников (Смородинская и др., 2025).

Геоэкономическая фрагментация (geoeconomic fragmentation). Она определяется как процесс свертывания глобальной экономической интеграции стран и рынков, обусловленный геополитическими мотивами и стратегическими соображениями правительств, включая их реакцию на возросшие геополитические риски (Aiyar et al., 2023). В современной литературе этот термин всё чаще используется как синоним *геополитической фрагментации* мировой экономики (Fernández-Villaverde et al., 2024). Геополитическое размежевание стран может происходить по самым разным каналам (торговые, инвестиционные, валютно-финансовые связи и др.) (Хейфец, 2024), но наиболее значительные глобальные последствия вызывает технологический декаплинг крупнейших экономик, включая взаимное ограничение поставок критической высокотехнологичной продукции и свертывание научно-технологического сотрудничества (Li, 2025). При этом связь геополитики и технологического прогресса пока изучена недостаточно (Mohr & Trebesch, 2025), особенно в контексте развития искусственного интеллекта и «зеленых технологий» (Konrad, 2024) — сфер ожесточенной борьбы стран за глобальное лидерство, где стратегии мультинациональных корпораций переплетаются с интересами национальной безопасности.

3. Геополитическая фрагментация и ее макроэкономические издержки

В новой мировой реальности XXI в. геополитические и ценностные приоритеты стран, диктуемые соображениями безопасности, всё шире доминируют над соображениями о сопутствующих экономических потерях, порождаемых движением наций к большей торговой и технологической закрытости. Готовность правительств усиливать самодостаточность национальных экономик и выстраивать их внешние связи только с идеологически близкими партнерами повышает угрозу новой фрагментации мира на недружественные блоки, которые соперничают и минимизируют взаимное сотрудничество, — подобно ситуации с прежней Холодной войной второй половины XX в.

В начале 2020-х гг. мировые лидеры и ведущие аналитические центры начали активно обсуждать и моделировать сценарии «Холодной войны 2.0», в которых условный Западный блок (США и их союзники, включая ЕС) полностью отделится от условного Восточного блока (Китай и его союзники, включая Россию) — при появлении группы нейтральных стран, стремящихся маневрировать между обоими блоками (Baqaee et al., 2024; Panon et al., 2024). Правительства видят угрозу в том, что возможный технологический декаплинг США и Китая приведет к поляризации

[1] В российской экономической литературе практика использования странами традиционных мер протекционизма в качестве инструмента давления на партнеров (в нарушении правил ВТО) описывается как феномен *неопротекционизма*, характерный для XXI в. (Мальцев, Чичилимов, 2023).

мировой экономики на две обособленных производственных экосистемы — тех, кто участвует в глобальных цепочках с опорой на технологические стандарты США, и тех, кто выстраивает технологические линии с ориентацией на Китай (Gopinath et al., 2025; Brands, 2025). Такое обособление деформирует сложившиеся механизмы глобальной конкуренции и международной кооперации, значительно сужая выгоды распределенного производства, которые поддерживали и ускоряли рост национальных экономик три прошлых десятилетия.

Хотя скорость и отраслевой охват обособления торговых блоков сегодня не очевидны, а состав их участников может сильно отклониться от ожидаемого (так, при втором президентстве Трампа из предполагаемого блока США могут выпасть их ближайшие союзники — Канада и Европа), движение США и Китая в сторону торгового и технологического декаплинга будет, скорее всего, нарастать, выступая конституирующим фактором фрагментации глобализированного мира на две системы связей. Таково общее видение и американских, и китайских исследователей, и западных, и восточных авторов, включая российских (Ing & Rodrik, 2025; Brands, 2025; Quah, 2025; Li, 2025; Кузьмин, Портанский, 2025).

С ростом геополитической напряженности в литературе стремительно множатся эмпирические работы по выявлению признаков фрагментации, френдшоринга и декаплинга — как явлений, подрывающих глобальную интеграцию (Aiyar et al., 2023). Наиболее емким индикатором динамики этого процесса стал *интегральный индекс геополитической фрагментации* — композитный показатель, охватывающий широкий спектр композитных субиндексов в области роста неопределенности, геополитических рисков, барьеров в торговле, инвестициях, политических связях и др. (рис. 1).

Индекс демонстрирует кардинальную смену исторических трендов в 2020-е гг. В период Холодной войны он стагнировал на околонулевой отметке (1975–1993 гг.), в 1990-е гг. — устойчиво снижался, отражая рост интеграции в ходе бурной глобализации, а после глобального кризиса 2008 г. индекс начал плавно расти и сделал не-

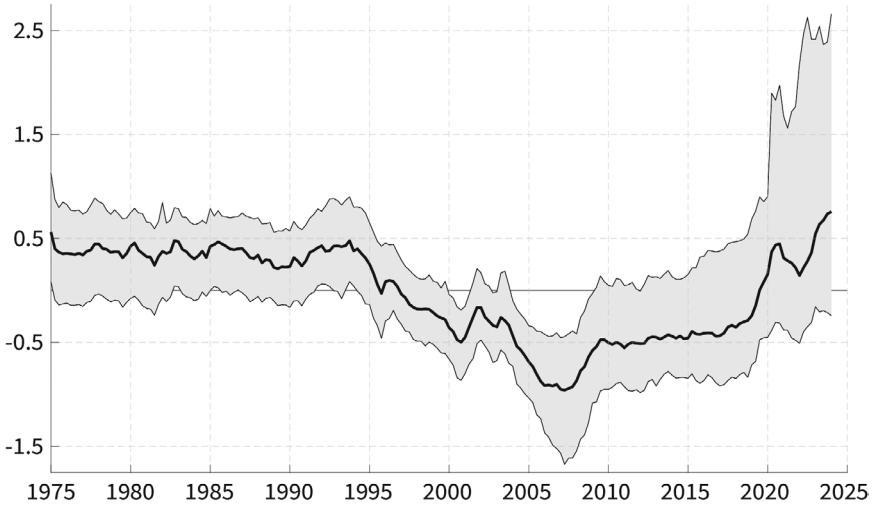

Рис. 1. *Интегральный индекс геополитической фрагментации, 1975–2025 гг. (источник: (Fernández-Villaverde et al., 2024))*
Fig. 1. *Integral Index of Geopolitical Fragmentation, 1975–2025*

который скачок в ходе первой торговой войны между США и Китаем (2018–2019 гг.) из-за взрывного подъема неопределенности в цепочках поставок. Шок пандемии 2020 г. поднял неопределённость еще выше, порождая призывы западных лидеров к решорингу и протекционизму, к ослаблению повышенной зависимости Европы от промежуточных поставок из Китая. *А после 2022 г. фрагментация резко взлетела до максимальных уровней за последние полвека,* отражая геополитические риски и возникшие торговые барьеры в условиях российско-украинского конфликта, введения западных санкций против России и российских контрсанкций в отношении Европы. Именно тогда в повестку дня вошла предложенная США идея френшоринга, а страны Запада начали пересматривать принцип инклюзивности в торговле, нацеливаясь на выбор партнеров с учетом фактора демократических ценностей и меньшей степени риска (Brands, 2025). Экономисты МВФ объясняют беспрецедентный подъем индекса именно геополитикой, вызвавшей секьюритизацию национальных экономических курсов и масштабную перестройку цепочек поставок на принципах френдшоринга (Gopinath et al., 2025).

В логике МВФ геополитическая фрагментация 2020-х гг. принципиально отличается как от иных случаев фрагментации, так и от естественной деглобализации после глобального кризиса 2008 г., именуемой в литературе слоубализацией (*slowbalization*) — замедлением мировой торговли при сохранении ее прежней открытости после двух десятилетий бурной экспансии. Эта модельная разница заключается в следующем (рис. 2).

Деглобализация представляет собой естественное сокращение или замедление роста экономических связей между странами (торговых, инвестиционных и др.) под влиянием изменений в технологиях, рыночной конъюнктуре или системе государственного регулирования. Этот процесс во многом определяется реакцией рынков, отражая изменение экономической эффективности различных форм международной кооперации.

Экономическая фрагментация обусловлена теми же сдвигами, но связана с рыночной регионализацией связей. В этом случае близкие друг другу страны

Рис. 2. *Соотношение деглобализации, экономической фрагментации и геополитической фрагментации (источник: адаптировано из (Norring, 2024))*
Fig. 2. *Relationship between Deglobalization, Economic Fragmentation, and Geopolitical Fragmentation*

(географически, институционально, по принципам внешней политики) выстраивают интеграционные альянсы с учетом факторов экономической эффективности[1]. Такая фрагментация далеко не всегда усиливает деглобализацию, поскольку межблоковое сокращение торговых связей может быть компенсировано ростом внутриблоковых (полностью или частично).

Геополитическая фрагментация является особым случаем, обусловленным стратегическими решениями правительств в области национальной безопасности, экономической самодостаточности или технологического соперничества. В этом случае перенаправление торговых потоков и образование блоков происходит по осям геополитического раскола «Восток — Запад» — вне связи с рыночным ходом интеграции и часто вопреки соображениям экономической эффективности. Поэтому данная модель фрагментации чревата нарастанием структурных деформаций и производственных затрат. Как показало моделирование (Ambrosino et al., 2026), в отличие от слоубализации 2010-х гг., фрагментация 2020-х гг. может сопровождаться не столько сокращением общего объема мировой торговли, сколько экономическим ущербом из-за возникающих геополитических барьеров на пути движения ресурсных потоков и, как следствие, неоптимальной структуры их распределения. Тем не менее правительства могут сознательно идти на макроэкономические издержки ради приоритетов безопасности или нанесения урона геополитическим соперникам, делая тем самым экономику заложницей геополитики (Norring, 2024).

Сегодня у экономистов сложился консенсус: *геополитической разлом может нести странам и миру серьезные потери в экономическом росте — в текущей макродинамике и особенно в долгосрочном потенциале, влияющем на уровень благосостояния.* Независимо от применяемых методик, все модельные расчеты в области фрагментации констатируют общий тренд возрастания издержек и падения эффективности от разрушения привычных экономических связей (Aiyar et al., 2023). Как отмечается в исследовании экспертов МВФ с красноречивым названием «Разделенные, мы рухнем» (“Divided We Fall”), помимо ограничений в торговле, фрагментация может сегментировать рынки, сокращать доступ стран к технологиям и рабочей силе, ограничивать потоки капиталов и международную кооперацию в целом, что в итоге снижает совокупную производительность и уровень жизни (Hakobyan et al., 2023).

Ключевые издержки геополитической фрагментации проистекают из разрыва глобальных цепочек поставок, где сегодня сосредоточено две трети мировой торговли промежуточными товарами. В этих условиях даже частичное прерывание поставок критической промежуточной продукции со стороны недружественных партнеров оборачивается для страны потерями в создании добавленной стоимости и, как следствие, — в объеме производства и экспорта. Одновременно может ускориться инфляция и сильно подорожать конечная продукция отраслей — из-за удорожания импорта и издержек переформатирования цепочек (Attinasi et al., 2025).

Литература последних лет содержит многообразные количественные оценки потерь от поляризации мира на блоки[2]. Так, расчеты экспертов ЕБРР (Javorcik et al., 2024) показывают, что только одна политика френшоринга, связанная с перено-

[1] Мы относим к обычным, естественным случаям фрагментации любые варианты экономической регионализации, которые определяются преимущественно рыночными процессами, включая интеграционную и макрорегиональную модели регионализации, выделенные в работах проф. Б. А. Хейфеца (Хейфец, 2024).

[2] В российских источниках обзор этих оценок содержится, в частности, в работе (Хейфец, 2024).

сом торговли или мощностей на территорию стран-союзников, может потенциально свести на нет выгоды от глобальной экономической интеграции последних десятилетий. По их оценке, френдшоринг, призванный обеспечить снижение рисков от вепонизации или от срыва поставок критического импорта, равнозначен введению дополнительных торговых ограничений, которые повышают издержки страны минимум на 20 % и ведут к потерям ее реального ВВП до 4,7 %. По другим оценкам, углубленная фрагментация торговли (по отраслевому охвату), особенно в сочетании с технологическим декаплингом, может ощутимо сжать ВВП у многих стран мира (Aiyar et al., 2023). Установлено также, что если разъединение между Западным и Восточным блоками охватит все отрасли, а не только стратегические сектора, то мировой ВВП может потерять в объеме до 15 % (Attinasi et al., 2025).

Другой консенсусный вывод экономистов заключается в том, что блоковое размежевание ведет к упущенному росту во всех странах без исключения, причем развивающиеся экономики пострадают больше, чем развитые, а самыми уязвимыми окажутся небольшие страны Глобального Юга, которые слабо интегрированы с рынками крупнейших экономик и не обладают достаточными ресурсами для наращивания технологической самодостаточности (Aiyar et al., 2023; Fernández-Villaverde et al., 2024). Оценки экспертов МВФ и ряда центробанков подтверждаются расчетами Кильского института мировой экономики (Германия): при любом, жестком или мягком, сценарии разъединения потери стран Восточного блока могут оказаться выше, чем у любой западной страны — и на коротком, и особенно на длинном горизонте (Baqaee et al., 2024).

Наконец, блоковые барьеры неизбежно ведут к глобальному падению эффективности (Attinasi et al., 2025). Поэтому даже если перестройка глобальных торговых потоков принесет отдельным странам какие-то индивидуальные выигрыши (например, надежные поставки критического импорта или доступ к новым рынкам сбыта), эти преимущества будут с высокой вероятностью перекрыты эффектами потерь по другим каналам воздействия фрагментации (по линии притока прямых иностранных инвестиций, доступа на мировые финансовые рынки, трансферта технологий и др.) (Norring, 2024).

4. Драйвер геополитической фрагментации — технологическое соперничество США и Китая

Среди фундаментальных факторов, обусловивших секьюритизацию национальных экономических курсов и, как следствие, угрозу разделения мировой экономики на недружественные блоки, решающим остается нарастание стратегического соперничества между США и Китаем за мировое технологическое доминирование в ключевых отраслях будущего (Смородинская и др., 2025).

Действительно, за два десятилетия интенсивного промышленного подъема Китай трансформировался из догоняющей экономики в мощный центр силы, способный подорвать влияние США как главного мирового гегемона и успешно противостоять всему западному миру. К 2020-м гг. Китай стал не только главным мировым экспортером и единственной глобальной индустриальной фабрикой, контролирующей около 35 % мирового промышленного выпуска, но и прямым конкурентом развитых стран в наиболее важных сегментах международной торговли (Смородинская, Катуков, 2024b)

Во-первых, Китай кардинально сблизил с Западом состав и уровень сложности своей экспортной продукции. Теперь ее номенклатура почти наполовину

(49 %) совпадает с американской и еще больше (56 %) с европейской, что означает прямую конкуренцию на мировых рынках, включая рынки Глобального Юга (De Soyres et al., 2025). Одновременно Китай достиг высокой самодостаточности в ключевых высокотехнологичных отраслях и теперь всё меньше нуждается в импорте западных аналогов. Более того, он всё шире покрывает потенциальные продуктовые потребности развитых стран, включая их спрос на чувствительные для безопасности технологии и критические минералы (De Soyres et al., 2025). Удешевляя свои поставки с помощью ценового демпинга и масштабного субсидирования фирм-экспортеров (что является прямым нарушением правил ВТО), Китай проводит политику агрессивной экспортной экспансии, вытесняющую западных производителей не только с рынков третьих стран, но и с их собственных внутренних рынков, особенно в Европе (Friesenbichler et al., 2024).

Во-вторых, Китай практически перевернул характер взаимных зависимостей с США (Baldwin & Forslid, 2023). Если в начале 2000-х гг. его промышленность критически зависела от промежуточного американского импорта, то в начале 2020-х гг. эта зависимость оказалась втрое ниже, чем встречная импортная зависимость США от промежуточных китайских поставок. Одновременно Китай резко ослабил свою опору на американские рынки сбыта, хотя она всё еще остается шире, чем экспортная опора США на китайский промышленный спрос (рис. 3). Побочным эффектом стало обострение для США (как и для других стран Запада) проблемы торгового дефицита с Китаем, послужившее в 2025 г. одним из аргументов администрации Д. Трампа для развертывания тарифной войны.

В-третьих, опираясь на мощь и целевые инвестиции государства, Китай совершил за последнее десятилетие уникальный для переходных экономик технологический рывок: к 2025 г. он вошел в первую десятку самых технологически развитых стран мира, обогнав по позициям в Глобальном инновационном индексе значительно более богатые Францию, Германию и Японию (WIPO, 2025). Сегодня Китай всё еще отстает от США в развитии полупроводниковой индустрии, но уже опережает их на других стратегических направлениях (ядерный синтез, квантовые

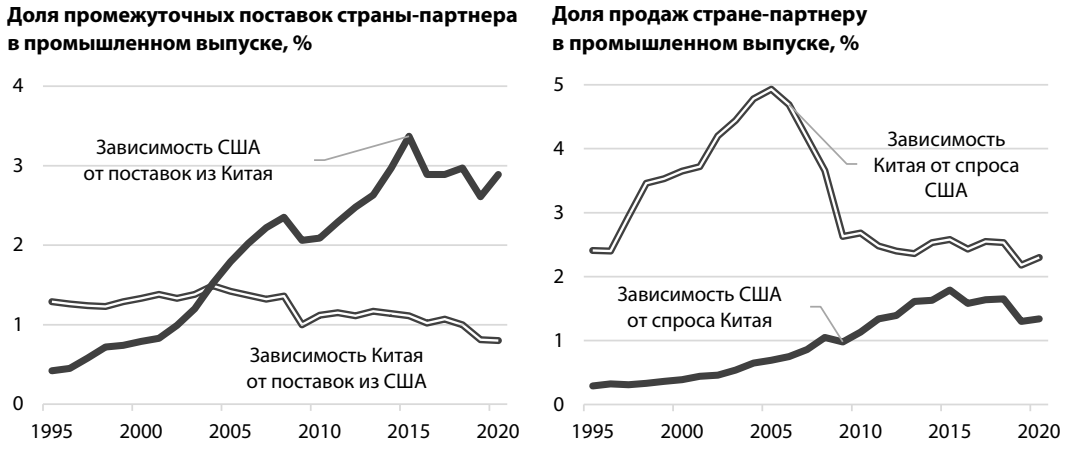

Рис. 3. *Изменение модели производственной взаимозависимости между США и Китаем (источник: (Смородинская, Катуков, 2024b) (составлено по методике Р. Болдуина на данных OECD-TiVA database, 2023))*
Fig. 3. *Changes in the Model of Production Interdependence between the USA and China*

технологии и др.), быстро приближаясь к паритету в сфере промышленной робототехники и искусственного интеллекта (Atkinson, 2024). Китайские фирмы теперь доминируют в глобальных цепочках поставок многих высокотехнологичных отраслей, контролируя подавляющую часть (60–80 %) мировых мощностей по созданию солнечных панелей, аккумуляторов и электромобилей и, что особенно важно, — по обработке критических минералов. В предыдущие десятилетия Китай выступал имитатором западных инноваций, а теперь западные фирмы всё чаще лицензируют и используют китайские патентные достижения (Lind, 2026).

В итоге, если в 2000-е гг. США и другие страны Запада испытали первый «китайский шок», когда Китай начал вытеснять их поставки в трудоемких и низкотехнологичных секторах, то к 2020-м гг. они столкнулись с аналогичным «шоком 2.0» — в средне- и высокотехнологичных секторах (Жуков и др., 2024). Шоком послужило и то, что Китай впечатляюще нарастил технологический потенциал в отсутствие инклюзивных и демократических институтов, которые, по широкому признанию экономистов, служат ключевой предпосылкой для устойчивого инновационного развития[1]. Как показал китайский опыт, современные авторитарные режимы, именуемые в литературе «умным авторитаризмом» (*smart authoritarianism*), могут эффективно балансировать между ужесточением и ослаблением централизованного контроля над обществом, между его информационно-политической закрытостью и открытостью, что позволяет им успешно адаптироваться к технологическим вызовам цифровой эпохи, внедрять инновации и конкурировать с западными демократиями (Lind, 2026).

Вхождение Китая в широкий конфликт интересов с Западом принципиально изменило отношение к нему в Вашингтоне. Почти два десятилетия по окончанию Холодной войны США расценивали Китай как дружественного партнера, рассчитывая на его «естественную» политическую демократизацию за счет вовлечения в многостороннее сотрудничество и совместные глобальные цепочки. Однако эта установка себя не оправдала. Несмотря на вступление в 2001 г. в ВТО и полноценную интеграцию в либерализованные западные рынки, Китай выстроил систему изощренного экономического стейткрафта, нацеленную на ослабление могущества США на рынках передового хайтека, в т. ч. путем вепонизации торгово-экономических связей (Tobin, 2025). Это побудило США перейти к политике сдерживания Китая как опасного и авторитарного геополитического соперника. Период первого президентства Д. Трампа отмечен торговой войной с Китаем, период президентства Джо Байдена — продолжением линии сдерживания при восприятии Китая как «самого важного геополитического вызова», а со второй каденцией Трампа взаимное давление сторон друг на друга лишь усилилось (Khong & Liow, 2025).

Примечательно, что подходы двух стран к взаимному соперничеству и использованию в нем инструментов стейткрафта зеркально различаются: Китай претендует на новое мировое технологическое лидерство, а США намерены удержать имеющееся (табл.). Причем если в Вашингтоне противоборство с Китаем стало центральной повесткой геополитики лишь с 2017 г., то Пекин начал готовиться к оспариванию мировой гегемонии США уже с окончанием Холодной войны (Brands, 2025). Сегодня главным направлением соперничества двух сверхдержав является

[1] Согласно концепции Д. Аджемоглу и Д. Робинсона, получившей нобелевскую премию (2024 г.), к инклюзивным относятся институты, способные поддерживать открытость и активность гражданского общества, права собственности, верховенство закона и демократические ценности (Acemoglu et al., 2019).

стратегически определяющая сфера искусственного интеллекта, к развитию которой они также применяют принципиально разные подходы, отражающие различия в их экономических моделях, сравнительных преимуществах и структуре внутреннего спроса на инновации (в Китае здесь доминирует государство, в США — частные и венчурные фирмы) (Dreyer, 2025).

Размах взаимного противостояния сторон нашел отражение в их стратегических курсах на секьюритизацию промышленной и научно-технологической политик. Обе страны усиливают экономический и технологический национализм, применяя протекционистские меры и выделяя на программы укрепления технологической самодостаточности беспрецедентные бюджетные ассигнования (Смородинская, Катуков, 2024а). Причем у Китая эти траты значительно превышают американские, особенно в сфере полупроводников.

США взяли курс на укрепление безопасности с фокусом на технологическую самодостаточность в период президентства Дж. Байдена (2021–2024 гг.) — в рамках провозглашенной экономической доктрины «Америка прежде всего» (America First, 2021 г.) и на фоне возросшей зависимости от Китая до опасных для экономики масштабов. Принятые в 2022 г. документы (концепция «Современной промышленной политики», Закон «О чипах и науке», Закон «Об ослаблении инфляции») нацеливали на жесткий, но ограниченный декаплинг с Китаем в узком кругу самых передовых секторов при одновременной политике френдшоринга в отношении стран-союзников. При Байдене США планировали достичь самодостаточности в «зеленых технологиях» и завоевать глобальное лидерство в полупроводниковой индустрии — как основы для удержания технологического лидерства в целом. Однако в 2025 г. администрация Трампа кардинально изменила эти установки, сконцентрировав идею «Америка прежде всего» на вопросах торговой политики и тарифного давления на партнеров с целью заключения ими «выгодной для США» экономической сделки (Смородинская и др., 2025)

Таблица

Различие подходов Китая и США к взаимному технологическому соперничеству

Table

Differences in the Approaches of China and the USA to their Technological Rivalry

Задачи Китая — претендента на технологическое лидерство	Задачи США — технологического лидера на страже собственных позиций
Производить: широкая господдержка бизнеса в стратегических секторах, создание технологически независимой производственной базы	*Стимулировать:* поддержка передовых технологических компаний и сферы R&D, укрепление технологических позиций США на рынках стран-союзников
Приобретать: скупка западных компаний и технологий, принуждение западных партнеров к трансферту технологий и локализации производства в обмен на доступ к китайскому рынку	*Сдерживать:* тормозить технологическое развитие Китая через экспортный контроль, санкционирование отдельных китайских компаний, давление на третьи страны против использования китайских технологий
Присваивать: получать безвозмездный доступ к западным технологиям — через сбор открытых данных и обмен студентами, промышленный шпионаж и кражу интеллектуальной собственности	*Охранять:* скрининг входящих китайских ПИИ и ограничение исходящих, запрет на покупку Китаем технологических компаний, пресечение попыток промышленного шпионажа, ограничение студенческих и научных обменов с Китаем

Источник: (Roberts et al., 2019).

Ссылаясь на угрозу национальной безопасности, Д. Трамп единолично анонсировал широкий декаплинг с Китаем по всем секторам, относимым к критическим, и введение заградительных тарифов против наплыва дешевого китайского импорта. Он отменил политику френдшоринга и достигнутые при Байдене торговые соглашения с ключевыми западными партнерами (ЕС, Великобритания, Япония), выдвинув задачу максимальной локализации цепочек поставок — как единственную, в его понимании, гарантию экономической безопасности против агрессивных китайских стратегий «приобретать и присваивать». В 2025 г. новыми стратегическими целями для США стали восстановление доминирования над Китаем по доле в мировом промышленном производстве и завоевание глобального лидерства в трех областях — традиционной энергетике (с отказом от политики зеленого перехода), критических минералах и сфере искусственного интеллекта (ИИ).

Китай взял аналогичный курс еще в 2015 г. в виде программы «Сделано в Китае 2025», а его развертывание представлено в двух широких документах — стратегии «Двойной циркуляции» (2020 г.) и ранее принятой внешнеэкономической инициативе «Пояс и путь», признанной содействовать доминированию Китаю на рынках Глобального Юга. В XIV Пятилетнем плане на 2021–2025 гг. Пекин провозгласил достижение технологической самодостаточности генеральной линией развития, ускоряющей переход экономики к «самодостаточной» модели роста, где ключевую роль играет внутренний спрос. Ориентируясь на максимальное импортозамещение как в полупроводниковой индустрии, так и во всех других новейших секторах (зеленые, космические, биотехнологии и др.), Китай преследует три амбициозные цели: во-первых, гарантировать независимость от Запада на случай любого санкционного сдерживания страны или жесткого декаплинга с США, во-вторых, — создать к 2035 г. глобальные технологические стандарты нового поколения, позволяющие вытеснить США с доминирующих позиций на передовых рынках, в-третьих, — стать к 2049 г. (100-летию образования КНР) центральным хабом мира в области ИКТ и зеленых технологий (Смородинская, Катуков, 2024а).

В 2025 г. для контраста с неопределенностью, вносимой в глобальную систему поставок тарифной политикой Трампа, Китай начал позиционировать себя среди глобального большинства как поборник свободы торговли и игры по правилам, что стало новым атрибутом его борьбы за технологическое и геополитическое влияние.

По сути, оставаясь взаимозависимыми, США и Китай загнали себя в ловушку непримиримой борьбы за глобальное доминирование, стремясь де-факто максимально расширить географию своего технологического контроля как центра силы. Показательна ситуация двустороннего давления обоих соперников на такой приоритетный для них ареал, как быстрорастущие экономики АСЕАН (Khong & Liow, 2025). Считается, что «Холодная война 2.0» между США и Китаем может иметь более масштабные последствия для остального мира и изменения глобального баланса сил, чем Холодная война между США и СССР (Tung et al., 2023; Brands, 2025).

Уже сегодня большинство стран тоже оказались в ловушке, столкнувшись *с дилеммой принудительного геополитического выбора между двумя технологическими гигантами.* Объективная реальность такова, что в глобальных цепочках многих отраслей Китай остается главным мировым поставщиком промежуточных и инвестиционных промышленных товаров, а США — главным мировым рынком спроса на экспортируемую промышленную продукцию. В этих условиях опция эффективного экономического выбора между двумя блоками отсутствует: для нормального

участия в распределенном производстве большинству стран необходимы одновременные связи с обоими игроками. Во избежание этой ловушки крупные экономики Глобального Севера и Глобального Юга и стремятся к технологической самодостаточности, но даже Евросоюз опасается ее недостижимости[1].

Ситуация осложняется тем, что соперничество США и Китая уже не является соревнованием демократичного Запада с авторитарным Востоком. При президентстве Трампа в противостояние вошли, скорее, два недемократичных режима, настроенных на экономический национализм, вепонизацию торговли и перекройку мирового порядка под свои национальные интересы (Tobin, 2025). Так, новая Стратегия национальной безопасности США, утвержденная Трампом в ноябре 2025 г., открыто выстраивает политику на правах сильного, провозглашая возврат к исторически устаревшей доктрине Монро с ее принципом «Америка для американцев»[2]. Теперь этот принцип трактуется как консолидация мощи США в качестве великой державы, которая освобождает себя от обязательств по многосторонним соглашениям, но намерена контролировать Западное полушарие как зону своего влияния и противостоять другим великим державам, таким как Китай и Россия[3]. Идея Трампа выстроить новый глобальный порядок путем договоренности великих держав о разделе сфер влияния (Bremmer, 2026)[4] явно примитивизирует сложную реальность XXI в., выпадая из контекста глобализированных рынков, потребностей современного бизнеса и современной модели распределенного производства.

5. Заключение

Как видим, и в западных, и в незападных исследованиях по геоэкономике, включая работы российских ученых, практически сложился консенсус в отношении того, что возрастание геополитической фрагментации является новым историческим трендом, несущим всем типам стран потери в экономическом потенциале из-за издержек перегруппировки и свертывания связей, возрождения политики протекционизма и экономического национализма. Ключевой движущей силой фрагментации признается непримиримое соперничество США и Китая за глобальное технологическое доминирование, причем исход этого соперничества рассматривается как определяющий фактор в формировании будущего международного порядка и новой системы глобального управления (Li, 2025).

По итогам 2025 г. миру удалось прервать глобальную эскалацию тарифов, инициированную президентом США, и избежать худшего сценария фрагментации, ведущего к глобальной рецессии. Вопреки опасениям, объем мировой торговли не сокра-

[1] European technological sovereignty and digital infrastructure. *European Parliament, 2026*. [Электронный ресурс]. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-10-2026-0022_EN.html (дата обращения: 09.01.2026).

[2] Принцип «Америка для американцев», провозглашенный в 1823 г. президентом США Д. Монро, заявлял о недопустимости дальнейшей колонизации Западного полушария европейскими державами и их вмешательства во внутренние дела стран континента — при встречном обязательстве США не вмешиваться в войны и дела европейских держав. В XX в доктрина часто использовалась США для оправдания собственного вмешательства в дела стран Латинской Америки.

[3] National Security Strategy of the United States of America, November 2025. [Электронный ресурс]. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 09.01.2026).

[4] Bremmer, I. (2026, January 08). Trump's jungle rules. *Project Syndicate*. [Электронный ресурс]. https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-foreign-policy-preying-on-weak-and-vulnerable-by-ian-bremmer-2026-01 (дата обращения: 09.01.2026).

тился, мировые рынки адаптировались к торгово-политическим угрозам Трампа, а его политика тарифного давления уперлась в не менее брутальные встречные меры экономического принуждения со стороны Китая (Клочко и др., 2025).

Однако затухание глобальной торговой войны вовсе не означает снижения градуса стратегического противостояния двух центров силы или возврата мировой экономики к более стабильным правилам игры. Скорее, ее вхождение в 2020-е гг. в фазу несбалансированного транзита будет инерционно поддерживать тренд повышенной геополитической турбулентности, углубления межблоковой фрагментации и глобального снижения экономической эффективности. Статистика торговых потоков 2025 г. фиксирует дальнейшее сокращение взаимных экономических связей между США и Китаем, поляризующее мировую экономику на блоки (Darvas & Lappe, 2026).

Как констатируют многие авторы, единого связного мира больше не существует, а борьба между США и Китаем может пойти до победного конца (Brands, 2025). Другие великие державы продолжают наращивать курс на безопасность в рамках противоречивой доктрины экономического национализма, пытаясь балансировать между приоритетами геополитики и слабо совместимыми с ними приоритетами инновационного развития, между логикой большей закрытости (протекционизм, декаплинг, локализация) и задачей достижения технологического лидерства на тех передовых направлениях («зеленые технологии», сфера ИИ, космические фабрики), которые требуют широкой кооперации между Западом и Востоком.

В научном сообществе опасаются, что жесткое соперничество США и Китая с применением вепонизации как нового экономического оружия может превратиться в схватку двух агрессивных гигантов, от которой бóльшая часть мира проиграет, независимо от того, какая из сторон победит (Tobin, 2025). При этом взаимодействие двух сверхдержав по собственным правилам, где единственным сдерживающим фактором служит фактор силы, создает угрозу глобального заражения (*contagion*), когда другие страны мира будут всё чаще руководствоваться тем же силовым подходом, усугубляя ситуацию неопределенности и геополитической напряженности (Froman, 2025).

Вместе с тем рост сложности современного производства и интересы глобального бизнеса будут объективно препятствовать движению стран к блоковой закрытости, поддерживая глобальную интеграцию через различные механизмы кооперации — образование региональных и двусторонних зон свободной торговли (вместо универсального соглашения типа ВТО), появление множества стран-коннекторов между недружественными блоками и др. (Cheng et al., 2025). Более того, цифровизация и сервитизация производства принципиально меняют модель развития стран, международной торговли и самой глобализации. Как утверждают концепция «новой глобализации XXI века» Р. Болдуина (Baldwin & Forslid, 2023) и влиятельная эмпирическая литература по глобальным цепочкам (WTO, 2025), на смену традиционному товарному экспорту как драйверу роста постепенно приходит экспорт услуг, а на смену промышленным цепочкам — сервисные цепочки, где фирмы из развитых и развивающихся стран свободно торгуют цифровыми производственными услугами и нематериальными активами, не сталкиваясь с какими-либо таможенными барьерами.

Таким образом, с осторожным оптимизмом можно надеяться на то, что, как бы ни складывались сценарии геополитической фрагментации, цифровые технологии и объективный ход технологического прогресса со временем вернут мир к более открытым моделям международных взаимодействий, создавая предпосылки для новых коллективных правил игры и нового подъема экономической интеграции.

Список источников

Афонцев, С. А. (2020). Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности. *На страже экономики, 2020* (2(13)), 27–47. https://doi.org/10.36511/2588-0071-2020-2-27-47

Жуков, С. В., Масленников, А. О., Резникова, О. Б., Синицын, М. В. (2024). Протекционизм США против меркантилизма Китая. *Мировая экономика и международные отношения, 68* (11), 15–28. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-15-28

Клочко, О., Иллерицкий, Н., Судакова, Ю., Тюшкевич, Ю., Ахунова, А., Кузнецова, М., Резанов, К. (2025). *Мониторинг глобального бизнеса: отраслевые и региональные тренды,* (4/2025). Москва: НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. https://wec.hse.ru/gbm/news/1123642615.html (дата обращения: 10.12.2025).

Кузьмин, В. А., Портанский, А. П. (2025). США — Китай: фактор экономической безопасности усиливает геоэкономическую фрагментацию. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 20* (1), 7–30. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-01

Мальцев, А. А., Чичилимов, С. В. (2025). Укоренение неопротекционизма в мировой экономике XXI века. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (4), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-4-5-14

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. (2024a). Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика. *Балтийский регион, 16* (3), 108–135. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-6

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. (2024b). Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность. *Общество и экономика,* (12), 5–25. https://doi.org/10.31857/S0207367624120014

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д., Малыгин, В. Е. (2025). Трампономика как апофеоз экономического и технологического национализма. *Вестник Института экономики Российской академии наук,* (6), 127–146. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_6_127_146

Тамбовцев, В. Л. (2025). Нужна ли новому мировому экономическому порядку новая экономическая теория? *Вопросы теоретической экономики,* (4), 36–52. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52

Хейфец, Б. А. (2024). *Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства?:* Научный доклад. Москва: ИЭ РАН, 110.

Acemoglu, D., Naidu, S., Restrepo, P., & Robinson, J. A. (2019). Democracy does cause growth. *Journal of Political Economy, 127* (1), 47–100. https://doi.org/10.1086/700936

Aiyar, S., Ilyina, A., Chen, J., Kangur, A., Trevino, J., Ebeke, C., Gudmundsson, T., Soderberg, G., Schulze, T., Kunaratskul, T., Ruta, M., Garcia-Saltos, R., & Rodriguez, S. (2023). Geoeconomic fragmentation and the future of multilateralism. *IMF Staff Discussion Notes, 2023* (001), 1. https://doi.org/10.5089/9798400229046.006

Ambrosino, L., Chan, J., & Tenreyro, S. (2026). Trade fragmentation, inflationary pressures and monetary policy. *Journal of International Economics,* 104219. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2026.104219

Atkinson, R. D. (2024). *China is rapidly becoming a leading innovator in advanced industries*. Washington, D.C.: ITIF. [Электронный ресурс]. https://itif.org/publications/2024/09/16/china-is-rapidly-becoming-a-leading-innovator-in-advanced-industries (дата обращения: 10.12.2025).

Attinasi, M., Boeckelmann, L., & Meunier, B. (2025). The economic costs of supply chain decoupling. *The World Economy, 48* (3), 598–627. https://doi.org/10.1111/twec.13655

Baldwin, R. (2024). China is the world's sole manufacturing superpower: a line sketch of the Rise. *CEPR*. [Электронный ресурс]. https://cepr.org/voxeu/columns/china-worlds-sole-manufacturing-superpower-line-sketch-rise (дата обращения: 10.12.2025).

Baldwin, R., & Forslid, R. (2023). Globotics and development: When manufacturing is jobless and services are tradeable. *World Trade Review, 22* (3–4), 302–311. https://doi.org/10.1017/S1474745623000241

Balzacq, T., Léonard, S., & Ruzicka, J. (2016). 'Securitization' revisited: Theory and cases. *International Relations, 30* (4), 494–531. https://doi.org/10.1177/0047117815596590

Baqaee, D., Hinz, J., Moll, B., Schularick, M., Teti, F. A., Wanner, J., & Yang, S. (2024). *What if? The effects of a hard decoupling from China on the German economy* (No. 170). Kiel Policy Brief. [Электронный ресурс]. https://kielinstitut.de/publications/what-if-the-effects-of-a-hard-decoupling-from-china-on-the-german-economy-17354 (дата обращения: 10.12.2025).

Blackwill, R. D., & Harris, J. M. (2017). *War by other means: Geoeconomics and statecraft*. Cambridge, MA: Harvard University Press. https://doi.org/10.4159/9780674545960

Brands, H. (2025). Introduction: Lessons from the new Cold War. In H. Brands (Ed.), *Lessons from the new Cold War: America confronts the China challenge* (pp. 1–16). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Caldara, D., & Iacoviello, M. (2022). Measuring geopolitical risk. *American Economic Review, 112* (4), 1194–1225. https://doi.org/10.1257/aer.20191823

Capri, A. (2024). *Techno-nationalism: How it's reshaping trade, geopolitics and society*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781119766193

Cheng, C. H., Konovalov, O., & Plekhanov, A. (2025). Connector economies in a fragmenting world. *EBRD Working Papers,* (No. 303). [Электронный ресурс]. https://ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/working-papers/connector-economies-fragmenting-world.html (дата обращения: 02.01.2026).

Darvas, Z., & Lappe, M.-S. (2026). European and Chinese exports kept growing despite the 2025 Trump trade shock. *Bruegel*. https://doi.org/10.64153/PPBV2679

De Bolle, M., Cohen-Setton, J., & Sarsenbayev, M. (2025). *The new economic nationalism*. New York, NY: Columbia University Press.

De Soyres, F., Fisgin, E., Gaillard, A., Santacreu, A. M., & Young, H. L. (2025). The sectoral evolution of China's trade. *FEDS Notes*. https://doi.org/10.17016/2380-7172.3713

Dreyer, J. (2025). China made waves with Deepseek, but its real ambition is AI-driven industrial innovation. *Nature, 638* (8051), 609–611. https://doi.org/10.1038/d41586-025-00460-1

Drezner, D. W. (2024). Global economic sanctions. *Annual Review of Political Science, 27* (1), 9–24. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041322-032240

Farrell, H., & Newman, A. (2025). The weaponized world economy: Surviving the new age of economic coercion. *Foreign Affairs, 104* (5), 8–25.

Fernández-Villaverde, J., Mineyama, T., & Song, D. (2024). Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effect. *NBER Working Papers,* (No. 32638). https://doi.org/10.3386/w32638

Friesenbichler, K. S., Kügler, A., & Reinstaller, A. (2024). The impact of import competition from China on firm-level productivity growth in the European Union. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics, 86* (2), 236–256. https://doi.org/10.1111/obes.12574

Froman, M. B. G. (2025). After the trade war: Remaking rules from the ruins of the rules-based system. *Foreign Affairs, 104* (5), 60–74.

Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2025). Changing global linkages: A new Cold War? *Journal of International Economics, 153,* 104042. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042

Hakobyan, S., Meleshchuk, S., & Zymek, R. (2023). Divided we fall: Differential exposure to geopolitical fragmentation in trade. *IMF Working Papers,* (No. WP/23/270). https://doi.org/10.5089/9798400262302.001

Hauge, J., Houtzager, B., & Hörmann, A. J. (2025). The new economic nationalism: Industrial policy and national security in the United States, China, and the European Union. *Geoforum, 166,* 104382. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2025.104382

Ing, L. Y., & Rodrik, D. (Eds.) (2025). *The new global economic order*. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003571384

Javorcik, B., Kitzmüller, L., Schweiger, H., & Yıldırım, M. A. (2024). Economic costs of friendshoring. *The World Economy, 47* (7), 2871–2908. https://doi.org/10.1111/twec.13555

Kennedy, P. M. (1987). *The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000.* New York, NY: Random House.

Khong, Y. F., & Liow, J. C. (2025). Southeast Asia is starting to choose: Why the region is leaning toward China. *Foreign Affairs, 104* (4), 151–161.

Konrad, K. A. (2024). Dominance and technology war. *European Journal of Political Economy, 81,* 102493. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2023.102493

Li, X. (2025). Conceptualizing China–U.S. rivalry through the lens of globalization in an era of changing structure-agency dynamics. *Globalizations,* 1–19. https://doi.org/10.1080/14747731.2025.2525037

Lind, J. (2026, February 10). China's smart authoritarianism. *Foreign Affairs*. [Электронный ресурс]. https://www.foreignaffairs.com/china/chinas-smart-authoritarianism (дата обращения: 11.02.2026).

Luttwak, E. N. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest,* (20), 17–23.

Mariotti, S. (2024). "Win-lose" globalization and the weaponization of economic policies by nation-states. *Critical Perspectives on International Business, 20* (5), 638–659. https://doi.org/10.1108/cpoib-09-2023-0089

Mohr, C., & Trebesch, C. (2025). Geoeconomics. *Annual Review of Economics, 17* (1), 563–587. https://doi.org/10.1146/annurev-economics-092424-111952

Norring, A. (2024). *Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism* (No. 2/2024). BoF Economics Review. [Электронный ресурс]. https://urn.fi/URN:NBN:fi-fe2024031811700 (дата обращения: 02.01.2026).

Panon, L., Lebastard, L., Mancini, M., Borin, A., Caka, P., Cariola, G., Essers, D., Gentili, E., Linarello, A., Padellini, T., Requena Silvente, F., & Timini, J. (2024). Inputs in distress: Geoeconomic fragmentation and firms' sourcing. *Bank of Italy Occasional Papers,* (No. 861). https://doi.org/10.2139/ssrn.5254096

Policymaking is all about Trade-Offs. (2024, April 01). *Council on Foreign Relations*. [Электронный ресурс]. https://cfr.org/article/policymaking-all-about-trade-offs (дата обращения: 02.04.2024).

Quah, D. (2025). Correlated trade and geopolitics driving a fractured world order. In L.Y. Ing, D. Rodrik (Eds.), *The new global economic order* (pp. 54–66). London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003571384-5

Roberts, A., Choer Moraes, H., & Ferguson, V. (2019). Toward a geoeconomic order in international trade and investment. *Journal of International Economic Law, 22* (4), 655–676. https://doi.org/10.1093/jiel/jgz036

Tobin, L. (2025). America first vs. China's brute force economics. In H. Brands (Ed.), *Lessons from the new Cold War: America confronts the China challenge* (pp. 17–34). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Tung, R. L., Zander, I., & Fang, T. (2023). The Tech Cold War, the multipolarization of the world economy, and IB research. *International Business Review, 32* (6), 102195. https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2023.102195

WIPO. (2025). *Global innovation index 2025. Innovation at a crossroads*. https://doi.org/10.34667/tind.58864

WTO. (2025). *Global value chain development report 2025: Rewiring GVCs in a changing global economy.* https://doi.org/10.30875/9789287085641

References

Acemoglu, D., Naidu, S., Restrepo, P., & Robinson, J. A. (2019). Democracy does cause growth. *Journal of Political Economy, 127* (1), 47–100. https://doi.org/10.1086/700936

Afontsev, S. A. (2020). Conceptual framework for the analysis of national and international economic security. *Na strazhe ekonomiki [The Economy under Guard], 2020* (2(13)), 27–47. https://doi.org/10.36511/2588-0071-2020-2-27-47 (In Russ.)

Aiyar, S., Ilyina, A., Chen, J., Kangur, A., Trevino, J., Ebeke, C., Gudmundsson, T., Soderberg, G., Schulze, T., Kunaratskul, T., Ruta, M., Garcia-Saltos, R., & Rodriguez, S. (2023). Geoeconomic fragmentation and the future of multilateralism. *IMF Staff Discussion Notes, 2023* (001), 1. https://doi.org/10.5089/9798400229046.006

Ambrosino, L., Chan, J., & Tenreyro, S. (2026). Trade fragmentation, inflationary pressures and monetary policy. *Journal of International Economics,* 104219. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2026.104219

Atkinson, R. D. (2024). *China is rapidly becoming a leading innovator in advanced industries*. Washington, D.C.: ITIF. https://itif.org/publications/2024/09/16/china-is-rapidly-becoming-a-leading-innovator-in-advanced-industries (Date of access: 10.12.2025).

Attinasi, M., Boeckelmann, L., & Meunier, B. (2025). The economic costs of supply chain decoupling. *The World Economy, 48* (3), 598–627. https://doi.org/10.1111/twec.13655

Baldwin, R., & Forslid, R. (2023). Globotics and development: When manufacturing is jobless and services are tradeable. *World Trade Review, 22* (3–4), 302–311. https://doi.org/10.1017/S1474745623000241

Balzacq, T., Léonard, S., & Ruzicka, J. (2016). 'Securitization' revisited: Theory and cases. *International Relations, 30* (4), 494–531. https://doi.org/10.1177/0047117815596590

Baqaee, D., Hinz, J., Moll, B., Schularick, M., Teti, F. A., Wanner, J., & Yang, S. (2024). *What if? The effects of a hard decoupling from China on the German economy* (No. 170). Kiel Policy Brief. https://kielinstitut.de/publications/what-if-the-effects-of-a-hard-decoupling-from-china-on-the-german-economy-17354 (Date of access: 10.12.2025).

Blackwill, R. D., & Harris, J. M. (2017). *War by other means: Geoeconomics and statecraft.* Harvard University Press. https://doi.org/10.4159/9780674545960

Brands, H. (2025). Introduction: Lessons from the new Cold War. In H. Brands (Ed.), *Lessons from the new Cold War: America confronts the China challenge* (pp. 1–16). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Caldara, D., & Iacoviello, M. (2022). Measuring geopolitical risk. *American Economic Review, 112* (4), 1194–1225. https://doi.org/10.1257/aer.20191823

Capri, A. (2024). *Techno-nationalism: How it's reshaping trade, geopolitics and society.* John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781119766193

Cheng, C. H., Konovalov, O., & Plekhanov, A. (2025). Connector economies in a fragmenting world. *EBRD Working Papers,* (No. 303). https://ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/working-papers/connector-economies-fragmenting-world.html (Date of access: 02.01.2026).

Darvas, Z., & Lappe, M.-S. (2026). European and Chinese exports kept growing despite the 2025 Trump trade shock. *Bruegel*. https://doi.org/10.64153/PPBV2679

De Bolle, M., Cohen-Setton, J., & Sarsenbayev, M. (2025). *The new economic nationalism*. Columbia University Press.

De Soyres, F., Fisgin, E., Gaillard, A., Santacreu, A. M., & Young, H. L. (2025). The sectoral evolution of China's trade. *FEDS Notes*. https://doi.org/10.17016/2380-7172.3713

Dreyer, J. (2025). China made waves with Deepseek, but its real ambition is AI-driven industrial innovation. *Nature, 638* (8051), 609–611. https://doi.org/10.1038/d41586-025-00460-1

Drezner, D. W. (2024). Global economic sanctions. *Annual Review of Political Science, 27* (1), 9–24. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041322-032240

Farrell, H., & Newman, A. (2025). The weaponized world economy: Surviving the new age of economic coercion. *Foreign Affairs, 104* (5), 8–25.

Fernández-Villaverde, J., Mineyama, T., & Song, D. (2024). Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effect. *NBER Working Papers,* (No. 32638). https://doi.org/10.3386/w32638

Friesenbichler, K. S., Kügler, A., & Reinstaller, A. (2024). The impact of import competition from China on firm-level productivity growth in the European Union. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics, 86* (2), 236–256. https://doi.org/10.1111/obes.12574

Froman, M. B. G. (2025). After the trade war: Remaking rules from the ruins of the rules-based system. *Foreign Affairs, 104* (5), 60–74.

Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2025). Changing global linkages: A new Cold War? *Journal of International Economics, 153,* 104042. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042

Hakobyan, S., Meleshchuk, S., & Zymek, R. (2023). Divided we fall: Differential exposure to geopolitical fragmentation in trade. *IMF Working Papers,* (No. WP/23/270). https://doi.org/10.5089/9798400262302.001

Hauge, J., Houtzager, B., & Hörmann, A. J. (2025). The new economic nationalism: Industrial policy and national security in the United States, China, and the European Union. *Geoforum, 166,* 104382. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2025.104382

Ing, L. Y., & Rodrik, D. (Eds.) (2025). *The new global economic order.* Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003571384

Javorcik, B., Kitzmüller, L., Schweiger, H., & Yıldırım, M. A. (2024). Economic costs of friendshoring. *The World Economy, 47*(7), 2871–2908. https://doi.org/10.1111/twec.13555

Kennedy, P. M. (1987). *The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000.* Random House.

Kheyfets, B. A. (2024). *Stanet li sovremennaya geopoliticheskaya fragmentatsiya dolgovremennoy tendentsiey novoy regionalizatsii global'nogo ekonomicheskogo prostranstva? [Will contemporary geopolitical fragmentation become a long-term trend of new regionalization of the global economic space?: Scientific report].* Moscow: IE RAS, 110. (In Russ.)

Khong, Y. F., & Liow, J. C. (2025). Southeast Asia is starting to choose: Why the region is leaning toward China. *Foreign Affairs, 104*(4), 151–161.

Klochko, O., Illeritskiy, N., Sudakova, Yu., Tyushkevich, Yu., Akhunova, A., Kuznetsova, M., & Rezanov, K. (2025). *Monitoring global'nogo biznesa: otraslevyye i regional'nyye trendy [Global Business Monitor: Industry and Regional Trends],* (4/2025). Moscow: HSE Publishing House. https://wec.hse.ru/gbm/news/1123642615.html (Date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Konrad, K. A. (2024). Dominance and technology war. *European Journal of Political Economy, 81,* 102493. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2023.102493

Kuzmin, V. A., & Portanskiy, A. P. (2025). US-China: Economic Security Factor Amplifies Geo-Economic Fragmentation. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy [International Organisations Research Journal], 20*(1), 7–30. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-01 (In Russ.)

Li, X. (2025). Conceptualizing China–U.S. rivalry through the lens of globalization in an era of changing structure-agency dynamics. *Globalizations,* 1–19. https://doi.org/10.1080/14747731.2025.2525037

Lind, J. (2026, February 10). China's smart authoritarianism. *Foreign Affairs.* https://www.foreignaffairs.com/china/chinas-smart-authoritarianism (Date of access: 11.02.2026).

Luttwak, E. N. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest,* (20), 17–23.

Maltsev, A. A., & Chichilimov, S. V. (2025). Entrenchment of neo-protectionism in global economy of 21st century. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(4), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-4-5-14 (In Russ.)

Mariotti, S. (2024). "Win-lose" globalization and the weaponization of economic policies by nation-states. *Critical Perspectives on International Business, 20*(5), 638–659. https://doi.org/10.1108/cpoib-09-2023-0089

Mohr, C., & Trebesch, C. (2025). Geoeconomics. *Annual Review of Economics, 17*(1), 563–587. https://doi.org/10.1146/annurev-economics-092424-111952

Norring, A. (2024). *Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism* (No. 2/2024). BoF Economics Review. https://urn.fi/URN:NBN:fi-fe2024031811700 (Date of access: 02.01.2026).

Panon, L., Lebastard, L., Mancini, M., Borin, A., Caka, P., Cariola, G., Essers, D., Gentili, E., Linarello, A., Padellini, T., Requena Silvente, F., & Timini, J. (2024). Inputs in distress: Geoeconomic fragmentation and firms' sourcing. *Bank of Italy Occasional Papers,* (No. 861). https://doi.org/10.2139/ssrn.5254096

Policymaking is all about Trade-Offs. (2024, April 01). *Council on Foreign Relations.* https://cfr.org/article/policymaking-all-about-trade-offs (Date of access: 02.04.2024).

Quah, D. (2025). Correlated trade and geopolitics driving a fractured world order. In L.Y. Ing, D. Rodrik (Eds.), *The new global economic order* (pp. 54–66). London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003571384-5

Roberts, A., Choer Moraes, H., & Ferguson, V. (2019). Toward a geoeconomic order in international trade and investment. *Journal of International Economic Law, 22* (4), 655–676. https://doi.org/10.1093/jiel/jgz036

Smorodinskaya, N. V., & Katukov, D. D. (2024a). Moving towards technological sovereignty: a new global trend and the Russian specifics. *Baltiyskiy region [Baltic Region], 16* (3), 108–135. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-6 (In Russ.)

Smorodinskaya, N. V., & Katukov, D. D. (2024b). A global turn in national industrial strategies: the move towards technological self-sufficiency. *Obshchestvo i ekonomika [Society and economy],* (12), 5–25. https://doi.org/10.31857/S0207367624120014 (In Russ.)

Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D., & Malygin, V. E. (2025). Trumponomics as the apotheosis of economic and technological nationalism. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences],* (6), 127–146. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_6_127_146 (In Russ.)

Tambovtsev, V. L. (2025). Does the new world economic order need a new economic theory? *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (4), 36–52. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52 (In Russ.)

Tobin, L. (2025). America first vs. China's brute force economics. In H. Brands (Ed.), *Lessons from the new Cold War: America confronts the China challenge* (pp. 17–34). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Tung, R. L., Zander, I., & Fang, T. (2023). The Tech Cold War, the multipolarization of the world economy, and IB research. *International Business Review, 32* (6), 102195. https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2023.102195

WIPO. (2025). *Global innovation index 2025. Innovation at a crossroads.* https://doi.org/10.34667/tind.58864

WTO. (2025). *Global value chain development report 2025: Rewiring GVCs in a changing global economy.* https://doi.org/10.30875/9789287085641

Zhukov, S. V., Maslennikov, A. O., Reznikova, O. B., & Sinitsyn, M. V. (2024). U.S. protectionism against China's mercantilism. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations], 68* (11), 15–28. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-15-28 (In Russ.)

Информация об авторе

Смородинская Наталия Вадимовна — кандидат экономических наук, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0000-0002-4741-9197 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; e-mail: smorodinskaya@gmail.com).

About the author

Nataliya V. Smorodinskaya — Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-4741-9197 (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: smorodinskaya@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 14.01.2026.
Прошла рецензирование: 20.01.2026.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 14 Jan 2026.
Reviewed: 20 Jan 2026.
Accepted: 10 Feb 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13
УДК 339.5
JEL F13, F02, F01, F51

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Новая торговая политика США: последствия для постсоветских государств[1]

Борис А. ХЕЙФЕЦ[1)] ✉ iD, **Вероника Ю. ЧЕРНОВА**[2)] ✉ iD
[1, 2)] *Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация*

Для цитирования: Хейфец, Б. А., Чернова, В. Ю. (2026). Новая торговая политика США: последствия для постсоветских государств. *AlterEconomics, 23*(1), 234–250.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13

Аннотация. Статья посвящена исследованию воздействия протекционистской политики США на мировую экономику на примере экономик постсоветских стран. «Трампономика 2.0» представляет собой совокупность экономических мер администрации Дональда Трампа и характеризуется жёстким протекционизмом, односторонним пересмотром торговых соглашений во внешней политике, а также налоговыми стимулами и дерегулированием во внутренней политике. Методология исследования включает в себя анализ теоретических подходов, сравнительный и статистический анализ данных, что позволило всесторонне изучить специфику влияния американского протекционизма на экономики стран постсоветского пространства. Этот ракурс ранее был недостаточно изучен, хотя страны СНГ уязвимы к внешнеторговым шокам. В исследовании показано, что в краткосрочной перспективе прямое влияние новых торговых барьеров США на экономики стран СНГ ограничено из-за небольших объёмов их прямой торговли с США, однако нельзя исключать воздействие косвенных эффектов: глобальная тарифная война приводит к замедлению мирового роста и снижению спроса на сырьё, что бьёт по экспортно-сырьевым экономикам региона. Тарифная политика Дональда Трампа стала глобальным шоком, ломающим сложившуюся архитектуру мировой торговли. В среднесрочной перспективе сохранение курса «Трампономики 2.0» чревато фрагментацией мировой торговли, формированием конкурирующих экономических блоков. В статье впервые показано влияние тарифной политики США на экономику стран СНГ. Авторы приходят к выводу, что рост неопределённости в мировой политике и экономике требует от стран постсоветского пространства выработки адаптационных стратегий к меняющимся глобальным условиям. Можно ожидать усиления дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также ослабления на нем позиций России и ухудшения условий работы для российского бизнеса.

Ключевые слова: «Трампономика 2.0», протекционизм, тарифная политика, санкции, страны СНГ, «Большая Центральная Азия», постсоветское пространство, торговые войны, геоэкономическая фрагментация

[1] © Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

New US Trade Policy: Implications for Post-Soviet States

Boris A. KHEYFETS[1)] ✉, **Veronika Yu. CHERNOVA**[2)] ✉
[1, 2)] *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

For citation: Kheyfets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2026). New US Trade Policy: Implications for Post-Soviet States. *AlterEconomics, 23*(1), 234–250. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13

Abstract. The article examines the impact of US protectionist policies on the global economy, using the economies of post-Soviet countries as an example. "Trumponomics 2.0" is a set of economic measures adopted by the Trump administration and characterized by strict protectionism, unilateral revisions of trade agreements in foreign policy, and tax incentives and deregulation in domestic policy. The study uses theoretical analysis alongside comparative and statistical methods to assess how US protectionism affects the economies of post-Soviet states — an area that has received limited scholarly attention despite the vulnerability of CIS countries to external trade shocks. The findings show that the direct short-term impact of new US trade barriers on CIS economies is limited because their trade volumes with the United States remain relatively small. However, indirect effects are significant. Escalating global tariff conflicts have slowed global economic growth and reduced demand for raw materials, negatively affecting commodity-exporting economies in the region. Trump's tariff policy has generated a global shock, disrupting the established architecture of international trade. In the medium term, continued implementation of "Trumponomics 2.0" could accelerate the fragmentation of global trade and the emergence of competing economic blocs. The study concludes that rising geopolitical and economic uncertainty requires post-Soviet countries to develop adaptive strategies to changing global conditions. The policy may also intensify disintegration processes in the post-Soviet space, weaken Russia's regional influence, and worsen the operating environment for Russian businesses.

Keywords: Trumponomics 2.0, protectionism, tariff policy, sanctions, CIS countries, Greater Central Asia, post-Soviet space, trade wars, geoeconomic fragmentation

1. Введение

Экономика США и ее политический курс оказывают прямое влияние на состояние мировой экономики, поэтому возвращение Д. Трампа в Белый дом и реализация им политики «America First» вызвали повышенное внимание во всем мире. «Трампономика 2.0» стала одним из ключевых факторов глобального риска в 2025 г.[1] Следуя предвыборному обещанию сделать Америку снова великой и вернуть производственные мощности ушедших ранее компаний вновь на территорию США, Д. Трамп фактически начал торговую войну против почти всех стран мира, включая традиционных экономических союзников, обвинив их в паразитировании на американской экономике (Зарезнов, 2025).

Президент США и его экономические советники, открыто проводя политику протекционизма, декларируют, что вводимые ими высокие пошлины сократят поток американского импорта и увеличат экспорт, переформатируют глобальные цепочки поставок в пользу внутреннего рынка США, привлекут иностранные производства на территорию США, что укрепит производственный сектор и повысит благосостояние страны, одновременно наполняя государственную казну.

Основным оружием в достижении национального суверенитета и возврата экономической мощи администрацией Д. Трампа выбрана тарифная политика, основные принципы которой сводятся к переформатированию баланса мировой торговли в интересах США, получению экономических выгод через заключение

[1] Eurasia Group's Top Risks 2025. [Электронный ресурс]. https://www.eurasiagroup.net/issues/top-risks-2025 (дата обращения: 18.09.2025).

долгосрочных сделок с каждой отдельной страной с использованием «кнута и пряника» и установлению для каждого торгового партнера индивидуальных ставок таможенных пошлин.

Для мировой экономики тарифная политика Д. Трампа стала глобальным шоком, ломающим сложившуюся архитектуру мировой торговли. Но ее значение еще больше, т. к. она одновременно может сопровождаться другими механизмами регулирования торговли, прежде всего различными типами нетарифных барьеров[1].

Сложившаяся ситуация непосредственно затрагивает все страны постсоветского пространства, поскольку они тесно интегрированы в мировые рынки и большинство из них имеют активные торговые связи с Россией. Весной 2025 г. ультимативные тарифные решения администрации Трампа непосредственно затронули постсоветское пространство: президент США пригрозил стопроцентными пошлинами на импорт из России и вторичными санкционными тарифами против стран, продолжающих покупать российские нефть и газ (Гинзбург, Гулиев, 2025). Подобные действия беспрецедентно связывают внешнеэкономическую политику с геополитическими требованиями, ставя под удар экономическую стабильность ближайших союзников и соседей России. Даже в тех странах, где прямой торговый оборот с США невелик, косвенные последствия ощутимы — сокращение мирового спроса на энергоресурсы и металлы бьет по экспортным доходам России, Казахстана, Азербайджана и других сырьевых экономик региона (Malikova & Kotova, 2025). Кроме того, усиливающаяся неопределенность тормозит инвестиционную активность, что уже сегодня ощущается на развивающихся рынках. Поэтому оценка влияния «трампономики» на страны пояса соседства России является актуальной задачей для понимания их экономических перспектив и выработки защитных мер в условиях новой волны протекционизма.

Эти проблемы еще не получили необходимого обсуждения в научной литературе. В данной связи была поставлена цель исследовать воздействие новой торговой политики США на экономики постсоветских стран.

2. Методология исследования

Основными методами исследования являются анализ и синтез научной литературы, системный подход, сравнительный и статистический анализ данных, что позволило всесторонне изучить специфику влияния американского протекционизма на экономики стран постсоветского пространства. Этот ракурс ранее был недостаточно изучен, хотя страны СНГ уязвимы к внешнеторговым шокам из-за узкой экспортной базы и интеграции в мировые сырьевые рынки. Например, Р. Болдуин (Baldwin, 2025) считает новую торговую политику США попыткой взломать мировую торговую систему, а не реформировать или перестроить ее. Он выделяет в данной связи три основных механизма, которые будут определять особенности современной трансформации мировой торговли: эффект домино, каскадный протекционизм и многосторонний регионализм.

Эффект домино, по Р. Болдуину, способствует углублению интеграции на региональном уровне, росту числа соглашений о свободной торговле между странами, которым ограничен доступ к рынкам США. Механизм *каскадного протекционизма* оказывает противоположное воздействие. В то время как эффект домино снижает

[1] McAdoo, M. et al. (2025, July 22). *Tariffs Are Only the Tip of the Trade Iceberg*. [Электронный ресурс]. https://www.bcg.com/publications/2025/tariffs-only-tip-of-trade-iceberg (дата обращения: 17.11.2025).

таможенные пошлины, каскадный протекционизм толкает их вверх, поэтому тарифная политика Трампа может вызвать введение более высоких пошлин в других странах.

Таким образом, введение протекционистских мер в одной стране или на одном рынке запускает лавину ответных мер, которые приводят к повышению пошлин по всему миру.

Многосторонний регионализм заключается в объединении торговых соглашений, часто между соперничающими торговыми блоками, что ведет к возникновению более крупных и интегрированных торговых зон.

Использование актуальных данных за 2025–2026 гг. позволило заполнить пробел в научной литературе: предыдущие исследования «трампономики» опирались преимущественно на опыт и прогнозы 2017–2020 гг., тогда как данная статья рассматривает *новую фазу* протекционистской политики в условиях геополитической фрагментации глобальной экономики. Статья связывает воедино теоретические оценки, аналитические модели и фактические показатели, а также мнения экспертов из исследуемого региона.

3. «Трампономика 2.0» и ее последствия для мировой экономики

Еще во время своего первого президентского срока Д. Трамп проявил себя как сторонник жесткого протекционизма и экономического национализма во внешней политике в сочетании с неолиберальным подходом во внутренней политике (Bhattacharya, 2021; Супян, 2020). Проводимая им протекционистская политика с лозунгом «Америка прежде всего» привела к торговой войне и положила начало разрушению мировой экономики (Evans, 2019). Тогда же впервые появился термин «трампономика».

Внешняя экономическая политика Д. Трампа, иногда называемая «новым неомеркантилизмом», бросила вызов глобализации, усилила процессы фрагментации и регионализации мирового экономического пространства и стимулировала экономический национализм (Иванченко, 2021).

«Трампономика 1.0» привела к росту напряженности в международных торговых отношениях, особенно с Китаем, и к усилению неопределенности в мировой торговле (Толкачев, Анисимова, 2025). Политика экономического национализма во внутренней политике была направлена на приоритетное развитие американских компаний, поощрение их к инвестированию на территории США и контроль за иностранными инвестициями в американскую экономику (Лебедева, 2020).

Результаты «Трампономики 1.0» оказались неоднозначными: некоторые макроэкономические показатели, такие как уровень безработицы и рост ВВП, демонстрировали позитивные тенденции, однако многие ключевые экономические цели, прежде всего цели промышленной политики по модернизации экономик, не были достигнуты в полном объеме (Толкачев, 2024).

Центральным элементом экономической повестки Д. Трампа в его второй президентский срок — «Трампономики 2.0» — является широкое и целенаправленное использование тарифов, которые позволят США достичь определенных экономических и неэкономических целей. Однако, как отмечает ряд исследователей, сосредоточение на национальных целях в ущерб торговым партнерам может привести к негативным эффектам как для экономики США, так и для глобальной экономики в целом (Дмитриев, 2025). Кроме того, экономический рост

обусловлен не изданием президентских указов, а комплексным воздействием ряда долгосрочных факторов, включая научно-технический прогресс, инвестиции, подготовку кадров и т. д. (Варнавский, 2026).

В ряде исследований экономических последствий для США тарифов администрации Д. Трампа отмечается, что тарифы 2018–2019 гг. не оказали существенного влияния на занятость в соответствующих секторах, в то время как ответные тарифы оказали существенное негативное воздействие, особенно в сельском хозяйстве (Autor et al., 2024). П. Файгельбаум и соавторы (Fajgelbaum et al., 2020) обнаружили, что мировые цены на продукты, на которые нацелены тарифы 2018–2019 гг., не упали, а тарифы США и ответные меры торговых партнеров значительно сократили как импорт, так и экспорт США. Э. Йорк (York, 2024) показывает, что тарифы, введенные администрацией Д. Трампа и поддержанные администрацией Д. Байдена, снизили долгосрочный ВВП США на 0,2 %.

Данные экономические результаты не переубедили главного идеолога «Трампономики 2.0» П. Наварро, который настаивал на повышении импортных тарифов и получении за этот счет дополнительных доходов для снижения подоходного налога, а также для финансирования других расходов американского бюджета. По мнению К. Хендрикса, применение исключительно высоких пошлин ко многим странам, производящим продукцию, не имеющую конкурентов в американской экономике, лишь увеличит расходы американских потребителей (Hendrix, 2025)[1]. Такая политика ведет к торговым войнам, замедлению глобальной экономической интеграции, а отход от глобализации ослабит лидирующую позицию США в международном экономическом порядке (Losev, 2025).

Одним из самых ощутимых последствий агрессивной экономической политики Д. Трампа является *замедление темпов роста мировой экономики*. МВФ прогнозирует, что в 2026–2030 гг. будут наблюдаться минимальные темпы роста мирового ВВП за последние десятилетия[2]. Резко возрастет непредсказуемость развития экономики и глобальной торговли, о чем свидетельствует рассчитанный экспертами МВФ индекс роста неопределенности торговой политики (рис.).

Новые тарифы Трампа затрагивают 71 % импорта товаров в США на сумму примерно 2,3 трлн долл. (York & Durante, 2026). Введение высоких пошлин ведет к серьезным потерям на уровне компаний, повышая их затраты на импортируемые материалы и снижая рентабельность производства и экспорта в США, что может запустить перенаправление торговых потоков и нарушение цепочек поставок[3].

Не менее значимыми последствиями торговой политики Д. Трампа являются, с одной стороны, *существенное обострение торговой напряженности* и, с другой стороны, *усиление государственного стимулирования национального изоляционизма* (Хейфец, Чернова, 2025).

---

[1] Hendrix, C. S. (2025, April 04). Trump's April 2 tariff spree could cripple developing economies. *PIIE*. [Электронный ресурс]. https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2025/trumps-april-2-tariff-spree-could-cripple-developing-economies (дата обращения: 16.09.2025).

[2] International Monetary Fund. (2025). *Annual Report 2025 Financial Statements*. [Электронный ресурс]. https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2025/pdfs/imf-annual-report-2025-financial-statements.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

[3] Bogage, J., & Lynch, D. J. (2025, August 07). Trump celebrates new tariffs as negotiations continue with China. *The Washington Post*. [Электронный ресурс]. https://www.washingtonpost.com/business/2025/08/07/trump-tariffs-global-trade/ (дата обращения: 18.09.2025).

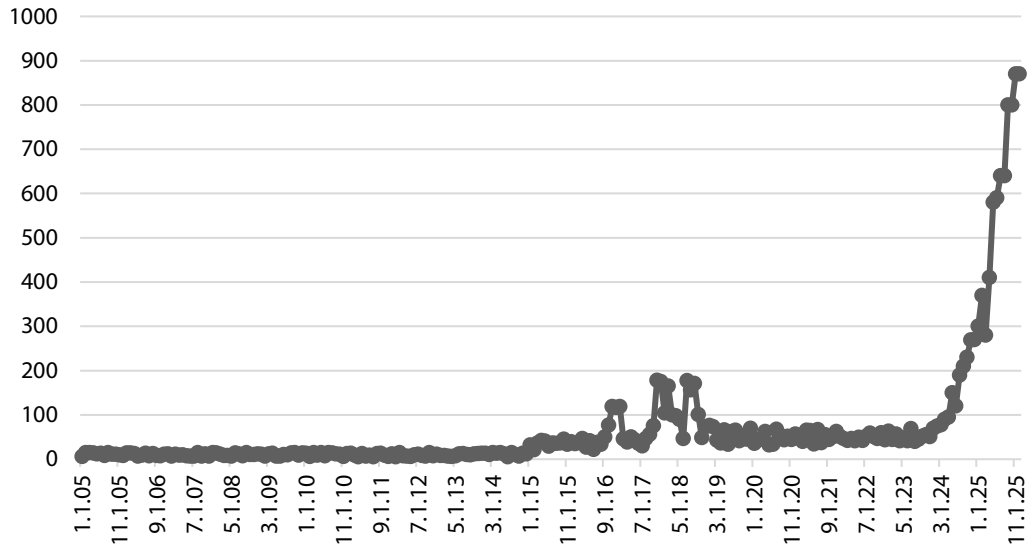

Рис. *Уровень неопределенности в торговой политике (источник: IMF Annual Report 2025. [Электронный ресурс]. https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2025/pdfs/english-imf-annual-report-2025.pdf (дата обращения: 25.11.2025))*
Fig. *Level of Uncertainty in Trade Policy*

И хотя в начале 2026 г. МВФ сделал небольшую корректировку темпов роста мировой экономики на 2026 г. в сторону повышения, а глобальной инфляции — в сторону понижения (с 4,1 % в 2025 г. до 3,8 % в 2026 г.), что обусловлено компенсирующим позитивным влиянием роста инвестиций в технологии, включая искусственный интеллект, торговая напряженность сохраняется и может обостриться в любой момент[1].

Резко отреагировали на новую политику США *финансовые рынки*. Особенно серьезными оказались последствия для крупных американских импортеров и транснациональных компаний. Финансовые рынки заметно отозвались на новую волну протекционистских мер, введенных администрацией Д. Трампа, и за четыре дня после объявления о новых тарифах компании, входящие в индекс S&P 500, потеряли 5,8 трлн долл., что стало самым большим четырехдневным падением с момента создания индекса в 1950-х гг.[2]

Еще одним важным последствием тарифной политики Д. Трампа стал *рост инфляции* как в США, так и в других странах. Прогнозировалось, что влияние всех тарифов США, введенных с начала 2025 г. по 31 июля 2025 г. включительно, и ответных мер со стороны торговых партнеров США приведет к росту цен в США на 1,8 % в краткосрочной перспективе и на 1,5 % в долгосрочной перспективе[3]. Ожидалось,

[1] International Monetary Fund. (2026). *World Economic Outlook Update*. [Электронный ресурс]. https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2026/january/english/text.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

[2] Valetkevitch, C. (2025). Stocks, oil fall as US-China tariff war escalates. *Reuters*. [Электронный ресурс]. https://www.reuters.com/markets/global-markets-wrapup-1-2025-04-08/ (дата обращения: 12.09.2025).

[3] State of U.S. Tariffs. (2025, August 01). [Электронный ресурс]. https://budgetlab.yale.edu/research/state-us-tariffs-august-1-2025#:~:text=After%20consumption%20shifts%2C%20the%20average,loss%20of%20%242%2C400%20in%202025%24 (дата обращения: 12.09.2025).

что особенно сильно тарифы увеличат издержки производителей в тех секторах, которые зависят от иностранных ресурсов. Так, в краткосрочном периоде цены на обувь могли вырасти на 40 %, на одежду — на 38 %, на автомобили — на 12,0 %, на продукты питания — на 3,3 %. Однако по итогам первого года президентства Трампа влияние тарифов на цены оказалось несколько меньше, чем первоначально ожидалось, отчасти потому, что компании не решались повышать цены, опасаясь потерять клиентов[1].

Предполагалось, что инфляционное давление, усиленное сбоями в цепочках поставок, приведет к снижению эффективности во многих отраслях американской экономики. Например, Apple оценила, что новые пошлины могут добавить ей около 900 млн долл. дополнительных затрат всего за один квартал 2025 г., и начала переносить часть сборочных операций для американского рынка из Китая в Индию и Вьетнам, чтобы снизить зависимость от облагаемых тарифами компонентов. Tesla приостановила закупки некоторых ключевых комплектующих из Китая и прекратила принимать заказы на ряд своих электромобилей в КНР после того, как взаимные тарифы между США и Китаем достигли 125 %, сделав американскую продукцию неконкурентоспособной на местном рынке.

Тарифы создают множество проблем для американских экспортеров, которые часто импортируют ключевые промежуточные ресурсы (Hendrix, 2025)[2]. Более того, крупнейшие компании-экспортеры часто являются и крупнейшими компаниями-импортерами. Повышение себестоимости американского экспорта делает американских производителей менее конкурентоспособными по сравнению с зарубежными аналогами (Clausing, 2025).

Политика Д. Трампа, основанная на принципе «разори соседа», также оборачивается значительными издержками для их торговых партнеров (Mortimer-Lee, 2025), в частности, для Канады и Мексики, Ирландии и Норвегии в Европе, а также для ряда стран Юго-Восточной Азии, таких как Таиланд, Малайзия и Вьетнам, для которых экспорт в США составляет значительную долю ВВП (Ignatenko et al., 2025).

Очень показательна в этом плане позиция премьер-министра Канады М. Карни, который заявил, что после десятилетий интеграции с Америкой «этот процесс завершён» и необходимо стимулировать развитие экономики Канады внутри страны, а также заключать торговые соглашения с единомышленниками за рубежом[3].

По состоянию на начало 2026 г. Канада и Китай активно ведут переговоры о создании совместных предприятий по производству электромобилей в Канаде[4]. Этот поворот, являющийся частью более широкой перестройки торговой стратегии, включает в себя смягчение канадских тарифов на китайские электромобили и развитие пар-

[1] Swanson, A. (2026, February 02). The Effects of Tariffs, One Year into Trump's Trade Experiment. *The New York Times*. [Электронный ресурс]. https://www.nytimes.com/2026/02/02/business/trump-tariffs-one-year-later.html (дата обращения: 12.09.2025).

[2] Hendrix, C. S. (2025, April 04). Trump's April 2 tariff spree could cripple developing economies. *PIIE*. [Электронный ресурс]. https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2025/trumps-april-2-tariff-spree-could-cripple-developing-economies (дата обращения: 16.09.2025).

[3] The Economist (2025, October 06). *Mark Carney's radical vision for handling Trumpian America*. [Электронный ресурс]. https://www.economist.com/the-americas/2025/10/06/mark-carneys-radical-vision-for-handling-trumpian-america (дата обращения: 17.11.2025).

[4] Schepkov, V. (2026, February 06). *Canada pursuing Chinese-Canadian EV plant for global exports, says Joly*. Yahoo Finance. [Электронный ресурс]. https://finance.yahoo.com/news/canada-pursuing-chinese-canadian-ev-195257253.html (дата обращения: 07.02.2026).

тнерских отношений с рядом китайских компаний (например, BYD и Chery) на фоне меняющейся динамики североамериканской автомобильной промышленности[1].

Важно и то, что новая торговая политика США имеет сильно выраженную *политическую направленность,* ограничивая политический суверенитет своих партнеров. Она стала механизмом давления с целью получения огромных иностранных инвестиций и принятия обязательств по новым военным закупкам у США. Фактически «торговая дипломатия при Трампе стала инструментом взыскания дани под видом сотрудничества»[2]. Выставляя заведомо запретительные торговые барьеры, Д. Трамп стремится добиться конкретных целей, идя на определенные уступки, если он их достигает. Например, в инвестиции в США Япония выделила 550 млрд долл., Южная Корея — 350 млрд долл., Саудовская Аравия — до 1 трлн долл., Малайзия — 70 млрд долл.; Швейцария в рамках договоренностей снизить пошлины на швейцарский экспорт в США с 39 % до 15 % пообещала инвестировать в американскую экономику через частные компании в ближайшие годы 200 млрд долл. Катар собирается приобрести у США товары на сумму 243,5 млрд долл., включая 160 самолётов Boeing и двигатели компании GE Aerospace для Qatar Airways.

Однако такое положение не может долго оставаться неизменным. Рост таможенных пошлин отклоняет торговые потоки и перенаправляет их на другие рынки. В мировой экономике под воздействием тарифной политики США активно перестраивается система глобальных торговых отношений и логистических маршрутов.

Уже в период взаимного обмена пошлинами между США и КНР в 2018–2019 гг. повышение пошлин США на китайские товары привело к переориентации импорта США из Китая на импорт товаров от других торговых партнеров. Однако торговые партнеры, в основном Канада и Мексика, а также ЕС, на поставки которых переключились Соединенные Штаты Америки, стали импортировать из Китая больше именно тех товаров, которые стали меньше импортировать из Китая США.

Страны АСЕАН, на которые в совокупности приходилось 10 % импорта США в 2022 г., также увеличили свой импорт китайских товаров (Haberkorn et al., 2024), причем увеличение доли китайского экспорта в этих странах в значительной степени произошло за счет товаров, попавших под действие американских пошлин 2018–2019 гг. Облагаемые пошлинами товары в значительной степени обеспечили увеличение доли Китая в импорте товаров ЕС и большую часть увеличения доли китайских товаров в импорте АСЕАН (Mix & Hoang, 2026).

4. Влияние тарифной политики Д. Трампа на экономики стран СНГ и Грузии

Для России большое значение имеет влияние новой торговой политики США на внешние связи ее важных торговых партнеров, которыми традиционно являются государства СНГ и другие постсоветские страны. Для большинства зарубежных стран СНГ размеры пошлин США установлены в размере 10 %. Это касается Армении,

[1] Prime Minister Carney unveils Canada's new automotive strategy to protect jobs and position our country as a global leader in next-generation vehicle manufacturing. [Электронный ресурс]. https://www.canada.ca/en/innovation-science-economic-development/news/2026/02/prime-minister-carney-unveils-canadas-new-automotive-strategy-to-protect-jobs-and-position-our-country-as-a-global-leader-in-next-generation-vehicl.html (дата обращения: 07.02.2026).

[2] Chellaney, B. (2025, November 15). *Trump's tariffs exact 'tribute' more coercive than China's Belt and Road*. [Электронный ресурс]. https://chellaney.net/2025/11/15/trumps-tariffs-exact-tribute-more-coercive-than-chinas-belt-and-road (дата обращения: 17.11.2025).

Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана. В отношении Казахстана пошлины составляют 27 %, Молдовы — 31 %[1].

Самый большой товарооборот с США среди стран СНГ имеет Россия (44 % товарооборота). Однако в отношении России, которая в 2024 г. поставила в США товаров на сумму 2,5 млрд долл., таможенные пошлины не вводились[2].

По данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, второй по объему товарооборот с США среди стран СНГ в 2024 г. имел Казахстан (3400 млн долл.) (табл.), что составляет около 2,4 % его товарооборота.

Однако введенные тарифные меры затрагивают лишь 4,8 % от общего объема экспорта зарубежных стран СНГ, поскольку основные экспортируемые товары (сырая нефть, уран, серебро, ферросплавы и другие сырьевые товары) не облагаются пошлинами и включены в перечень исключений[3]. Более того, введение новых пошлин практически для всех стран мира может иметь косвенный эффект для этих государств, поскольку страны, в отношении которых вводятся более высокие пошлины, будут искать новые рынки сбыта. Например, Казахстану как импортеру оборудования, транспортных средств, строительных материалов и другой продукции могут быть предложены более выгодные цены[4].

Похожая ситуация наблюдается и в других странах СНГ. Так, доля США в товарообороте Кыргызстана составляет менее 0,1 %. Кыргызстан поставлял в США обувь, одежду, изделия из табака, продукты животного происхождения и лекарственные средства, однако большая часть товарооборота приходится на импорт из США в Кыргызстан[5].

Экспорт из Азербайджана в США за 2024 г. вырос почти в 8 раз, общий товарооборот — в 1,9 раза. Основными товарами, обеспечившими рост экспорта, являются нефтепродукты (более 40 % общего объема экспорта), продукция металлургической отрасли (алюминий, медь, ферросплавы), продукция сельского хозяйства и рыболовства (икра осетровых, орехи, фрукты, овощи и продукты из них), хлопок и текстильные изделия[6]. От введения 10 %-ных пошлин сильнее всего могут пострадать сельское хозяйство и текстильная промышленность. Однако учитывая,

---

[1] РБК. (2025, 03 апреля). *Стали известны размеры пошлин Трампа для стран бывшего СССР.* [Электронный ресурс]. https://www.rbc.ru/economics/03/04/2025/67eda5499a7947bb5048f889 (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Прайм (2025, 14 августа). Товарооборот России и США по итогам первого полугодия вырос почти на треть. *Альфа-Софт*. [Электронный ресурс]. https://www.alta.ru/external_news/120960/ (дата обращения: 15.09.2025).

[3] Токтар, Б. (2025, 03 апреля). Минторговли: 92 % экспорта из РК в США не попадает под новые пошлины. *Forbes Kazakhstan.* [Электронный ресурс]. https://forbes.kz/articles/mintorgovli-92-eksporta-iz-rk-v-ssha-ne-popadaet-pod-novye-poshliny-b410e0#:~:text=Как%20говорится%20в%20официальном%20сообщении,предусмотренный%20нормативными%20актами%20администрации%20США».&text=По%20данным%20Бюро%20национальной%20статистики,($2%2C4%20млн) (дата обращения: 10.09.2025).

[4] Eurasianet. (2025, April 07). *Measuring impact of US tariffs on Central Asia and South Caucasus*. [Электронный ресурс]. https://eurasianet.org/measuring-impact-of-us-tariffs-on-central-asia-and-south-caucasus (дата обращения: 15.09.2025).

[5] Kaktus.media (2025, 3 апреля). *Таможенные пошлины Трампа. Что Кыргызстан экспортирует в США?* [Электронный ресурс]. https://oper.kaktus.media/521064 (дата обращения: 15.09.2025).

[6] Vesti.az (2025, 4 февраля). *Азербайджан существенно нарастил экспорт товаров в США.* [Электронный ресурс]. https://vesti.az/ekonomika/azerbaidzan-sushhestvenno-narastil-eksport-tovarov-v-ssa-536767 (дата обращения: 15.09.2025).

Таблица

Торговля стран СНГ и Грузии с США в 2024 г.

Table

Trade between the CIS Countries and Georgia and the United States in 2024

Страна	Общий товарооборот, млрд долл.	Товарооборот с США, млн долл.	Доля товарооборота с США в общем товарообороте, %
Азербайджан	47,61	412,9	0,87
Армения	30,20	282,4	0,94
Беларусь	86,06	н/д	0,00
Казахстан	142,07	3400,0	2,39
Кыргызстан	17,63	16,7	0,09
Молдова	12,62	н/д	0,00
Россия	716,93	3500,0	0,49
Таджикистан	8,96	4,6	0,05
Узбекистан	54,98	42,4	0,08
Грузия (вышла из СНГ)	23,43	247,0	1,05

Источник: рассчитано авторами по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ. [Электронный ресурс]. https://new.cisstat.org/cis-stat-home (дата обращения: 15.09.2025).

что новые тарифы для Азербайджана гораздо ниже, чем заградительные пошлины в адрес Индии и Китая, поставляющих основную массу товаров в схожих категориях, азербайджанские экспортеры этих продуктов смогут даже укрепить свои позиции на американском рынке. Кроме того, рост азербайджанского экспорта в США в 8,4 раза не мог быть обеспечен исключительно удачной ценовой конъюнктурой на американском рынке или улучшением логистики, а связан с оказанием посреднических услуг в реэкспорте товаров из других юрисдикций[1].

При невысокой доле США в товарообороте Армении (0,94 %) более половины (58 %) приходится на экспорт. Основными экспортируемыми товарами (20 % экспорта) являются драгоценные металлы (золото) и драгоценные камни (алмазы), алкогольные и безалкогольные напитки (15 %), а также овощные консервы и молочная продукция, производители которых могут ощутить снижение спроса[2]. Однако влияние пошлин на экономику Армении в целом будет незначительным и, по мнению некоторых экономистов, станет стимулом для углубления экономических отношений со странами-членами ЕАЭС, с которыми Армения имеет беспошлинную торговлю[3].

Доля США во внешнеторговом обороте Узбекистана составляет 0,08 %, доля экспорта в общем экспорте — 1,2 %. Основную часть (86 %) узбекского экспорта в США составляют услуги, которые не облагаются пошлинами и не подпадают под действие объявленных тарифов. Под новые пошлины попадают 14 % экспорта, в т. ч. драгоценные металлы и алюминий, составляющие основную часть товарного экспорта. Хотя прямое влияние пошлин на экономику Узбекистана является

[1] Гусейнов, И. (2025). Пошлины Трампа: кому-кому, а Азербайджану будет хорошо. *Haqqin.az*. [Электронный ресурс]. https://haqqin.az/news/344569 (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Армения втянута в торговую войну Трампа: пошлины в 10 % вступают в силу. *ИАЦ «VERELQ»*. [Электронный ресурс]. https://verelq.am/ru/node/158324#:~:text=Армяно%2Dамериканский%20товарооборот%20в%202024,по%20сравнению%20с%202023%20годом (дата обращения: 15.09.2025).

[3] Назарян, Г. (2025, 07 апреля). 10-процентные пошлины, введенные правительством США на экспорт из Армении, особо не отразятся на экономике Армении: мнение экономиста. *Арменпресс*. [Электронный ресурс]. https://armenpress.am/ru/article/1216343 (дата обращения: 15.09.2025).

крайне ограниченным, оно может привести к замедлению роста в тех странах, которые являются основными торговыми партнерами Узбекистана, что, возможно, снизит спрос на узбекские товары. В частности, уже отмечается некоторое снижение экспорта из Узбекистана в Китай, Турцию, Кыргызстан и Таджикистан[1].

Доля экспорта Таджикистана в США также составляет менее 0,1 %. Таджикистан поставляет в США в незначительных объемах натуральные соки, сухофрукты, некоторые минеральные продукты (сырье)[2].

Объем экспорта Грузии в США в 2024 г. составил 141,1 млн долл., что немного превышает 1 % от общего товарооборота. Основными торговыми партнерами Грузии, по данным за 2024 г., были Кыргызстан (1,3 млрд долл.), Казахстан (0,860 млрд долл.), Азербайджан (0,725 млрд долл.), Россия (0,682 млрд долл.), Армения (0,618 млрд долл.), Турция (0,458 млрд долл.) и Китай (0,3 млрд долл.). В США Грузия поставляет ферросплавные руды, трубы из черного метала, части авиационных аппаратов, вино, водород и инертные газы[3].

В отличие от импортных пошлин, несравненно более сильное влияние на экономики стран СНГ оказали санкции США и их союзников против России, которая остается главным торговым партнером. Речь прежде всего идет не о прямых, а о вторичных санкциях, которые затрагивают не только отношения с Россией, но и внешнеэкономические связи данных государств в целом.

Правда, страны СНГ, несмотря на давление со стороны США и ЕС, продолжают выполнять свои обязательства в рамках договоренностей с Россией. Однако, по данным на начало октября 2025 г., в санкционном списке RUSSIA-EO14024 присутствуют 9 компаний Узбекистана, 4 компании из Молдовы, 15 компаний из Кыргызстана, 3 компании из Грузии, 3 компании из Армении, 3 компании из Азербайджана, 11 компаний из Казахстана[4].

В январе 2025 г. США ввели санкции против банковского сектора Кыргызстана, что существенно усложнило рублевые переводы работающих в России мигрантов[5].

Остро отразились санкции на финансовом секторе Казахстана. Экономически Казахстан тесно интегрирован с Россией, на которую приходится значительная доля торговли и инвестиций, но опасаясь введения вторичных санкций, страна вынуждена соблюдать требования санкционного режима. В результате в Казахстане возник эффект overcompliance («чрезмерного комплаенса»), когда казахстанские банки в страхе перед санкционными рисками стали вводить более строгие меры, чем фор-

[1] Латипов, Ш. (2025). «Прямого удара не будет, но косвенные риски сохраняются». Как пошлины США повлияют на Узбекистан. *Газета.uz*. [Электронный ресурс]. https://www.gazeta.uz/ru/2025/04/03/trade-war-uzbekistan/ (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Чоршанбиев, П. (2025). Трамп планирует ввести пошлины на импорт из 150 стран. Коснется ли это Таджикистана? *ASIA-Plus*. [Электронный ресурс]. https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20250717/tramp-planiruet-vvesti-poshlini-v-razmere-1015-na-import-iz-150-stran (дата обращения: 15.09.2025).

[3] Sputnik. Грузия. (2025, 03 апреля). *Зависит ли Грузия от экспорта в США — только цифры*. [Электронный ресурс]. https://sputnik-georgia.ru/20250403/zavisit-li-gruziya-ot-eksporta-v-ssha--tolko-tsifry-292779727.html (дата обращения: 14.09.2025).

[4] OFAC Sanctions List Service. [Электронный ресурс]. https://sanctionslist.ofac.treas.gov/Home/ (дата обращения: 14.09.2025).

[5] Токарева, А. (2025, 21 августа). Все банки Кыргызстана, которые могли работать с рублем, оказались под санкциями. *Frank Media*. [Электронный ресурс]. https://frankmedia.ru/215507 (дата обращения: 13.09.2025).

мально требовалась. Такое чрезмерное соблюдение санкционного режима оказывает негативное влияние на экономику страны, увеличивая издержки для бизнеса, препятствуя развитию торговли и инвестиционной активности (Ермолаев, 2025). Из-за позиций банков Казахстана, опасающихся попасть под вторичные санкции Евросоюза и США, в 2024 г. на 15 % сократились поставки продукции казахстанских машиностроительных предприятий в Россию[1], хотя некоторые казахстанские эксперты считают, что страновые риски вторичных санкций практически остаются низкими, т. к. «могут реализоваться только в отношении отдельных компаний, которые занимаются операциями, подпадающими под такие ограничения»[2].

Таким образом, постоянно усиливающиеся антироссийские санкции влияют на экономики постсоветских стран, осложняя их сотрудничество с Россией, вызывая дезинтеграционные тенденции в ЕАЭС и СНГ, а также усиливая влияние США и других государств в регионе.

Администрация Д. Трампа рассматривает регион Центральной Азии и Южного Кавказа как стратегически важный для интересов США. США и 5 стран Центральной Азии еще в 2015 г. заключили многостороннее соглашение по сотрудничеству С5+1. При Трампе этот формат всё больше смещается в направлении формирования новой площадки для организации экономического взаимодействия. Об этом свидетельствует, например, целый ряд крупных сделок, заключенных США в 2025 г., среди которых получение компанией Cove Capital LLC права на разведку и добычу редкоземельных металлов в Казахстане, подписание национальной геологической службой Казахстана и бюро энергоресурсов американского госдепартамента меморандума о совместном изучении недр, внедрении современных технологий, повышении квалификации казахстанских специалистов. Для создания и развития инфраструктуры Транскаспийского транспортного коридора американская корпорация WABTEC (Westinghouse Air Brake Technologies Corporation), специализирующаяся на производстве оборудования и цифровых решений для железнодорожного транспорта, вложит в Казахстане 4,2 млрд долл.[3] в производство железнодорожных локомотивов с их последующим сервисным обслуживанием. Другими сферами расширения сотрудничества с США являются горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, высокие технологии, образование и авиация.

С Узбекистаном США подписали соглашение о покупке Ташкентом 22 самолётов Boeing 787–9 Dreamliner на сумму 8 млрд долл., что, по словам Д. Трампа, «создаст более 35 тысяч рабочих мест США»[4]. Взамен стороны договорились о сотрудничестве в добыче критически важных минералов, химической промышленности и ядерной энергетике.

---

[1] ТАСС. (2025, 18 марта). *Более 20 казахстанских компаний подпали под санкции за связи с РФ*. [Электронный ресурс]. https://www.tks.ru/politics/2025/03/18/0008/ (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Дуйсебаева, Ж. (2025, 08 ноября). Убережет ли Казахстан сближение с США от вторичных санкций. *Baq.kz*. [Электронный ресурс]. https://rus.baq.kz/uberezhet-li-kazahstan-sblizhenie-s-ssha-ot-vtorichnyh-sanktsiy-mnenie-ekonomista_300026468/ (дата обращения: 05.02.2026).

[3] Токтар, Б. (2025, 22 сентября). Казахстан подписал с компанией Wabtec соглашения на $4,2 млрд. *Forbes Kazakhstan*. [Электронный ресурс]. https://forbes.kz/articles/kazahstan-podpisal-s-kompaniey-wabtec-soglasheniya-na-42-mlrd-29236d (дата обращения: 12.11.2025).

[4] Кожемякин, С. (2025, 02 октября). В кабалу по собственному желанию. «Правда» об укреплении влияния США в Средней Азии. *Коммунистическая партия Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. https://kprf.ru/international/capitalist/237790.html (дата обращения: 15.09.2025).

Интерес США к странам Центральной Азии обусловлен несколькими причинами, в т. ч. наличием в регионе запасов важнейших минералов, редкоземельных металлов и углеводородов, транзитным потенциалом региона и развитием Транскаспийского транспортного коридора, а также возможностью их использования как поля битвы в глобальной конкуренции с Китаем (Гегелашвили, 2025).

С целью усиления конкурентных позиций США в регионе, а также влияния на российско-китайские отношения и ключевые рынки ресурсов, прежде всего урана, нефти и природного газа, в США разрабатывается новая стратегия для «Большой Центральной Азии». В ее рамках США расширяют определение региона и включают в него, помимо Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана, еще Азербайджан, а Грузию, Армению и Монголию рассматривают как геополитические фланги (Starr et al., 2025)[1]. Именно через Азербайджан проходит Транскаспийский транспортный коридор, страна владеет морскими портами, обладает запасами нефти и газа.

Новая стратегия США в «Большой Центральной Азии» направлена на сокращение географического и экономического преимущества Китая, снижение влияния России и Ирана путем вовлечения стран региона в американские инициативы, инвестиционные проекты, военные программы, программы безопасности и альтернативные транспортные коридоры.

Важное значение в этом плане имел саммит 5 стран Центральной Азии и США, состоявшийся 6 ноября 2025 г. в Вашингтоне. На нем был принят ряд значимых экономических и политических решений. В частности, достигнута договоренность с Узбекистаном об инвестициях в экономику США в течение трех лет 35 млрд долл., а в течение 10 лет — 100 млрд долл. С Казахстаном США договорились об инвестировании 1 млрд долл. на разработку крупнейшего в мире месторождения вольфрама, закупке в США товаров на 17 млрд долл. и присоединении Астаны к Авраамовым соглашениям с Израилем[2].

Курс на усиление многовекторной политики стран постсоветского пространства укрепила Седьмая консультативная встреча глав государств Центральной Азии в Ташкенте, прошедшая вскоре после их саммита в США. На этой встрече было принято решение о присоединении к такому формату сотрудничества Азербайджана, что стало шагом к формированию единого пространства сотрудничества между Центральной Азией и Южным Кавказом без участия России. На этой встрече была одобрена идея перейти от консультативной формы регионального диалога к стратегическому формату «Сообщество Центральной Азии», а также разработать и принять Региональную программу торгово-экономического взаимодействия до 2035 года, Декларацию об общем инвестиционном пространстве и Программу совместных мер по развитию электронной коммерции. Обсуждались также большие возможности увеличения транзитного потенциала, в т. ч. строительства железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан и ее

[1] Starr, S. F., Wimbush, S. E., Cornell, S. E., Tsereteli, M., & Linderman, L. (2025). *An American Strategy for Greater Central Asia*. Central Asia-Caucasus Institute. [Электронный ресурс]. https://www.afpc.org/uploads/documents/FINAL_VERSION_An_american_strategy_for_greater_central_Asia.pdf (дата обращения: 06.10.2025).

[2] Council on Foreign Relations. (2025, November 07). *U.S.-Central Asia Summit*. [Электронный ресурс]. https://www.cfr.org/article/us-central-asia-summit (дата обращения: 15.11.2025).

стыковки с Зангезурским коридором, что откроет кратчайший путь к крупнейшим рынкам Азии и Европы[1].

5. Заключение

Экономическая политика Д. Трампа в его второй президентский срок, получившая название «Трампономика 2.0», характеризуется жестким протекционизмом, односторонним пересмотром торговых соглашений во внешней политике, налоговыми стимулами и дерегулированием во внутренней политике.

Анализ последствий «Трампономики 2.0» для постсоветских стран показал ограниченное влияние новых торговых барьеров США на экономики стран СНГ в краткосрочной перспективе из-за незначительных объемов прямой торговли с США. В то же время нельзя не учитывать, что такая политика способствует развитию дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве.

С другой стороны, перенаправление торговых потоков может предоставить некоторым постсоветским странам более выгодные условия импорта оборудования и материалов, высвобождаемых с рынков, потерянных из-за роста тарифов, и дать новые импульсы для развития их экономик и расширения глобальных внешнеэкономических и технологических связей. Это будет вести к усилению многовекторности их политики, ослаблению позиций России и ухудшению условий работы для российского бизнеса.

Кроме того, реализация новой стратегии США для «Большой Центральной Азии», в рамках которой США расширяют определение региона и включают в него Азербайджан, может привести к фрагментации и ослаблению экономической целостности региона, превратив его в поле битвы между крупнейшими мировыми державами.

Список источников

Варнавский, В. (2026). США: влияние таможенных пошлин на развитие внутреннего производства. *Мировая экономика и международные отношения, 70*(1), 15–26. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2026-70-1-15-26

Гегелашвили, Н. (2025). Политика новой администрации Д. Трампа в Центральной Азии. *РСМД*. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-novoy-administratsii-d-trampa-v-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 16.09.2025).

Гинзбург, М., Гулиев, И. (2025). Влияние тарифной политики Трампа на продовольственную безопасность стран БРИКС. *РСМД*. [Электронный ресурс]. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vliyanie-tarifnoy-politiki-trampa-na-prodovolstvennuyu-bezopasnost-stran-briks/ (дата обращения: 18.09.2025).

Дмитриев, С. С. (2025). Неопротекционизм администрации Трампа 2.0: промежуточные итоги. *Мировая экономика и международные отношения, 69*(10), 15–23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-10-15-23

Ермолаев, Т. А. (2025). Санкционный комплаенс в Республике Казахстан под воздействием санкций ЕС и США. *Вестник науки, 1*(4(85)), 291–302.

Зарезнов, Д. А. (2025). «Тарифная война» война Дональда Трампа и ее влияние на мировую экономику и экономическую безопасность России. *Вестник экономики, права и социологии,* (2), 47–51. https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-2-47-51

[1] Газета.Uz (2025, 17 ноября). *О чем говорили президенты стран Центральной Азии и Азербайджана на встрече в Ташкенте*. [Электронный ресурс]. https://www.gazeta.uz/ru/2025/11/17/central-asia (дата обращения: 15.11.2025).

Иванченко, И. С. (2021). Новый неомеркантилизм как вызов для глобализированной экономики. *Вопросы экономики,* (9), 132–148. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-9-132-148

Лебедева, Л. Ф. (2020). Социальные ориентиры администрации Д. Трампа и их восприятие в американском обществе. *США & Канада: экономика — политика — культура,* (6), 5–19. https://doi.org/10.31857/s268667300009767-3

Супян, В. (2020). Экономическая модель Д. Трампа: итоги и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения, 64* (7), 34–42. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-34-42

Толкачев, С. А. (2024). Американо-китайское соперничество на рынке солнечной энергии США. *Мировая экономика и мировые финансы, 3*(4), 5–13. https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0290

Толкачев, С. А., Анисимова, А. И. (2025). Трампономика 2.0 как политическая экономия национального развития в эпоху глобальной трансформации. *Российский экономический журнал,* (3), 30–51.

Хейфец, Б. А., Чернова, И. Ю. (2025). Протекционистский вектор промышленной политики в условиях меняющегося миропорядка. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 18* (2), 6–23. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.02.01

Autor, D., Beck, A., Dorn, D., & Hanson, G. H. (2024). Help for the Heartland? The Employment and Electoral Effects of the Trump Tariffs in the United States. *NBER Working Paper,* (32082). https://doi.org/10.3386/w32082

Baldwin, R. E. (2025). *The Great Trade Hack: How Trump's Trade War Fails and the World Moves on*. Centre for Economic Policy Research, 128.

Bhattacharya, A. (2021). Economic Integration or Trumponomics: The Choice is a Big Question for Developing Economies. In R. C. Das (Ed.), *Global Tariff War: Economic, Political and Social Implications*. Leeds: Emerald Publishing Limited (pp. 271–279). https://doi.org/10.1108/978-1-80071-314-720211021

Clausing, K. (2025). The aftermath of tariffs. *Centre for Economic Policy Research*. https://cepr.org/voxeu/columns/aftermath-tariffs (дата обращения: 16.09.2025).

Evans, O. (2019). The effects of US-China trade war and Trumponomics. *Forum Scientiae Oeconomia, 7* (1), 47–55. https://doi.org/10.23762/fso_vol7_no1_3

Fajgelbaum, P. D., Goldberg, P. K., Kennedy, P. J., & Khandelwa, A. K. (2020). The return to protectionism. *The Quarterly Journal of Economics, 135* (1), 1–55. https://doi.org/10.1093/qje/qjz036

Haberkorn, F., Hoang, T., Lewis, G., Mix, C., & Moore, D. (2024). Global trade patterns in the wake of the 2018–2019 U.S.-China tariff hikes. *FEDS Notes*. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. https://doi.org/10.17016/2380-7172.3464

Ignatenko, A., Lashkaripour, A., Macedoni, L., & Simonovska, I. (2025). Making America great again? The economic impacts of Liberation Day tariffs. *Journal of International Economics, 157,* 104138. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2025.104138

Losev, A. (2025). Economic nationalism and the decline of multilateralism: An analytical review of U.S. trade policy under Trump 2.0. *Moscow Journal of Global Affairs, 19* (1), 44–61.

Malikova, A. A., & Kotova, V. A. (2025). Donald Trump's economic policy in 2025 and its impact on the world economy. *Progressive Economy,* (4), 240–255. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_4_240

Mix, C., & Hoang, T. T. (2026). Trade Wars and Rumors of Trade Wars: The Dynamic Effects of the U.S.-China Tariff Hikes. *Journal of International Economics, 160,* 104229. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2026.104229

Mortimer-Lee, P. (2025). Trumponomics 2.0: Lower Growth, Higher Inflation. *NIESR*. [Электронный ресурс]. https://niesr.ac.uk/wp-content/uploads/2024/12/The-Economic-Effects-of-Trumponomics-PML2.0.pdf?ver=pbRadyv7cVU7XxlQIa5G (дата обращения: 16.09.2025).

York, E. (2024). Five Things to Know about Trump's Tariff and Income Tax Proposals. *Tax Foundation*. [Электронный ресурс]. https://taxfoundation.org/blog/trump-income-tax-tariff-proposals/ (дата обращения: 16.09.2025).

York, E., & Durante, A. (2026). Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War. *Tax Foundation*. [Электронный ресурс]. https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war/ (дата обращения: 16.09.2025).

References

Autor, D., Beck, A., Dorn, D., & Hanson, G. H. (2024). Help for the Heartland? The Employment and Electoral Effects of the Trump Tariffs in the United States. *NBER Working Paper,* (32082). https://doi.org/10.3386/w32082

Baldwin, R. E. (2025). *The Great Trade Hack: How Trump's Trade War Fails and the World Moves on*. Centre for Economic Policy Research, 128.

Bhattacharya, A. (2021). Economic Integration or Trumponomics: The Choice is a Big Question for Developing Economies. In R. C. Das (Ed.), *Global Tariff War: Economic, Political and Social Implications*. Leeds: Emerald Publishing Limited (pp. 271–279). https://doi.org/10.1108/978-1-80071-314-720211021

Clausing, K. (2025). The aftermath of tariffs. *Centre for Economic Policy Research*. https://cepr.org/voxeu/columns/aftermath-tariffs (Date of access: 16.09.2025).

Dmitriev, S. S. (2025). Trump 2.0 Administration Neo-Protectionism: Intermediate Results. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(10), 15–23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-10-15-23 (In Russ.)

Ermolaev, T. A. (2025). Sanctions Compliance in the Republic of Kazakhstan under the Impact of EU and US Sanctions. *Vestnik nauki [Science Bulletin], 1*(4(85)), 291–302. (In Russ.)

Evans, O. (2019). The effects of US-China trade war and Trumponomics. *Forum Scientiae Oeconomia, 7*(1), 47–55. https://doi.org/10.23762/fso_vol7_no1_3

Fajgelbaum, P. D., Goldberg, P. K., Kennedy, P. J., & Khandelwa, A. K. (2020). The return to protectionism. *The Quarterly Journal of Economics, 135*(1), 1–55. https://doi.org/10.1093/qje/qjz036

Gegelashvili, N. (2025). The Policy of Donald Trump's Administration in Central Asia. *RSMD [RIAC]*. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-novoy-administratsii-d-trampa-v-tsentralnoy-azii/ (Date of access: 16.09.2025). (In Russ.)

Ginzburg, M., & Guliyev, I. (2025). The Impact of Trump's Tariff Policy on Food Security for BRICS States. *RSMD [RIAC]*. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vliyanie-tarifnoy-politiki-trampa-na-prodovolstvennuyu-bezopasnost-stran-briks/ (Date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Haberkorn, F., Hoang, T., Lewis, G., Mix, C., & Moore, D. (2024). Global trade patterns in the wake of the 2018–2019 U.S.-China tariff hikes. *FEDS Notes*. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. https://doi.org/10.17016/2380-7172.3464

Ignatenko, A., Lashkaripour, A., Macedoni, L., & Simonovska, I. (2025). Making America great again? The economic impacts of Liberation Day tariffs. *Journal of International Economics, 157,* 104138. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2025.104138

Ivanchenko, I. S. (2021). New neomercantilism as a challenge for a globalized economy. *Voprosy Ekonomiki,* (9), 132–148. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-9-132-148 (In Russ.)

Kheyfets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2025). Protectionist Trends in Industrial Policy amid a Changing Global Order. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 18*(2), 6–23. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.02.01(In Russ.)

Lebedeva, L. F. (2020). Social Guidelines of Trump's Presidency and the Public Opinion. *SSHA & Kanada: ekonomika — politika — kul'tura [USA & Canada: Economics — Politics — Culture],* (6), 5–19. https://doi.org/10.31857/s268667300009767-3 (In Russ.)

Losev, A. (2025). Economic nationalism and the decline of multilateralism: An analytical review of U.S. trade policy under Trump 2.0. *Moscow Journal of Global Affairs, 19*(1), 44–61.

Malikova, A. A., & Kotova, V. A. (2025). Donald Trump's economic policy in 2025 and its impact on the world economy. *Progressive Economy,* (4), 240–255. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_4_240

Mix, C., & Hoang, T. T. (2026). Trade Wars and Rumors of Trade Wars: The Dynamic Effects of the U.S.-China Tariff Hikes. *Journal of International Economics, 160,* 104229. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2026.104229

Mortimer-Lee, P. (2025). Trumponomics 2.0: Lower Growth, Higher Inflation. *NIESR*. https://niesr.ac.uk/wp-content/uploads/2024/12/The-Economic-Effects-of-Trumponomics-PML2.0.pdf?ver=pbRadyv7cVU7XxlQIa5G (Date of access:16.09.2025).

Supyan, V. (2020). Trump's Economic Model: Results and Prospects. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations], 64*(7), 34–42. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-34-42 (In Russ.)

Tolkachev, S. A. (2024). U.S.-China rivalry in the U.S. solar market. *Mirovaya ekonomika i mirovyye finansy [Global Economy and Global Finance], 3*(4), 5–13. https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0290 (In Russ.)

Tolkachev, S. A., & Anisimova, A. I. (2025). Trumponomics 2.0 as a political economy of national development in the era of global transformation. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal],* (3), 30–51. (In Russ.)

Varnavskii, V. (2026). USA: Impact of Customs Duties on Domestic Manufacturing Capacity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations], 70*(1), 15–26. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2026-70-1-15-26 (In Russ.)

York, E. (2024). Five Things to Know about Trump's Tariff and Income Tax Proposals. *Tax Foundation*. https://taxfoundation.org/blog/trump-income-tax-tariff-proposals/ (Date of access: 16.09.2025).

York, E., & Durante, A. (2026). Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War. *Tax Foundation*. https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war/ (Date of access: 16.09.2025).

Zareznov, D. A. (2025). Donald Trump's "Tariff War" and its Impact on the Global Economy and Russia's Economic Security. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology],* (2), 47–51. https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-2-47-51 (In Russ.)

Информация об авторах

Хейфец Борис Аронович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр постсоветских исследований, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0000-0002-6009-434X (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; e-mail: bah412@rambler.ru).

Чернова Вероника Юрьевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр постсоветских исследований, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0000-0001-5951-9091 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; e-mail: veronika_urievna@mail.ru).

About the authors

Boris A. Kheyfets — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-6009-434X (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: bah412@rambler.ru).

Veronika Yu. Chernova — Dr. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-5951-9091 (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218 Russian Federation; e-mail: veronika_urievna@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 22.12.2025.
Прошла рецензирование: 30.12.2025.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 22 Dec 2025.
Reviewed: 30 Dec 2025.
Accepted: 10 Feb 2026.